

Терри
Гудкайн

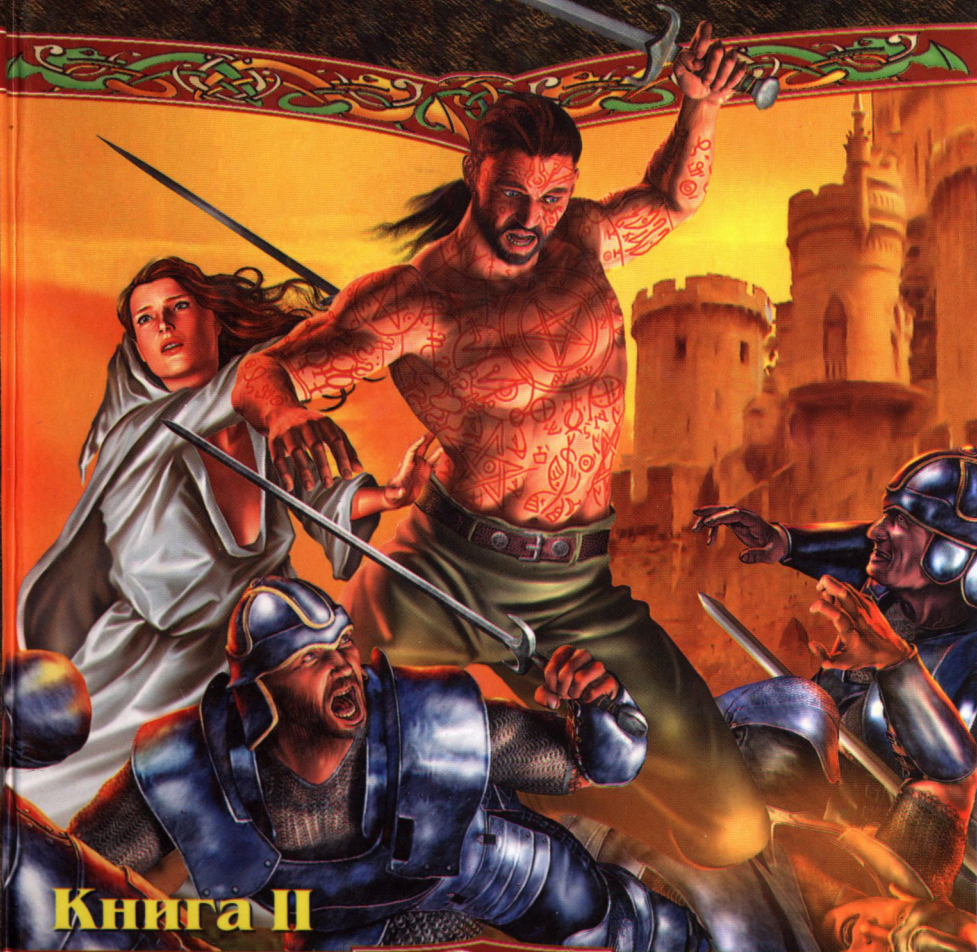
Терри Гудкайн

ПОСЛЕДНЕЕ Правило Волшебника

ПОСЛЕДНЕЕ
Правило Волшебника

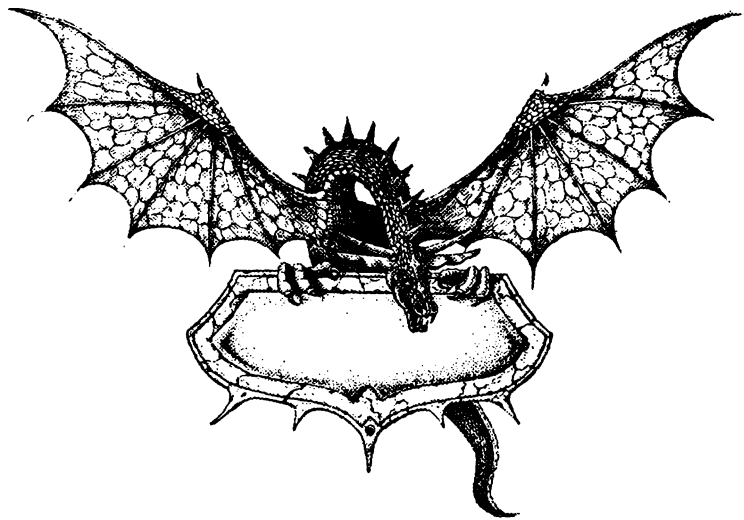
Век
Дракона

Книга II

Век
Дракона

TERRY GOODKIND

«Confessor»

Терри Гудкайнг

**ПОСЛЕДНЕЕ
Правило Волшебника,
или Исповедница**

Книга II

асТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
ВКМ
Владимир

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
Г93

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

Terry Goodkind
CONFESSOR

Перевод с английского О. Колесникова

Серийное оформление С. Герцевой и А. Кудрявцева

Художник М. Калинин

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 25.02.10. Формат 84х108 1/32.
Усл. печ. л. 23,52. Доп. тираж 3 000 экз. Заказ № 139511

*Оригинал-макет подготовлен издательством
«Международный центр фантастики» (Москва)*

Гудкайнд, Т.

Г93 Последнее Правило Волшебника, или Исповедница
[фантаст. роман. В 2 кн. Кн. II]/ Терри Гудкайнд; пер. с
англ. О. Колесникова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА,
Владимир: ВКТ, 2010. – 443, [5] с. – (Век Дракона)
ISBN 978-5-17-062480-5 (Кн. II)
ISBN 978-5-17-013979-8 (ООО «Изд-во АСТ»)
ISBN 978-5-403-02514-0 (Кн. II)
ISBN 978-5-403-02548-5 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)
ISBN 978-5-226-01623-3 (ВКТ)

Люди во множестве предаются Тьме.

Целые города и народы склоняются перед могуществом Зла. И даже те немногие, чьи души еще свободны от власти Мрака, беспомощны – и не в силах остановить приход новой эпохи – эпохи жестокости, предательства и горя. И легендарный Ричард Сайфер, лорд Рал, Искатель Истины, прекрасно понимает: черные времена настали по его вине. Ему и предстоит выйти на последнюю битву со Злом – и помощи ждать неоткуда, ибо на сей раз рядом с Ричардом не будет даже его супруги и соратницы Кэлен Амнелл. Когда солнце вновь взойдет над миром – судьба уже вынесет свой приговор. И поможет Ричарду в его битве лишь Последнее Правило Волшебника – величайшее из всех, не написанное ни в одной из многих магических книг, забытое еще в предначальные дни...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

© Terry Goodkind, 2007

© Перевод. О. Колесников, 2009

© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Глава 27

Беспокойство Ричарда становилось все более сильным. Он ожидал, что на одной из игр ему представится шанс. Но после того как Джегань и Кэлен появились на первом матче джа-ла, прошло уже двенадцать дней, а император не присутствовал больше ни на одной игре.

Ричард едва ли не в панике пытался найти объяснение этому. Он старался не думать о том, что именно Джегань мог сделать с Кэлен, и тем не менее не мог удержать себя, воображая самое худшее.

Сидя прикованным к повозке, окруженный кольцом стражей, Ричард мог сделать очень немного. Несмотря на то, что ему отчаянно хотелось действовать, он должен был оставаться рассудительным и ждать подходящей возможности. Всегда оставался шанс, что удачная возможность может и не подвернуться, и тогда все равно придется рисковать, но делать что-то лишь из отчаяния — неприемлемо и наверняка ничего не даст, разве что, быть может, уничтожит вообще любой шанс на то, что представится эта самая необходимая возможность. Но все же ожидание сводило с ума.

Будучи настолько усталым, каким он был сегодня после матча джа-ла, Ричард хотел лишь одного: прилечь и немного отдохнуть. Но при этом он понимал, что беспокойство не даст ему уснуть, как не давало спать вот уже несколько

дней. Однако сон ему был необходим, потому что на следующий день у них самая важная игра — игра, которая, как он надеялся, предоставит ему ту самую возможность, которую он все время искал.

Он поднял глаза, услышав приближение солдата, разносящего вечернюю еду. Будучи таким голодным, как сейчас, получить даже обычные сваренные вкрутую яйца — и то было радостным событием. Солдат, тянувший небольшую тележку, которую всегда использовал для развоза еды, прошел через кольцо охраны игроков-пленников команды Ричарда. Стоявшие на страже лишь бегло взглянули на него. Колеса тележки скрипели в знакомом ритме, пока человек тяжело тащился по трудно проходимой земле. Наконец он остановился перед Ричардом.

— Протяни руки, — сказал он, достал нож и началковыряться в своей тележке, кромсая им что-то.

Ричард сделал, как ему было сказано. Человек поднял что-то из тележки и бросил Ричарду. К его удивлению, это оказался здоровенный кусок окорока.

— Что это? Последний ужин перед завтрашней решающей игрой?

Солдат поднял ручки своей тележки.

— Пришло продовольствие. Едят все.

Ричард уставился в спину солдата, когда тот покати тележку дальше по рядам, чтобы раздать еду остальным игрокам его команды. Неподалеку Джон-Камень, с лицом и телом, разрисованным сетью красных линий, присвистнул от удовольствия, обнаружив, что получил нечто иное, а не вареные яйца. Впервые с момента появления в лагере им давали приличный кусок мяса. Вплоть до сегодняшнего дня они обычно ели лишь яйца. Несколько раз было что-то типа жаркого с редкими мелкими кусочками баранины. Однажды была тушеная говядина.

Ричарду хотелось знать, как это продовольствие оказалось доставлено в лагерь. Ведь предполагалось, что д'ха-

рианская армия должна останавливать любой караван с продовольствием и пополнением, направляющийся к армии Ордена. Морить голодом людей Джеганя было единственной реальной возможностью остановить их.

Даже если бы Ричард в последнее время ничем особенно не был обеспокоен, вот этот толстый кусок окорока в его руке представлял собой повод для серьезного нового беспокойства. Он предположил, в качестве единственного разумного объяснения, что отдельному конвою снабжения как-то удалось прорваться сюда. При общем снижении запаса продуктов эта доставка оказалась весьма своевременной.

Древний мир — очень большое пространство. Ричард понимал, что рейды д'харианской армии никоим образом не могли накрыть всю их сельскую местность. С другой стороны, он задумался над тем, не может ли этот кусок окорока, что сейчас в его руках, быть знаком того, что дела у генерала Мейфферта и тех людей, которых он направил на юг, обходят не очень-то хорошо.

Джон-Камень подобрался поближе к нему, таща за собой свою цепь.

— Рубен! Нам дали окорок! Ну разве это не замечательно?

— Замечательно быть свободным. Хорошо есть, будучи рабом, — это никак не мое представление о замечательном.

Лицо Джона-Камня слегка опечалилось, затем вновь засияло.

— Но, согласись, быть рабом и есть окорок куда лучше, чем быть рабом и есть яйца.

Ричард был не в настроении обсуждать это.

— Думаю, ты прав.

Джон-Камень усмехнулся.

— Я тоже так думаю.

В сгущающихся сумерках они оба были заняты тем, что молча ели. С удовольствием поедая окорок, Ричард должен

был признаться себе, что Джон-Камень, разумеется, прав. Он почти забыл, что бывает и другая еда, кроме яиц. И это придаст силы ему и его команде. Которые им наверняка пригодятся.

Джон-Камень, с набитым ртом, пододвинулся еще чуть ближе. Прожевав все и проглотив, он начал слизывать сок с пальцев.

— Послушай, Рубен, разве что-то не так?

Ричард оглядел своего правого ведомого.

— Что ты имеешь в виду?

Джон-Камень отщипнул кусок мяса.

— Ну, ты сегодня явно в упадке.

— Мы победили на пять очков.

Джон-Камень нахмурился.

— Но обычно побеждали с большим счетом.

— Игры становятся все труднее.

Джон-Камень пожал одним плечом.

— Ну если ты так считаешь, Рубен. — Он поразмыслил с минуту, явно не довольный его ответом. — Но мы выиграли с большим счетом у той сильной команды... несколько дней назад. Помнишь? Которые обзывали нас и затеяли потасовку с Брюсом, когда игра еще не началась.

Ричард помнил эту команду. Брюс был его новым левым ведомым, заменившим убитого в той игре, на которой присутствовал Джегань и Кэлен. Ричард поначалу опасался, что солдат регулярной армии Имперского Ордена неохотно будет подыгрывать нападающему-пленнику, но Брюс проявил себя блестяще.

В тот день, о котором говорил Джон-Камень, ведомый из другой команды обзывал солдат регулярной армии, входящих в команду Ричарда, за то, что они прислуживают пленникам. Брюс ответил на оскорбления очень просто: спокойно подошел и сломал тому человеку руку. Драка, которая возникла при этом, была отвратительной, но судья быстро пресек ее.

— Я помню. Ну и что?

— Думаю, они были посильнее, чем сегодняшняя команда, а мы разбили их с перевесом в одиннадцать очков.

— Мы выиграли сегодняшний матч. Вот что главное.

— Но ты говорил, что мы должны крушить всех противников, если намерены сыграть с императорской командой.

Ричард глубоко вздохнул.

— Ты говоришь правильно, Джон-Камень. Это я сам подвел всех.

— Нет, Рубен, ты не подвел нас. — Джон-Камень коротко рассмеялся и хлопнул Ричарда по плечу своей огромной ладонью. — Как ты и сказал, мы победили. А если победим завтра, то будем играть с императорской командой.

На самый крайний случай Ричард предполагал, что Джегань наверняка придет, чтобы наблюдать за игрой своей команды на первенство лагеря. Несомненно, эту игру он пропустить не должен.

Карг сказал Ричарду, что императору известно, что репутация их команды растет. Ричард же был обеспокоен тем, почему Джегань не приходил посмотреть на это сам. В конце концов Ричард решил, что тот специально не хотел заранее составлять мнение о вероятных претендентах на игру с его командой, и поэтому уделит внимание лишь нескольким последним играм, что будут проходить перед финальной игрой.

— Не беспокойся, Джон-Камень. Мы готовы разбить завтрашнюю команду, после чего получим право играть с командой императора.

Джон-Камень ответил Ричарду кривой усмешкой и добавил:

— А затем, когда победим, выберем себе женщин. Змеинное Лицо обещал нам.

Ричард жевал окорок, наблюдая за человеком, которого покрывали рисунки, означающие приращение силы, переплетающиеся с символами агрессии и покорения.

— Есть более важные вещи.

— Может, и так, но какие другие награды могут быть у нас в этой жизни? — Кривая усмешка вновь вернулась на лицо Джона-Камня. — Если мы побеждаем императорскую команду, то получаем женщин.

— А ты не думал, что твоя награда может обернуться ночным кошмаром для выбранной тобой женщины?

Джон-Камень нахмурился и с минуту пристально смотрел на Ричарда. Затем молча вернулся к еде.

— Зачем ты говоришь такое? — сказал он наконец, не в силах сдержать раздражение. — Я никогда не обижу женщину.

Ричард посмотрел на кислое выражение его лица.

— Что ты скажешь о тех женщинах, что постоянно следуют за лагерем?

— О лагерных приживалках? — Джон-Камень, удивленный вопросом, задумчиво почесал плечо. — Большинство из них — отвратительные старые ведьмы.

— Ну если они тебя не интересуют, тогда остаются женщины-пленницы, женщины, которых забрали из собственного дома, оторвали от семьи, от мужа, от детей, от всего, что им было дорого и что они любили, и силой заставили служить в качестве блудниц солдатам, которые, вполне вероятно, те самые, кто вырезал их семью, мужа, детей...

— Ну, я...

— Это те самые женщины, крики и рыдания которых мы часто слышим по ночам.

Джон-Камень отвел взгляд и нехотя взялся за кусок окорока.

— Временами, прислушиваясь к рыданиям тех женщин, я лишаюсь сна.

Ричард посмотрел в просвет между повозками и стоящей вокруг охраной вдаль, на раскинувшийся за ними лагерь. Работы на пандусе не прерывались круглые сутки. Он представил себе, что людям там, наверху, в Народном Дворце, последнем оплоте сопротивления Имперскому Ордену, не остается ничего другого, как ждать вторжения этой орды. Они не способны ничего предпринять. Им негде искать безопасности. Верования, движущие Имперским Орденом, поглощали все человечество.

А здесь, внизу, в военном лагере, люди группами собирались у костров, где готовилась пища. В сгущающихся тенях Ричард мог видеть, как в палатку неподалеку поволокли женщину. Когда-то у нее были свои надежды и мечты о будущем; теперь же, когда Орден устанавливал свое видение мира для человечества, она была всего лишь имуществом или рабом. К палатке уже выстраивалась очередь: победители жаждали своей награды за служение Имперскому Ордену. В конечном счете, несмотря на заявленные великие цели, все было так, как и всегда: жажда власти, желание управлять всеми другими, навязывать им свою волю, и претензии на моральные права, дающие им, как они верят, полномочия отбирать у других все, что хотят.

В других местах Ричард заметил людей, собравшихся, чтобы выпить и поиграть на деньги. Должно быть, караван доставил в лагерь и спиртное. Все это обещало шумную ночь.

И где-то среди этого людского моря находилась Кэлен.

— Ну тогда, — заметил Ричард, — если ты не хочешь быть в компании тех, кто обижает женщин, тебе остаются лагерные приживалки, которые сами не против.

Джон-Камень молча раздумывал некоторое время, потихоньку доедая окорок. Если бы тихая ярость могла резать сталь, Ричард сбросил бы свой ошейник и обязательно сделал бы что-то, чтобы вытащить Кэлен из этого места в дру-

гое, безопасное, — в ту безопасность, которая еще оставалась в мире, выпадающем в безумие.

— Знаешь, Рубен, у тебя удивительная способность все испортить.

Ричард бросил взгляд на собеседника.

— А ты бы предпочел, чтобы я обманул тебя? Выдумал что-то просто для того, чтобы успокоить твою совесть?

Джон-Камень вздохнул.

— Нет. Но все же...

Ричард решил, что лучше не обескураживать больше своего правого ведомого, иначе в итоге он может повести себя в игре не лучшим образом. А если они проиграют следующий матч, у них не будет шанса сыграть с императорской командой, и тогда Ричарду может не представиться шанс очередной раз увидеть Кэлен.

— Да ладно, ты уже стал знаменитостью, Джон-Камень. Люди начинают аплодировать, когда видят тебя выходящим на поле. Там вполне может оказаться достаточно красивых женщин, стремящихся провести время с таким могучим и статным ведомым из команды-чемпиона.

Наконец Джон-Камень широко улыбнулся.

— Это правда. Мы склонили на свою сторону множество солдат. Люди начинают встречать нас рукоплесканиями. — Он махнул своим окороком в сторону Ричарда. — Ты наш нападающий. У тебя будет выбор из множества красивых женщин, которые сами захотят быть с тобой.

— Есть только одна, которую я хочу.

— И ты думаешь, что она тоже захочет? А что если она не пожелает иметь с тобой дело?

Ричард открыл было рот, но тут же закрыл его. Кэлен не знает его. Если ему представится шанс вырвать ее у Джеганя, что он станет делать, если она примет его за всего лишь какого-то чужака, который хочет просто-напросто увести ее в новый плен? В конце концов, почему бы ей так не думать? Что если она не захочет идти с ним? Что если

она будет сопротивляться? Ведь определенно в тот момент у него не будет времени что-то объяснять ей.

Ричард вздохнул. Теперь у него появилась новая причина для беспокойства, не дававшая спать.

Глава 28

Кэлен тихо сидела в затененном месте внутреннего пространства шатра на невысоком кожаном стуле, сложив руки на коленях. Джиллиан, скрестив ноги, сидела на полу неподалеку. Время от времени Кэлен поглядывала на сестер Улисию и Эрминию, старательно сравнивающих книги, которые были ключом к шкатулкам Одена. Они сверяли текст слово за словом, пытаясь найти какие-либо несоответствия.

Группа других пленных сестер, тоже прислуживающих Джеганю, нашли третью книгу в катакомбах под Дворцом Пророков. Так что сестра Улисия и сестра Эрминия получили еще одну копию, которую могли сравнивать с теми двумя книгами, которые у них уже были. Одна из самого Дворца Пророков, которую Джегань заполучил уже очень давно, и одна, которую он нашел в катакомбах города Каска, где захватил при этом сестер Улисию, Цецилию и Эрминию, а с ними и Кэлен.

Каждая из этих книг предположительно являлась копией «Книги сочтенных теней», однако на корешках последних двух значилось «сочтенной тени», и сестры не пришли к согласию по поводу того, существенно это или нет.

Из того, что Кэлен смогла составить из обрывков подслушанных разговоров, она уяснила, что существует лишь единственная достоверная копия «Книги сочтенных теней» остальные четыре — фальшивые. Теперь в распоряжении

Джеганя были три из пяти копий. Наложить руку на все пять было из важнейших задач. Судя по тому, что Кэлен уже узнала, существовали люди, чья жизнь была посвящена исключительно этому занятию — поиску книг.

Загадка еще больше усугубилась, когда оказалось, что на корешке книги, найденной в катакомбах под Дворцом Пророков, написано «теней», как это и должно быть по первоначальным сведениям. То есть заголовки книг подсказывали, что первые две лишь фальшивые копии — как Кэлен и сказала, — а последняя, вполне возможно, и есть истинная копия. И тем не менее у сестер все еще не было способа доказать то или иное положение.

Кэлен беспокоило, что ей придется делать, если Джегань потребует, чтобы она установила, является ли последняя найденная книга истинной или фальшивой копией.

Судя по тому, на что сами сестры указали Джеганю, в этих книгах сказано, что для проверки, фальшивая ли копия или истинная, требуется участие Исповедницы. Кэлен удалось подслушать, что именно она и есть та самая Исповедница, но, вместе со всем остальным ее забытым прошлым, она не знала, что означает быть Исповедницей. Она не имела представления, почему считается, что она способна определить, фальшивая это копия или нет. Джегань даже не интересовался, знает она способ определить это или нет; он просто ожидал, что она это сделает.

У первых двух книг сами заголовки были неверными, что и давало ей благовидный повод заявить о них, как о фальшивых. Но с последним экземпляром она так никуда бы не продвинулась, поскольку заголовков книги был правильный, а сам текст проверить она не могла — для этого требовалась магия. К счастью, поскольку Джегань все внимание переключил на Никки, он не потребовал, чтобы Кэлен определила подлинность последнего найденного тома.

Но если он потребует, а Кэлен не сможет дать ответа, который удовлетворит его, расплачиваться придется именно Джиллиан.

До сих пор сестрам не удавалось найти никаких разночтений между тремя копиями. Разумеется, как они уже нерешительно доказывали императору, эти разночтения, даже будучи найденными, тоже ничего не докажут. Все три книги могут быть разными и при этом фальшивыми. И как это узнать? Ведь нет ничего, что говорило бы, что последняя книга, даже если она и отличается от тех двух, и есть настоящая. Наличие различий, внутри и снаружи, не доказывает равным счетом ничего.

Насколько Кэлен понимала, для единственного реального способа опознать истинную копию требуется иметь все пять копий. Несмотря на свои угрозы и жестокость, Джегань должен был тоже понимать это. Об этом свидетельствовало то, что у него были люди, специально занимающиеся поиском других подобных книг.

Как бы то ни было, император по-прежнему хотел, чтобы книги были проверены на малейшие расхождения, что сестры и осуществляли — слово за словом.

Джегань дал им достаточно времени, чтобы в деталях изучить эти книги. Но хотя он был очень заинтересован заполучить истинную копию «Книги сочтенных теней», пока что гораздо больше его интересовала Никки.

С тех пор как Никки оказалась захвачена в плен, она почти полностью завладела его умом. Он не приводил других женщин к себе в постель и даже перестал посещать матчи джала. И Кэлен казалось, будто он думает, что, если сможет достаточно убедительно показать Никки, как велика его страсть к ней, тогда она поверит в его истинные чувства, и ее вызывающее поведение испарится, поскольку она окажется побеждена.

Никки же только стала еще более отстраненной.

Ее хладнокровное и сдержанное отношение странным образом притягивали Джеганя, но вызывающее поведение

провоцировало его на жестокость и насилие и только делало ее тяжелые испытания еще хуже. Кэлен не могла представить, сможет ли она сама, когда настанет ее черед, быть настолько непокорной.

Несколько раз после приступа дикой ярости гнев Джеганя утихал, и тогда он вдруг осознавал, что мог зайти слишком далеко. В таких случаях немедленно приводились сестры, чтобы вернуть Никки к жизни. И все время, пока они отчаянно спасали ее жизнь и занимались лечением, Джегань с беспокойным видом и виноватым взглядом мерил шагами комнату. Позже, после того как ее вылечивали, он вновь давал волю своему негодованию и обвинял Никки в том, что она сама спровоцировала то насилие, которое только что случилось.

Иногда, как, например, предыдущей ночью, он выставлял Кэлен и Джиллиан наружу, во внутреннее пространство шатра, оставляя Никки внутри, чтобы провести ночь с ней вдвоем. Кэлен предполагала, что уединение такого рода было его личным представлением о легкой романтике. Проходя в спальню, Никки бросила быстрый тайный взгляд на Кэлен. Это был взгляд разделенного понимания того, что безумие овладело миром.

Джегань до того потерял голову с тех пор, как вернул Никки назад, что забыл почти про все, от «Книги сочтенных теней» до матчей джа-ла. Кэлен не любила джа-ла, но она отчаянно хотела увидеть человека, которого все называли Рубен. Она знала из ежедневных сообщений, которыми обменивалась стража, что команда Карга до сих пор выигрывала все матчи, но Кэлен хотела увидеть нападающего с нарисованными на нем странными знаками, человека с серыми глазами — человека, который знал ее.

— Вот, смотри, — сказала сестра Улисия, похлопав по странице в одной из книг. — Здесь формула не такая, как в этих двух.

Кэлен наблюдала за их спинами: обе наклонились над столом, сравнивая разложенные перед ними книги. Два громадных телохранителя Джегания стояли в противоположной части внутреннего пространства шатра, у самого входа, и тоже не спускали глаз с сестер. Двое солдат регулярной армии — специальные стражи Кэлен — похоже, не интересовались сестрами; они следили за Кэлен. Когда та осознала, что именно они разглядывают, то покраснела и прикрыла длинной и спутанной прядью волос тот вид, который открывался из-за потерянной верхней пуговицы ее блузки.

— Да... — протяжно подтвердила сестра Эрминия. — Созвездие другое. Как ни странно.

— Здесь действительно едва заметное несовпадение. Не только в этой форме, но еще и вот здесь. Азимутальные углы различные. — Сестра Улисия пододвинула ближе одну из масляных ламп. — И во всех трех копиях.

Сестра Эрминия кивала, глядя то в одну, то в другую книгу.

— Мы не замечали этого раньше, с первыми двумя книгами. Я всегда думала, что они одинаковые, а они, оказывается, разные.

— Такая мелкая вещь. Легко понять, почему мы пропустили ее. — Сестра Улисия указала по очереди на книги. — Это делает все три книги разными.

— И что, по-твоему, это означает?

Сестра Улисия сложила руки.

— Это означает лишь то, что по меньшей мере две из этих книг — фальшивые копии, но на самом деле по нашим представлениям фальшивыми могут оказаться все три.

Сестра Эрминия издала приглушенный вздох.

— Итак, наконец мы узнали кое-что новое, но это не принесло нам никакой пользы.

Сестра Улисия бросила на женщину косой взгляд.

— Его превосходительство имеет обыкновение удивлять нас тем, чего никак не ожидаешь. Возможно, он еще

обнаружит и другие копии, и тогда у нас будет хотя бы возможность сказать что-то более определенное.

Занавес, прикрывающий вход в спальню, вдруг оказался откинут, и Джегань с силой вытолкнул Никки. Она споткнулась и упала у ног Кален, на какой-то миг подняла глаза, но тут же притворилась, что не видит той, что находится прямо перед ней. Это была тактика, которой она придерживалась с того момента, как оказалась в плену у Джеганя.

Кален видела ярость, заполняющую глаза Никки, и сквозившую в них боль и отчаяние.

Кален хотелось поддержать ее, успокоить и сказать какие-то слова утешения, что все будет хорошо, но она не могла сделать что-либо подобное, и уж, безусловно, не могла сказать, что все будет хорошо.

— Ну, обнаружили чего-нибудь? — спросил Джегань двух сестер, подойдя и остановившись позади них.

Сестра Улисия похлопала рукой по одной из книг. Он наклонился через ее плечо, вглядываясь туда, куда она указывала.

— Вот здесь, ваше превосходительство. Все книги разнятся вот в этом месте.

— И какая же из них верная?

Обе сестры слегка отпрянули от стола.

— Ваше превосходительство, — нерешительно сказала сестра Улисия, — об этом говорить еще рано.

— Чтобы знать с уверенностью, нам нужно заполучить и другие копии, — брякнула сестра Эрминия.

Джегань с минуту смотрел на нее, а затем совершенно несвойственным для него образом что-то равнодушно проворчал. Он огляделся по сторонам, проверяя, что Кален по-прежнему сидит на стуле, где ей приказано сидеть, а Джиллиан на полу около нее, и стража продолжает следить за всеми.

— Продолжайте изучать книги, — сказал Джегань, обращаясь к двум сестрам. — Я отправляюсь на игры джала. И следите за девчонкой.

Он вытолкал Никки впереди себя, а затем щелкнул пальцами, обращая этот знак к Кэлен, указывая ей, что ожидает, что она также пойдет с ними и должна находиться как можно ближе к нему. Кэлен схватила свой плащ и последовала за ним. Она была рада хотя бы тому, что Джиллиан не будет среди сборища солдат или рядом с Джеганем. Разумеется, Джегань, осуществляя контроль над сестрами, мог, таким образом, причинить Джиллиан любой вред, какой бы, когда бы и где бы он ни пожелал.

Набросив на плечи плащ, Кэлен сделала жест рукой в сторону обеспокоенной Джиллиан, как бы понуждая ее оставаться на месте. Глаза девушки, поблескивавшие медным отливом, уставились на Кэлен, тогда как сама она ответила кивком. Она боялась оставаться одна. Кэлен сочувствовала ей, но не могла предложить никакой действенной защиты, даже если бы Джиллиан последовала за ней.

Снаружи вокруг шатра уже находилось несколько сотен хорошо вооруженных стражей, которые очень быстро построились, готовые сопровождать императора. Столь огромные люди, в кольчужных доспехах и вооруженные поблескивающим оружием, устрашали уже одним своим видом. С поддюжины особых стражей, присматривающих за Кэлен, выглядя менее устрашающими, но не менее жестокими, сгрушировались возле нее. Мясистая рука Джеганя обхватывала тонкую белую руку Никки, увлекая ее через проход между сомкнутыми шеренгами стражи.

Большинство из них задерживали долгий оценивающий взгляд на Никки. Пусть она и женщина Джеганя, но они все равно предпочитали смотреть, хотя и были осторожны, стараясь, что император не замечал их вожделения. Кэлен была избавлена от таких взглядов, и это успокаивало ее, показывая, что большинство этих людей не могут ее видеть.

Было довольно пасмурно, но облака не выглядели достаточно плотными, чтобы угрожать дождем. Дожда не было уже достаточно долго для того, чтобы земля преврати-

лась в твердую, покрытую пылью субстанцию. В однородном сером свете военный лагерь выглядел еще более темным и казался еще более неприятным. Дым от костров, где готовилась пища, отчасти маскировал стоявшую вокруг вонь.

Пока они бодрым шагом следовали мимо бесконечных шумных скоплений людей и животных, Джегань спросил одного из своих самых доверенных телохранителей о прошедших играх джа-ла. Этот человек проинформировал императора о различных матчах, прошедших с момента последнего его отчета, предоставляя Джеганю сведения о любой команде, о которой тот спрашивал.

— Команда Карга? — спросил Джегань. — И они действительно хорошо играют?

Гвардеец кивнул.

— До сих пор без поражений. Хотя вчерашний перевес в счете не так велик, как бывало раньше.

Суровая улыбка Джеганя был такой же неприветливой, как небо над ними.

— Надеюсь, они победят и сегодня. Мне хотелось бы, что из всех команд, собирающихся противостоять моей, моя команда сокрушила именно эту.

Страж показал рукой влево.

— Они играют сегодня... вон там. Для них это финальная игра. В соответствии с общим раскладом чемпионата, если они сегодня победят, то окажутся впереди всех прочих команд, и ваше желание сбудется, ваше превосходительство. Если нет, тогда состоится игра на выбывание. Но ваша команда будет играть с ними только в том случае, если они победят в этом матче.

Пока они вот так и шли за Джеганем, разговаривающим со своим телохранителем, Никки бросила через плечо быстрый взгляд на Кэлен. Та поняла, что Никки думает о том человеке, про которого она ей рассказала. И Кэлен ощутила волнение от беспокойства.

Когда они совершали путешествие через общий лагерьный беспорядок в направлении, которое указал телохранитель, пробираясь сквозь толпы людей, по мере того как они приближались к полю для игр, Кэлен начала слышать вдалеке восторженные приветствия и крики в поддержку любимых команд. Но даже находясь далеко и не имея возможности видеть саму игру, люди ждали сообщений о счете, передаваемых по всему лагерю.

Зрителей возле поля оказалось намного больше, чем Кэлен видела на предыдущих играх. Это была, несомненно, очень важная игра, и женщина могла ощущать возбуждение толпы. Когда внезапно поднялся оглушительный рев, она поняла, что одна из команд открыла счет. Люди все теснее сбивались, толкали и теснили друг друга, стремясь услышать каждое слово о том, какая команда увеличила счет.

Когда императорская стража начала выкрикивать предупреждения и просто расталкивать людей, стоявшие плотной стеной солдаты, осмотревшись, неохотно расступились, позволяя пройти императорской свите. Используя клин из мощных стражей, расчищающий путь, император и его окружение смогли попасть на отведенную для них зону у самого поля, которая была отгорожена канатами. Основная часть императорской стражи, шедшая впереди, уже сформировала с каждой стороны этой зоны стены, сдерживающие напор зрителей.

Сквозь просветы между людьми Кэлен уловила мелькание несшихся по полю игроков. Вопли и крики толпы сбивали ее с мыслей. Ее взгляд уловил движение пятен красной краски. Стоя рядом с солдатами, наблюдающими за игрой, и за стеной огромных стражей, расположившихся со всех сторон, не говоря уже о бычьих размерах императора впереди нее, огражденного с флангов его личными телохранителями, очень трудно было увидеть больше, чем короткие обрывки происходящего на поле.

Когда одна из команд заработала очко, толпа издала дикий крик. От этого крика земля под ногами Кэлен вздрогнула.

Через узкие просветы между стражами она заметила, что на этой игре есть нечто особое. По всему периметру поля перед зрителями с равными интервалами стояли крепкие мужчины, расставив ноги и заведя руки за спину. Никто из них не был в рубашке — видимо, чтобы не скрывать мощное телосложение.

Кэлен не часто видела таких мужчин. Каждый из них был огромен. Они напоминали статуи, будто отлитые из одной и той же железной руды или выкованные из слитков раскаленной добела стали.

Когда Джегань прошел чуть ближе к полю, чтобы лучше видеть, что там происходит, Никки, увидев, что Кэлен смотрит на этих суровых и грозных людей, наклонилась в ее сторону.

— Команда Джеганя, — едва слышно сказала она.

Тогда Кэлен поняла, что они здесь делают. Победитель сегодняшней игры сразится с императорской командой. Эти люди пришли сюда не просто понаблюдать за тактикой тех, с кем им придется играть. Они здесь для того, чтобы запугать людей, находящихся на поле, людей, которые выигрывают шанс на игру с ними. Это была открытая угроза грядущей расправы.

Карг заметил появившегося только что императора и протиснулся через ряды стражи. Кэлен узнала этого человека по особенному рисунку его татуировки, в виде змеиной чешуи. Он и Джегань обменялись шутивными замечаниями, в то время как вокруг раздавались возгласы воодушевления ввиду начала очередного раунда.

— Похоже, твоя команда неплохо себя показала, — сказал Джегань, когда крики чуть поутихли.

Карг бросил через плечо взгляд на Никки, словно змея, изучающая свою добычу. Ее взгляд был уже прикован к

этому человеку. Проницательный взгляд командующего прошелся по ней с головы до ног, прежде чем его внимание вновь переключилось на Джеганя.

— Ну, ваше превосходительство, несмотря на то, что моя команда очень хороша, я отчетливо осознаю, что ваша команда не просто хороша, она непобедима. Они, без сомнений, самые лучшие.

Кожа на бритом затылке и бычьей шее Джеганя покрывалась складками, когда он кивнул.

— Твоя команда тоже непобедима, но еще не прошла проверки в настоящем состязании. Мои люди запросто разобьют ее. У меня на этот счет нет никаких сомнений.

Карг скрестил на груди руки и некоторое время наблюдал за игрой. Толпа закричала от восторга, когда группа игроков пронеслась во всю прыть, но лишь затем, чтобы разочарованно простонать, когда они, по-видимому, не сумели заработать очко. Карг снова повернулся к императору.

— Но когда они обыграют вашу команду...

— Если обыграют, — прервал его Джегань.

Карг улыбнулся, склоняя голову.

— Если они выиграют, это будет величайшим достижением для такого скромного претендента, как я.

Джегань осмотрел своего командующего с благожелательным подозрением.

— И величайшее достижение достойно величайшей награды?

Карг указал рукой на людей, находящихся на поле.

— Ну, ваше превосходительство, если моя команда победит, каждый из них получит награду. Каждый получит женщину по собственному выбору. — Он сцепил руки за спиной, пожимая плечами. — Мне кажется, будет справедливым, если, как тот, кто отбирал всех этих игроков и создал такую совершенную команду, я получил бы подобную награду.

Глубокий сдавленный смех Джеганя был до того непристойным и похотливым, что вызвал у Кэлен дрожь.

— Пожалуй, ты прав, — сказал Джегань. — Тогда выбери ее, и если победишь, она твоя.

Карг с минуту покачался на каблуках, будто обдумывая свой выбор.

— Ваше превосходительство, если моя команда победит... — Карг с коварной улыбкой глянул через плечо, — я бы хотел получить в свою постель Никки.

Холодный взгляд Никки мог бы перерезать сталь.

Его веселье постепенно затухло, когда Джегань обернулся через плечо в сторону женщины, которой в последнее время был полностью поглощен.

— Никки не свободна.

Командующий кивнул и вернулся на некоторое время к созерцанию игры. Когда стихли приветствия после начала очередного раунда, он искоса оглядел Джеганя.

— Поскольку вы уверены в победе, ваше превосходительство, это ведь будет сущей ерундой, обещание подобной награды, совершенно незначущим, ни к чему не приводящим пари. Если вы действительно уверены, что ваша команда одержит победу, зачем лишать меня даже надежды на такую награду?

— Подобное пари будет бессмысленным.

Карг сделал жест рукой в сторону игрового поля.

— Ведь вы уверены в успехе вашей команды, не так ли, ваше величество? Или у вас есть сомнения?

— Хорошо, Карг, — сказал наконец Джегань, — если ты победишь, она твоя — на некоторое время. Но только на некоторое время.

Командующий вновь склонил голову.

— Разумеется, ваше превосходительство. Но, как нам всем известно, вам не стоит опасаться, что ваша команда проиграет.

— Нет, я точно знаю, что нет. — Черные глаза Джеганя повернулись к Никки. — Ты же не возражаешь про-

тив моего маленького пари, дорогая? — Его улыбка вновь вернулась. — В конце концов, это всего лишь формальное пари, поскольку моя команда не проигрывает.

Никки выгнула бровь.

— Как я уже заметила в первый день появления здесь, не имеет никакого значения, чего хочу я, разве не так?

Улыбка Джеганя не сходила с его лица, пока он с минуты наблюдал за Никки. Это улыбка выглядела так, будто приоткрывала его мысли о кровавой расправе за столь открытое высокомерие.

Когда напряженность игры на поле стала возрастать, окружающая толпа начала подаваться вперед в попытке получить лучший обзор. Стража Джеганя тут же оттеснила людей назад, давая императору еще больше свободного места. Они хотели быть уверены, что у них есть пространство, необходимое для его защиты. Зрители, видя неприветливый настрой стражи, неохотно пятились.

Пока Джегань и Карг наблюдали за ходом игры, полностью поглощенные происходящим на поле, Кэлен проверила своих особых стражей и заметила, что они тоже увлечены игрой. Они продолжали чуть отодвигаться, каждый раз понемногу, вытягивая шеи, стараясь найти место с лучшим обзором. Тогда Кэлен проскользнула поближе к Никки. И когда стражники поднажали, оттесняя зрителей, Никки и Кэлен получили более широкий обзор, так что теперь могли хорошо видеть и поле, и самих игроков.

— Командой, которая раскрашена красным, управляет человек, о котором я уже говорила, — прошептала Кэлен. — Думаю, он разрисовал себя и всех своих людей красной краской только для того, чтобы никто не мог его узнать.

Когда игроки пробежали мимо них, они получили первую возможность отчетливо рассмотреть дикие рисунки на каждом из участников красной команды.

И когда Никки увидела эти рисунки, вид ее стал испуганным.

— Добрые духи...

Она сделала шаг вперед, чтобы лучше разглядеть только что увиденное. Кэлен, обеспокоенная внезапной переменной в поведении Никки и явной ее тревогой, продвинулась вперед вместе с ней.

Именно в этот момент Кэлен заметила человека, которого все называли Рубеном. Он быстро приближался слева, с мячом, крепко прижатым к груди, уворачиваясь от игроков, прыгающих на него со всех сторон.

Кэлен ближе наклонилась к Никки и показала налево, привлекая ее внимание к этому человеку.

— Вот он, — сказала Кэлен.

Никки наклонилась чуть дальше, чтобы увидеть того, на кого показывала Кэлен. Когда она увидела его, кровь отлила от ее лица. Кэлен еще ни разу не видела, чтобы кто-то так быстро приобретал мертвенно-бледный вид.

— Ричард...

Едва услышав это имя, Кэлен поняла, что оно верное. Именно так звали этого человека. Она не знала почему, но это имя просто подходило ему.

Кэлен, опасаясь, что Никки может ослабеть и упасть в обморок, выставила вперед руку, чтобы поддержать ее со спины. И ладонью этой руки она могла ощущать, как дрожит все ее тело.

Увертываясь и уклоняясь от нападающих на него игроков команды противника и продолжая бежать через поле в окружении своих ведомых, человек, которого она теперь знала как Ричарда, уголком глаза заметил Джегания. Пока он бежал, его взгляд скользнул по императору и встретился с пристальным взглядом Кэлен. Эта связь между ними, это узнавание в его глазах заставили ее сердце биться быстрее.

Когда же Ричард заметил Никки, стоявшую рядом с ней, шаг его сбился.

Мгновение промедления подарило его преследователям неожиданную возможность. Сразу двое со всей силой налетели на него, сваливая на землю. Столкновение было настолько сильным, что мяч вылетел у него из рук.

Правый ведомый Ричарда опустил плечо, врезаясь между противниками и разбрасывая их в стороны.

Ричард без движения лежал лицом вниз.

Сердце Кэлен подскочило, она ощущала его едва ли не в горле.

И тут, как раз вовремя, другой ведомый приложился локтем к голове человека, готового прыгнуть сверху на Ричарда. Едва тот свалился в сторону, Ричард наконец-то начал двигаться. Заметив людей, столкнувшихся прямо над ним, он перекатился в сторону от общей свалки и постарался восстановить дыхание.

Через мгновение он был уже на ногах, хотя поначалу немного покачивался.

Это была первая ошибка, допущенная этим человеком, которую довелось увидеть Кэлен.

У Никки дрожала нижняя губа, в то время как сама она застыла, не сводя глаз с Ричарда. Слезы переполняли ее голубые глаза.

Кэлен внезапно изумилась: как подобное вообще могло случиться?

Она не верила, что такое возможно.

Этого попросту не могло быть.

Глава 29

В угасающем свете дня, сидя на земле, поджав колени к груди и прислушиваясь к нестихающим звукам вражеского лагеря, расстилающегося за кольцом повозок и охраны, Ри-

чард подавленно вздохнул и пригладил ладонью волосы. С трудом верилось, что Джеганю каким-то образом удалось схватить Никки. Он не мог даже вообразить, как такое могло произойти. А кольцо Рада-Хань на ее шее приводило его в отчаяние.

Ричарду казалось, что весь мир распадается на части.

Сами мысли о том, насколько неодолим Имперский Орден, вызывали у него содрогание. Те, кто хотели сами решать, как прожить собственную жизнь, методично обращались в рабство бесчисленными последователями Ордена — последователями, фанатично посвятившими себя ложным верованиям, последователями, стремящимися заставить всех остальных принять эти их верования. Подобная концепция противоречила самой природе веры, но едва ли это имело значение для истинных ее поборников; все люди должны подчиниться и верить, как они, либо умереть.

Те, кто уверовал в учения Ордена, беспрепятственно шли туда, куда хотели, безжалостно убивая каждого на своем пути. Теперь они подчинили себе большую часть Нового мира, как и весь Древний мир. Они проникли даже в далекую Вестландию, в те места, где он вырос.

И Ричард ощущал себя так, будто мир поглотило безумие.

Самым неприятным было то, что в распоряжении Джеганя по меньшей мере две шкатулки Одена. Казалось, он всегда получал то, что хотел.

А теперь он заполучил и Никки.

Но если сердце Ричарда разрывалось при виде Никки с золотым кольцом раба в нижней губе, снова оказавшейся в руках человека, который безжалостно терзал ее в прошлом, то при виде Кэлен, оказавшейся в его же руках, у него вскипала кровь.

Ричарда угнетала та мысль, что Кэлен не помнит его. Она значила для него больше, чем что-либо еще в этом ми-

ре. Она сама была его миром. Но сейчас она не помнит даже его имени.

Ее сила и смелость, ее сочувствие, ее разум, ее смекалка, ее особая улыбка, которую она дарила только ему, — все это заполняло его мысли и его сердце и останется с ним до его последнего дня. Он помнил день их свадьбы, помнил, как она любила его и как была счастлива, когда просто оказывалась в его объятиях. Но сейчас она ничего этого больше не помнит.

Он сделает все, чтобы спасти ее, вернуть ей прошлую жизнь, чтобы она вновь стала той, что была, — вернуть ее вновь себе. Но то, кем она была, теперь отсутствовало внутри нее. Огненная Цепь отобрала все это у них обоих.

На самом деле не имело значения, как он хочет прожить собственную жизнь с Кэлен или насколько стремится к тому, чтобы и другие люди могли жить собственной жизнью. Примкнувшие к Имперскому Ордену имели свои планы для всего человечества.

А в таком случае будущее Ричарда могло быть лишь беспросветным.

Уголком глаза Ричард заметил, что к нему спешно перебирается Джон-Камень. Тяжелая цепь позвякивала, пока гигант тащился по твердой, каменной земле.

— Рубен, тебе нужно поесть.

— Я уже поел.

Джон-Камень указал на недоеденный кусок окорока, лежащий на колене Ричарда.

— Только наполовину. Тебе нужны силы для завтрашней игры. Ты должен поесть.

При мысли о том, что предстоит завтра, желудок Ричарда еще сильнее свело от тревоги и беспокойства.

Он взял кусок окорока и протянул его Джону-Камню.

— Я уже наелся. Если хочешь, можешь съесть остальное.

Джон-Камень усмехнулся неожиданному счастью. На мгновение его рука задержалась, улыбка стала неуверенной. Он заглянул Ричарду в глаза.

— Ты уверен, Рубен?

Ричард кивнул. Джон-Камень взял у него окорок и оторвал зубами большой кусок. Прожевав мясо, он подтолкнул локтем Ричарда.

— С тобой все в порядке, Рубен?

Ричард вздохнул.

— Я пленник, Джон-Камень. Как у меня может быть все в порядке?

Джон-Камень усмехнулся, полагая, что Ричард просто шутит. А когда Ричард не улыбнулся, его ведомый посерьезнел.

— Тебя сегодня здорово ударили. — Он наклонился чуть ближе, вопросительно глядя на Ричарда. — Ты оказался не слишком расторопным.

Ричард пробежался по нему взглядом.

— Что ты подразумеваешь под этим?

— Мы едва не проиграли сегодня.

— Едва не в счет. В джа-ла не существует ничьей. Ты либо выигрываешь, либо проигрываешь. Мы выиграли. А это главное.

Джон-Камень чуть отпрянул из-за тона Ричарда.

— Ну, раз ты считаешь так, Рубен. Но если не возражаешь, я все же спрошу: что случилось?

— Я допустил ошибку.

Ричард выковырял небольшой камешек, торчавший из твердой сухой земли. Джон-Камень жевал, пока обдумывал ответ.

— Раньше я ни разу не видел, чтобы ты допускал подобные ошибки.

— Такое бывает. — Ричард был зол на себя за то, что допустил такую ошибку — позволил своему вниманию отвлекаться. Он должен был быть готовым. Он должен был

сыграть лучше. — Надо надеяться, что я не сделаю такой ошибки завтра. Завтра очень важный день — день, который все решает. Надеюсь, завтра ошибок не будет.

— Я тоже на это надеюсь. Мы прошли долгий путь. — Джон-Камень потряс куском окорока в сторону Ричарда, добавляя значения к своим словам. — Мы не просто побеждали в этих играх — у нас теперь много болельщиков. Довольно много зрителей теперь поддерживают нас. Еще одна победа — и мы будем чемпионами. Тогда нас будут приветствовать несметные толпы.

Ричард еще раз пробежался взглядом по своему правому ведомому.

— Ты обратил внимание на фигуру и габариты тех людей, что составляют команду Джеганя?

— Тебе нечего опасаться. — Лицо Джона-Камня осветилось плутоватой улыбкой. — Я ведь тоже большой. Я буду защищать тебя, Рубен.

Ричард не мог не улыбнуться, глядя на своего огромного ведомого.

— Спасибо, Джон-Камень. Я знаю, что ты обязательно это сделаешь. Ты всегда делаешь это.

— И Брюс тоже.

Ричард догадывался, что, скорее всего, так и будет. Этот человек был солдатом Имперского Ордена, но, кроме того, игроком самой сильной команды, имевшей хорошую репутацию — команды Рубена, как сами они называли ее. Не при Карге, конечно. Зрители называли их «красной командой», командующий Карг «своей командой», но сами игроки называли себя «команда Рубена». Он был их нападающим. Они полностью доверяли ему. Брюс, как и некоторые другие солдаты, входившие в их команду, вначале был против того, чтобы на нем тоже были нарисованы красные символы, но сейчас с гордостью носил их. И другие солдаты кричали ему приветствия, когда он выходил на поле.

— Завтрашняя игра будет... очень опасной, Джон-Камень.

Джон-Камень понимающе кивнул.

— Я постараюсь, чтобы так и было.

Ричард вновь улыбнулся.

— Ты будешь следить за собой?

— Мое дело — следить за тобой.

Ричард перекатывал в полусжатой ладони камешек, который выковырял, подбирая нужные слова.

— Бывают времена, когда человеку следует быть осмотрительным. Бывают времена...

— Сюда идет Змеиное Лицо.

Ричард оборвал фразу при одном намеке на предупреждение. Он поднял глаза и увидел командующего Карга, проходящего к ним через кольцо охраны. Тот явно не выглядел радостным.

Ричард выбросил камешек и оперся сзади руками, как только командующий подошел и остановился прямо над ним. Вокруг его сапог взметнулась пыль. Уперев руки в бока, он уставился на Ричарда.

— Так что случилось сегодня, Рубен?

Ричард всматривался в татуировку в виде змеиной чешуи, которая была все еще видна в наступающих сумерках.

— Ты недоволен нашей победой?

Вместо ответа Карг перевел взгляд на Джона-Камня. Тот понял без слов и убрался к другому концу повозки, настолько далеко, как позволила цепь. Командующий присел на корточки пред Ричардом. При движениях, когда татуированная чешуя шевелилась, создавалось впечатление настоящей змеиной кожи.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Что за идиотская выходка?

— Меня сбили. Именно это противник всегда пытается сделать. Иногда удается.

— Мне доводилось видеть, как ты выкладывался и все же опаздывал, как тебе не удавалось открыть счет или как ты старался прорвать цепь блокировщиков, но терпел неудачу, однако я еще ни разу не видел, чтобы ты совершал такую глупую ошибку.

— Мне самому жаль, — сказал Ричард. У него не было никаких аргументов для спора на эту тему.

— Я хочу знать: почему?

Ричард пожал плечами.

— Как ты сам сказал, это была глупая ошибка. — Ричард был еще больше зол на себя, чем мог бы вообразить командующий. Он не может позволить себе такой ошибки завтра. — Тем не менее мы победили, а это означает, что мы будем играть с императорской командой. Что я и обещал тебе — что твоя команда будет играть с командой императора.

Карг поднял глаза и с минуту наблюдал за первыми звездами на ночном небе, прежде чем заговорил.

— Ты помнишь, что был захвачен в плен, не так ли?

— Да, я помню об этом.

Его взгляд опустился вниз и вернулся к Ричарду.

— Тогда ты должен помнить, что по всем правилам тебе следовало умереть в тот же день. Я позволил тебе жить при условии, что ты сделаешь все что можешь, чтобы моя команда выиграла этот чемпионат. Сегодня ты сделал не все и не лучшим образом. Этим глупым поступком ты едва не лишил мою команду шанса на победу.

Ричард не пытался уклониться от взгляда этого человека.

— Не беспокойся, командующий. Завтра я сделаю все, что только смогу. Обещаю это тебе.

— Хорошо. — Наконец-то Змеинное Лицо улыбнулся. Выглядело это так, будто он просто скривил лицо. — Хорошо. Ты победишь завтра, Рубен, и получишь свою женщину.

— Я знаю.

Улыбка стала коварной.

— Ты победишь завтра, и я получу свою женщину.

Ричард не проявил к этому никакого интереса.

— В самом деле?

Карг кивнул.

— Если мы победим, та статная блондинка, что была с императором Джеганем, будет моей.

Ричард хмуро взглянул на него.

— С чего вдруг? Джегань никогда не отдаст такую женщину, она, по сути, его собственность.

— У нас небольшое пари с императором. Он настолько уверен, что его команда станет победителем, что согласился со мной на пари о результатах игры на самую ценную из его женщин. Ее зовут Никки. Он называет ее своей королевой рабов. Джегань не хочет отпускать ее ко мне — она для него как наваждение. Но я думаю, что ты можешь выиграть ее для меня. — Его глаза фокусировались на каких-то далеких вожаемых мечтах. — Я очень хочу этого... мне думается, точно так же, как не хочет этого Джегань. — Он вернулся к теме разговора и потряс пальцем перед лицом Ричарда. — Так что тебе лучше будет завоевать победу, ради собственного спасения.

— Ради того, чтобы я мог выбрать женщину и себе?

— Ради того, чтобы ты мог жить. Пройграешь завтра — получишь смерть, которую заслужил, когда убил тех моих людей. — На лицо командующего вернулась коварная улыбка. — Но если выиграешь, то получишь право выбрать женщину, как и обещано.

Ричард встретил внимательный взгляд командующего собственным пристальным взглядом.

— Я уже обещал, что сделаю завтра все, что могу. И я всегда держу свои обещания.

Карг кивнул.

— Хорошо. Ты победишь завтра, Рубен, и мы все будем довольны. — Он сдавленно рассмеялся. — Ну, Джегань не будет доволен... даже самую малость. Если подумать, мне не кажется, что Никки тоже будет довольна, ну так это меня еще менее беспокоит.

— А как император? Ты не думаешь, что он разозлится?

— О, он точно разозлится. — Карг снова усмехнулся. — Джегань будет сходить с ума, когда позволит Никки отправиться в мою постель. У меня есть свой счет к этой женщине, и даже не один. И я намерен воспользоваться ситуацией.

Ричард смог заставить себя промолчать и выглядеть спокойным, несмотря на то, что ему хотелось накинуть цепь на шею этого человека и задушить его.

Командующий поднялся.

— Ты завоюешь победу в этой игре, Рубен.

Ричард пристально смотрел в спину человека, наблюдая, как тот уходит.

Убедившись, что командующий ушел, Джон-Камень подхватил излишек цепи, чтобы она не тянула ошейник, и вновь подобрался поближе к Ричарду.

— Чего он от тебя хотел, Рубен?

— Он хочет, чтобы мы победили.

Джон-Камень фыркнул, изображая смех.

— Нисколько не сомневаюсь. Как владелец команды-чемпиона, он сможет получить все, что хочет.

— Вот это и пугает меня.

— Что?

— Давай немного отдохнем, Джон-Камень. Завтрашний день будет богат на события.

Глава 30

Ричард внезапно пробудился от легкого сна. Даже глубокой ночью в лагере не стихала активность, производя общий шум и отдельные звуки своей разнообразной деятельностью. Казалось, со всех сторон люди все еще продолжали кричать, смеяться и сквернословить. Лязгал металл, негромко ржали лошади и ревели мулы. Вдали Ричард мог различать пандус, а на нем шеренги людей и повозки, освещенные факелами. Строительство продолжалось даже посреди ночи.

Но вовсе не какой-то из этих звуков заставил его проснуться.

Он заметил тени, скользнувшие через кольцо охраны и ограждение из невысоких повозок с припасами, определяющее границы его тюрьмы. Он насчитал четыре темные фигуры, бесшумно крадущиеся в темноте. Быстро оглядевшись по сторонам, заметил еще какое-то движение и справа и задумался, действительно ли им удалось проникнуть сюда незамеченными или все-таки охрана пропустила их?

По их росту и сложению Ричард понял, кто они. После того, как командующий рассказал ему о своем пари с Джеганем, такой визит был вполне ожидаемым. Это было последним, чего ему еще не хватало, но тут уж было не до выбора.

Что его действительно беспокоило, так это то, что, будучи прикован цепью к повозке, он ограничен в своих действиях. Едва ли он мог спрятаться. И, определенно, не мог бежать. Драться с пятью, а может, и более, было вовсе не тем, что следовало делать перед предстоящей игрой. Он не мог себе позволить быть покалеченным, тем более сейчас.

Он бросил взгляд в сторону и увидел, что Джона-Камня нет поблизости. Гигант отдыхал по ту сторону по-

возки, отвернувшись, и, судя по звукам, спал. Окликнуть своего спящего ведомого стоило бы Ричарду единственного преимущества: неожиданности. Люди, которые явились к нему, пока что уверены, что он спит. Зная их повадки, Ричард не сомневался, что, если окликнет Джона-Камня, эти пятеро сначала ринутся к нему и запросто перережут ему горло, с тем чтобы после уже без всяких помех разобраться с Ричардом.

Четверо рослых мужчин незаметно крались, образуя полукруг. Они, по-видимому, знали, что цепь не даст ему сбежать, и просто блокировали ему пространство для маневра. Судя по тому, как тихо они себя вели, похоже, они думали, что он все еще спит.

Один из них, раскинув руки по сторонам, для лучшего равновесия, с замахом ударил ногой, целя в голову Ричарда, как если бы выбивал мяч. Ричард был готов к этому. Он перекатился вбок и тут же захлестнул свободный участок цепи вокруг лодыжки человека и изо всей силы дернул цепь. Лишенный опоры, нападавший с тяжелым стуком свалился, ударяясь головой о землю.

— Вставай, — проревел один из остальных, увидев, что Ричард не спит.

Ричард собрал свободную часть цепи, лежавшую на земле позади него, стараясь не показывать этого, но так и не встал.

— Или что? — спросил он.

— Или мы разобьем твою голову прямо там, где ты сидишь. Можешь выбирать, сидеть или стоять, но ты все равно получишь, чего заслуживаешь.

— Стало быть, вы и в самом деле боитесь — как все и говорят.

Человек с минуту молчал.

— О чем ты?

— Вы боитесь, что завтра проиграете нам, — сказал Ричард.

— Мы не боимся ничего, — заявила другая темная фигура.

— Вас не было бы здесь, если бы вы не боялись.

— Это не имеет никакого отношения к тому, боимся мы или нет, — сказал первый. — Мы всего лишь выполняем то, о чем просит его превосходительство.

— А-а, — сказал Ричард. — Так, значит, это Джегань боится, что мы разобьем вас. Это говорит мне о многом. Это должно кое-что подсказать и вам... а именно — что мы лучше вас, и вы не сможете победить в честной игре. Джегань это знает, вот почему и послал вас — потому что вы недостаточно хороши, чтобы разбить нас в игре джа-ла.

И как только другой человек, едва слышно извергая проклятья по поводу того, что они медлят, двинулся вперед, чтобы схватить его, Ричард как можно сильнее швырнул из-за спины свернутую петлей свободную часть цепи. Она угодила нападавшему прямо в боковую часть лица. Он, развернувшись, отскочил назад, завывая от боли, вызванной внезапным ударом.

И когда в дело вступил третий, Ричард отклонился назад и, упираясь плечами, изо всей силы ударил этого человека ногами в центр живота, обращая против него его же собственную инерцию. Этот удар отбросил человека на спину, в то же время вышибая весь воздух из его легких.

Тем временем первый уже вновь был на ногах. Тот же, который получил цепью по лицу, еще корчился на земле. Еще один, держась рукой за живот, перекатился по земле и переводил дух, готовясь к реваншу. Четвертый и пятый приближались к Ричарду с противоположных сторон.

Двое уже побывавших на земле торопились снова вступить в драку. И вот они бросились в наступление сразу все вчетвером. Слишком много рук потянулись к цепи, чтобы Ричард смог помешать им всем, не давая схватить ее. Пока

он пытался дергать ее в разные стороны, сохраняя за пределами их досягаемости, один метнулся вперед и сумел-таки вцепиться двумя руками в тяжелые звенья.

Ричард развернулся и ударом ноги выбил остававшуюся здоровой ногу этого человека. Тот тяжело повалился на землю, ударяясь плечом. Но двое других все-таки схватили цепь и изо всех сил дернули ее на себя. Провисавшая часть цепи натянулась. Внезапный рывок ощущался так, будто отрывается голова, и в тот же момент Ричарда швырнуло лицом на землю. Удушающая боль была такой сильной, что на какую-то секунду он подумал, что ошейник перебил его дыхательное горло.

Пока Ричард был на мгновение оглушен, борясь с нарастающим ощущением паники, один из этих людей ударил его ногой по ребрам. Ричарду показалось, что у него сломано ребро. Он попытался откатиться, но цепь снова дернули, из противоположного направления, выворачивая железный ошейник на другую сторону. Железо обжигало, врезаясь в кожу.

Охрана, видневшаяся на расстоянии, оставалась по-прежнему на своих местах и лишь наблюдала. Они не собирались вмешиваться в происходящее. В конце концов, ведь это игроки команды самого императора.

Когда цепь неожиданно натянулась, Ричард ухватился за нее, вставая на колени, и, крепко вцепившись в звенья, пытался помешать противнику воспользоваться цепью и ошейником, чтобы тот не сломал ему шею. Теперь трое из них изо всех сил потянули цепь на себя. Им удалось лишить Ричарда равновесия и свалить на спину.

И сапог немедленно устремился к нему, прямо в лицо. Но Ричард как раз вовремя повернул голову. Во все стороны полетели пыль и камни. И тут же отовсюду посыпались удары кулаков и ног.

Удерживая одной рукой цепь, Ричард использовал другую, чтобы в ответ ударить одного из них. Затем тут же

блокировал удар второго и врезался третьему локтем в бедро, заставляя его опуститься на колено. Но все же, как бы быстро он ни отражал их удары или увертывался от них, они продолжали сыпаться на него. Поскольку нападавшие продолжали удерживать цепь натянутой, он не мог маневрировать и не осмеливался отпустить ее совсем.

Ричард занимал в основном оборонительную позицию, защищая центральную часть тела и стараясь быть как можно меньшей мишенью, пытаясь освободить при этом как можно более длинный участок цепи. Один из них занес руку и обрушил на него удар. Ричард на мгновение выпустил цепь и принял удар левым предплечьем, но в то же самое время сделал выпад вплотную к противнику и с зубодробительной силой всадил локоть ему в челюсть. Этот человек отшатнулся.

Получив в результате немного больший провес цепи, Ричард нырнул под очередной удар и сбоку врезал человеку ногой по колену. Удар оказался достаточно болезненным, чтобы вызвать крик боли и заставить того, прихрамывая, попытаться убраться подальше от опасности, но Ричард немедленно воспользовался возможностью нанести такой же удар по второму колену, от чего ноги у противника подкосились. Когда он падал на землю, колено Ричарда врезалось ему в лицо.

Едва ему нанесли очередной удар, Ричард нырнул влево и ухватил нападавшего за запястье. Удерживая железной хваткой, он тыльной стороной своей левой руки ударил его по задней части локтя. Сустав со щелканьем треснул. Человек вскрикнул, отдергивая назад вывихнутую руку.

Снова его ударили. Ричард уклонился, пропуская кулак мимо лица, затем, когда человек внезапно взмахнул вторым кулаком, Ричард повел руку ему навстречу, выше руки нападающего. Когда их руки пересеклись, а локти зацепились, Ричард использовал образовавшийся рычаг из

согнутой руки, чтобы перевернуть своего крупного противника.

Но, даже добиваясь такого вот успеха, он не мог отогнать этих людей, потому что цепь, держащая его за горло, мешала эффективно передвигаться. Однако он понимал, что, невзирая на трудности, у него нет иного выбора, кроме как делать то, что удастся.

Это сражение было трудным для Ричарда еще и тем, что он не осмеливался применять более эффективные приемы и удары из своего арсенала. Если он убьет одного из этих императорских игроков, это, скорее всего, послужит для Джеганя поводом обвинить Ричарда в убийстве и отправить на смерть. Хотя Джеганю и не нужен повод для того, чтобы убить человека, но команда Ричарда стала хорошо известной, и, оказавшись он предан смерти просто так, солдаты в лагере станут говорить, что это произошло потому, что Джегань опасался, что его команда не сможет победить. Ричард сомневался, что Джегань всерьез беспокоится по поводу того, кто и что говорит, но оправдание убийством определенно давало бы этим действиям правомерность.

Если нападающий из команды Карга будет мертв, Джеганю не придется беспокоиться об уступке Никки. Победить команду Джеганя было трудно, но все же шансы имелись, однако без Ричарда в качестве нападающего не будет никаких сомнений в том, что команда императора станет победителем.

Джеганю незачем было утруждать себя тем, чтобы отправить Ричарда смертную казнь. Его люди, похоже, намеревались решить эту проблему сами. Они не понесут никакого наказания, если убьют Ричарда в этой драке. Никто из людей, обладающих властью, не упрекнет их за это, за исключением, может быть, Карга, но даже и Карг вряд ли осмелится сделать заявление о смерти пленника во время драки. В лагере в подобных драках каждый день уми-

рает множество солдат. Такие драки здесь — обычное явление, и, насколько знал Ричард, наказания бывают крайне редко. И эту тоже выдали бы за спор, который плохо кончился.

Но хуже всего было то, что, окажись Ричард убит, Кэлен лишится шанса. Она навечно останется узницей заклинания Огненной Цепи, живым призраком своей прошлой сущности.

Уже одна эта мысль заставляла Ричарда сражаться с яростью, несмотря на то, что ему следовало проявлять осторожность и лишь остановить, но не убить противника. Наносить удары не в полную силу в разгар схватки за собственную жизнь было не таким простым делом, и Ричард получал примерно столько же ударов, сколько и раздавал.

Когда один из них вновь замахнулся для удара, Ричард перехватил его руку, затем поднырнул под нее и, крикнув от усилий, через себя бросил человека на землю.

Когда же его самого сбили с ног, он сгреб свободную часть цепи и, развернувшись, хлестнул по лицу одного из нападавших. Звук от удара стали по живой плоти и кости был отвратительным. Но в этот момент другой противник ударил Ричарда достаточно сильно, чтобы у того сбилось дыхание.

Удары, которые получал Ричард, изматывали его. И хотя эта стычка началась всего несколько минут назад, казалось, она длится уже несколько часов. Яростные попытки защититься изнуряли его.

Но когда кто-то из них очередной раз бросился на Ричарда, он вдруг оказался резко отброшенным назад.

Джон-Камень набросил петлю из своей цепи ему на шею. А когда тот впелся в цепь, в попытках дышать, правый ведомый утянул его подальше от Ричарда. И затем, в яростном вихре кулаков, ног и крутящихся цепей, Джон-Камень помог Ричарду отогнать нападавших.

Затем из темноты, прорвавшись через кольцо солдат, появился еще кто-то, выкрикивая гневные угрозы. Ричард был так занят разгоном нападавших, пытаясь уклоняться от шквала ударов кулаков, что не мог бы сказать, кто это был.

Этот новый человек внезапно схватил одного из нападавших за волосы и швырнул назад. В свете ближайших факелов Ричард увидел татуированную чешую. Карг кричал, что эти пятеро — жалкие трусы, и угрожал, что отрубит им головы. Он пинал их ногами, приказывая убираться за пределы района, где находится его команда.

Все пятеро поднялись на ноги и спешно растворились в ночной темноте. Все вдруг закончилось. Ричард лежал на земле, даже не пытаясь подняться.

Карг в ярости принялся распекать стражу.

— Если вы пропустите еще хоть кого-то, живьем я сдеру с вас кожу! Понятно?

Каждый из них подтвердил, что все понял, они поклялись, что больше ни один человек не пройдет через них, и стража с робким и беспокойным видом вернулась за кольцо повозок.

Лежа и задыхаясь от боли, пытаясь восстановить дыхание, Ричард едва слышал, что именно кричал командующий. Схватка была короткой, но от ударов этих мощных людей из команды Джеганя осталось много ушибов.

Джон-Камень присел рядом и помог Ричарду перевернуться на спину.

— Ну, ты в порядке, Рубен?

Ричард осторожно подвигал руками, попробовал согнуть ноги в коленях и так же осторожно покрутил стопой, проверяя пульсирующую лодыжку, оценил состояние своих конечностей, проверяя, может ли он двигать ими всеми и насколько они работоспособны. Почти все болело, но он уверился, что не получил увечий, однако пока не пытался

встать на ноги. Он не думал, что сможет сейчас удержаться на ногах.

— Думаю, да, — сказал он.

— Так что все это значит? — спросил Джон-Камень у Змеиноного Лица.

Карг лишь пожал плечами.

— Джа-Ла Д'Йин.

Джон-Камень помолчал, удивленный ответом.

— Джа-Ла Д'Йин?

— Это игра жизни. А ты чего ожидал?

Джон-Камень, судя по сильно нахмуренному лицу, явно ничего не понял. Зато Ричард понял все прекрасно.

Игра жизни являла собой нечто большее, нежели то, что происходит непосредственно на игровом поле. Она включала все, что окружает эту игру, — все, что происходило до нее, и все, что происходило после. Включала стратегию предварительного устрашения, саму игру на поле и то, что являлось ее результатом. Поскольку за самой игрой следовала награда, все, что было перед этим, становилось частью игры. Джа-Ла Д'Йин была не просто игрой на поле, она включала в себя все.

Жизнь здесь была выживанием. Живете вы или умираете — зависит от того, какую роль вы выполняете в жизни. Самое главное — выживание. Все становилось частью игры, поскольку в жизни все имеет значение. Женщины, следовавшие за лагерем, вонзали ножи в игроков команды противника, с тем чтобы их команда выиграла; красная краска на игроках или проломленная среди ночи голова нападающего другой команды — это все были составные части игры жизни.

Если ты намерен жить, то должен бороться за жизнь. Вот как все просто. Это была Игра Жизни. Жизнь и смерть были реальностью, которую только и следовало брать в расчет, а не то, насколько хорошо кто-то соблюдает набор предписанных правил. Если вы умираете, потому что

не способны защитить себя, то уже не сможете кричать о нарушении правил, когда станете мертвы. Вы должны были бороться за свою жизнь, бороться за победу, невзирая на обстоятельства.

Командующий выпрямился.

— Отдохните... оба. Завтрашний день покажет, будете вы жить или умрете.

Он направился к кольцу стражей, продолжая орать на них, пока шел.

— Спасибо, Джон-Камень, — сказал Ричард после того, как командующий ушел. — Ты появился как раз вовремя.

— Я же сказал, что буду следить за тобой.

— И сделал все хорошо.

Джон-Камень усмехнулся.

— Только уж ты постарайся завтра тоже сделать все хорошо. А, Рубен?

Ричард кивнул, глотая воздух.

— Обещаю.

Глава 31

Как только морд-сит уверенным шагом подошла к противоположной стороне небольшого стола и замерла, Верна подняла глаза.

— В чем дело, Кара?

— Появилась ли какая-нибудь запись в путевом журнале?

Верна, тяжело вздохнув, отложила донесения наблюдателей, которые перед этим изучала. Они сообщали, что в лагере Ордена наблюдалась повышенная активность вокруг матчей джа-ла. Верна припомнила то, что, казалось,

было целую вечность назад, еще во Дворце Пророков, когда Уоррен впервые рассказал ей об играх джа-ла, о том, как император Джегань привнес Джа-Ла Д'Йин в жизнь Древнего мира. Подобно многим другим вещам, Уоррен подробно изучал Джа-Ла Д'Йин и знал про нее очень много.

Она поймала себя на том, что она не столько читает донесения, сколько предается воспоминаниям об Уоррене. Как ей не хватало его! Как ей не хватало столь многих людей, унесенных этой войной.

— Нет, увы, но нет, — сказала Верна. — Я оставила сообщение в путевом журнале на случай, если Энн вдруг заглянет в него, но она пока не ответила.

Кара нетерпеливо постукивала пальцем по столу.

— Не вызывает сомнений, что с Энн и Никки что-то случилось.

— Да я и не спорю. — Верна развела руками. — Но мы ничего не можем сделать, если не знаем даже, что именно с ними произошло. Что нам следует делать? Где их искать? Мы проводили поиски во дворце, но дворец такой большой, что нечего и говорить, сколько мест мы могли просто пропустить.

Выражение лица Кары было смесью ярости, беспокойства и нетерпения. Принимая во внимание все произошедшее, а главное — полную неопределенность, куда запропастился Ричард, Верна слишком хорошо понимала, как чувствует себя эта женщина.

— Не обнаружили ли твои сестры чего-то необычного? Верна покачала головой.

— А морд-ситы?

— Ничего, — едва слышно сказала Кара и вновь принялась ходить по комнате. Она с минуту обдумывала ситуацию, затем опять повернулась к Верне. — Я по-прежнему считаю, что если с ними что-то случилось, наверняка это случилось в ту ночь, когда они отправились к гробнице.

— Я ведь не говорю, что ты не права, Кара, но мы даже не знаем точно, спустились ли они вообще к гробницам. А что если, по какой-либо причине, они передумали и сначала зашли куда-то еще? Что если кто-то доставил Эйн какое-то сообщение или что-то в этом роде, и они поспешили куда-то в другое место? Что если что-то случилось еще до того, как они спустились к гробнице?

— Я так не думаю, — сказала Кара, сложив руки, и вновь начала ходить по комнате. — Мне по-прежнему кажется, что там, внизу, что-то не так. У меня ощущение, что там, около гробниц, что-то неправильно.

Верна не стала спрашивать, что значит это «неправильно». Она уже делала это — безрезультатно. Кара не знала, что именно неправильно. Просто у нее было смутное ощущение, что около гробниц что-то не так, как было.

— Твое ощущение не дает нам ничего для продолжения поисков. Вот было бы оно чуть более конкретным...

— Думаешь, я не пыталась понять, что могло быть причиной этого?

Верна наблюдала, как Кара медленно сделала шаг.

— Ну, если ты не знаешь, что дает тебе такое ощущение об этом месте, возможно, есть кто-то другой, кто мог бы сказать, почему тебе кажется, что там, внизу, что-то не так?

— Это похоже на Лорда Рала. Он всегда говорит, что следует думать о решении, а не о проблеме. — Кара вздохнула. — Но ведь почти никто не бывает там... — Она неожиданно повернулась и прищелкнула пальцами. — Вот именно!

Верна с подозрением нахмурилась.

— Что «именно»?

— Те, кто бывают там.

— Кто?

Кара оперлась обеими руками на стол и наклонилась с хитрой улыбкой.

— Служители подземелья. Ведь Даркен Рал содержал людей, которые заботились о гробницах... во всяком случае, о гробнице его отца.

— Что это вы тут говорите о гробницах? — спросила Бердина, неторопливо входя в комнату.

Вместе с ней была Найда, высокая, светловолосая и голубоглазая морд-сит. Верна заметила и Эди, замыкавшую их компанию.

— Просто мне кажется, что служители подземелья должны знать все об этих гробницах, — ответила Кара.

Бердина кивнула.

— Скорее всего, ты права. Некоторые надписи в гробницах сделаны на древнед'харрианском языке, поэтому Даркен Рал иногда брал меня с собой туда, чтобы помочь ему с некоторыми местами, которые он затруднялся перевести.

Даркен Рал был очень требователен в отношении того, как содержалась гробница его отца. Даже казнил людей, если они допускали небрежность, не проявляя должной заботы об этом месте. Особенно о гробнице его отца.

— Но ведь это же всего лишь каменные подземные помещения. — Верна была настроена скептически. — Там ведь ничего нет... ни мебели, ни занавесей, ни ковров. О чем там следует заботиться?

Бердина прижалась бедром к столу и, сложив руки, наклонилась, будто делаясь сплетней.

— Ну, во-первых, он требовал, чтобы в вазах всегда были свежие белые розы. Эти розы должны были быть чистого белого цвета. А также требовал, чтобы факелы всегда горели. И предполагалось, что служители должны следить, чтобы ни один лепесток роз не валялся на полу, а выгоревший факел заменялся на новый, горящий.

Если Даркен Рал при посещении гробницы видел на полу лепесток розы или хотя бы один погасший факел, он

приходил в ярость. Людям, работавшим там, отрубали голову за подобное разгильдяйство, так что можете себе представить, как они были внимательны к своим обязанностям там, внизу. Они должны хорошо знать это место.

— Значит, нам нужно поговорить со служителями подземелья, — сказала Верна.

— Попытаться ты можешь, — сказала Бердина, — но не уверена, что они тебе много расскажут.

Верна, уже собравшаяся было идти, остановилась.

— Почему нет?

— Даркен Рал опасался, что они будут не очень лестно отзываться о его отце, когда работают там, внизу, и потому... — Бердина изобразила двумя пальцами ножницы, — отрезал им языки.

— Добрый Создатель, — пробормотала Верна, коснувшись пальцами лба. — Это был не человек, а чудовище.

— Даркен Рал давно умер, — сказала Кара, — но служители подземелья должны все еще оставаться где-то там. И они лучше всякого другого знают это место. — Она направилась к двери. — Давайте сходим и разберемся, что удастся выяснить.

— Думаю, ты права, — сказала Верна, обходя стол. — Если мы сможем получить от них какую-то информацию, по крайней мере в этом вопросе будет определенность. Если внизу действительно что-то не так, нам необходимо знать об этом. А если нет, нам следует направить наши усилия на что-то другое.

Эди ухватила Верну за руку.

— Я пришла сюда за тем, чтобы сказать тебе, что я ухожу.

Верна удивленно заморгала.

— Уходишь? Почему?

— Меня беспокоит, что никого не осталось в Цитадели волшебников. А что если Ричард отправится туда в поисках помощи? Ведь ему необходимо знать, что случилось. И он

должен знать, что Цитадель запечатана. Ему нужно знать и то, что Никки привела шкатулки в действие от его имени. Он должен знать, что Энн и Никки исчезли. И ему может понадобиться помощь тех, кто обладает даром. Если он объявится у Цитадели, там должен кто-то быть.

Верна сделала рукой жест в сторону запада, затем уставилась в абсолютно белые глаза Эди.

— Но ведь Цитадель закрыта. Где же ты останешься там?

Широкая улыбка Эди искажила сеть мелких морщин.

— Эйдиндрил совершенно пуст. Как пуст и Дворец Исповедниц. А мне вовсе не обязательна крыша. Между прочим, в родных краях я жила в лесах, а не в таком вот... — она обвела пальцем окружающее, — месте. Оно ослабляет мой дар, так же как и любого другого, обладающего даром, кроме Рала. Мне очень трудно использовать здесь свой дар для того, чтобы видеть. Лучше я буду что-то делать, чем бесполезно сидеть в темноте, на которую меня обрекает это место.

— Ты вовсе не бесполезна, — возразила ей Верна. — Ты помогла нам со множеством разных вещей, которые мы нашли в книгах.

Эди протянула руку, останавливая ее.

— Вы все узнали бы и без меня. Здесь я бесполезна. Всего лишь мешающаяся под ногами старуха.

— Это вовсе не так, Эди. Все сестры ценят твои знания. Они сами говорили мне это.

— Может быть, но я буду чувствовать себя лучше, ощущая, что у меня есть цель, чем если просто буду бродить в этом... — она вновь обвела вокруг себя неопределенным жестом, — огромном каменном лабиринте.

Верна с печальным видом смягчилась.

— Понимаю.

— Мне будет не хватать тебя, — сказала Бердина.

Эди кивнула.

— Это так. И мне будет не хватать тебя, дитя, и наших долгих бесед.

Кара бросила на Бердину подозрительный взгляд, но ничего не сказала.

Эди подняла руку и пожала плечо Найды.

— С тобой здесь будет Найда.

— Не беспокойся, я составлю ей компанию, — сказала Найда, поглядывая на Бердину. — Я не оставляю ее одну.

Бердина понимающе улыбнулась Найде, затем кивнула Эди.

— Врагов, окружающих нас, больше, чем звезд на небе, — сказала Кара. — Как ты можешь надеяться, что слепая женщина сумеет пройти через них?

Эди поджала губы, пока собиралась с мыслями.

— Гм-м, Ричард Рал умный человек, не так ли?

Кара была явно удивлена вопросом, но все же ответила.

— Да. — Она сложила руки. — Временами даже чересчур умный.

Эди улыбнулась, выслушав последнюю часть ответа.

— Он настолько умный, что вы всегда следуете его приказам?

Кара коротко рассмеялась.

— Разумеется, нет.

Брови у Эди поползли вверх в притворном удивлении.

— Нет? Почему же? Он ведь ваш лидер. Ты же только что сказала, что он умный человек.

— Умный, да. Но он не всегда видит опасность возле себя.

— А ты видишь?

Кара кивнула.

— Я могу заметить ту опасность, которую он не увидит.

— Ага. Стало быть, ты можешь видеть опасности, которые его зрячие глаза видеть не могут?

Кара улыбнулась.

— Иногда Лорд Рал бывает слеп, как летучая мышь.

— Но летучие мыши прекрасно видят в темноте, разве не так?

Кара выглядела смущенной.

— Пожалуй, да. — Она постаралась вернуться к предмету разговора: — Но Лорд Рал нуждается во мне, чтобы я видела окружающие его опасности, которых сам он видеть не может.

Длинным тонким пальцем Эди постучала по виску Кары.

— Ты видишь вот этим, да? Видишь угрожающие ему опасности? — Эди выгнула бровь. — Видишь опасность, которую нельзя видеть просто глазами? Мне отсутствие глаз иногда позволяет видеть больше, чем доступно зрению.

Кара нахмурилась.

— Может быть, все это здорово и хорошо, но я по-прежнему не понимаю, как ты собираешься пройти мимо армии Ордена? Ведь не думаешь же ты попытаться пройти через лагерь?

— Как раз это я и собираюсь сделать. — Эди помахала пальцем в направлении потолка. — Сегодня очень пасмурный день. И ночь будет очень темной. При такой плотной облачности, когда солнце зайдет, а луна еще не появится, кругом будет кромешная тьма. В такую ночь и те, у кого есть глаза, ничего не смогут видеть, но я буду видеть в темноте тем способом, который им недоступен. И я смогу пройти среди них, а они не увидят меня. Если я никуда не буду лезть и буду держаться подальше от тех, кто не спит и бодрствует, то окажусь не больше чем тенью среди теней. Никто не обратит на меня никакого внимания.

— Но они жгут костры, — заметила Бердина.

— Костры только слепят их глаза по отношению к тому, что находится в темноте. Когда горит огонь, люди видят лишь то, что находится на свету, а не то, что в темноте.

— А что если случайно кто-то из этих солдат увидит тебя, или услышит, или еще как-то заметит? — спросила Кара. — Что тогда?

Эди совсем слабо улыбнулась и наклонилась к мордситу.

— Думаю, ты и сама представляешь, что это такое — встретиться в темноте с волшебницей, дитя мое.

Кара выглядела достаточно впечатленной ответом, чтобы не возражать.

— Не уверена, Эди, — сказала Верна. — Мне действительно хотелось бы, чтобы ты оставалась здесь, в безопасности.

— Позволь ей идти, — сказала Кара.

И когда все удивленно посмотрели на нее, она продолжила:

— А что если она права? Что если Лорд Рал объявится в Цитадели? Ему ведь необходимо знать обо всем, что случилось. Он должен знать, что не следует входить в Цитадель, иначе его могут убить те ловушки, что оставил там Зедд.

Что если Лорду Ралу понадобится ее помощь? Если она думает, что может понадобится ему, то она должна быть там, готовая встретить его. Я бы не хотела, чтобы кто-то удерживал меня от того, чтобы помочь ему.

— Между прочим, — сказала Бердина, обменявшись взглядом со старой волшебницей, — никакой особой безопасности в этом месте нет. Скорее всего, там, внизу, ей будет безопасней, чем любому из нас здесь. Когда эта армия, что ждет на равнинах, ворвется наконец во дворец, здесь будет все что угодно, но только не безопасность. Здесь будет один лишь кровавый кошмар.

Эди, улыбнувшись, потянулась и коснулась щеки Бердины.

— Да хранят добрые духи тебя, дитя мое, и всех, кто находится здесь.

Верне очень хотелось бы верить, что так и будет.

Она же раздумывала о том, что делала бы на месте аббатисы сестер Света, если бы это было не так.

Глава 32

Нанося последние штрихи красной боевой раскраски на лица игроков своей команды, Ричард старался не показывать им, насколько болезненны на самом деле его ушибы. Он не хотел, чтобы что-то расстраивало и отвлекало их от предстоящего дела.

Его лодыжка сильно пульсировала, левое плечо ныло, а удары, полученные по голове, отдавались болью в шейных мышцах. После той короткой, но яростной схватки ему так и не удалось достаточно хорошо выспаться. Зато, как он мог бы сказать, хорошо, что все кости целы.

Ричард мысленно отстранился от боли и усталости. Не имело значения, что у него болит и насколько он утомлен. Ему предстояло выполнить задачу. И сейчас имело значение лишь справится ли он с ней, обретет ли успех.

Если он потерпит неудачу, у него будет целая вечность на то, чтобы отоспаться.

— Сегодня у нас есть шанс прославиться, — заметил Джон-Камень.

Ричард, придерживавший подбородок Джона-Камня, слегка повернул его голову вбок, чтобы лучше видеть в слабеющем свете. И ничего не сказал. Он наклонился и обмакнул палец в ковш красной краски, а затем добавил символ, означающий наблюдательность и внимание, как раз над символом силы, который уже был изображен. Ему хотелось бы знать, как выглядит символ здравого смысла, чтобы изобразить его во всю голову Джона-Камня.* *

— А ты так не думаешь, Рубен? — продолжал упорствовать Джон-Камень. — Сегодня у нас есть шанс прославиться?

Все остальные внимательно слушали, что скажет на это Ричард.

— Ты все отлично знаешь, Джон-Камень. Выбрось эти мысли из головы.

Ричард оторвался от работы и обвел пальцем, покрытым свежей красной краской, все уставленные к нему глаза.

— Все вы прекрасно знаете это — по крайней мере должны знать. Оставьте мысли о славе. Те люди, из императорской команды, именно сейчас о славе не думают — они думают о том, как убивать вас. Это вам понятно? Они хотят убить вас.

Сегодня тот день, когда нам предстоит сражаться за то, чтобы остаться в живых. Вот слава, которой я хочу: жизнь. Вот слава, которой я хочу для всех вас. Я хочу, чтобы вы выжили.

Лицо Джона-Камня скривилось в недоверии.

— Но, Рубен, после того как эти люди прошлой ночью пытались разбить твою голову, я думаю, ты захочешь выправить счет.

Все знали о ночном нападении. Джон-Камень всем рассказал об этом — рассказал, как их нападающий сражался с пятью громилами практически один. Ричард не оспаривал его рассказ, но не позволял обсуждать вопрос о своем состоянии. Он хотел, чтобы они больше беспокоились о собственных шеях и не задумывались, сможет ли он продержаться до конца.

— Да, я хочу выиграть, — сказал Ричард, — но не ради славы или сведения счетов. Я пленник. И я нахожусь здесь, чтобы играть. Если мы выиграем, я буду жив — чего яснее? Только это имеет реальное значение: жить. Игроки в джа-ла — и пленники, и солдаты — регулярно умирают в

таких играх; и в этом смысле мы равны. И единственная истинная польза от победы в этих играх — это та ее часть, что касается жизни.

Некоторые другие пленники с пониманием кивали.

— А разве тебя не беспокоит, хоть немного, сам факт разгрома императорской команды? — спросил Брюс, его левый ведомый. — Ведь вполне возможно, что разгром императорской команды — не совсем праведное дело. В конце концов, они представляют силу и мощь Имперского Ордена и самого императора. Их поражение может быть расценено как надменность и самонадеянность, и даже как святотатство.

Все глаза вновь были устремлены к Ричарду.

Ричард спокойно выдержал взгляд этих людей.

— Насколько я знаю, согласно учению Ордена все считаются равными.

Брюс с минуту пристально смотрел на него. Наконец улыбка растеклась по его лицу.

— Ты прав, Рубен. Они всего лишь такие же люди, как и мы. И я считаю, что в таком случае мы должны победить.

— Я тоже так считаю, — сказал Ричард.

А затем, как Ричард и учил их, все как один испустили глубокий рев, выражающий сам дух их товарищества. Это было малозначащее действие, но оно связывало людей, давало им ощутить, что, хотя все они очень разные, у них общая цель.

— До сего момента, — продолжал Ричард, — мы не видели игры императорской команды, так что их тактика нам неизвестна, но они за нашей игрой наблюдали. Насколько я успел заметить, команды обычно не меняют стиль игры, так что наши противники ожидают, что мы будем делать все то же самое, что делали в прошлом. Это нужно сделать одним из наших преимуществ.

Помните о новых приемах игры, которые мы придумали для каждого сигнала. Не используйте старые приемы иг-

ры по сигналу, это собьет всех нас с толка. Новые тактики являются для нас лучшим шансом вывести противника из равновесия. И концентрируйтесь на своей роли в этой тактике. Вот что принесет нам очки.

И еще помните, что эти люди, кроме старания победить, будут пытаться к тому же и покалечить нас. Команды, с которыми мы играли до сих пор, знали, что на любое их действие мы ответим двумя. Эти люди — совсем другие. Они знают, что если проиграют — их ждет смерть, точно так же, как предыдущую императорскую команду, которой довелось проиграть. И поэтому они не собираются играть честно. Они собираются при любом удобном случае сносить нам головы.

Не сомневаюсь, что они попытаются устранить кого-то из игроков нашей команды, так что будьте готовы к этому.

— Но ты и сам один из тех, кого они будут пытаться устранить, — заметил Брюс. — Ты нападающий. Ты тот, кого им необходимо остановить. Они даже попытались устранить тебя еще до того, как ты оказался на игровом поле.

— Все это так, но, как нападающего, меня защищают по меньшей мере ты и Джон-Камень. У большинства же из вас нет иной защиты, кроме собственных мозгов и сноровки. Думаю, они, скорее всего, попытаются сначала охотиться за кем-то из вас, так что не позволяйте, чтобы ваша осмотрительность и осторожность спадали хоть на секунду. Не спускайте глаз друг с друга и при необходимости приходите на помощь.

Вдалеке Ричард уже мог слышать ритмические скандирования бесчисленной толпы солдат, жаждущей начала матча. Казалось, будто скандировал весь лагерь. Ричард подозревал, что каждый, кому не приходится сейчас работать на пандусе и кто не имеет возможности сам посмотреть матч, по меньшей мере ждет, когда до него доберутся сообщения о происходящем.

На этот раз зрителей будет значительно больше, чем обычно. Император распорядился, чтобы рабочие бригады, занимавшиеся выемкой грунта для возведения пандуса, в одном месте, расположенном чуть в стороне, добывали грунт с достаточно большого участка равнин Азрита, чтобы создать там углубленную чашу стадиона. Это новое поле для игры в джа-ла, с широкими, плавно опускающимися склонами, позволит значительно большему числу людей, чем раньше, смотреть игры.

Ричард предполагал, что их игра с императорской командой состоится в полдень, как и многие другие игры, чей день заканчивался, а другие команды еще продолжали играть в матчах чемпионата. Игры, в конце концов, были не чем иным, как шоу для солдат. Расположение нового поля для игры в джа-ла — как раз под Народным Дворцом — было выбрано Джеганем, как демонстрирующее к тому же, что Имперский Орден оставался здесь и теперь владеет этим местом.

Ричард бросил взгляд на темно-серую облачность. Последние лепестки цветка заката поблекли. Надвигалась темная ночь.

Он не рассчитывал, что игра начнется так поздно, но сумерки устраивали его даже больше. Это была скорее одна из тех неожиданных, но счастливых случайностей, на фоне столь монументальных неудач, что преследовали его. Он не боялся темноты. Будучи лесным проводником, он частенько бродил по тропам, когда путь освещали луна и звезды, иногда только звезды. Ричард чувствовал себя в темноте вполне уверенно.

Он умел наблюдать, пользуясь не только одними глазами.

В каком-то отношении то время, когда он жил в лесу, казалось, было совсем недавно, с другой стороны — оно удалено на целую вечность, как совсем иная жизнь. Сейчас он далеко от своих лесов в глубине Хартленда. Очень

далеко от мира и безопасности, которые его тогда окружали.

И очень далеко от любимой женщины, которую тогда обнимал.

Закончив разрисовывать Джона-Камня, Ричард заметил, что через кольцо охраны к ним направляется Карг. После вероломного предательства охраны предыдущей ночью. Люди, причастные к этим событиям, не избежали гнева командующего. Среди охраны появилось несколько новых лиц, без сомнения, более надежных надсмотрщиков. Карг возглавлял эскорт из солдат, обученных следить за игроками-пленниками, чтобы иметь гарантии, что они только играют в джа-ла и не делают ничего другого.

Главным образом эти солдаты следили за Ричардом. Это были его особые стражи.

После того как командующий в конце концов расстегнул его железный ошейник, Ричард, последний в цепочке людей, с которых снимали оковы, наконец-то смог помассировать больную шею. Без тяжелой цепи, тянувшей к земле, он ощутил легкость, почти такую, что, казалось, мог бы парить в воздухе. Это порождало легкомысленное ощущение невесомости. Он наслаждался этим ощущением, делая его частью себя.

Отдаленные скандирования солдат выражали их первобытные чувства. Это лежало за пределами суеверного страха. От этих криков Ричарда пробирала дрожь.

Зрители жаждали крови.

Этим вечером они рассчитывали на удовлетворение этого желания.

Следуя за Каргом, ведущим свою команду на игровое поле, Ричард отключил свое сознание от нарастающего шума толпы и отыскал тихий центр сосредоточения собственных мыслей.

Пока они шли по проходу через толпу солдат, со всех сторон тянулись руки, желающие дотронуться до игро-

ков. Некоторые игроки команды Ричарда улыбались, махали руками и трогали протянутые руки. Джон-Камень, будучи самым крупным и легко замечаемым, находился в центре внимания. Он улыбался, взмахивал руками и пожимал протянутые руки, и восторгался всем, через что они проходили. Ричард видел, что Джону-Камню нравилось поклонение толпы. Ему нравилось доставлять им удовольствие.

Выкрики, выражающие как поддержку, так и ненависть, неслись со всех сторон. Ричард смотрел вперед, не обращая внимания на солдат и на крики, пока проходил мимо них.

— Нервничаешь, Рубен? — спросил командующий через плечо.

— Да.

Карг выдал ему покровительственную улыбку.

— Это пройдет, как только начнется игра.

— Знаю, — сказал Ричард, хмуро посмотрев на него.

Обширная котловина, в которой располагалось поле джа-ла, казалась шумным кипящим котлом, а лица зрителей представлялись пеной над бурлящей темнотой.

Толпа за пределами плотного кольца дрожащего света факелов продолжала скандировать — не слова, а горловое завывание, для поддержки не столько игроков, сколько самих зрителей. В такт скандированиям толпа топала ногами. Глухой шум мог быть не только услышан, он ощущался через дрожь земли, подобно раскатам грома. Действие этого было ошеломляющим и отчасти одуряющим.

Это был первобытный призыв к насилию.

Но сам Ричард был уже далек от всего этого. Он позволил этим примитивным варварским звукам питать те страсти, которые он уже высвободил в глубине себя. Проходя через бурлящее людское море, он находился в своем собственном мире, погрузившись во внутренние переживания.

Карг выстроил команду на краю поля перед линией факелов. Ричард заметил лучников с приготовленными для использования стрелами, равномерно расставленных по периметру поля. Ближе к середине поля, сейчас справа от него, он заметил зону, предназначенную для императора.

Джеганя там не было.

Ричард внутренне весь напрягся, стянутый клубком паники. Он полагал, что Джегань обязательно будет на этой игре и что рядом с ним будет и Кэлен.

Но обнесенная канатами зона пустовала.

Ричард сдержал свои эмоции, отбрасывая смутение и тревогу. Джегань не пропустит этой игры. Рано или поздно, он тут объявится.

Когда императорская команда направилась к противоположному краю поля, толпа исторгла громоподобный рев. Эти люди были лучшими, что мог предложить Орден. Они были героями в глазах бесчисленных тысяч зрителей. Они были людьми, способными побеждать всех, кто оказывается перед ними. Игроками, которые сокрушили всех своих противников, чемпионами, которые больше всех прочих заслуживали победы. Многие воины считали эту команду вполне осязаемым воплощением их собственной силы и мужества.

Пока Ричард и его команда ждали за пределами линии факелов, противник, выглядевший не столько решительно, сколько опасно, совершал шествие вдоль периметра поля, отвечая на приветственный рев исключительно кровожадными взглядами. Толпа любила такой облик ненависти и угрозы, облик предстоящего зрелища.

Когда императорская команда обошла поле по кругу и наконец собралась на другой стороне его в ожидании претендентов, лучники и другие солдаты охраны расступились. Карг махнул рукой Ричарду, и его люди направились шеренгой через этот разрыв. Когда Ричард проходил ми-

мо, командующий прошептал, напоминая, что ему лучше победить.

Ричард вышел на поле. Приветствия оказались почти столь же оглушительными, как прозвучавшие только что в адрес императорской команды, и его неуверенность в выбранном плане развеялось. Во множестве игр, проведенных с тех пор, как оказались в лагере Имперского Ордена, команда Ричарда выигрывала каждую игру и заработала этим уважение среди многих. Ее репутации не вредило даже то, что Ричард что убил нападающего одной из команд. Еще более сильное влияние оказывал сам облик этой команды, разрисованной угрожающими знаками, да еще красной краской. Это была демонстрация, по духу соответствующая игре. И Ричард рассчитывал, что это поможет.

Он несколько встревожился, когда хорошенько разглядел игроков противника. Это были самые крупные из людей, которых ему когда-либо доводилось встречать. Все они выглядели как Улик и Иган из персональной стражи Лорда Рала. И Ричарду пришло в голову, что сейчас ему Улик и Иган вовсе не помешали бы.

Оставив своих людей на краю поля, Ричард один пересек пустое пространство, направляясь в самый центр поля, к судье, держащему пучок соломин. Нападающий императорской команды уже ожидал рядом с судьей и казался почти на фут выше Ричарда. Его шея начиналась от ушей и далее становилась только шире, пока не переходила в плечи, оказавшиеся почти вдвое шире, чем плечи Ричарда.

Отчетливый ряд распухших красных отметин тянулся наискось по одной стороне его лица, отмечая, где к нему приложились звенья цепи. Пока Ричард ждал, рослый нападающий, не спуская с него глаз, первым вытянул соломину.

Соломинка, которую вытянул Ричард, оказалась более короткой. Зрители взревели, довольные тем, что императорская команда получила шанс открыть счет. Нападающий

этой команды самодовольно усмехнулся Ричарду в лицо, затем забрал мяч и отправился на свою половину поля.

Пока Ричард шел назад к своим игрокам, ожидавшим на их конце поля, его взгляд метался по бесконечной массе воинов Ордена, вскидывавших в диком восторге кулаки, жаждущих, все как один, крови, с той или с другой стороны. Лучники держали наготове стрелы, наблюдая, как он одиноко идет к своей команде. Он ощущал возбужденный настрой сотен тысяч солдат, теснящих друг друга, стараясь увидеть, что произойдет, — солдат, которые повсюду, где ни проходили, оставляли за собой бесчисленные трупы невинных мужчин, женщин, детей, виновных лишь в том, что они хотели жить своей жизнью во благо себя и своей семьи.

Ричард ощутил, что окружающий мир погружается в безумие.

Его пристальный взгляд уперся в то место, где, как предполагалось, должен был находиться император. Где должна была быть Кэлен. Без Кэлен, даже без Кэлен, не помнившей его, окружающий мир был пустым и холодным местом.

Ричард ощутил себя очень маленьким и одиноким.

Когда он занял свое место в шеренге игроков, голова была словно ватной. Прозвучал сигнал, и команда противника плотной массой начала наступление. Оказаться сейчас в чаше этого поля джа-ла было все равно что стоять на склоне, наблюдая, как на тебя несется снежная лавина. В эту минуту одиночества и опустошения Ричард не знал, что ему следует делать прямо сейчас.

Столкновение было жестоким. Напрягая все силы, он пытался задержать игроков, защищавших своего нападающего, но они тем не менее прорвались прямо через Ричарда и его команду.

Их нападающий почти церемониально достиг голевой зоны и бросил мяч. Защитники, разрисованные красными

символами, бросались на перехват, но атакующие всех их поваляли. Мяч приземлился точно в сетку, открывая счет.

Толпа исторгла оглушительный рев одобрения.

Ричард кое-что себе уяснил. Пробиваясь через защиту соперника, императорская команда, похоже, полагалась на свое превосходство в размерах и весе. Им не требовалось большого мастерства. Ричард дал своим людям тайный знак рукой, как только противник приготовился к очередной атаке.

Когда они приблизились, все игроки Ричарда, разместившись дугой, стали подсекать массивных соперников, сбивая их с ног. Это было грубовато, но удалось добиться главного: образовать брешь. И прежде чем эта брешь затянулась, Ричард проскочил через нее.

Нападающий другой команды не думал отклоняться от курса, уверенный в своей массе и инерции движения, готовый снести Ричарда, если тот окажется на его пути.

Ричард сделал резкий поворот, подрезая бегущего и цепляя ногой за лодыжку. Тот споткнулся, но сохранил равновесие. Однако в тот момент, когда его руки опустились и чуть ослабли, реагируя на возможное падение вниз лицом, Ричард вырвал у него мяч, нырнул в сторону и стрелой понесся через разрыв в шеренге противников. А когда те устремились к нему, перебросил мяч Джону-Камню, уже занявшему позицию позади цепочки своих игроков. К дикому восторгу болельщиков, Джон-Камень недолго подержал над собой мяч, как бы выставляя его на всеобщее обозрение, пока бежал, вырываясь из тисков преследователей. Довольный происходящим, он развернулся и продолжил бежать задом, чтобы иметь возможность смеяться в лица тех, кто за ним гнался, а затем перебросил через их головы мяч своему нападающему.

Едва Ричард получил мяч, игроки императора бросились к нему со всех сторон. Он увернулся от одного из них,

одурачил обманным движением второго и ушел в сторону от третьего, резко меняя направление, стараясь избежать захвата. Несмотря на то, что его люди задерживали преследователей или блокировали их, противники все-таки смыкались вокруг него. Когда Ричард попытался обойти одного, второй схватил его за плечи, будто перед ним был ребенок, и швырнул на землю. Ричард понял, что ему не удержать мяч в единоборстве с этими людьми, и он совершенно не хотел, чтобы они навалились на него сверху и переломали кости, так что, едва коснувшись земли, отбросил мяч. Брюс уже подбежал в нужное место и в нужное время. Он подхватил мяч, но вскоре тоже был сбит с ног.

Прозвучал сигнал горна, оповестивший об окончании раунда атаки императорской команды. Они заработали очко, а Ричард лишил их удовольствия заработать два.

Перебегая на свою половину поля, он выговаривал самому себе за то, что позволил чувствам взять верх. Он был невнимателен. Не уделял должного внимания тому, что происходит. Едва не позволил убить себя.

Он не сможет помочь Кэлен, если не обретет нужную форму.

Его команда тяжело дышала, многие отдыхали, склонившись на упертые в колени руки. Выглядели они мрачными и подавленными.

— Отлично, — сказал Ричард, подходя к ним. — Мы дали им возможность пережить момент славы. Теперь давайте понизим их энтузиазм.

Это вызвало со всех сторон улыбки. При этих его словах все оживились.

Ричард подхватил мяч, который судья перебросил в его сторону, и посмотрел на своих людей.

— Давайте покажем им, с кем они имеют дело. Играем серию три к одному, затем меняем на обратную. — Он быстро показал им один палец, затем три, на случай, если они не расслышали из-за шума. — Начали.

И, как один, все устремились в безумном беге, мгновенно образуя кольцо вокруг Ричарда. Ни одного блокировщика впереди, ни одного ведомого по флангам. Вместо этого все слились в такую плотную группу, какую только удавалось поддерживать при беге на полной скорости.

Соперникам понравилась подобная тактика. Это был их собственный стиль — грубая сила. И под крики поддержки своих болельщиков они побежали навстречу сжатой в единый кулак команде Ричарда.

Все игроки Ричарда внимательно следили за действиями противников, дожидаясь, когда те достигнут определенного квадрата поля. И за мгновение до столкновения, как только защитники добрались до нужной точки, люди Ричарда вдруг разбежалась рассеялись.

Это действие было столь путающим, что игроки другой команды пребывали в нерешительности, поворачивая то в одну сторону, то в другую, не вполне понимая, что, собственно, предпринимать, когда те, кого они только что собирались атаковать и сокрушить, неожиданно поступили подобным образом. Каждый из людей Ричарда маневрировал, делая самые безумные зигзаги, и казалось, что во всем этом нет никакой системы и никакой цели. Игроки команды Джеганя не знали, кого хватать и куда бежать. В одно мгновение массивное, плотно собранное ядро рассыпалось а множество порхающих бабочек.

Толпа ревела и восторженно хохотала.

Ричард мчался, придерживаясь того же невероятно изломанного курса, как все остальные, и отличало его от них лишь то, что он был единственным человеком с мячом. Когда этот факт дошел до сознания противников, Ричард уже миновал многих из них и глубоко проник на их территорию. И когда два блокировщика ринулись наконец вслед за ним, он помчался так, словно спасал свою жизнь.

Достигнув голевой зоны, он бросил мяч. Едва мяч оторвался от его пальцев, Ричарда атаковали сзади, но уже

слишком поздно, чтобы остановить. Мяч спланировал в сетку. Ричард упал на землю вместе с человеком, который оказался поверх него. К счастью, этот человек несея на перехват на полной скорости, и поэтому его момент инерции просто перекинул его через спину Ричарда.

Ричард поднялся на ноги и побежал назад, на свою сторону поля, под дикие приветственные крики толпы. Счет стал ничейным, но Ричарда не интересовала ничья. Ему требовалось срочно закрепить преимущество. Задуманный им сценарий игры еще не реализован. Его следовало довершить.

Его люди, все как один расплывшиеся в улыбке, собрались вместе как можно быстрее. Ричарду не требовалось подавать им сигналы: он уже дал указания на весь раунд. Когда судья перебросил ему мяч, они немедленно устремились вперед.

И вновь они сформировали плотную группу, пока вели атаку через все поле. Однако на этот раз команда Джеганя, бежавшая к ним, рассыпалась в самую последнюю минуту, готовая к перехвату противника, как только он попытается разбежаться в разные стороны. Толпа криками одобряла и поддерживала их.

Но вместо того, чтобы разделиться, команда Ричарда так и осталась плотным комом до самой середины поля. Несколько отдельных игроков, остававшихся в этой зоне, попытались перехватить их, но были сметены совокупной инерцией этого плотного ядра. Слабые попытки защиты первых двух, а затем и третьего игрока практически не замедляли скорости, с которой неслись люди Ричарда. Команда Джеганя, внезапно осознав, что произошло, бросилась в преследование. Но они опоздали. Ричард уже почти довел своих людей до зоны правых ворот.

Как только он достиг голевой зоны, а его люди прикрывали сзади, образуя защитный барьер, Ричард бросил мяч и проследил в свете факелов, как тот по дуге просколь-

зил в ночном воздухе, а затем достиг цели. Толпа взревела от восторга и одобрения. Протрубил горн, извещающий о конце раунда.

Судья в центре поля объявил счет: одно очко у чемпионов, то есть у команды Джеганя, и два очка у претендентов.

Но затем, прежде чем судья завершил объявление счета и перевернул песочные часы, Ричард заметил, что он повернулся к кому-то возле боковой линии. Это был Джегань. Он находился в отделенной канатами зоне, выделенной для него. Рядом с ним была Никки. Неподалеку стояла Кэлен. С ней была и Джиллиан.

Все ждали, пока судья прошел к боковой линии и с минуту выслушивал императора. Затем он кивнул и вернулся к центру поля, где и объявил, что второй гол был забит после сигнала горна и поэтому не засчитывается. Счет, как объявил судья, возвысив голос, ничейный.

Часть толпы в ярости принялась кричать и скандировать, тогда как другие кричали, радуясь своему счастью.

Игроки Ричарда выкрикивали гневные возражения, оспаривая решение. Ричард встал перед ними. Шум от рева толпы был таким громким, что он боялся, что его люди не услышат его, и потому провел большим пальцем по горлу, останавливая их протесты.

— Вы не можете изменить это! — крикнул он им. — Успокойтесь! Соберитесь!

Они прекратили протестовать, но выглядели явно недовольными. Ричард ощущал себя не лучше их, но понимал, что с этим ничего не может поделать. Ведь именно приказ императора изменил счет игры. Теперь и Ричарду следовало изменить свои планы.

— Мы должны остановить их, — сказал он, вышагивая перед своей командой. — Когда вновь будет наша очередь, будем играть два к пяти. — Он показал им два пальца, а затем пять. Все кивнули. — Мы не можем из-

менить то, что только что случилось, но можем остановить их и помешать набирать очки. А затем сможем вернуться к игре и вернуть то, что было нечестно отобрано. Не думайте о том, что уже сделано, а думайте о том, что мы должны сделать.

Все кивнули, перестраиваясь и начиная готовиться к отражению атаки.

Атака императорской команды была небрежной. Они все еще были в ликовании по поводу благосклонного к ним судейства. Скоординированная блокировка сокрушительно смела с ног их нападающего. Ричард был горд за своих людей, за то, как им удалось обратить свою ярость внутрь и воспользоваться ею.

В ожесточенной борьбе, последовавшей за этим столкновением, мячом завладел Джон-Камень. Когда его начали окружать, он перебросил мяч Брюсу. Тот, в свою очередь, перекинул Ричарду. Ричард пробежался по полю и, под крики толпы, вложил всю свою силу, чтобы бросить мяч с линии двойного счета. Мяч влетел в сетку. Это, разумеется, не было засчитано, но толпа взревела, будто все сделано по правилам. Скандирования сотрясали землю. Это было подтверждением украденного гола. Это было настолько близко к унижению Джеганя, насколько Ричард вообще мог приблизиться.

Болеельщики их команды начали скандировать:

— Четыре — один! Четыре — один! Четыре — один!

Официальный счет оставался по-прежнему один к одному, но на взгляд скандирующих он был теперь четыре к одному.

При их следующей атаке, когда нападающий императорской команды прорвался в голевую зону и бросил мяч, один из игроков команды Ричарда, высоко подпрыгнув, все-таки сумел зацепить мяч так, чтобы он отклонился в сторону и не достиг ворот. Когда прозвучал сигнал, счет оставался один к одному.

Реализовав другую манеру нападения, Ричард почти добрался до голевой зоны, когда его остановили. Его ноги оказались в крепком захвате. Падая на землю, Ричард швырнул мяч в сторону Джона-Камня. Тот подобрал его прежде, чем им завладела другая команда.

Джон-Камень достиг голевой зоны и бросил мяч. Ричард, лежа на земле, наблюдал, как мяч вошел в сетку, изменяя счет.

Джон-Камень, вне себя от радости, подпрыгивал как ребенок и махал высоко в воздухе обеими руками. Толпе это нравилось. Ричард не мог удержаться от улыбки, пока высвобождался из жестких объятий своего блокировщика. Тот на прощание больно ударил его в спину, но Ричард не попался на крючок. Он знал, что лучше не позволять втягивать себя в драку, когда мяч не в игре.

Когда он догнал Джона-Камня и они вместе побежали назад, к стартовой зоне очередного раунда, Ричард похлопал своего ведомого по плечу.

— Ты все сделал отлично, Джон-Камень, — прокричал Ричард под одобрительные вопли зрителей.

— Я заработал нам славу!

Ричард не мог не рассмеяться.

— Славу, — согласился он, вновь хлопая Джона-Камня, на этот раз по спине. — И очко, которое было засчитано.

Пока они перестраивались и ожидали, когда судья вернет им мяч, все громко поздравляли сияющего Джона-Камня. Он взмахнул кулаком, вызывая могучий командный крик, а затем занял свое обычное место справа от Ричарда. Брюс занял место на левом крыле построения. Блокировщики организовали клин, утяжеленный спереди Джоном-Камнем. В этом раунде предполагалось оттягивать защитников на левую сторону, где оборона была наиболее слабой.

Едва они начали атаку, императорская команда направилась на левый фланг Ричарда, как он и хотел, но в по-

следний момент противники сменили направление и врезались в центр, в самую тяжелую часть клина. Такая тактика не давала им возможности остановить Ричарда и не предоставляла возможности отобрать мяч. Они преследовали какую-то другую цель. Когда нападающие набросились на первых блокировщиков, Ричард понял, что должно произойти несчастье.

— Джон-Камень! — закричал Ричард. — Беги вправо!

Вместо этого Джон-Камень опустил ниже свое мощное плечо, врезаясь в центр их построения. Трое из них быстро поднырнули, четвертый обхватил согнутой рукой его шею, а пятый, бежавший на полной скорости, ударил его сбоку, прикладывая силу как к рычагу и поворачивая Джона-Камня, шея которого была зафиксирована.

Ричард ощущал происходящее словно во сне и никак не мог заставить ноги передвигаться достаточно быстро.

Когда он уже бежал, напрягаясь изо всех сил, он отчетливо слышал треск кости.

Глава 33

Кэлен с тяжелым сердцем наблюдала, как Ричард опустился на колени рядом с лежащим на земле правым ведомым. Прозвучал горн. Игроки команды Джеганя торопливо покинули свою жертву, лежащую на боку, возвращаясь на свой конец поля, чтобы приготовиться к защите.

— Он умер? — спросила Джиллиан.

Кэлен обняла девушку за плечи, прижимая к левому боку.

— Боюсь, что да.

— Почему они преднамеренно делают вот такие вещи?

— Именно так Орден понимает Джа-Ла Д'Йин. Убийство — всего лишь средство достижения цели.

Кэлен могла видеть слезы в глазах Ричарда, когда его люди, подхватив на руки, оттащили его от тела. Если бы он не отошел вовремя с того места и не вернулся к игре, его могли лишить права играть за задержку. Помощники судьи поспешили убрать с поля безжизненное тело огромного человека.

Кэлен слышала, как неподалеку, всего в дюжине шагов от нее, коротко посмеивался Джегань.

Никки, стоявшая рядом с ним, бросила быстрый взгляд через плечо. Кэлен не знала, что именно означают слезы, проступающие в ее голубых глазах. Казалось, в них была и печаль по Ричарду, и сдерживаемая ярость, и почему-то предостережение, явно относившееся к самой Кэлен.

У нее не было возможности вновь поговорить с Никки после той первой ночи, когда та была так жестоко наказана. А Джегань с тех пор, как заключил пари с Каргом, был угрюм и раздражителен.

Прошлым вечером, пока Никки ждала в спальне, а Кэлен находилась вне ее, во внутреннем пространстве его шатра, он встречался снаружи с несколькими игроками своей команды. Кэлен не слышала всего, но общее течение их беседы свидетельствовало, что он приказал им устроить так, чтобы нападающий из команды Карга не доставлял им больше никаких беспокойств.

Кэлен провела бессонную ночь, беспокоясь, что Ричард может не дожить до утра. Но чего бы ни планировал Джегань, все закончилось вождленным стремлением к Никки. Кэлен и Джиллиан было приказано оставаться там, где они есть, на полу во внутреннем пространстве. Император хотел побыть один со своей королевой рабов, как он называл ее.

Кэлен не знала, что делал с ней Джегань. Но чего бы он ни делал, Никки никогда не кричала. В его постели она,

как казалось, всегда впадала в оцепенение, не моргая, бездумно глядя в никуда, пока он не уходил по своим делам. Но Кэлен понимала, что делает Никки. Это было единственной доступной ей защитой. Она замыкалась внутри себя, и внешнее безразличие служило защитой для сохранения рассудка. Для нее не было ничего хорошего в том, чтобы обращать внимание на всю ту жестокость, которая на нее изливалась. С другой стороны, ее безразличие приводило Джеганя в бешенство, зачастую вызывая у него приступы насилия.

Кэлен частенько задумывалась, если он станет проделывать с ней все, что проделывал с Никки, найдется ли у нее столько же сил?

Этим утром Кэлен беспокоилась, когда же кто-то позовет сестер, чтобы очередной раз спасти Никки или по меньшей мере немного подлечить ее. Но когда Джегань появился из спальни, он тащил Никки за волосы, затем швырнул ее на пол перед собой и выглядел весьма довольным, глядя на ее беспомощность. Кэлен отчасти успокоилась, потому что, хотя Никки и выглядела избитой, но хотя бы без ран и переломов.

На границе поля команда Ричарда готовилась к следующему раунду. Кэлен бросала взгляды по сторонам, наблюдая, как легионы зрителей все еще скандируют, выражая свою радость от смерти человека. Хотя были и другие, которые яростно кричали и махали кулаками в сторону императорской команды. В воздухе вокруг словно сгустилось напряжение. Когда действие в игре начало быстро набирать обороты, толпа стала успокаиваться, по крайней мере отчасти.

Однако у Кэлен было ощущение, что настроение зрителей изменилось. То, что только что было всеобщим восторгом от начавшегося матча, стало тревожным и начинало вызывать беспокойство. Отношение к игре начало меняться, когда Джегань вмешался в игру, после того как Ричард

забил предыдущий гол. Джегань изменил решение судьи, заявив, что бросок был сделан после сигнала горна. Судья беспрекословно согласился и аннулировал очки, но каждый из наблюдавших за игрой знал, что мяч совершенно явно попал в сетку до сигнала горна.

Столь очевидный факт оказался не имеющим значения. Император опроверг его.

Похоже, красная команда решила играть, будто не потеряла только что самого крупного игрока. Они с силой пробивали себе путь через цепочку блокировщиков. Ричард ловко увернулся от нескольких попыток подловить его. Тем не менее несколько человек из команды противника оставались возле него.

Ричард внезапно остановился на квадрате безопасности — их использовали крайне редко, — не позволив тем самым ближайшему к нему игроку сбить его с ног. Это был тот самый человек, что сломал шею его правому ведомому.

Кэлен не могла даже вообразить, что задумал Ричард. Пока он находится на этом месте, на него нельзя нападать, но это островок, который очень быстро окажется окружен противником. Временно он был в безопасности, но не мог забить мяч с этого квадрата. Рано или поздно ему придется отсюда уйти, но с каждой минутой территория вокруг него будет становиться все более и более опасной.

Как только тот человек повернулся, чтобы проверить, где находятся его соратники, быстро стягивающие кольцо, Ричард окликнул его, привлекая внимание. Тот повернулся, и Ричард, державший мяч двумя руками у груди, внезапно мощно швырнул его вперед. Тяжелый брок врезался игроку в лицо с такой силой, что отскочил назад, прямо в руки Ричарда.

Удар оказался достаточно мощным, чтобы лицо человека частично вдавилось. Нос полностью ушел в череп, игрок обмяк и свалился бесформенной кучей.

Толпа ахнула от такого поворота событий.

В ярости один из противников, что находился слева, бросился на него, невзирая на то, что Ричард находился в квадрате безопасности. Судья явно не спешил объявить нарушение. Ричард перекатил мяч под свою левую руку, слегка уклоняясь в ту же сторону, но держась все время лицом к противнику. В последний момент он вынес правый локоть так, что толстая кость предплечья нанесла рубящий удар в горло нападавшего. Тот схватился за горло, сделал шаг назад и упал. Одна нога рефлексивно подергивалась, пока он отчаянно пытался вдохнуть. Скорее всего, у этого игрока оказалось перебито дыхательное горло, и его лицо начало менять цвет с красного на синий.

Еще один здоровяк тут же кинулся в атаку слева, подняв сжатый кулак. Ричард ушел от его удара вбок, но остался близко к нападавшему, так что тот полностью раскрылся, и Ричард не преминул воспользоваться этой ситуацией. Мощный рывок руки, вся сила которого сосредоточилась в кулаке, завершился в области сердца. Удар был достаточно силен, чтобы нападавший зашатался. Здоровяк схватился за грудь с выражением смущения и недоверия, а затем его глаза закатились и он рухнул на землю.

Без чьей-либо помощи Ричард устранил трех человек, каждый из которых был значительно крупнее его. Теперь ей было вполне понятно, почему так много стрел, рассредоточенных по краю поля, все время направлены на него.

Кэлен не могла даже вообразить, что случится, если Ричард вдруг заполучит меч.

Ричард же не стал терять времени. Он промчался через брешь в обороне, которую только что сам и создал, и направился к воротам. Его люди, как было видно, приготовились к этому его ходу. Они уже выстроились вдоль его маршрута, готовые блокировать защитников, ринувшихся вслед за ним. И по всему полю игроки сталкивались, сбивая друг друга.

Кэлен могла видеть, как все лица на противоположном склоне, с той стороны от поля, повернулись в унисон, следя за тем, как Ричард бежит в сторону незащищенных ворот, обходя и уворачиваясь от одних противников, тогда как его люди сбивают с его пути других.

И Ричард, вблизи которого не оказалось никого, кто мог бы остановить его, добежал до голевой зоны. И без всяких помех забросил мяч в сетку, зарабатывая очко. Его команда снова была впереди.

Толпа оказалась захвачена столь стремительным развитием событий. Даже Джегань сделал шаг вперед, ближе к краю поля, наблюдая, сжав от напряжения одну руку в кулак. Его стража тоже подалась вперед, наблюдая за командой Ричарда, которая еще не закончила свой раунд и, получив мяч от судьи, начала очередную атаку.

Как только они перешли на территорию противника, Ричард побежал влево, но его тут же сбили с ног. Кэлен показалось, что это сделано им преднамеренно. Это напоминало то, как он упал в грязь, чтобы никто не мог узнать его, в тот день, когда они пришли посмотреть на его команду.

Когда Ричард упал на спину, мяч выпал из его рук, и это тоже показалось ей немного не вполне естественным. Ей пришло в голову, что все это выглядит как некий план. Его левый ведомый, до этого просто бежавший через поле, просто случайно оказался в нужном месте в нужное время. Он наклонился и просто подобрал мяч, когда тот катился мимо. В следующее мгновение он был в голевой зоне и сделал бросок. В том случае, когда Ричард лежал на земле, совершенно законным правом ведомого было сделать бросок по воротам.

Мяч влетел в сетку, вызывая громоподобные овации зрителей.

Ведомый вскинул руки от радости по поводу забитого гола. Это было нечто такое, что ведомый крайне редко мог

попытаться сделать, и еще реже — совершить. Хотя Кэлен и знала, что это разрешено, она не видела, чтобы такое случилось раньше.

Когда прозвучал горн, возвещавший конец раунда, Ричард догнал своего левого ведомого и с гордой улыбкой похлопал его по спине. И судя по тому, как тот посмотрел на Ричарда, Кэлен решила, что одобрение с его стороны значит для этого человека не меньше, чем сам забитый гол.

Этот ведомый был солдатом Имперского Ордена, а не пленником, как многие в команде Ричарда. Ее насторожило, почему Ричард так дружелюбен с солдатом Ордена. Всякий раз, едва она начинала питать надежды на этого человека, происходило что-то такое, что заставляло вернуться к осмотрительности.

Когда на вчерашней игре Никки увидела человека по имени Рубен и произнесла имя «Ричард», Кэлен поняла, что Ричард и есть настоящее имя этого человека. Хотя ей потом не удалось перекинуться и словом с Никки, так что она и не могла спросить ее, но подозревала, что Ричард — на самом деле Ричард Рал... Лорд Рал.

Она не знала, правда ли это, но это определенно объяснило бы многое, как, например, почему этот человек упал лицом в грязь в тот первый день и почему он разрисовал свое лицо этими нелепыми фантастическими знаками, предназначенными скрыть, кто он, а также почему он представился именем Рубен.

Это казалось попросту невозможным, и тем не менее — сам Лорд Рал был пленником Имперского Ордена, играющим в джа-ла против команды императора.

Но что на самом деле беспокоило ее, так это то, что он знал ее. Он произнес ее имя в тот первый день, когда находился в клетке, стоявшей на одной из повозок каравана с продовольствием, въезжавшего в лагерь. Она предположила, что Орден захватил его в плен, даже не догадываясь,

кто это. Хотя совпадение всех этих событий показалось ей слишком необычным. Но она понимала, что, возможно, просто в этом есть что-то, о чем она не подозревает. Может быть, Ричард позволил захватить себя, чтобы оказаться ближе к ней. Чтобы освободить ее.

Это, на ее собственный взгляд, было чрезмерной фантазией.

Но все же она не переставала задумываться, почему сама продолжает оставаться в центре многих событий.

Ей хотелось, чтобы выпала возможность еще раз поговорить с Никки и спросить у нее, действительно ли это Ричард Рал.

Но затем, по реакции Никки, по ее глазам, наполненным слезами, когда та увидела его, Кэлен решила, что нет нужды ни в каких вопросах. Все было написано на ее лице.

Это был человек, которого Никки любила.

Угловым зрением Кэлен продолжала следить за своими особыми стражами, в то время как они разрывались в попытках следить за ней и за игрой. Когда толпа очередной раз взревела, выбрасывая в воздух сжатые кулаки, предвкушая зрелище, ее охранники наклонялись то туда, то сюда, чтобы хоть иногда между телохранителями Джеганя глянуть на поле, где мяч получила императорская команда, чья очередь была теперь набирать очки. Игроки, которых только что оттащили к боковой линии, были заменены запасными. По тому, как именно этих троих бросили у края поля, Кэлен поняла, что они мертвы. Ричард убил их всех почти моментально и без чьей-либо помощи.

Кэлен вовсе не думала, что на этом все закончится.

Когда императорская команда начала атаку, казалось, ее охватила слепая ярость. Сбившись в группу, игроки неслись прямо по центру, намереваясь снести любого, кто окажется у них на пути. Люди Ричарда расступились, а затем развернулись и быстро атаковали с тыла, с обеих сто-

рон, сбивая их с ног. Нападающие как бежали, так и падали вниз лицом, и заготовленный ударный прорыв все более угасал.

Одна из блокировок оказалась достаточно резкой, лодыжка игрока императорской команды была сломана, и тот дико закричал от боли. Нападающий, услышав этот крик, отвлекся на долю секунды — и этого оказалось достаточно, чтобы его повалили два защитника. Его с такой силой швырнули на землю, что удар вышиб воздух из его легких, а его зубы клацнули. Тут же вспыхнула драка за обладание мячом.

Как только люди Джеганя слегка очухались, они разбросали противников в стороны и сумели удержать мяч. Оказавшись снова на ногах, они приложили все силы, чтобы прорвать оборону. Некоторые игроки команды Ричарда остались лежать на земле, перекатываясь от боли. Толпа редела, неистово поддерживая императорскую команду. Их нападающий прокладывал себе путь, обходя одних и отталкивая других.

Охранники Кэлен, услышав вопли болельщиков, еще чуть продвинулись вперед, пытаясь увидеть, что происходит. Это освободило место возле боковой линии, где стояла Кэлен. Давка среди зрителей, дальние ряды которых стремились оказаться поближе к полю, напирая всем своим весом, приводила к тому, что императорский сектор уменьшался с обеих сторон. Около поля, где находился сам Джегань, его личная стража еще старалась оттеснять людей в стороны, но даже они были настолько захвачены неистовой борьбой, происходящей на поле джа-ла, что не уделяли достаточно внимания ситуации позади себя, где пространство медленно сжималось.

Кэлен напрягала левую руку, стараясь защитить Джиллиан, прижимая ее к себе, тогда как особые стражи, имея обзор все хуже и хуже, начали почти постоянно продвигаться вперед, откуда было удобнее наблюдать за игрой. Те, кто

был позади Кэлен, подступали все ближе и протискивались мимо нее, в целом все вместе передвигаясь вперед.

Никки, на время забытая императором, полностью поглощенным наблюдением за игрой, сделала шаг назад, уступая место. Это позволило стражам, окружавшим Кэлен, продвинуться еще чуть вперед. В целом все выглядело вполне естественно и походило на то, будто она всего лишь не хотела мешать им в том, к чему они стремились.

Джегань, как все вокруг, подбадривал, стонал и охал, сыпал проклятья и кричал на команды, находившиеся на поле. Темнота уже давно сгустилась, придавая всему действию оттенок потусторонности. Факелы, расположенные в линию по границе поля, создавали мерцающее освещение открытого участка земли, окруженного морем темноты. Между многими факелами стояли лучники, державшие наготове стрелы. Но даже и они поддавались возбуждению игры, больше наблюдая за происходившим действием, чем за пленниками.

Кэлен чувствовала, будто оказалась в бурлении неистового ритуала, посвященного насилию. Толпа не только кричала и подбадривала, но и начала скандировать, топая ногами в такт этим скандированиям, когда почитаемая ими команда рванулась через поле. Земля сотрясалась от удара сотен тысяч сапог, опускавшихся со стуком одновременно. Ночь, темная и облачная, словно наполнялась усиливающимися раскатами грома.

Общий тон завораживал. И даже Кэлен была захвачена этим настроением.

Она, вместе с другими наблюдавшими рядом с ней за игрой, ощущала себя так, будто была там, на поле, и неслась вперед вместе с игроками. Ее сердце бешено колотилось, пока она наблюдала, как Ричард уклонился от захвата, нырнул под вытянутой рукой и проскользнул между двумя людьми, прыгнувшими на него. Она вздрогнула и от-

вела взгляд, когда люди столкнулись. Многие зрители застонали, будто сами ощутили этот удар.

По мере того как песочные часы отмеряли раунды, счет менялся то туда, то сюда. Иногда она замечала, что Ричард промахивается, теряя голы, которые, без сомнения, он мог бы забить. То казалось, что он нарочно бежал медленнее, чтобы защитник мог догнать его и подсечь. Один раз он, похоже, даже специально промахнулся, бросая мяч.

Он вновь «падал и падал в грязь», фигурально выражаясь. И на этот раз она не понимала, почему.

В ходе этой игры она все больше и больше убеждалась, что он управлял счетом, удерживая его на небольшом разрыве. Когда императорская команда забивала гол, проходило совсем немного времени, как он забивал ответный, оставляя счет прежним, но затем промахивался или не справлялся с тем, чтобы довести дело до конца и забить следующий — пока императорская команда не забивала очередной гол. Затем довольно долго перевороты песчаных часов следовали один за другим, не изменяя общего расклада. Он был равным: у каждой команды по семь очков.

Она могла бы сказать, что, судя по тому, как он двигается, он не просто сдерживает счет, но при этом еще старается экономить силы. Все остальные в его команде работали на износ. Ричард же совершал только необходимые движения.

Такая затянувшаяся борьба с равным счетом все сильнее разжигала страсти у болельщиков на склонах стадиона, доводя их до возбужденного предвкушения. Многие из них выкрикивали приветствия и поддержку, громко хлопали, свистели и кричали в сторону той команды, за которую болели, тогда как другие потрясали кулаками и выкрикивали проклятья команде, которую не считали своей. И тут, и там между зрителями разгорались драки. Правда, они

быстро заканчивались, потому что всем хотелось следить за игрой.

Кэлен, наблюдая за постепенными передвижениями Никки, заметила, что та теперь находится на полдюжины шагов позади Джеганя. На нее никто не обращал внимания. Лишь Джегань дважды оборачивался назад, едва глядя в ее сторону, просто чтобы лишний раз убедиться, что она никуда не делась.

Кэлен видела здесь и женщин, сопровождающих лагерь, которые находились у самого края поля и были так же дико возбуждены, как и остальная толпа, и показывали свои достоинства, обнажая груди, когда игроки пробегали мимо. Хотя пространство, окружающее поле и граничащее с боковой его линией, было особо ценным и часто вызывало драки, женщинам на таких матчах позволялся свободный доступ именно на край поля. Толпы мужиков, зная, как подогревают эти женщины игроков, стараясь привлечь их внимание, провоцировали их на это. Было заметно, что женщины страстно жаждут внимания. Сквозь оглушающий шум толпы Кэлен могла слышать, как некоторые из ближайших к ней женщин выкрикивали непристойные обещания победителям, когда игроки пробегали мимо.

Обычно женщины, ведущие себя подобным образом среди солдат Ордена, недолго оставались свободными, но сейчас мужчины гораздо более интересовались игрой на поле. Поведение женщин только добавлялось к общему буйству эмоций. Это все тоже было частью Джа-Ла Д'Йин.

Когда Никки оказалась уже близко к Кэлен, Джиллиан потянулась и тронула ее за руку.

— С тобой все в порядке? — прошептала она достаточно громко, чтобы быть услышанной сквозь шум толпы. — Мы так беспокоились за тебя.

Сложив чашей ладонь, Никки притронулась к щеке девочки и улыбнулась, кротко кивая в ответ.

— Он что-то замышляет, — едва слышно сказала Никки, наклонившись чуть ближе к Кэлен.

— Знаю.

— Это может дать тебе возможность сбежать. Я сделаю все, чтобы помочь тебе. Так что будь готова.

Кэлен не думала, что с металлическим кольцом на шее у нее есть какой-то шанс на побег. Но все же настроение у нее поднялось, даже если она и думала, что это совершенно неправдоподобно. Пусть даже у нее самой не будет хоть какого-то реального шанса, могла представиться какая-то возможность для чего-то иного, что позволит спасти других.

Когда Никки вновь посмотрела в ее сторону, Кэлен слегка приподняла уже протянутую в ее сторону руку, пряча что-то под ладонью.

— Вот. Возьми это.

Никки лишь нахмурилась, и тогда Кэлен быстро, но с достаточной задержкой, повернула ладонь, чтобы Никки заметила рукоятку ножа. Лезвие был прижато к запястью под рукавом блузки.

— Оставь себе, — сказала Никки. — Тебе он может понадобиться.

— У меня уже есть два.

Никки пару секунд смотрела с удивлением, затем дернула головой, указывая, что следует передать нож Джиллиан. Джиллиан в ответ распахнула свой плащ, показывая Никки нож, который Кэлен уже дала ей.

Никки взглянула на Кэлен.

— Я в этом деле не мастер.

— Это не трудно, — сказала Кэлен, втискивая рукоятку ножа в руку Никки. — В нужное время просто ткни острием в какое-нибудь жизненно важное место кого-то, кто тебе действительно не понравился.

Голубые глаза Никки украдкой взглянули на Джеганя.

— Думаю, что смогу это сделать.

Кэлен подумала, глядя на Никки, стоявшую в мягком свете факелов, со светлыми волосами, разбросанными по прямым плечам, что она, вероятно, самая красивая женщина, какую ей доводилось видеть. Однако дело было не только в том, что она красива. Несмотря на все то, что Джегань делал с ней, она оставалась неустрашимой. В ней была внутренняя сила и величие.

— Так он — это Ричард Рал? — спросила Кэлен.

Голубые глаза Никки повернулись к Кэлен и с минуту пристально разглядывали ее.

— Да.

— А что же он делает здесь?

Рот Никки чуть изогнулся в легкой улыбке.

— Он Ричард Рал.

— И ты знаешь, что он замышляет?

Никки слегка качнула головой, в то время как ее взгляд скользнул по страже, проверяя, что никто из них не обращает сейчас на пленниц внимания. Через просветы между людьми женщины могли видеть пробегающих неподалеку игроков, разрисованных красными знаками.

— Так там действительно Ричард? — спросила Джиллиан.

Никки кивнула.

— Как ты смогла определить? Я имею в виду, при их раскраске как ты можешь быть так уверена? Я знаю Ричарда, но не могла бы так сказать.

Никки еще раз посмотрела на Джиллиан.

— Это он.

В ее тоне была спокойная уверенность, не оставляющая места для вопросов. Кэлен подумала, что Никки, вероятно, могла бы узнать этого человека даже в полной темноте.

— Откуда он знает меня? — спросила она.

Никки долгую минуту смотрела в глаза Кэлен.

— Здесь не место для подобной беседы. Просто будь готовой.

— Готовой к чему? — спросила Кэлен. — Что, по-твоему, он собирается делать? Что, по-твоему, он *может* сделать?

— Если я действительно знаю Ричарда, то ожидаю, что он должен начать сражение.

Кэлен заморгала от удивления.

— Просто вот так, сам?

— Если он должен.

На поле императорская команда забила гол как раз перед сигналом горна, означающего конец их раунда. Толпа безумствовала. Кэлен содрогнулась от этого рева. Уровень шума был ошеломляющим.

Команда Ричарда отставала на одно очко.

Ожидая, когда люди займут свое место и горн возвестит о начале раунда красной команды, вся толпа разразилась глубоким, ритмическим, глухим стоном. Вся собравшаяся здесь орда начала топать ногами между каждым таким глухим стоном.

Ух-ха. Глухой удар. Ух-ха. Глухой удар. Ух-ха. Глухой удар.

Казалось, весь мир сдвигается с каждым из этих «Ух-ха». Земля сотрясалась с каждым ударом. Даже Джегань и его гвардия присоединились к этому. Это добавляло ночи жуткое, варварское, первобытное ощущение, будто все цивилизованное вокруг отброшено ради этого спектакля обнажившейся свирепости.

Болельщики императорской команды хотели, чтобы их игроки порвали противников в клочья, вместо того чтобы позволить им забить гол. А поддерживавшие команду Ричарда, хотели, чтобы их любимцы разгромили всех, кто стоит у них на пути.

Эти скандирования были требованием крови.

Начинался последний раунд, и команда Ричарда должна забить гол — или ей грозит проигрыш. Однако если они

заработают очко в этом раунде, игра будет продолжена в дополнительное время.

Кэлен примечала быстрые взгляды Ричарда, лишённые всяких эмоций, когда он собирал своих людей. Он сделал едва заметный тайный знак рукой. Когда он развернулся, его взгляд скользнул по окружающему, и на мгновение их глаза встретились.

Энергия, сконцентрированная в этой очень кратковременной связи, заставила сердце Кэлен биться с неудержимой силой, и она ощутила слабость в коленях.

Так же быстро, как и до этого, испытующий взгляд Ричарда продолжил движение. Но никто, кроме Кэлен, не знал, что он смотрел прямо на нее, а если кто и заметил это, то не понял, почему.

Кэлен же поняла.

Он проверял ее позицию. Это была та самая минута, ради которой он разукрасил себя странными символами. Та минута, ради которой удерживал равным счет. Он сокрушал каждую команду, которая встречалась на его пути, ради того, чтобы быть уверенным, что окажется здесь, в этом месте и в эту минуту.

Она не могла вообразить, почему, но все это было ради этой самой минуты.

Ричард издал боевой клич и начал атаку.

Видя его, покрытого пугающими красными символами, с напряженными мускулами, с хищным взглядом и собранной в узел энергией, совершающего плавное движение, — Кэлен думала, что ее сердце, бьющее как молот, может вот-вот разорваться.

Глава 34

Все взгляды были прикованы к Ричарду, который бежал с мячом, придерживая его лишь левой рукой. Кэлен, тоже невольно сделавшая шаг вперед, остановилась как вкопанная. В напряженном ожидании весь стадион затаил дыхание.

Команда Джеганя на другом конце поля начала свое стремительное движение с намерением остановить атаку. Если они смогут удержать команду Ричарда и не дадут им забросить мяч, то станут победителями чемпионата. Все они были опытными игроками и понимали, что победа сейчас у них в руках, и не собирались позволить, чтобы что-либо изменило эту ситуацию.

Ричард, прикрытый блокировщиками и оставшимся ведомым, теперь бежал вправо. Затем, придерживаясь правой границы поля, устремился вперед с головокружительной скоростью. Пламя факелов трепетало и посвистывало, когда он проносился мимо. Женщины протягивали руки, пытаясь коснуться его, продолжая кричать вместе со всеми.

Ричард вдруг оказался прямо здесь, перед ними, пробегая мимо императора. Джегань выглядел так, будто сам рвался поставить подножку, когда нападающий промчался мимо.

Кэлен ожидала, что Ричард остановится, повернется к императору и убьет его, подобно тому как косил всех прочих, но он не сделал этого. Он даже не посмотрел в его сторону, пробегая.

У Ричарда был шанс совершить убийство — и он не воспользовался им.

Кэлен не могла даже вообразить, почему он не сделал этого, если, по заявлению Никки, наверняка что-то задумал. Возможно, это была всего лишь надежда Никки, то, чего хотелось ей... да и Кэлен тоже.

Через мгновение Ричард и его люди исчезли из ее поля зрения, продолжая свою атаку через поле.

Команда Джеганя — видя, что противники остаются относительно близко друг к другу в своем безудержном беге, вместо того чтобы рассеяться по всему полю, как уже несколько раз совсем недавно делали, — готовилась встретить их приближение, формируя непробиваемую стену из костей и мускулов, способную остановить атаку.

В прошлые раунды императорская команда старалась удерживать Ричарда, не позволяя ему забить мяч. Сейчас они знали, что для победы им достаточно просто сдержать своих противников и не дать им увеличить счет. Хотя, похоже, они хотели чего-то большего. Но хотели они не просто победить; они хотели сокрушительно разгромить противника. Игроки Джеганя выглядели так, будто настроены со всей яростью завершить игру как можно более жестоким образом.

Продолжая бежать, люди Ричарда, вместо того чтобы рассеяться или, наоборот, сделать построение, предназначенное для встречи с блокировщиками, неожиданно и необъяснимо продолжали держаться вместе. Затем, что еще более удивительно, они образовали одну колонну. Продолжая бежать, они располагались близко один за другим, и при этом впереди находились самые крупные. Каждый из них потянулся вперед и положил руку на плечо человека перед ним, смыкая, таким образом, колонну в единое целое. Их длинные стремительные шаги происходили синхронно.

Вся команда Ричарда объединилась в плотный таран из человеческого материала, готовый действовать как стенобитное орудие.

Эта колонна, в которой Ричард находился ближе к концу, двигалась не так быстро, как мог бы двигаться сам по себе отдельный человек, но не это было главным, а то, что они обладали малой скоростью, более чем компенсиро-

валось их совокупным весом, дающим им ошеломляющий момент инерции.

Хотя бежавшие по отдельности игроки команды Джеганя и напрягали все силы, бегущая цепочка людей прорвалась сквозь них, как бревно сквозь дверь хижины нищего.

Все игроки команды Джеганя привыкли, что собственные габариты и вес хорошо помогают им в защите, но какими бы крупными эти люди ни были, они никак не могли остановить совокупный вес всей команды Ричарда, налетевший в них таким сконцентрированным образом. При таком подавляющем превосходстве в весе колонна пробилась сквозь них, даже не снизив скорости, раскидывая блокировщиков по сторонам.

Некоторые из людей Ричарда, находившиеся впереди, были отброшены в сторону при таком жестком контакте, но когда падал один, на его месте оказывался следующий человек из цепочки, и в целом вся группа продолжала пробиваться сквозь защиту противника.

И едва они приблизились к первой линии броска, еще на приличном расстоянии от стандартной голевой зоны, колонна разом распалась и бросилась на блокировщиков, наступавших на них. На какое-то мгновение, благодаря этому маневру, вокруг Ричарда образовалась свободная зона.

Он бросил мяч с дальней линии, с весьма приличного расстояния до ворот. Едва мяч взметнулся по дуге в ночной воздух и заскользил в свете факелов, толпа подалась вперед, все как один затаили дыхание, все глаза наблюдали за этим полетом.

Мяч с лязгом ударился в сетку, обеспечивая прибавление двух очков.

Толпа взорвалась громовым ревом, от которого задрожал воздух и содрогнулась земля.

Команда Ричарда оказалась на одно очко впереди. У императорской команды больше не было в запасе перево-

рота песочных часов; путь к победе оказался для них закрыт. Хотя оставалась еще игровое время команды Ричарда, они больше не нуждались в нем. Игра фактически оказалась выиграна, даже несмотря на то, что песок в часах еще продолжал сыпаться.

Император Джегань стоял с каменным лицом. Его стражи с безжалостным видом стали оттеснять возбужденные толпы, напирающие с каждой стороны, не переставшие скандировать и выкрикивать одобрения.

Наконец Джегань высоко вскинул руку. Дикое торжество начало стихать, откатываясь к дальним рядам, по мере того как оборачивалось общим вниманием к тому, что будет делать император. Джегань сделал знак судьбе.

Кэлен быстро взглянула на Никки. Они не могли слышать, о чем совещались эти двое, склонив друг к другу головы.

Судья, немного побледнев, кивнул императору, а затем побежал в центр поля, подняв руку, что означало объявление решения.

— Нападающий заступил за границу поля, когда бежал вдоль боковой линии, — донеслись слова судьи в неподвижном ночном воздухе. — Очки не засчитываются. Команда его превосходительства по-прежнему лидирует на одно очко. Игра будет продолжена, пока не истечет время.

Если толпа стала дикой и необузданной, когда Ричард забросил мяч в ворота, то теперь все сделались словно обезумевшими, впали в исступление. Целая армия, следившая за игрой, пришла в смятение, в толпе начались беспорядки.

Тем не менее по Ричарду не было заметно, что он как-то задет таким решением. Видимо, он и его команда примерно этого и ожидали и, судя по всему, не были обескуражены.

Когда судья перебросил им мяч, они уже были готовы. В джа-ла не могло быть задержек. Однако команда Джега-

ня, похоже, продолжала радоваться очередному повороту удачи в их сторону и не перестроилась для защиты. Команда Ричарда, имея мало оставшегося до конца игры времени, не стала медлить и тут же начала атаку.

Пересекая поле, на этот раз они направились влево, к стороне, противоположной той, откуда наблюдала Кэлен. И вновь они сформировали ту же плотную колонну, держа руку на плече бегущего впереди игрока. Они разыгрывали ту же комбинацию, но на другой половине поля.

Еще одним отличием было то, что на этот раз они держались дальше от боковой линии — достаточно далеко, чтобы любому, а особенно толпе на той стороне поля, было хорошо видно, что они вовсе не рядом с боковой границей поля.

Команда Джеганя видела, что приближается к ним, но не успевала организовать защиту, чтобы блокировать навигирующееся построение. Они осознавали опасность и бросились навстречу наступающей команде.

Когда команда Ричарда пробила редкую цепочку блокировщиков и достигла той же самой линии броска, как и в прошлый раз, задолго до стандартной голевой зоны, они опять рассеялись, создавая свободное пространство для своего нападающего. И в это мгновение, недостижимый для защитников, Ричард бросил мяч.

Он проплыл выше всех вытянутых вверх рук подпрыгнувших в попытке перехвата игроков команды Джеганя и четко опустил в сетку, принося два очка.

Стадион взорвался в диком восторге.

Прозвучал сигнал горна, почти не слышный за громозвучным ревом.

Игра была закончена. Команда Ричарда выиграла чемпионат, и даже несколько раз подряд.

Джегань, с лицом, покрасневшим от ярости, сделал широкий шаг назад, потянулся, схватил за руку Никки, а затем дернул ее вперед, помещая рядом с собой.

Он выбросил другую руку в воздух, останавливая работу судей. Судья и его помощники стояли будто застывшие, наблюдая за Джеганем. Крики начали захлебываться, встревоженная толпа стала медленно затихать.

— Их нападающий переступил границу поля! — прокричал Джегань в холодном ночном воздухе. — Он выбежал за границу поля!

Когда Ричард забросил мяч в прошлый раз, поскольку он пробегал очень близко к ним, Кэлен могла видеть, что он не переступал границу. На самом деле люди, стоящие именно вдоль линии поля, протягивали руки, пытаясь коснуться его, но он оставался вне их досягаемости. Кроме того, даже если сейчас Ричард и действительно заступил за границу, Джегань никак не мог видеть этого через все поле.

— Игра окончена! — пронзительно выкрикнул Джегань. — Нет никаких забитых голов! Игра окончена! Чемпионат выиграла императорская команда!

Люди, заполнявшие склоны игрового поля, не верили своим ушам.

— Так сказал Джегань Справедливый! — выкрикнула Никки в толпу, высмеивая решение Джеганя.

Ричард только что сделал так, чтобы Джегань Справедливый продемонстрировал всем, что в понятиях Ордена справедливость — вещь совершенно бессмысленная. А Никки вогнала этот нож еще глубже.

Джегань ударил ее тыльной стороной руки, достаточно сильно, чтобы отбросить прямо к ногам Кэлен.

Болезельщики императорской команды сходили с ума от ликования. Воины подпрыгивали на месте, не переставая кричать и скандировать, будто это они сами завоевали сейчас победу.

Болезельщики команды Ричарда сходили с ума от ярости.

Кэлен, затаив дыхание, стиснула в руке нож, проверяя позиции всех своих стражей, тогда как Джиллиан наклон-

нилась, чтобы помочь женщине с окровавленным лицом у их ног.

Болельщики команды Джеганя выкрикивали оскорбления и насмешки в сторону людей, которые кричали им, что их команда — сборище проигравшихся мошенников. Люди сначала просто пихали друг друга. В воздухе замелькали кулаки. Повсюду воины стали присоединяться к одной или к другой стороне и уже начали обнажать оружие.

В одно мгновение весь лагерь оказался охвачен бунтом.

Массы людей, собравшиеся на склонах этого стадиона, готовые выплеснуть свой гнев, вдруг лавиной потекли вниз, на поле джа-ла. Завязалась ожесточенная схватка, будто вся армия вдруг оказалась втянута в генеральное сражение.

Кэлен никак не могла поверить, что такое возможно, но Никки оказалась права.

Ричард только что начал сражение.

Глава 35

Элитная стража Джеганя, его гвардия, спинами пыталась теснить толпу назад сразу со всех сторон огороженного пространства. Пребывающий в ярости император наблюдал, как перед ним разворачивается яростная схватка. Он не сделал ни единого движения, чтобы убраться в безопасное место. Если уж на то пошло, по его виду можно было сказать, что он и сам жаждал присоединиться к этому сражению. Его стража делала все, что в ее силах, чтобы это сражение оставалось в стороне от императора.

Кэлен заметила Ричарда на дальней от нее стороне поля. В свете факелов его раскраска выделялась как предупреждение, что вот-вот откроется сама преисподняя и по-

глотит их всех. Позади него и людей его команды по всему скату стадиона творился самый настоящий бунт. Пьяное буйство, спущенная с цепи ярость и жажда крови бурлили без всяких ограничений.

Кэлен забеспокоилась, что красные линии на лице Ричарда сделают его мишенью для всех болельщиков императорской команды. Все они очень хорошо знали, кто он такой и что только что сделал. Он был одновременно объектом восхищения и предметом ненависти. Она боялась, что то, что было задумано как маскировка, послужит тому, что его запросто обнаружат те, кто хотят убить.

Оценив расположение полудюжины своих особых стражей в общей свите и видя, что в данный момент они более обеспокоены защитой жизни императора, чем наблюдением за ней, Кэлен спешно присела рядом с Джилиан. Кровавые полосы шли через все лицо Никки. Целый ряд граней украшений на кольцах Джеганя, двигавшихся под углом, прорезал ее щеку. Она была в оцепенении, но, похоже, уже приходила в себя.

— Никки, — настойчиво шептала Кэлен, осторожно поднимая ее плечи и голову, — тебе очень плохо?

Голубые глаза Никки прищурились в попытке разглядеть лицо Кэлен.

— Что?

— Тебе очень плохо? — Кэлен пальцем отвела прядь светлых волос с глаз Никки. — У тебя ничего не сломано?

Никки потянулась и пощупала рукой сторону своего лица. Затем подвигала челюстью, проверяя, как она действует.

— Кажется, я в порядке.

— Тебе нужно встать. Не думаю, что нам удастся долго оставаться здесь. Ричард начал сражение.

Сквозь явную боль Никки улыбнулась. Она и не сомневалась, что он сделает это.

Кэлен встала, помогая Джилиан поднять на ноги еще не совсем пришедшую в себя Никки. Девушка обхватила ее

рукой за талию, помогая стоять. Никки для поддержки оперлась рукой на плечо Джиллиан.

Джегань, оглянувшись на Кэлен, увидел, что она помогает Никки встать. Одной рукой указывая на нее, другой он ухватил одного из особых стражей и толкнул этого человека в сторону Кэлен.

— Не спускать с нее глаз, — проревел он. — Все вы!

Тут же все мужчины, способные видеть ее — за исключением Джеганя и Ричарда — оставили попытки сдерживать толпу из дерущихся солдат и бросились немедленно выполнять требование императора.

Посреди окружающего их беспорядка особые стражи, набранные Джеганем из простых солдат, вместе с отрядом его личных телохранителей яростно отражали бурлящую, орущую и дерущуюся толпу, плотно стоявшую вокруг них. Гвардия Джеганя состояла из сильных мускулистых людей, однако все, что они могли сделать в попытках сдержать окружающих их воинов, это потеснить их немного назад. Однако очень медленно, дюйм за дюймом, они вновь начинали сдавать свою территорию.

Солдаты регулярной армии на самом деле не пытались вступать в драку со стражей императора и не покушались на самого императора — они были полностью поглощены сражением исключительно друг с другом, в упоении праведным гневом. Но это их сражение тем не менее медленно, но уверенно приближалось к императору.

Джегань закричал на своих стражей, разгневанный тем, что они слишком снисходительны к этим людям, которые совершенно явно не слушались его приказа. Он велел буквально потрошить их, если они не отойдут назад. Кэлен не думала, что он сколько-то беспокоился о своей безопасности — скорее, это было негодование по поводу недостаточного почитания ими своего императора.

Его страже не нужно было повторять дважды. Крупные, знающие свое дело воины, прежде занятые тем, что

отпихивали солдат назад, переключились вместо этого на то, чтобы убивать тех, кто слишком напирал на них. Когда один их телохранителей предложил Джеганю короткий меч, император схватил его, уверенный, что это послужит делу самозащиты. Джегань дал выход своей ярости, начав рубить людей с обеих сторон от себя. Сквозь общий рев приближающегося сражения крики убиваемых едва ли могли быть услышаны.

Нельзя сказать, что солдаты, принимавшие участие в этом безумном бесчинстве, отказывались подчиниться, когда им приказывали уступить дорогу. На самом деле ситуация была такой, что у них не имелось никакого выбора. Они были зажаты общим давлением той массы, что наплывала вниз со склонов вокруг поля, и поскольку вся толпа была вовлечена в сражение друг с другом, люди, находившиеся внизу, вблизи поля джа-ла, не имели возможности никуда убраться и оказались беспомощными перед смертельными клинками стражей Джеганя.

Кэлен оглядела все то буйство, что охватило поле для игры в джа-ла, и даже заморгала от того, что увидела.

У Ричарда в руках был лук.

И он уже вложил в него стрелу. И держал наготове вторую, зажав ее в зубах.

Джегань стоял среди своих гвардейцев, окровавленный короткий меч был крепко зажат в опущенной руке, тогда как император выкрикивал указания. Он смотрел своими черными глазами на солдат, находившихся в отдалении, большинство которых были опьянены сражением или умирали в споре за то, кто выиграл Джа-Ла Д'Йин. Свободной рукой Джегань указывал своей страже, направляя их к образовавшимся брешам, чтобы они сдержали и оттеснили толпу назад.

Кэлен обернулась на поле и увидела, что Ричард уже оттянул тетиву к щеке. Она успела лишь моргнуть, и стрела исчезла.

Затаив дыхание, она наблюдала, как летит стрела с обоюдоострым стальным лезвием на конце. Практически в тот же момент за ней последовала вторая.

Как раз перед тем, как первая стрела должна была поразить свою цель, один из стражей Джеганя повернулся на призыв о помощи от другого воина, сдерживающего плотную группу солдат, прорывающуюся через их линию обороны по другую сторону окружающего императора пространства. Этот человек рванулся на помощь мимо императора. В тот момент, когда он был возле Джеганя, в него угодила первая предназначенная для императора стрела. Она попала ему под правую руку, в боковую часть груди, между передней и задней пластинами доспехов из толстой кожи. Стрела проникла достаточно глубоко, чтобы добраться до его сердца. Судя по тому, как он тут же рухнул, явно добралась.

Джегань с удивлением чуть повернулся, отступая на полшага, пока страж, падая, лишь хватал ртом воздух. Этого полшага оказалось достаточно, чтобы спасти императору жизнь, потому что вторая стрела попала Джеганю в правую половину груди. Не двинься он с места, когда стрела сразила его стража, вторая стрела попала бы ему прямо в сердце.

Кэлен не могла поверить, что среди шума, круговерти схваток, яростных драк, страха, боли и смерти, затопивших все кругом, Ричард смог сделать такой вот выстрел.

И в то же самое время она не могла даже вообразить, что он промахнется.

Со стрелой, глубоко засевшей в груди, Джегань отшатнулся назад. Затем упал на колени, и его стража, обезумев, рванулась к нему, чтобы обступить его, образуя стену, защищавшую императора от любых стрел, что могли бы еще прилететь. И за плотным щитом из телохранителей Кэлен потеряла его из вида.

Она воспользовалась моментом шока, застывшего на лицах ее особых стражей, чтобы всадить нож в правую

почку одного из них, пока он наблюдал за развитием ситуации с Джеганем. И левой рукой тут же всадила оружие в живот того человека, что был от нее слева, как раз тогда, когда он поворачивался к ней, и потянула клинок, распарывая ему живот. Третий страж оторвал взгляд от императора и бросился к ней. Джиллиан успела поставить ему подножку. Кэлен направила нож к его горлу, пока он падал, и одним резким движением перерезала его от уха до уха.

Она повернулась и через поле увидела Ричарда.

Теперь в его руках был меч.

Когда очередной страж ринулся к Кэлен, чтобы схватить и разоружить ее, Никки ударила его ножом в спину. Он с криком развернулся, пытаясь ухватиться за рану на плече. Никки нанесла ему два колющих удара в грудь — два мощных быстрых удара. Он споткнулся и упал, протягивая руки в попытке ухватиться за нее, чтобы удержаться на ногах. Но не смог и повалился на землю. Не будучи мастером по использованию ножей, Никки, похоже, начала осваиваться с этим.

Пятый из стражей схватил Джиллиан, намереваясь использовать ее как щит при попытке приблизиться к Кэлен. Кэлен же располосовала руку, обхватившую шею Джиллиан, перерезав мышцы и сухожилия и задев кость. Когда страж отступил, издав крик от боли, Джиллиан легко вырвалась. Он тут же метнулся к Кэлен, но она воспользовалась его направленным к ней моментом инерции, чтобы пронзить ножом, что был у нее в другой руке. Затем резко двинула клинок вверх, пока он не уперся в ребра. Глаза солдата округлились в удивлении. Кэлен отступила вбок, его внутренности вываливались наружу, и сам он упал мимо нее и ударился о холодную твердую землю. В окружающей суете она не видела нигде шестого человека из своей личной стражи, но знала, что тот оставался последним из присутствующих на стадионе.

Позади Ричарда огромная масса солдат постепенно сползала по склону, заполняя чашу поля для игры в джа-ла. Группы воинов, продолжая сражаться друг с другом, подобно рою пчел, перемещались на плоское поле. Большинство лучников уже были сметены бурлящей толпой. Из-за того, что многие солдаты, державшие факелы, тоже присоединились к толпе, как только сражение докатилось до них, стало темнее. И стало труднее видеть.

Игровое поле все было заполнено сражающимися. Люди бились за свои жизни, в то время как другие бились, чтобы эту жизнь отнять. Были еще и другие, опьяненные экстазом наблюдений за матчами джа-ла, которые бились ради самого участия в сражении. Люди с ужасающими ранениями беспорядочно валялись на земле. И повсюду раненые кричали от боли. Но никто даже не пытался помогать им.

Очень скоро вокруг было такое множество людей, лица которых измазаны красным, что оказалось очень трудно следить за Ричардом. То, что лишь мгновения назад делало его заметным, теперь, среди этого хаоса, превратило его в призрак.

Казалось, никто из солдат не собирается снижать темп или прекращать сражение. Они были охвачены яростью и настроены убивать всех и каждого. Люди, размахивая топорами, отрубали руки, раскалывали черепа и разрубали грудные клетки. Вооруженные мечами пронзали противников насквозь.

Несмотря на то, что делать это становилось все труднее, Кэлен продолжала следить за Ричардом, в то время как солдаты нападали на него. Для многих он был объектом их ярости. Он совершил богохульство по отношению к Имперскому Ордену. Он был тем, кто отважился замыслить победить императорскую команду.

Он совершил немыслимое. И за это они ненавидели его. Они ненавидели его за то, что считали высокомерием

Кэлен подозревала, что они верили, что он должен проиграть — совершенно обдуманно, если должен, — и тогда все было бы так, как и должно быть. Неудача — своего рода талисман для этих людей, скрывающий их зависть. И она выбрасывает всякий раз наружу их ненависть, как только кто-то превосходит кого-то или что-то. Успех должен быть сметен с лица земли. Это были твари Ордена, вдохновляемые учениями Ордена, призывающими быть тварями. Верования Ордена нужны тварям лишь для того, чтобы навязывать другим свою веру.

Пока Ричард уверенно двигался через поле, направляясь к Кэлен, люди продолжали нападать на него. Он отбивался и убивал их с невероятным самообладанием. Он был последователен и методичен, прокладывая путь через поле. И те, кто пытался остановить его, умирали.

— Так что же нам делать? — спросила испуганная Джиллиан.

Кэлен огляделась по сторонам. Бежать было некуда. Армия Имперского Ордена окружала их со всех сторон. Пути наружу не было. Сама Кэлен, будучи невидима для большинства этих людей, могла бы сбежать, но она не хотела оставлять Джиллиан и Никки, чтобы им вдвоем пришлось позаботиться о себе, находясь среди этих тварей. Но даже если бы она и сбежала, оставалось еще кольцо на ее шее.

— Нам следует оставаться здесь, — сказала Никки.

Кэлен, понимая, что реального пути для побега у них нет, все-таки была удивлена таким заявлением.

— Почему?

— Ричарду будет очень трудно найти нас, если мы отойдем далеко от этого места.

Кэлен на самом деле и не думала, что он сможет что-то сделать. В конце концов, обе, и она и Никки, носили металлические кольца на шеях. Джегань, может, и ранен, но он по-прежнему в сознании. Если они попытаются сбежать, он

остановит их с помощью вот этих самых колец... или чего похуже. Она, конечно же, попытается сбежать, но только когда увидит действительно способную дать результат возможность.

Пока что можно было надеяться, что Ричард сумеет разделаться с Джеганем. Тогда у них будет шанс — если к тому времени сюда не прибудет сестра Улисия или Эрминия. Джегань был сноходцем. И, насколько понимала Кэлен, он сейчас оставался способен использовать свой контроль над разумом сестер, чтобы заставлять их действовать, как ему нужно.

Удерживая Джиллиан как можно ближе к себе, Кэлен еще раз огляделась. Никки защищала девушку с другой стороны. Со всех сторон от них люди были охвачены неистовой жадой убийства.

Кэлен кивнула.

— В данную минуту мы здесь пока в безопасности, под защитой стражи Джегана. Но судя по тому, как идут дела, это продлится не очень долго.

Вокруг люди продолжали сражаться. Джегань стоял на коленях, окруженный своими стражами, сжимая грудь. Несколько телохранителей опустили на колени рядом с ним, на случай, если им придется поднять его на ноги и с боем пробиваться к выходу. Другие кричали в сторону края стадиона, требуя немедленно привести сестру. Остальные гвардейцы с дикой яростью рубили солдат, падающих в их зону, пытаясь таким образом удержать толпу на расстоянии. Земля вокруг наблюдательной площадки императора становилась скользкой от пролитой крови.

Кэлен стояла ошеломленная, не в силах сойти с места, наблюдая за Ричардом.

Со всех сторон на него кидались люди с намерением убить. Он же продвигался среди них, будто какой-то призрак. Точно таким же образом, как ускользал от блоки-

ровщиков, он подныривал, когда клинки взлетали над ним, делал шаг в сторону, совершая выпад мечом, когда это было необходимо, и проскальзывал между людьми, когда они пытались остановить его, выстраивая перед ним стену. Когда он наносил удар мечом, его удар был быстрым и верным, и человек падал замертво. Сам Ричард являл пример экономии движений, никогда не делал больше того, что необходимо, пробивая себе путь через поле джа-ла.

Вокруг десятки тысяч людей с лязгом и криками вели сражение. Ричард же был точкой спокойствия среди моря хаоса. Его меч сверкал, и люди падали. Очень часто он даже не пытался убить нападавших на него, а просто сталкивал их со своего пути, после того как они либо делали выпад, либо взмахивали мечом, нападая на него. Когда какой-то человек бросился на него с ножом, Ричард принял фехтовальную позицию и легким боковым ударом снес ему голову.

Кэлен наблюдала, как замороженная.

Она понимала, как именно он пользуется клинком.

Он пользовался им совершенно не так, как делали все окружающие их люди. Это было почти как наблюдать за самой собой в гуще сражения. Хотя солдаты и бывали захвачены его действиями врасплох, она довольно часто знала, что сейчас сделает Ричард, еще до того, как он это делал.

В некоторых случаях он вел бой несколько иначе, чем сделала бы это она, но у них было много похожих приемов использования меча. Ричард был сильнее, поэтому применял и свою мощь всякий раз, когда требовалось. Но при этом все же имел с ней очень много общего — больше, чем кто-либо еще, кого ей доводилось встречать.

Разумеется, она не помнила ничего о том, что было до того, как сестры захватили ее и использовали против нее заклинание Огненной Цепи. Так что она лишь подозревала,

что училась этому у кого-то, и этот кто-то умел сражаться именно так, как это делал Ричард.

Но даже при том, что он обладал силой, он экономил ее, используя лишь необходимое количество. Сам он не нападал на других. Он ждал, пока они сами приблизятся к нему. И не делал широких и размашистых движений, а вместо этого использовал инерцию нападавших против них самих, подставляя свой клинок там, где это необходимо, чтобы они в своем движении сами натыкались на него. Казалось, он знал, что они собираются сделать, заранее и использовал это знание против них.

Но даже когда он пробирался через сплошное море мелких кровавых стычек, его взгляд никогда не терял ее из вида.

Тем не менее, хотя ему удавалось отбиваться от нападавших, сваливая их на землю, и непрестанно приближаться, с заметным упорством пробираясь через это поле, он был всего лишь человек. И подобно тому, как он использовал совокупную инерцию всех игроков команды в качестве тарана, чтобы прорваться через более крепких и тяжелых людей и победить в игре, сейчас с совокупной инерцией окружающей его армии он не мог бы справиться с такой же легкостью, как с каждым отдельным человеком. Как бы храбро он ни сражался, общий вес всех этих сцепившихся на поле людей налетал потоком, затопляя его.

В следующую минуту она больше не смогла угледеть его.

— Что мы теперь будем делать? — спросила Джиллиан.

Кэлен видела, что Джегань откашливается кровью и тяжело дышит.

— Думаю, необходимо попытаться убраться отсюда.

— Нет, этого делать не следует, — сказала Никки. — Если Ричард не сможет найти нас, мы пропадем.

Кэлен указала на окружающий их хаос.

— Как, по-твоему, он сможет это сделать вот здесь?

— Мне кажется, — сказала Никки, — что ты все еще недооцениваешь его.

— Никки права, — сказала Джиллиан. — Я даже видела, как он вернулся из царства мертвых.

Глава 36

Кэлен оставалось лишь только удивляться заявлению Джиллиан. Теперь она знала, что этот человек действительно может один начать сражение, но не могла поверить, что он может спуститься в преисподнюю и вернуться назад. Однако, глядя на опасную неразбериху вокруг, она поняла, что сейчас не время да и не место обсуждать это.

Она еще раз обежала взглядом общий хаос неудержимо разрастающегося насилия, стараясь найти выход. Если Джегань умер или по крайней мере находится без сознания, она может воспользоваться этим, чтобы вывести из лагеря и себя, и Никки, и Джиллиан. Ее крайне интересовало, имеет ли значение для Джеганя как сноходца, находится ли он в сознании. Она опасалась, что даже в бессознательном состоянии он может оказаться способен управлять пленницами через кольца на их шеях.

Если Джегань умер или потерял сознание и не в состоянии задержать Никки и Кэлен с помощью колец, оставалась проблема этой армии, расположенной вокруг них. Кэлен была невидима практически для всех вокруг, но Никки и Джиллиан явно не обладали таким свойством. Провести такую женщину, как Никки, и такую заманчивую девочку, как Джиллиан, через эту массу людей было нелегкой задачей. Впрочем, Никки возлагала большие надежды на Ричарда.

— Ты действительно думаешь, что Ричард сможет вывести нас отсюда? — спросила она у Никки.

Никки кивнула.

— С моей помощью. Думаю, что знаю подходящий путь.

Кэлен не принимала Никки за женщину того типа, что основывают свою веру на надежде и молитве. В тяжелых испытаниях ее отношений с Джеганем она никогда не пыталась укрыться за обманом или фальшивой надеждой на спасение. И если она говорит, что знает путь, то Кэлен склонна думать, что так оно и есть.

Сквозь очередную открывшуюся среди сражавшихся брешь Кэлен снова заметила Ричарда. Он сделал выпад мечом, пронзая насквозь нападавшего на него человека, прежде чем этот солдат смог завершить замах своим мечом. Ричард, покрытый кроваво-красными символами, немедленно выдернул меч и в движении им назад всадил локоть в лицо человеку, подступавшему к нему сзади.

— Возможно, это наш единственный шанс, — сказала Кэлен.

Никки вытянула шею, чтобы проследить за успехами Ричарда, прежде чем вновь бросила взгляд на общую суматоху, бурлящую вокруг раненого императора.

— Не думаю, что у нас будет другая, лучшая возможность. Или сейчас, или никогда. Хотя с этими кольцами...

— Если Джегань в достаточно сильном смятении, возможно, он не воспользуется кольцами, чтобы остановить нас.

Никки бросила на Кэлен взгляд, выражающий, насколько глупа подобная мысль.

— А теперь послушай меня, — сказала она. — Если что-то пойдет не так, я сделаю все, что смогу, чтобы ты, Джиллиан и Ричард получили шанс сбежать отсюда. — Никки наставительно подняла палец. — Если дело дойдет

до этого, ты воспользуешься этим шансом... слышишь меня? Если дело дойдет до этого, ты не должна терять ту возможность, что я предоставлю. Поняла?

Кэлен очень не нравилось, что Никки говорила фактически о том, что готова пожертвовать своей жизнью, чтобы дать им шанс для побега. И еще ей было интересно, почему Никки считает побег Кэлен более важным, чем свой собственный.

— Только если ты обещаешь, что не будешь даже думать о подобном, пока другого выхода совершенно точно не останется. Я бы предпочла найти такой путь, чтобы мы все выбрались отсюда.

— У меня есть только одна жизнь, — сказала Никки. — И я хочу сохранить ее, если ты интересовалась именно этим.

Кэлен улыбнулась в ответ на это и опустила руку на плечо Джиллиан.

— Держись как можно ближе ко мне, но не стой на пути, если мне придется воспользоваться ножом. И не бойся использовать свой, если понадобится.

Джиллиан кивнула, и Кэлен повела ее в сторону поля джа-ла, туда, где она последний раз видела Ричарда. Никки держалась рядом позади Джиллиан.

Прежде чем Кэлен сделала дюжину шагов, сзади них через стену сражающихся солдат верхом на боевом коне прорвался командующий Карг. Огромный конь фыркал от недовольства, что на его пути столько людей.

Карг, возглавлявший большой отряд элитной стражи, огляделся, оценивая ситуацию. Приведенные им воины выглядели похожими на тех, что охраняли императора. Все они были крупные, крепко сложенные и вооруженные до зубов... и, казалось, их были тысячи. Насилие, которое они принесли с собой, было жестоким зрелищем. Они проскользнули сквозь окружающих солдат за счет обильной смазки из крови.

Неподалеку за этой гвардией Кэлен заметила сгустки пламени, поднимающиеся в ночное небо. Неприятные красные сполохи высвечивали напряженные лица солдат, дерущихся за свои жизни. С кем сражаются эти люди — уже потеряло всякое значение. Казалось, солдаты просто обезумели в этом сошедшем с ума мире. Каждый человек сражался сам за себя, за исключением этих гвардейцев, которые совершенно четко представляли, с кем они сражаются — с любым и каждым, только не друг с другом.

— А вот приближаются сестры, — сказала Никки, тоже увидев и дым и пламя, поднимающееся к черному небу. — У нас не так много времени до того, как станет слишком поздно. Попытаемся не попадаться никому на глаза и держаться подальше от стражи.

Кэлен кивнула, в то же время пробираясь с Джиллиан в направлении, противоположном движению основных сил, прокладывая себе дорогу через сражающуюся толпу. У Никки был план, как отсюда выбраться. Ричард должен искать их, так что Кэлен не хотела значительно удаляться от того места, где он в последний раз видел их.

Ее цель состояла в том, чтобы обойти стороной основное место сражения между гвардией и солдатами регулярной армии и в то же время двигаться в ту сторону, где она последний раз видела Ричарда, в надежде, что если они и отойдут в сторону, то она окажется недалеко от места его появления. В то же самое время она хотела удалиться от места нового побоища. Элитная стража была врагом совершенно другого сорта по сравнению с обычными солдатами.

Карг спрыгнул с лошади среди императорской стражи.

— Где Джегань? — спросил он, обращаясь к плотной группе стражей, охраняющих раненого императора.

— Его задело стрелой, — сказал один из офицеров, давая сигнал стражам освободить дорогу для командующего.

В этот момент Кэлен и увидела Джегания, все еще стоявшего на коленях, поддерживаемого с обеих сторон большими крепкими людьми, присевшими возле него. Он был бледен, но в полном сознании. Император тяжело дышал, изредка кашлял, оставляя небольшие темные пятна на подбородке и ниже. Одна рука его сжимала стрелу, торчавшую из правой стороны груди.

— Стрелой! — пронзительно воскликнул Карг. — Как, во имя Создателя, такое могло случиться?

Офицер ухватил Карга за кольчугу и подтянул его ближе.

— В него выстрелил твой человек!

Карг бросил свирепый взгляд, затем острием ножа вздернул вверх подбородок офицера.

— Убери свои руки.

Этот человек отпустил командующего, но взглянул на него в ответ столь же свирепо.

— А теперь, что ты там говорил о моем человеке? — спросил Карг.

— Это сделал твой нападающий. Он выпустил стрелу в императора.

Выражение лица Карга помрачнело.

— Тогда я сам и убью его.

— Если мы не сделаем это раньше.

— Прекрасно. Так и сделайте это. Мне все равно, кто убьет его, — главное, чтобы он был мертв, и все дела. Этот человек опасен. И я не хочу, чтобы он свободно разгуливал вокруг и причинил еще какой-нибудь вред. Но принесите мне его голову, с тем чтобы я знал, что дело сделано.

— Считаю, что это уже так, — сказал офицер.

Карг не обратил внимания на это хвастовство и начал разгонять других стражей, расчищая себе дорогу.

— Поставьте императора на ноги! — крикнул он, обращаясь к воинам, плотно окружающим Джегания. — Нуж-

но доставить его назад, в его лагерь. Там есть сестры, которые ему помогут. А здесь мы ничего не сможем сделать.

Никто не возразил. Стража помогла Джеганю встать на ноги. Два человека, по одному с каждой стороны, подставили ему под руки свои плечи для опоры.

— Карг, — позвал Джегань слабым голосом.

Командующий подошел ближе.

— Да, ваше превосходительство?

Усмешка расплылась по лицу Джеганя.

— Я рад, что ты пришел на помощь. Пожалуй, ты заслужил взять ее на время.

Командующий обменялся с императором короткой хитрой улыбкой, прежде чем повернулся к страже.

— Двигайтесь! Живее!

Джиллиан вцепилась в Кэлен с одной стороны, а Никки с другой, и они продолжали тихо и незаметно уходить в сторону, стараясь не привлекать к себе внимания. Стражи помогали Джеганю идти. Люди, которых привел с собой Карг, рубили и резали, расчищая путь через окружающее их сражение.

Кэлен содрогалась от страха при мысли о возвращении в шатер Джеганя. Не спуская глаз со стражи, она тем не менее оглядывалась через плечо в поисках Ричарда, но так и не увидела его.

Опьяненные яростью солдаты дрались со всех сторон от трех женщин, а Кэлен тем временем заметила, что императорская гвардия сформировала направленный вперед клин, чтобы пробивать путь от поля джа-ла к лагерю.

Поскольку почти все факелы уже давно погасли, на поле битвы опустилась темнота. Гвардия принесла несколько своих факелов, но они были далеко от этого места. Было так темно, да еще при плотных облаках, что Кэлен не могла видеть контуров поля джа-ла. Казалось, даже плато, возвышающееся над равнинами Аэрита, исчезло со своего места в этой густой темноте. При движении она

ориентировалась по далекому пандусу, освещенному факелами.

С глухим тяжелым ударом, сотрясшим землю, взметнулся огонь, когда сестры, а это, несомненно, были они, использовали свою силу, чтобы пробить себе дорогу через многочисленную армию, выполняя миссию по спасению Джегана. На матче джа-ла были сотни тысяч людей, и нельзя было сказать, что хотя бы часть этой толпы разбежалась. Покинуть место сражения пыталась только стража, защищающая императора.

Кэлен, Джиллиан и Никки тоже нужно было выбраться из этой толпы, но у них нет помощи этих тысяч хорошо вооруженных стражей. Они могли полагаться только на то, чтобы оставаться как можно более неприметными. Сгорбившись, чтобы казаться безобидными, они избегали смотреть прямо на окружающих их людей. Они надвинули капюшоны своих плащей и старались склонять головы, пока пробирались через относительно спокойные участки среди всеобщего хаоса. Это было довольно медленное движение. Им пока еще не удавалось выбраться за цепочку стражей, занятых рукопашной схваткой с толпой. Тем не менее им предстояло пересечь эту линию, а затем и раскинувшуюся за ними армию.

Вдруг из темноты появился Карг с порочной и злобной улыбкой на чешуйчатом лице и ухватил Никки за плечо.

— Вот ты где. — Он сорвал с ее головы капюшон, чтобы лучше рассмотреть. — Ты пойдешь со мной. — Он дал знак одному из своих людей. — Забери еще и девчонку. Мы собираемся устроить вечеринку, и эта леди пригодится в качестве развлечения для моих друзей.

Джиллиан закричала, когда этот человек оттащил ее от Кэлен и толкнул ее вслед за Каргом и Никки. Девушка попыталась ударить его ножом, но он вырвал оружие из ее руки. Никто из этих людей не мог видеть Кэлен, иначе они схватили бы и ее.

Кэлен подошла сзади как можно ближе к человеку, держащему Джиллиан, и начала уже заносить нож, но сильная рука ухватила ее запястье. Это оказался один из ее особых стражей — тот шестой, которого ей не удалось нейтрализовать. Сейчас он возвышался за ее спиной. Кэлен хорошо знала его. Он был не столь невнимателен, как прочие, и по-прежнему полностью вооружен.

В то время как Никки и продолжавшую кричать Джиллиан тащили все дальше и дальше прочь от Кэлен, этот человек выворачивал ее руку за спину, пока ее пальцы не онемели. Она вскрикнула от боли. Выражение его лица было мрачным и безразличным к ее мучениям. Он вырывал нож из ее руки. Она ударила его ногой по голени в попытке заставить отпустить ее, но вместо того он стал еще сильнее выворачивать ее руку, пока боль не сделалась невыносимой, не позволяющей продолжать сопротивление. Солдат потащил ее туда же, куда отправился император.

Никки оглядывалась назад, на Кэлен, в то время как Карг тащил ее через людское столпотворение. Кэлен могла видеть лишь мелькание светлых волос между мечущимися фигурами.

Рука, державшая ее, отпустила запястье. Затем ухватила ее за предплечье и сильно потянула в обратную сторону, к сражающимся солдатам, назад, в темноту. Кэлен повернулась, готовая дать отпор явным намерениям этой твари.

Но перед ней оказался Ричард.

Казалось, весь окружающий мир замер.

Его серые глаза смотрели ей в самую душу.

Вблизи странные кроваво-красные знаки, покрывающие его лицо, казались пугающими. Но улыбка на лице придавала ему вид самого мягкого и самого доброго в мире человека.

Казалось, он не мог делать ничего другого, как только улыбаться, глядя в ее глаза. И Кэлен потребовалась целая минута, чтобы вспомнить, что еще следует и дышать.

Наконец она глянула вниз и увидела своего особого стража, который только что держал ее запястье. Сейчас он лежал на земле; голова его была вывернута под неестественным углом. Не похоже, чтобы он дышал. Среди множества валяющихся вокруг тел вряд ли кто обратит внимание еще на одно. В конце концов, он ведь был всего лишь обычным солдатом, как и все те люди, что продолжают сражаться друг с другом. Он отличался от них лишь тем, что мог видеть ее.

Мысли Кэлен вернулись к происходящему. Мысли о том человеке, что захватил Никки и Джиллиан, вызывали головокружение и тошноту. Она сделала быстрое движение рукой.

— Нужно помочь Никки и Джиллиан. Их захватил Карг.

Ричард не стал медлить. Его серые глаза уставились в ту сторону, где исчезла Никки.

— Поспешим. Держись рядом.

Не пройдя и дюжины шагов, они оказались в гуще сражения. Но на сей раз это не были обычные солдаты, с которыми приходилось сражаться Ричарду. Это была элитная стража, гвардейцы. Однако, похоже, для него это не имело значения. Он двинулся сквозь них, рубя и сваливая наземь, расчищая дорогу перед ней, когда это было необходимо, и избегая столкновений, когда это было возможно.

Когда кто-то сделал выпад мечом в сторону Ричарда, тот, чуть отступив, тут же отрубил руку нападавшего и подхватил меч прежде, чем оружие упало землю, и протянул его Кэлен. Она подхватила его, чтобы в следующий же момент использовать, останавливая человека, устремившегося к Ричарду.

Держать в руках меч оказалось приятно. Настолько же. насколько ощущать способность защищать себя. И вот они вдвоем пробивали путь сквозь ряды гвардейцев.

Карг оглянулся назад и увидел приближающего Ричарда. Он выпустил Никки, поворачиваясь к своему нападающему, усмевающийся и готовый к бою. Стража видела, что командующий хочет разобраться с этим сам, и потому не стала отвлекаться от своих собственных проблем.

— Ну, Рубен, кажется...

Ричард махнул мечом, без всяких церемоний отсекая голову со змеиной татуировкой. Он не отвлекался на что-либо еще, кроме того, что должно быть сделано, и был не из тех людей, что считали нужным читать нотации противнику. Он был заинтересован лишь в том, чтобы уничтожить врага.

Страж, который видел произошедшее, ринулся к Ричарду. Никки выставила руку и полоснула ножом поперек его горла. На лице человека отразилось полнейшее удивление, когда он схватился за раскрывшуюся рану, сначала падая на одно колено, прежде чем рухнуть лицом на землю.

В следующее мгновение они очутились посреди яростного сражения. При таком количестве столь опытных противников Ричард не мог проводить тактику уклонения. Он рубил массу гвардейцев с удвоенной силой.

Беспокоясь о том, что противников слишком много для него одного, Кэлен не могла позволить ему разбираться с ними в одиночку. Сейчас у нее было преимущество: для них она была невидима. Она могла передвигаться среди людей, нападавших на Ричарда, и расправляться с ними. Люди, настроившиеся на столкновение с Ричардом, падали от ее клинка, взявшегося неизвестно откуда. И вот так, вдвоем, они и разделялись со стражей.

Вскоре Никки тоже присоединилась к их усилиям. Все трое преследовали одну цель — вырваться за пределы отряда гвардейцев.

— Нам нужно добраться до пандуса! — крикнула Никки, обращаясь к Ричарду.

Он выдернул свой меч из человека, уже падающего мимо, и хмуро посмотрел на Никки.

— До пандуса? Ты уверена?

— Да!

Ричард не стал спорить и изменил направление, куда пробивался. С боем пробираясь через бесконечную массу громадных людей, он прикрывал в основном Джиллиан — следил за тем, чтобы никто из окружающих воинов не смог захватить ее.

Пока они, орудуя мечами, прокладывали себе путь, Кэлен разобралась, что ей следовало держаться немного в стороне от Ричарда, чтобы у него было достаточно места для действий. Нападали в основном на него, и никто из них не мог видеть Кэлен, поэтому она оттащила Джиллиан тоже в сторону, чтобы та не мешала Ричарду и чтобы стражи не могли захватить ее и воспользоваться как щитом, чтобы добраться до Ричарда. К тому же Кэлен могла лучше защитить ее, нежели Никки. И Кэлен старалась не подпустить никого к Джиллиан, а заодно прикрывала спину Никки, расправляясь с людьми, которые оказывались невнимательными.

Когда один из воинов, подошедших сзади, вскинул меч над Джиллиан, кто-то напал сзади на него самого, и он упал замертво. А Кэлен обнаружила, что смотрит в улыбающееся лицо человека с удивительнейшими золотистыми глазами.

— Я здесь, чтобы помочь вам, прекрасная госпожа.

Меч этого человека в окружающей их почти полной темноте испускал мерцающий свет.

Он был одет как солдат Ордена, но явно не один из них. Когда Джиллиан ухватилась за Кэлен, в то время как другой человек бросился на нее с мечом, обладатель золотистых глаз развернулся и наотмашь ударил нападавшего сбоку по голове. Когда мерцающий меч коснулся цели, голова стража разлетелась кусками мозга и костей. Кэлен заморгала от изумления.

Ричард заметил, что произошло, и ринулся к ним. Незнакомец, внезапно придя в ярость, сделал выпад мерцающим мечом прямо в сторону Ричарда. И тогда Ричард сделал очень странную вещь: он просто замер на месте.

Кэлен почти не сомневалась, что сейчас Ричарда проткнут мечом, но клинок, который лишь мгновение назад разнес голову человека, на этот раз повел себя непостижимым образом. Как раз перед тем, как пронзить Ричарда, он изменил направление вбок от него, будто Ричарда защищал некий невидимый щит.

Человек с золотистыми глазами, еще более взбешенный, нанес новый удар, но опять-таки меч отвернул в сторону, проскользнув мимо Ричарда. Незнакомец теперь выглядел не просто удивленным, но и обеспокоенным. Беспокойство сменилось выражением холодной ярости.

— Он мой!

Кэлен не могла даже вообразить, о чем говорит этот человек. Но прежде чем у нее появился шанс поинтересоваться этим, она увидела, как Никки повалилась на землю, схватившись рукой за горло.

Новое скопление гвардейцев ринулось в атаку с такой скоростью и в таком количестве, что Ричарду пришлось повернуться и заняться ими, чтобы не оказаться убитым. Сражение внезапно развернулось в полную силу. Люди с боевым кличем бросались вперед, размахивая мечами. Ричард оказывал яростное сопротивление, но был вынужден отступить. Когда эта волна начала нарастать, расстояние между Ричардом и Кэлен стало увеличиваться.

Кэлен начала было охотиться на людей, окружавших Ричарда, но незнакомец схватил ее за руку, оттаскивая назад.

— Нам следует уходить. Прямо сейчас. Он сможет справиться с теми людьми. Сейчас он дает нам шанс убежать. Мы должны им воспользоваться.

— Я не могу оставить его...

У Кэлен сперло дыхание, когда боль, пронзавшая ее, набрала полную силу. Меч выпал из ее руки. Обе ее руки потянулись к горлу и вцепились в кольцо на шее. Она вскрикнула, хотя и пыталась этого не делать. Жестокая боль оказалась такой острой, такой сильной, что не кричать было просто невозможно.

Она упала на колени, точно так, как перед этим Никки. Слезы мучительной боли текли из ее глаз.

— Идем же, идем! — кричал незнакомец. — Мы должны бежать... Поторопись!

Кэлен оказалась просто не способной сделать хоть что-то для побега. Все, что она еще могла, это с трудом дышать сквозь рвущую ее изнутри боль.

Затуманенными от слез глазами она могла видеть ужас и ярость на лице Ричарда, пока он тщетно пытался добрать-ся до нее.

Все больше элитных стражей вступало в бой с намерением схватить нападающего, который покусился на императора и развязал этот мятеж. И хотя его меч убивал с каждым ударом, и люди валялись замертво вокруг, на него надвигались все новые и новые силы, и Ричард отступал.

Кэлен упала лицом на отвердевшую землю. Боль жгла нервы спины и ног, сводя их судорогой. Она теряла контроль над своими мышцами.

Незнакомец схватил ее за руку.

— Идем! Сейчас самое главное — чтобы мы сбежали!

Когда же она оказалась не в состоянии ответить, он потянул ее за собой.

Глава 37

Ричард мог видеть, как Кэлен закричала от боли, хватаясь за кольцо на шее. Его сердце билось от страха как молот, в то время как он продолжал сражение. Несмотря на неистовые попытки прорваться к ней через стену людей в кожаных доспехах и кольчугах, он лишь убедился в невозможности сделать это. Фактически все, что он мог сделать, это лишь держаться против возрастающего числа нападающих на него воинов.

Смертельное разнообразие оружия обрушивалось на него со всех сторон — мечи, ножи, топоры и копья. Ему приходилось ежесекундно менять тактику, чтобы парировать каждое из них. Он заколол человека, нападавшего с мечом, и при замахе назад перерубил копье. Затем поднырнул под топор, просвистевший прямо над головой. Ричард понимал, что сделай он хоть одну ошибку — это будет стоить ему жизни.

И несмотря на то, что он сражался так упорно, как еще никогда в жизни, ему приходилось отступать все дальше и дальше. Это был единственный способ остаться целым. Он то и дело усиливал атаку, вкладывая в нее всю дикую ярость, врезаясь в линию врагов, но когда делал это, на месте павших от его меча появлялось еще больше новых воинов. Самое большее, чего он добивался в таких порывах безумного напряжения, это сохранял свои позиции. Но всякий раз, когда приходилось делать передышку, он отступал.

Кэлен была так близко — и так далеко.

Джегань снова забирает ее у него.

Ричард выговаривал себе за то, что не попытался сделать большего, чтобы убить Джеганя. Следовало постараться еще. Если бы тот страж не выскочил перед Джеганем в самый неподходящий момент, стрела, пущенная Ри-

чардом, сделала бы свое дело. Но хотя он и убеждал себя, что должен был сделать больше, должен был попробовать что-то еще, он понимал, что не мог одновременно заниматься двумя делами. Необходимо придумать, что он может сделать сейчас.

Бросая быстрые взгляды по сторонам, он смог заметить, что и Никки лежит на земле. Подобно Кэлен, она также испытывала отчаянное страдание. Ричард понимал, что должен срочно помочь им. Самюэль определенно не сделает ничего путного.

Смятение в мыслях нарушило координацию Ричарда. Он пропустил очередной выпад, оставив человека в живых, а тот возобновил атаку на него. И только быстрая реакция спасла его от клинка, готового разрубить плечо. Несколько раз он едва не расстался с жизнью, стараясь хотя бы мельком взглянуть на Кэлен. И едва не пропустил движение, лишь чуть не допустив, чтобы стало слишком поздно. Он понял, что должен сосредоточиться. Он не сможет помочь Кэлен, Никки и Джиллиан, если окажется мертв.

Его руки ощущались будто налитые свинцом. Ладони были скользкими от крови. Рука, сжимавшая меч, скользила.

Очередной нападающий вращал топор в своих пальцах, высоко вскинув его, будто показывая Ричарду, что теперь ему пришлось встретиться с опытным бойцом. Затем он с силой ухватил рукоятку и начал опускать топор, нанося смертельный удар. В самый последний момент Ричард ушел в сторону, затем, крикнув от усилия, махнул своим оружием. Этим ударом он лишил человека руки, а затем пинком опрокинул испуганного воина на спину, освобождая себе дорогу, нырнул под дикий замах меча над головой и всадил свой меч в низ живота следующего нападавшего.

Меч, которым он сейчас пользовался, служил хорошо, но это не его меч. Его меч был у Самюэля.

А что делал здесь Самюэль, Ричард боялся даже вообразить. Впрочем, видя его здесь, стоящим над Кэлен, незачем было что-то воображать.

Ричард припомнил, как Зедд говорил ему, впервые вручая Меч Истины, что нельзя использовать его против Даркена Рала, потому что тот привел в действие шкатулки Одена. Зедд тогда сказал, что в течение года с того момента сила Одена защищает Даркена Рала от Меча Истины.

Ричард понимал, что это было глупым безрассудством — то, что он только что сделал, — но ему следовало проверить свою теорию. Нужно было знать в точности, если он хочет добиться успеха в том, что ждет его впереди. Шкатулки Одена действительно приведены в действие от его имени, и Меч Истины не причинил ему вреда именно по этой причине.

Когда он уже решил, что не способен продолжать рубить в том же темпе, на помощь пришла та ярость, что он чувствовал по отношению к зловещей опасности, которой подвергалась Кэлен, и помогла заставить себя продолжать начатое. Он не знал, как долго сможет выдержать такой темп, но знал одно: если остановится, то умрет.

И как раз в этот момент еще один человек проложил себе путь к Ричарду и прикрыл его левый фланг, уложив троих, нападавших с этой стороны. Уголком глаза Ричард заметил красный рисунок.

Он нанес режущий удар своим клинком по лицу солдата перед ним, едва тот сделал ошибку, отдернув назад руку, и как только тот с криком свалился в сторону, Ричард воспользовался секундной передышкой, чтобы бросить взгляд налево.

Это оказался Брюс.

— А ты что делаешь здесь? — крикнул Ричард ему между лязгами оружия.

— То же, что и раньше, — защищаю тебя!

Ричард едва мог поверить, что Брюс, солдат регулярной армии Имперского Ордена, сражается рядом с ним — сражается против императорской гвардии. Этот человек совершил предательство, вступив в бой на стороне Ричарда. Но ведь и победа над императорской командой тоже была большим, особо тяжким преступлением. И Брюс неистово боролся за эту победу по собственной воле. Он знал, что это игра, которую ни в коем случае нельзя проиграть. И когда ему не хватало мастерства, он компенсировал это упорством и целеустремленностью.

Ричард еще раз мельком глянул в сторону и увидел, что Самюэль тащит Кэлен подальше от того места, где они были. Ее лицо являло картину сплошного ужасающего страдания. Ее пальцы были в крови от попыток сорвать с шеи кольцо.

Слепящая вспышка света и тяжелый глухой удар в воздухе — и солдаты, находившиеся вокруг Ричарда, включая Брюса, попадали на землю, будто от сильного взрыва. Хотя нигде не было ни пламени, ни дыма, ни летящих обломков, как не слышно и звенящего шума, как бывает от взрыва. Ричард стоял посреди всего этого, но нельзя сказать, что на него не подействовало: зрение затуманилось, острая боль обжигала все его тело.

Вокруг огромные гвардейцы, только что окружавшие его словно лес, лежали поваленными на укрытую тьмой землю, будто опрокинутые деревья. Чуть в стороне гул и лязг сражения оставался свирепым, но в ближайшем окружении стало пугающе тихо. Большинство людей выглядели потерявшими сознание. Некоторые со стонами пытались двигаться, но их руки, когда они старались их поднять, тут же падали, будто даже такое движение требовало непомерных усилий.

Острые боли неожиданно пронзило основание черепа Ричарда, будто его ударили сзади железным брусом. Оше-

домляющая боль прошла его, заставляя опуститься на колени. Он узнал это ощущение. Его ударило не железо: это была магия. Рядом с ним на земле лицом вниз лежал Брюс.

Все еще стоя на коленях, Ричард увидел в отдаленной тьме костлявую женщину, осторожно крадущуюся к нему через поверженных солдат. Она двигалась словно стервятник, почуявший раненую добычу. Ее истощенный облик подсказал Ричарду, что это одна из сестер Тьмы Джеганя.

Будучи не в силах выдержать звенящую боль в голове, Ричард опрокинулся вниз лицом. Эта обжигающая мучительная боль пронизывала каждый нерв его тела. Мелкие облака пыли поднимались в ночной воздух при каждом болезненном вдохе. Он не мог пошевелить ногами. Он напрягал все силы, пытаясь встать, но не добивался даже реакции собственного тела. После совершенно невероятных усилий ему в конце концов удалось чуть двинуть головой.

Лежа на животе, он отчаянно пытался подняться хотя бы на колени, но так и не смог этого сделать. Он взглянул на место сражения, усеянное павшими, в сторону Кэлен. Даже при явной нестерпимой боли, она все равно оборачивалась в его сторону, беспокоясь о том, что случилось с ним.

Сестра была еще довольно далеко, но Ричард знал, что времени на то, чтобы что-то предпринять, практически не осталось.

— Самюэль! — крикнул Ричард.

Самюэль, пытавшийся тащить Кэлен за руку, остановился и, повернувшись, взглянул на Ричарда. Его золотистые глаза прищурились. Ричард ничем не мог помочь Кэлен. По крайней мере тем способом, которым хотел это сделать он.

— Самюэль, ты идиот! Воспользуйся мечом, чтобы снять с ее шеи кольцо.

Самюэль, одной рукой удерживая за руку Кэлен, другой поднял меч, которым так долго стремился обладать, и нахмурился, глядя на него.

Ричард наблюдал, как сестра, крадущаяся в темноте, подходит все ближе. Он припомнил, как, когда его забрали во Дворец Пророков, однажды использовал Меч Истины, чтобы разрезать металлическое кольцо на шее Дю Шаю. Он припомнил еще и то, как был вместе с Кэлен в Тамаранге и использовал этот меч, чтобы перерубить тюремные засовы. Он знал, что Меч Истины способен резать сталь.

Он также знал по своему опыту, когда сестры надевали на его шею Рада-Хань, что перерубить такое кольцо мечом невозможно. Это кольцо замыкается и удерживается в таком состоянии силой его собственного дара. И Ричард подозревал, что держит его далеко не сталь, которую мог бы перерубить меч, а слепящая сила самой магии. Рада-Хань, когда использовался, становился частью самого человека, на котором замкнут. По этой причине он не сомневался, что меч не сможет разрубить кольцо на шее Никки.

Но кольцо на шее Кэлен было другого свойства. Ее собственный дар тут был ни при чем. Это кольцо просто позволяло контролировать ее. Ричард подозревал, что Самюэль здесь не без помощи Сикс. Вполне определенно, что не его собственные мозги завели его так далеко. Однако дополнительный участник событий мог в целом послужить успеху этого дела. Ричард не был уверен, что это сработает, но не сомневался, что для Кэлен это единственный шанс. Нужно, чтобы Самюэль хотя бы попытался.

— Скорее же! — крикнул Ричард. — Сунь лезвие под кольцо и приложи усилие! Торопись!

Пару секунд Самюэль хмуро и подозрительно смотрел на Ричарда. Затем перевел взгляд вниз, на страдающую Кэлен, припал на колено и торопливо подсунил меч под металлическое кольцо.

Некоторые из солдат, лежащих на земле, похоже, начали приходить в себя — они стонали, обхватив голову руками.

Самюэль приложил к Мечу Истины мощнейшее усилие. Окружающая ночь наполнилась звоном расколовшейся на куски стали. Кэлен, освободившаяся от кольца на шее, облегченно расслабилась.

Пока она лежала на земле, тяжело дыша и приходя в себя после сурового испытания, Самюэль отбежал на короткое расстояние к боевому коню, на котором сюда пробился Карг, проскользнул под его шею и ухватил поводья. Подведя коня ближе, он подхватил Кэлен под руку.

Кэлен лежала на земле, ослабленная и обмякшая, все еще оглушенная болью от кольца на шее, но она уже начала двигать ногами, пытаясь встать. С помощью Самюэля, тянущего ее за руку, она кое-как поднялась на ноги.

Ричард, все еще неспособный встать, глянул в сторону и увидел, что сестра, кутавшаяся в изодранную шаль, идущая в его сторону, перешагивая через лежащих на земле людей, теперь уже совсем близко.

Кэлен поначалу еще неуверенно держалась на ногах, но затем восстановила свои силы достаточно, чтобы нагнуться и поднять меч. Она явно намеревалась отправиться на помощь Ричарду.

Но вот этого Ричард допустить никак не мог.

— Беги! — крикнул он ей. — Беги! Ты ничего не сможешь здесь сделать! Уходи, пока еще можешь!

Самюэль сунул ногу в стремя и вскочил в седло.

Кэлен стояла, не сводя зеленых, полных слез глаз с Ричарда.

— Поторопись! — окликнул ее сверху Самюэль.

Казалось, она не слышала Самюэля. Она не могла оторвать глаз от Ричарда. Она знала, что оставляет его здесь умирать.

— Уходи же! — крикнул Ричард, собрав все свои силы. — Уходи!

Слезы обжигали его глаза. Несмотря на все свои попытки, он не мог даже подняться даже на четвереньки. Магия, жгущая изнутри, не позволяла ему этого.

Сестра выбросила руку в сторону Самюэля. Вспышка света полетела к нему сквозь ночь.

Самюэль использовал меч, чтобы отразить вспышку. Она отправилась по дуге в ночное небо. Сестра выглядела явно озадаченной.

По сторонам, вокруг этого места, продолжало бушевать сражение. А рядом с Ричардом стражи, оглушенные магическим ударом, примененным сестрой, все еще не могли прийти в себя настолько, чтобы встать. Несомненно, сестра не хотела, чтобы они вмешивались. У нее были другие планы.

Огромный боевой конь дергал головой и бил копытом. Кэлен посмотрела в сторону Никки. Та свернулась в клубок, сотрясаясь от боли. Джиллиан лежала на земле рядом с ней, пораженная тем же потоком магии, обрушенным сестрой. Несмотря на имеющийся шанс для побега, Кэлен, как понял Ричард, собиралась отвергнуть его, чтобы попытаться помочь им.

Он знал, что Кэлен ничего не сможет сделать для Никки. А если Кэлен останется, саму ее может ждать только смерть. Это было ясно как день. И хотя ему была ненавистна сама эта мысль, в данный момент Самюэль был единственным спасением для нее.

— Беги! — крикнул Ричард, его голос заглушали подступающие слезы.

— Но я должна помочь Никки и...

— Ты ничего не сможешь сделать для нее! Ты просто умрешь! Беги, пока еще можешь!

Самюэль наклонился и подхватил ее под руку, помогая забраться на лошадь позади него. И едва она уселась, он не

стал терять времени и пришпорил лошадь. Та рванулась прочь отсюда безумным галопом, разбрасывая землю и камни.

Едва лошадь перешла на более спокойный шаг в обступающей тьме, Кэлен обернулась через плечо.

Ричард так и не отрывал от нее глаз, понимая, что, возможно, это последний раз, когда он видит ее.

Через мгновение, все еще глядя на Ричарда, она окончательно исчезла в темноте окружающей лагерь неразберихи и пропала.

Ричард ослаб и припадал к холодной твердой земле, на которую с его лица стекали слезы.

Из темноты, пробравшись мимо сотен валяющихся на земле ошеломленных гвардейцев, наконец-то появилась сестра и остановилась над ним. Он ощутил, как увеличился уровень боли, затрудняя каждый его вдох. Она хотела быть полностью уверенной, что он не сможет пошевелить и пальцем, противодействуя ей.

Она изумленно продолжала приглядываться к нему.

— Так, так, так, что б мне сдохнуть, уж не сам ли это Ричард Рал передо мной?

Ричард не помнил эту сестру. Она выглядела изможденной, седые волосы растрепаны. Ее скорее можно было принять за нищенку, нежели за сестру Света или сестру Тьмы — он не знал, чего именно.

— Его превосходительство будет доволен мной за такой подарок. Думаю, он будет более чем рад возможности отомстить тебе, мой мальчик. Могу представить, что прежде, чем закончится эта ночь, ты уже начнешь свое долгое испытание в шатрах для пыток.

Воспоминания о Денне тут же вспыхнули в памяти Ричарда.

Глава 38

И даже в мучительной боли, неспособный подняться с земли, Ричард не мог не радоваться тому, что Кэлен больше не носит то ужасное кольцо на шее. Она свободна от Джегания.

Ричард знал, что даже если с Самюэлем что-то случится и его вдруг убьют прежде, чем они успеют покинуть лагерь, Кэлен окажется невидимой для этих людей. У нее останется возможность сбежать самостоятельно. А зная Кэлен, можно предположить, что она, скорее всего, воспользуется своим преимуществом, даже если придется уничтожить половину лагеря, отыскивая выход. Теперь не важно, что случится с самим Ричардом, самым главным было сейчас то облегчение, которое он испытывал за Кэлен.

Кэлен не знала, кто она есть, и не знала, куда ей идти, но жива и не подвергается теперь прямой опасности. Ричард оказался в лагере Ордена, чтобы помочь ей освободиться. И он практически выполнил эту задачу. Хотя сам он теперь оказался в опасности, наиболее важным для него было то, что он помог сбежать ей.

Мимо стоявшей над ним сестры он бросил взгляд в сторону Никки. Для нее все складывалось очень плохо. Сам он однажды носил такое же кольцо на своей шее и очень хорошо знал ту всепоглощающую боль, в которой она пребывала. Ричард страстно желал помочь и ей или хотя бы дать знать, что она не одинока и не брошена. Но ничего не мог сделать.

Он сознавал, что участь Джиллиан будет не лучше. И напомнил себе, что не следует задерживаться на столь ужасных мыслях.

Все проблемы необходимо решать по очереди. Нужно найти способ помочь обоим пленницам.

Боль, очень резко, отпустила его руки и ноги. Остальное тело все еще пребывало в огне. И хотя он мог теперь немного двигаться, голова по-прежнему болела так, что все казалось расплывающимся и искаженным.

— На ноги, быстро, — сказала стоявшая над ним сестра.

Голос ее звучал так, будто она пребывала в мерзком настроении. Хотя она открыто заявила, что за поимку Ричарда получит награду от Джегана, не было похоже, что она переживала радость по поводу неожиданной удачи.

Должно быть, она сестра Тьмы, решил он. И подумал, что, по сути, это не важно.

— Спорю, что ты не очень-то рад вновь увидеть мое лицо, — сказала она тоном самодовольного удовлетворения.

Вероятно, она полагала себя очень важной, думала, что весь мир будет знать ее надменный взгляд, ее покровительственные манеры, ее острый язык. Некоторые люди считают, что способны добиться известности, престижа и славы через напыщенное высокомерие. И они ошибочно принимают опасливое отношение окружающих за уважение. Ричард действительно не помнил эту женщину и не понял смысла ее язвительности.

— Не могу сказать, что действительно помню тебя. Или почему-то я должен помнить?

— Лжец! Каждый во дворце знал меня!

— Это замечательно, — сказал Ричард, пытаюсь справиться с силами.

— На ноги!

Ричард постарался исполнить приказание. Но это оказалось нелегко. Конечности отказывались действовать так, как ему хотелось.

Как только он встал на колени, опираясь руками, она ударила его ногой под ребра. Ричард вздрогнул от удара. К счастью, у нее не было достаточного веса и силы, чтобы

этот удар нанес какие-то повреждения. По-настоящему опасным, конечно же, был ее дар.

— Быстрее! — закричала она.

Ричард, пошатываясь, встал. Руки и ноги ему уже подчинялись, но голова по-прежнему раскалывалась.

Люди вокруг него все еще продолжали лежать, но некоторые из них, похоже, уже начали приходить в сознание. Брюс перевернулся, продолжая стонать и держаться за голову.

Взгляд сестры скользнул в сторону возросшего шума сражения в простирившейся позади них тьме. Ричард воспользовался этой возможностью, чтобы быстро взглянуть на разбросанное по земле оружие. Если она повернется спиной к нему, он должен использовать этот шанс. Ричард понимал, что, когда Джегань свяжет его и отправит в шатры для пыток, он больше никогда не увидит дневного света.

Однако как ни угнетала его подобная судьба, какая-то его часть не могла удержаться от радости по поводу того, что Кэлен удалось сбежать, и это помогало подавить боль и страдания из-за слез, что он видел в ее глазах, когда ей пришлось оставить его. Это напомнило ему о том, что она любила его, но теперь не помнит даже этого.

— Ты даже не представляешь, как долго я ждала чего-то вроде этого, чего-то такого, что даст мне расположение императора. Наконец-то Создатель услышал мои молитвы и доставил тебя прямо в мои объятия.

— Итак, — сказал Ричард, — твой Создатель имеет обыкновение доставлять тебе жертвы в обмен на молитву? Он весьма легкомыслен, раз поддается на лесть при виде твоих сложенных грязных рук, протянутых к нему в мольбе помочь заполнить пыточные шатры.

Она наблюдала за ним с коварной улыбкой.

— Твой дерзкий язык будет довольно скоро отрезан, чтобы скромные слуги Создателя не слышали, как ты извергаешь свои богохульства.

— Некоторые говорят, что мой дерзкий язык — это один из моих недостатков, так что ты только окажешь услугу, устранив его.

Ее хитрая улыбка налилась желчью. Она повернулась, указывая рукой в сторону лагеря.

— Ты думаешь, что ты...

Ричард ударил ее ногой сбоку по лицу со всей силой, какую только мог собрать. Мощный удар застал ее полностью врасплах и оторвал ее ноги от земли. Зубы и кровь брызгами разлетелись во тьму. Она рухнула на бок с тяжелым глухим стуком. Его удар, похоже, раздробил ей челюсть.

Ричард прыгнул за мечом. Он знал, что не следует недооценивать такую женщину. Пока она не умерла, она еще способна убить его — заставив его самого пожелать смерти. Его пальцы вцепились в рукоять меча. Он развернулся обратно, чтобы всадить меч в нее.

Воздух взорвался светом. Ричарда опрокинуло на спину, так сильно, что не мог вдохнуть.

Она же поднялась, кровь стекала с нижней части ее лица длинными струями и брызнула в стороны, когда она подняла обе руки. Ричард едва мог поверить, что она способна держаться на ногах. Эта женщина выглядела как оживший труп. Он не сомневался в том, что она долго не протянет, но этого может оказаться достаточно, чтобы убить его.

Удар нанес ей ужасные повреждения, но он же вызвал шок, удерживающий ее от ощущения боли. Конечно, она скоро почувствует эту боль и свалится в агонии, но в данный момент она еще не чувствовала ничего, и этого момента ей может оказаться вполне достаточно.

Ее глаза были наполнены жадой убийства.

Ричард попытался подняться на ноги, чтобы прикончить ее, но чувствовал себя так, будто на его груди лежит буйвол. Весь воздух из него был выжат.

Она сделала шаг вперед, затем замерла, похоже, в полном замешательстве. На ее лице появилось выражение крайнего изумления, и она ухватилась за грудь.

Ричард, удивленно моргая, следил за тем, как она, споткнувшись, сделала еще один шаг вперед и упала вниз лицом, тяжело ударяясь о землю, даже не пытаясь смягчить свое падение. Он какое-то мгновение пристально всматривался в нее, предполагая, что это какой-то обман. Она не двигалась. Груз свалился с его груди.

Не желая упускать возможности, он схватил выпавший из руки меч.

Что-то привлекло внимание Ричарда. Он поднял глаза — и едва смог поверить, кого увидел в темноте чуть далее того места, где минуту назад стояла сестра.

— Эди?

Старая женщина лишь улыбнулась.

— Эди... я так рад видеть тебя, — сказал Ричард, поднимаясь на ноги.

— Нисколько не сомневаюсь, — ответила она, кивая.

— Откуда ты здесь?

— Я направлялась к Цитадели, но увидела тут самую странную из игр джа-ла, где игроки были разрисованы очень, очень опасными знаками. И тогда поняла, что это мог быть только ты. С тех пор я и пыталась добраться до тебя. В этом деле не обошлось без неприятностей.

Он мог это представить.

Ричард не стал тратить время ни на обсуждение, ни на расспросы старой волшебницы. Он бросился туда, где на земле лежала Никки, сотрясаемая конвульсиями от боли. Ее глаза в ужасе уставились на него, будто в мольбе о помощи. Она тонула в мире мучительной боли. Ричард знал, что именно кольцо на шее вызывает эти страдания. Но он не представлял, что делать.

— Можешь ли ты помочь ей? — спросил Ричард через плечо.

Эди опустилась на колени рядом с ним. Но лишь покачала головой.

— Это Рада-Хань. Это не то, что я способна снять.

— А кто, по-твоему, может?

— Думаю, Натан.

— Лорд Рал, нужно поторапливаться, — произнес приближающийся голос. — Эти люди приходят в себя.

Ричард нахмурился, глядя на человека, появившегося из темноты, держа в руке меч. Это был Бенджамин Мейфферт. Он был одет как наиболее доверенные стражи Джегания.

— Генерал, что вы делаете здесь? — Ричард вспомнил о последнем караване с припасами. — Ведь вы должны быть в Древнем мире и уничтожать возможности Ордена пополнять и поддерживать жизнеспособность вот этой армии.

Тот кивнул.

— Знаю. У меня возникла необходимость явиться к вам с докладом. Мы столкнулись с проблемой. С очень большой проблемой.

Ричард знал этого человека достаточно хорошо, чтобы понять, что проблема была больше, чем просто серьезная, чтобы он прервал свою миссию и отправиться к Ричарду с докладом, что дела идут не лучшим образом. Но сейчас было не время для дискуссий.

— Я не знал точно, где могу найти вас, — сказал генерал, — но помнил, что последний раз видел вас поблизости от этого места, так что подумал, что начать поиск отсюда будет для меня наилучшим вариантом. Я полагал, что если вас здесь нет, они по крайней мере здесь могут знать, где вы. А еще я пытался найти путь во дворец.

Совсем недавно я встретил Эди. Она рассказала мне, что вы находитесь прямо здесь, в самом центре этого беспорядка. Я не очень-то поверил в это... но все же пошел с ней. Оказалось, она была права.

Ричард не стал тратить время на расспросы о том, как ему удалось раздобыть форму одного из стражей Джеганя. Наличие этой формы без слов объясняло, как он мог передвигаться по лагерю, не будучи схваченным или убитым.

— А как ты спустилась сюда? — спросил генерал Эди. — Мы можем вернуться во дворец тем же путем?

Эди покачала головой.

— Я спускалась по дороге. Было очень темно, а я была одна. Я пользовалась способностью скрывать свое присутствие, пока не дошла до армии, охраняющей самое начало дороги.

Мы не можем вернуться назад этим путем. Там слишком много патрулей и охраны. И у них там есть люди, обладающие природным даром, чтобы обнаруживать тех, кто пытается проскользнуть через них. Выставленные ими щиты не очень мощные, но их достаточно, чтобы поймать нас в ловушку.

— Но с твоей силой...

— Нет, — сказала она, обрывая генерала. — Моя сила ослабляется дворцом. И даже вблизи плато она все еще остается не такой, как должна бы быть. Все те, кто обладают даром и находятся там, возле дороги, тоже становятся слабее, но они используют свои способности, объединяя их, и поэтому их сила велика. А у меня рядом нет других обладающих даром, чтобы они помогали мне. Я была способна помочь себе, чтобы укрыться от опасности, когда проходила там, но я недостаточно сильна, чтобы помочь всем нам, особенно с такой ношей, как Никки, находящейся в таком тяжелом состоянии.

— Большие внутренние ворота закрыты, — сказал генерал, раздумывая вслух. — Они тоже хорошо охраняются. Но даже если нам удастся пробраться к ним через все преграды, мы не сможем их открыть.

— Никки сказала, что она знает дорогу во дворец, — вспомнил Ричард. — Она сказала, что нам нужно двигаться к пандусу. Не знаю, что именно она имела в виду, но нам

необходимо скорее выбраться из этого лагеря, прежде чем нас всех схватят. И не думаю, что у Никки осталось так много времени.

Эди, низко наклонившись, коснулась тонкими пальцами лба Никки.

— Действительно, это так.

Ричард подхватил Никки на руки.

— Идемте.

Генерал Мейфферт встал перед ним.

— Я могу нести ее, Лорд Рал.

— Я понесу ее сам. — Ричард сделал знак головой. — Возьми Джиллиан.

Тот торопливо поднял ослабевшую девочку.

— Вот чего я не понимаю, — сказала Эди, поглаживая лоб Никки ладонью, пытаясь успокоить ее, — так это как ее похитили? Когда мы все последний раз видели ее, она была во дворце.

Ричард ощутил тяжесть ответственности.

— Зная Никки, могу предположить, что она, вероятно, отправилась попытаться найти меня.

— И Энн тоже пропала, — сказала Эди, проводя двумя пальцами правой руки под подбородком Никки.

— Я не видел Энн, — сказал Ричард.

Что бы Эди ни делала для Никки, внешне результатов заметно не видно. Ричард боялся, что Никки не сможет протянуть до тех пор, пока они найдут способ снять кольцо с ее шеи. Ближайшей их надеждой был Натан.

— Эди, — сказал Ричард, указав подбородком на то место, где лежал сам, когда появилась сестра. — Тот воин, лежащий там, с красным рисунком на лице. Не могла бы ты помочь ему?

Эди вгляделась в человека на земле.

— Попробую.

Она заспешила к Брюсу и опустилась рядом с ним на колени. Он лишь частично пришел в себя, как и все осталь-

ные люди, которых сбила с ног сестра Тьмы. Прямые волосы Эди, черные вперемешку с седыми, накрыли ее лицо, когда она склонилась вперед, прижимая свои пальцы к красным символам, нарисованным на висках этого человека. Брюс тяжело вздохнул. Его глаза широко открылись. Он сделал еще несколько вдохов, и Эди убрала свою руку с одной из сторон его головы.

Через минуту Брюс сел, вращая головой, пытаясь размять сведенные судорогой и очевидно ~~моющие~~ мышцы шеи.

— Что происходит?

— Брюс, вставай скорее, — сказал Ричард. — Нам нужно уходить отсюда.

Левый ведомый Ричарда пристально вглядывался во круг, посмотрел на лежащих на земле людей, на Бенджамина, одетого как гвардеец Джегана и держащего Джиллиан, на Эди и, наконец, на Ричарда, стоявшего в нескольких шагах, с рук которого безжизненно свисала Никки.

Брюс потянулся к мечу и схватил его.

— Рубен, что происходит?

— Это долгая история. Ты пришел мне на помощь. Ты спас мою жизнь. И теперь время решать, на чьей ты стороне.

Брюс нахмурился, услышав подобный вопрос.

— Я твой ведомый. И я остаюсь с тобой. Разве ты не понимаешь этого?

Ричард посмотрел ему в глаза

— Меня зовут Ричард.

— Ну, я всегда знал, что не Рубен. Очень глупое имя для нападающего.

— Ричард Рал, — сказал Ричард.

— Лорд Рал, — уточнил генерал и выглядел при этом готовым к любым неприятностям, даже держа Джиллиан на руках.

Брюс переводил взгляд с одного лица на другое.

— Ну, если вам всем охота умереть, тогда можете оставаться здесь, пока все эти парни не очнутся. Если дело только в этом, то я сам по себе. Если же вы собираетесь двигаться куда-то, то я тоже с вами.

— Пандус, — задыхаясь сказала Никки.

Ричард сжал ее чуть крепче.

— Ты уверена, Никки? Мы могли бы попытаться воспользоваться дорогой, идущей на плато. — Ему не хотелось променивать путь, известный ему, на неопределенную возможность узнать другой маршрут. — Я знаю, что она сильно охраняется, но, возможно, нам удастся пробиться там. Эди тоже чем-то поможет. Это может получиться.

Никки ухватила за его шею и подтянула голову поближе к себе. Ее голубые глаза с трудом сфокусировались на его лице.

— Пандус, — прошептала она, собравшись со всеми оставшимися силами.

Того, что он увидел в ее глазах, было ему достаточно.

— Идемте, — сказал он остальным. — Нам нужно добраться до пандуса.

— Как же мы проберемся через толпы все еще дерущихся солдат? — спросил Брюс, когда они двинулись через ночную тьму. — Путь до пандуса немалый.

Принимая во внимание, что вся стража по-прежнему лежала на земле, район, в котором они находились, был относительно спокойным. Хотя за его пределами по-прежнему бушевал хаос.

Генерал немного переместил Джиллиан на плечо и указал мечом в сторону.

— Вон стоит небольшая повозка — видимо, от каравана с припасами. Мы можем спрятать в ней Джиллиан и Никки. А с такой раскраской, что на вас двоих, вы не успеете пройти далеко, прежде чем несколько тысяч этих солдат попытаются перерезать вам горло. Не устраивая массо-

вой резни. Лорд Рал, шансы на это очень малы. Я хочу, чтобы вы двое также спрятались внутри, вместе с Никки и Джиллиан. Эди и я поведем повозку. Любой подумает, что я из императорской стражи, а Эди всего лишь сестра. Мы можем сказать, что у нас срочное дело по поручению императора.

Ричард согласно кивнул.

— Хорошо. Мне нравится эта идея. Давайте поспешим.

— Кто этот малый? — спросил Брюс, наклоняясь к Ричарду.

— Это мой главный генерал, — сказал Ричард.

— Бенджамин Мейфферт, — сказал генерал, коротко улыбнувшись, когда они все направились к повозке. — А ты заслужил уважение множества хороших людей за то, что сделал, — за то, что сунулся в зубы смерти, чтобы сражаться рядом с Лордом Ралом.

— Никогда раньше не имел знакомства с генералом, — пробормотал Брюс, торопясь за остальными.

Глава 39

Верна сложила руки на груди и тихо вздохнула, наблюдая за Карой, упирающей руки в обтянутые красной кожей бедра. Стайка мужчин и женщин в белых мантиях переместилась дальше по коридору, пристально разглядывая мраморные стены, проводя по ним пальцами, останавливаясь то здесь, то там, будто они разыскивали сообщение с того света.

— Ну так как? — спросила Кара.

Старший над ними, Дарио Дарая, осторожно приложил палец к губам. Он продолжал задумчиво хмуриться в течение еще долгой минуты, наблюдая за группой людей, кото-

рые то приседали, опускаясь, то покачивались, как поплавки на реке, а затем повернулся к морд-ситу. Он пробежал пальцами по небесно-голубому шелку, окаймляющему переднюю часть его хрустящей белой одежды, затем взглянул на Кару. На его лице отразилось недоумение. тогда как он почесывал голову с бахромой из оставшихся седых волос, окаймляющих лысину.

— Я не совсем уверен, госпожа.

— Не уверен в чем? Не уверен, что я права, или не уверен в том, что они думают об этом?

— Нет, нет, госпожа Кара. Я согласен с вами. Здесь действительно что-то не так.

Верна подступила ближе.

— Ты согласен с ней?

Человек убежденно кивнул.

— Я не уверен только в том, что именно это может быть.

— Как нечто, что кажется здесь неуместным? — предположила Кара.

Он задумчиво покрутил пальцем.

— Да, думаю, именно так. Скорее, ощущение как во сне, где вы заблудились в каком-то месте, потому что все помещения оказались перепутаны по сравнению с тем, как они располагались раньше.

Кара рассеянно кивнула, продолжая наблюдать, как служители подземелья скользят вдоль противоположной стены. Они двигались по коридору все вместе, их головы то поднимались, то опускались, по мере того как они разглядывали очередные участки стен. Это чем-то напомнило Верне гончих собак, пробирающихся сквозь заросли.

— Ты старший над служителями подземелья, — обратилась Верна к этому человеку. — Неужели ты можешь не знать, если здесь что-то исчезнет?

Она не могла вообразить, как это что-то может пропасть из подобного места. Да, кое-где имелись ковры, в не-

которых служебных комнатах один-два стула, но ничего другого здесь попросту не было, и нечему было исчезать.

Дарио с минуту наблюдал за своими людьми, затем вновь повернулся к Каре и Верне.

— Я забочусь обо всем, что связано с их службой. Комнаты для проживания; еда, одежда, необходимые припасы... все вот такого сорта. Я старший над ними. А всю работу здесь выполняют они.

— А в чем заключается их работа? — поинтересовалась Верна.

— В основном подметают, чистят, убирают пыль... ну и тому подобное. Здесь ведь целые мили коридоров. Служители в одних местах заменяют масляные лампы и свечи, в других устанавливают свежие факелы. Время от времени где-то треснет кусок камня, и его требуется либо подправить, либо заменить. Гробы, не укрытые в стенах или в полу, требуют дополнительного ухода — на некоторых требуется полировать металл, другие нужно защищать от коррозии, а те, что из резного дерева, следует обмазывать воском, защищая от чрезмерного высыхания. Иногда здесь случаются течи, так что гробы надо тщательно осматривать, чтобы быть уверенными, что они не отсырели и не покрылись плесенью.

Служители подземелья в конечном счете служат лично Лорду Ралу. Они стараются выполнять его специфические пожелания, если таковые появляются. Ведь, в конце концов, все, кто размещены здесь, это его предки.

Когда был жив Даркен Рал, обычно служители подземелья занимались в первую очередь гробницей его отца. Именно Даркен Рал приказал, чтобы всем, кто здесь работает, отрезали языки. Он опасался, что когда они будут здесь, внизу, то будут говорить плохо о его умершем родителе.

— И что, если бы они это и сделали? — спросила Верна. — Разве от этого был бы вред?

Человек пожал плечами.

— Увы, я даже не стал бы пытаться задать ему этот вопрос. Когда он был жив, здесь постоянно появлялись новые служащие, замещающие тех, кто оказались по самым разным поводам преданы казни. Было небезопасно находиться поблизости от этого человека, а служители подземелья довольно часто становились объектом его ярости. Новые среди них появлялись за счет того, что кого-то насильно принуждали к этой работе.

Даркен Рал оставил язык только мне, потому что моя работа не требовала частого присутствия здесь, внизу. Я должен был общаться с другим персоналом дворца, так что мне требовалась возможность разговаривать с людьми. Все остальные служители подземелья, по мнению Даркена Рала, не могли знать ничего ценного, о чем могли бы поведать ему, и поэтому не нуждались в языке.

— А как же ты общаешься с ними? — спросила Кара.

Дарио снова коснулся губ, глядя на своих подопечных, которые продолжали медленно идти по коридору.

— Ну, способом, о котором вы вполне могли догадаться. Они используют знаки. Мычат или кивают, чтобы выразить свои мысли. Разумеется, они могут слышать и все понимают, так что самому мне нет необходимости пользоваться знаками, чтобы говорить с ними.

Они живут рядом и работают вместе, так что почти всегда находятся в своем кругу. Из-за этого они очень хорошо умеют пользоваться своими знаками, которые придумали для общения между собой. Я не так знаком с их уникальным языком, как они, но по большей части способен их понимать. Во всяком случае, вполне достаточно для всего, что нужно по работе.

Большинство их довольно сообразительны. Люди иногда считают, что они глупы, потому что не могут говорить. В некотором отношении они более осведомлены о происходящем во дворце, чем большинство другого персонала

дворца. Поскольку люди знают, что они немые, то часто не задумываются о том, что они очень хорошо слышат. Эти люди зачастую узнают о происходящем во дворце даже раньше меня.

Верна сочла, что этот их маленький мирок, здесь, у гробниц, был бы просто замечательный, если бы не мрачные обстоятельства прошлого.

— Ну а что относительно нынешней ситуации здесь? Что они думают о том, что здесь происходит.

Дарио лишь с огорчением покачал головой.

— Они вообще сами не докладывают ни о каких своих опасениях.

— А почему? — спросила Кара.

— Вероятно, из-за страха. В прошлом служители подземелья часто подвергались казням за самые незначительные провинности. Все такие наказания никогда не имели какого-то реального смысла. В итоге они лишь твердо усвоили, что для того, чтобы оставаться в живых, лучше всего стать частью подземелья, стать невидимыми, насколько это возможно. А приходить к тем, кто наверху, со своими проблемами — это не их способ прожить долгую жизнь.

До сего дня они даже боялись приходить ко мне и рассказывать о чем-то. Однажды произошла течь, запачкавшая стену. Они так и не сказали мне ни слова об этом, вероятно потому, что боялись смертной казни за то, что в результате оказались запачканы гробницы предков Лорда Рала. Я и сам обнаружил это происшествие случайно, когда однажды ночью пришел в жилые помещения, чтобы навесить их, а там никого не оказалось. Я обнаружил их внизу, и они все яростно работали, счищая грязь, прежде чем кто-либо увидит ее.

— Это их способ выжить, — пробормотала себе под нос Кара.

— Так чем же они заняты сейчас? — спросила Верна, наблюдая, как несколько этих людей водят руками по сте-

не, будто ощущают что-то, спрятанное в гладком белом мраморе.

— Не вполне понимаю, — сказал Дарио. — Давайте спросим их.

На некотором расстоянии позади них в этом же коридоре расположился, присматривая за ними, отряд воинов Первой когорты. У некоторых из солдат были арбалеты, снабженные стрелами с красным оперением, которые отыскал Натан. Верна не любила находиться поблизости от таких нечестивых и опасных вещей. Подобная смертоносная магия вызывала у нее волнение и тревогу.

Служители подземелья, как мужчины, так и женщины, собрались в группу, осматривающую стены и каждое пересечение коридоров на их пути. Они уже потратили большую часть дня на обход различных уровней, где располагались гробницы, и сейчас Верна ощущала усталость. В это время она обычно отправлялась в постель. Это единственное место, где ей хотелось сейчас быть. По ее мнению, такую тщательную инспекцию можно продолжить и завтра утром, раз уж до сих пор ничего не обнаружено.

Кара же явно не выглядела уставшей. Она выглядела напряженной. У нее эта «проблема подземелий» засела как кость в зубах, и она ни за что не собиралась бросать ее.

Верна оставила бы Кару с этим занятием, если бы не тот факт, что, когда они отыскиали Дарио Дарая — человека, отвечающего за служителей подземелья, — чтобы расспросить его, он не отверг целесообразности такого расследования, как поначалу ожидала Верна. Похоже, он даже проявил беспокойство по поводу того, что они задали подобный вопрос. В итоге оказалось, что он и сам разделяет подозрения Кары, но до сих пор не высказал это никому. Он лишь сказал и Верне, и Каре, что сильно подозревает, что его подопечные также встревожены каким-то несоответствием.

Верна уже усвоила, что среди той армии, которую представлял персонал дворца, служители подземелья считались самыми последними из последних. Те, кто нес ответственность за более важные помещения, полагали работу внизу, среди гробниц, самой простой и низкой, предназначенной для глухих. Тружеников подземелья к тому же чурались, поскольку они все время находились среди мертвых, таким образом, были отторжены невидимым барьером суеверия.

Дарио объяснил, что такое отношение делает их в значительной степени робкими и замкнутыми. Они не едят в общих зонах и держатся друг друга, образуя свой собственный круг.

Верна наблюдала, как, передвигаясь по коридору, они общаются на странном языке знаков. Это был их собственный, созданный для контактов между собой код, который не понимал больше никто, за исключением, может быть, Дарио Дарая.

Как ни хотелось Верне, а тем более Каре, задавать вопросы непосредственно служителям, они были вынуждены позволить делать это Дарио. Само по себе близкое соседство с посторонними — а особенно с морд-ситами — заставляло молчаливую группу ударяться в дрожь и даже в слезы. Это были люди, которых очень сильно притесняли, особенно предшествующий Лорд Рал и, вероятно, еще и тот, который был перед ним. Многие из их числа, без сомнения близкие друзья или возлюбленные, оказались отправлены на смерть из-за лепестков белых роз, пролежавших достаточно долго на полу гробницы отца Даркена Рала. Они жили и умирали в соответствии с приказами безумного человека.

Эти люди, вполне понятно, крайне боялись всякой власти.

Верна предупредила Кару, что если та хочет действительно получить ответы на вопросы, то должна не пугать их и позволить Дарио самому получить эти ответы.

И вот Верна наблюдала, как Дарио, стоя среди них, осторожно задавал вопросы. Люди, окружившие его, вели себя возбужденно, указывая то в одну сторону, то в другую и делая ему какие-то знаки. Иногда Дарио кивал и все так же осторожно задавал новые вопросы, которые вызывали новые потоки знаков немого языка от некоторых стоявших вокруг него людей.

Наконец Дарио вернулся.

— Они говорят, что в этом коридоре нет никаких проблем. Здесь все превосходно.

Кара проговорила сквозь стиснутые зубы:

— Ну тогда, если они не...

— Но, — прервал ее Дарио, — они говорят, что вот в том коридоре, вон там... — он указал рукой вперед и вправо, — что-то не так.

Кара несколько секунд изучала лицо этого человека.

— Давайте тогда пойдем и посмотрим.

Прежде чем Верна смогла удержать ее, Кара уверенным широким шагом направилась прямо к группе из полутора дюжины людей. Верна, глядя, как они съежились и попятились назад, напуганные тем, что она идет к ним, подумала, что кто-нибудь из них может сейчас упасть в обморок.

— Дарио сказал, что вы считаете, что вон в том коридоре что-то не так. — Кара указала рукой на пересечение коридоров, лежащее впереди. — Я тоже думаю, что там что-то не так. Вот почему и решила собрать вас всех здесь, чтобы вы показали мне, что думаете на этот счет. Я одна из тех, кто позвал вас сюда. И я сделала это потому, что вы, насколько мне известно, лучше, чем кто-либо еще, знаете это место.

Они выглядели встревоженными, услышав о ее намерениях.

Кара оглядела лица, наблюдающие за ней.

— Когда я была маленькой девочкой, Даркен Рал пришел в наш дом и захватил нашу семью. Он замучил до

смерти и мою мать, и моего отца. Он упрятал меня под замок на многие годы. Он мучил меня, чтобы заставить стать морд-ситом.

Кара слегка повернулась и, отведя красную кожу костюма у себя на талии, показала им длинный шрам, протянувшийся по спине и вдоль бока.

— Вот, это сделал он. Видите?

Все как один склонились, с любопытством разглядывая шрам. Один из них даже потянулся и нерешительно коснулся его. Кара повернулась в его сторону, чтобы позволить ему сделать это. Она взяла руку женщины и провела ее пальцем по неровному шраму.

— Вот, взгляните на это, — сказала она, закатав рукава и протягивая к ним запястья, чтобы они посмотрели. — Это следы от кандалов, в которых он подвешивал меня... на цепях к потолку.

Все собравшиеся наклонились вперед, чтобы видеть своими глазами. Некоторые из них осторожно касались шрамов на ее запястьях.

— Ведь он причинял страдания и вам, не так ли? — Кара знала ответ, но, как бы то ни было, она задала этот вопрос. Когда они все начали кивать, она попросила: — Покажите мне.

Они все широко открыли рты, чтобы она видела отсутствие у них языков. Кара заглянула в каждый рот, кивая на то, что видела. Некоторые отодвигали в сторону щеку, поворачивали голову, чтобы быть уверенными, что она видит их шрамы. Кара тщательно осмотрела каждого, пока они не были удовлетворены тем, что она действительно все посмотрела.

— Я очень рада, что Даркен Рал умер, — наконец сказала она им. — Мне очень жаль, что он сделал это с вами. Вы все очень страдали. И я вас понимаю; я тоже страдала. Но теперь он больше не может причинять нам страдания.

Они стояли, внимательно слушая ее, а она продолжала:

— Его сын, Ричард Рал совсем не похож на своего отца. Ричард Рал никогда не обижал меня. Более того, когда я в мучениях умирала, он, рискуя своей жизнью, использовал магию, чтобы спасти меня. Можете себе представить такое?

И он никогда не причинил бы вреда никому из вас. Он заботится о том, чтобы у всех людей была возможность жить собственной жизнью. Он даже сказал мне, что я свободна покинуть свою службу у него в любое время, когда захочу, и он пожелает мне добра. Я знаю, что он сказал мне правду. Но я осталась, потому что хочу помочь ему. Я хочу помочь хорошему человеку делать мир лучше, вместо того чтобы быть рабом у плохого.

Я видела, как Ричард Рал рыдал по погибшим морд-ситам. — Она ткнула себя пальцем в грудь там, где у нее было сердце. — Вы понимаете, что это означало для меня? Это отпечаталось здесь, в моем сердце.

Думаю, сейчас Ричард Рал находится в беде. Я хочу помочь ему и тем, кто борется вместе с ним, против людей, причиняющих зло другим. Мы хотим защитить ваши жизни от всех тех, кто сейчас возле дворца, там, на равнинах Азрита, кто хочет причинить вам зло и вновь сделать рабами. -

Служители моргали и щурили полные слез глаза, слушая ее рассказ — рассказ, который они могли понять именно так, как не могли бы понять другие.

— Тогда, пожалуйста, помогите мне.

Верна очень хорошо знала, насколько искренны эти слова Кары.

Она почувствовала стыд, что на самом деле даже не предполагала, что Кара может быть сердечной и понимающей, и что она ошибалась, принимая агрессивность Кары, защищающей Ричарда, всего лишь за проявление натуры морд-ситов. Здесь было нечто большее. В этом было осоз-

нение и признательность. Ричард сделал больше, чем просто спас ее жизнь. Он научил ее, как жить своей жизнью. Верна задумалась, может ли надеяться, что она, как аббатиса, сделала хотя бы столько же.

Две женщины взяли Кару под руки и повели ее по коридору. Верна обменялась взглядом с Дарио. Он поднял бровь, будто говоря, что сам удивлен.

Они оба последовали за шаркающей группой людей, принявших Кару в качестве сестры-заступницы. Некоторые из них, идя по коридору, протягивали руки. Они хотели коснуться ее, провести руками по красной коже ее костюма. Они опускали руки на ее спину. Они как будто говорили ей, что понимают боль и оскорбление, которые она перенесла, и очень сожалеют, что сначала недооценивали ее.

Когда они свернули в следующий коридор, Верна осознала, что уже не знает точно, где именно они находятся. Зона гробниц был настоящим лабиринтом из коридоров, занимающим несколько уровней. Вдобавок к этому большинство коридоров выглядят одинаково. Они все были одной ширины и высоты и сделаны из того же белого мрамора с узорами из серых прожилок. Она знала, что сейчас они где-то внизу, на самом нижнем уровне, но во всем остальном полностью полагалась на провожатых, не зная точно, где это место находится.

Сзади, удерживая дистанцию, чтобы не мешаться, за ними как можно тише следовали солдаты, относящиеся ко всему недоверчиво и внимательно.

Группа людей в белых мантиях наконец подошла и остановилась посреди коридора в месте, где не было пересечения. Чуть дальше в разные стороны ответвлялись коридоры, но именно в этом месте никакого ответвления не было.

Несколько человек из служителей подземелья оперлись ладонями о белый мрамор. Затем оглянулись назад, на Кару, при этом слегка двигая ладонями по стенам.

— Здесь? — спросила Кара.

Все служители, собравшись вокруг нее, как цыплята вокруг курицы, дружно закивали.

— Так что же не так с этим местом, что показалось вам странным? — спросила она их.

Несколько человек, одинаково разведя в стороны руки и раскрыв ладони, делали ими поступательные движения в сторону стены.

Кара ничего не понимала. Ничего не поняла и Верна. Дарио скреб остатки седых волос — даже он оказался озадаченным этим странным представлением. Служители подземелья на минуту сбились в кучу и, используя свои знаки, безмолвно обсуждал проблему между собой.

Затем все они повернулись к Каре. Трое из них указали на стену, затем покачали головами. Они повернулись и вновь посмотрели на Кару, чтобы оценить ее реакцию и понимание.

— Вам не нравится, как выглядит эта стена? — предложила Кара.

Все как один покачали головами из стороны в сторону. Кара обратила вопросительный взгляд к Верне и Дарио. Дарио лишь развел руками и пожал плечами. Верна вообще никак не отреагировала.

— Я все еще не понимаю, — сказала Кара. — Я поняла, что, по вашему мнению, здесь что-то не в порядке со стеной... — Все головы согласно закивали. — Но я не знаю, что именно. — Она вздохнула. — Очень жаль. Прошу меня извинить, но это не ваша вина. Это моя. Я просто знаю очень мало о стенах. Не могли бы вы помочь мне понять?

Один человек из этой группы взял Кару за руку и осторожно подвел как можно ближе к стене. Он потянулся и пальцем другой руки дотронулся до камня. И, обернувшись, вновь посмотрел на Кару.

— Продолжайте, — сказала она, — я слушаю.

Человек улыбнулся на использованное ею слово, а затем вновь сосредоточил внимание на стене. Он начал прослеживать некоторые из серых прожилок. Кара слегка наклонилась вперед и нахмурилась, продолжая наблюдать. Человек обернулся назад, через плечо. Увидев, что она хмурится, сосредотачиваясь на рисунке, он вернулся в начало и снова начал прослеживать серый завиток. Он проделал это несколько раз, вновь и вновь, на том же самом месте, чтобы заставить Кару обратить внимание.

— Это выглядит как лицо, — сказала Кара с легким удивлением.

Человек яростно закивал. Остальные кивали вместе с ним. Они все молча радовались. Одна из женщин вышла вперед и очень энергично обвела все тот же серый завиток. Ее палец вывел выющиеся волосы, овал лица. Затем она подчеркнула все это так же, как сделал до этого мужчина, коснувшись в двух местах центральной части, где предполагались глаза.

Кара протянула руку и проследила то же самое лицо на камне, точно так же, как делали и они, следуя пальцем за серыми завитками, прослеживая рот, нос, затем и глаза.

Компания, одетая в белые мантии, издавала довольное мычание, похлопывая ее по спине, возбужденные тем, что им удалось заставить ее увидеть лицо.

Верна не могла даже вообразить, что бы это означало.

Один человек из этой группы отделился и направился чуть дальше по коридору. Там он очень быстро проследил что-то среди сплетений серых жил. Оттуда, где она стояла, Верна не могла видеть, что это, но предположила, что, вероятно, это еще одно лицо. Человек перешел на новое место по коридору и проследил там небольшое лицо, глядящее на них из камня. Он устремился к новому месту и показал еще одно, более крупное лицо.

Верна начинала понимать. Эти люди проводили здесь все свое время. Они изучали отдельные знаки на том, что

на первый взгляд казалось лишь неразличимыми кусками белого мрамора. Но для этих людей эти куски не были неразличимы. Для служителей подземелья, которые проводили свою жизнь здесь, внизу, убирая и следя за порядком в этом месте, подобные знаки были как уличные указатели. Они знали их все.

Понимание отразилось и на лице Кары. Теперь и она стала выглядеть обеспокоенной.

— Покажите мне еще раз, что не так, — сказала она тихим, но серьезным голосом.

Люди, вдохновленные тем, что теперь Кара вполне разобралась в том, что они объясняли ей, все разом бросились к той секции стены, которую показывали ей в первый раз. Стоя перед стеной, они снова делали поступательные движения раскрытыми ладонями в сторону стены и от нее.

Затем остановились, и вся их группа повернулась к Каре, чтобы посмотреть, поняла ли она. Она продолжала наблюдать за ними.

Затем один из них указал на стену и за нее, дугообразным движением, будто указывал на что-то, лежащее вдалеке за холмом. Верна снова была в замешательстве.

Кара вглядывалась в лицо на стене. Лоб ее хмурился. Она внезапно стала серьезной и сосредоточенной. Верна все еще блуждала в догадках, как и Дарио, но голубые глаза Кары уже оживились пробудившимся пониманием.

Кара вдруг, разведя руки в стороны, обхватила нескольких служителей подземелья и отвела их назад, к тому месту, где стояли Верна и Дарио. Затем она вернулась и так же, обхватывая за спины и осторожно собирая вместе, отвела остальных от вызывающей беспокойство стены. Следуя в конце всей группы, с разведенными руками, она выводила всех подальше по коридору.

Заодно Кара прихватила с собой и Верну, и Дарио. Немые служители подземелья следовали за ней по пятам и

все выглядели взволнованными оттого, что Кара была чем-то встревожена, и в то же самое время гордящимися собой.

Кара наклонилась к Верне, когда они достаточно удалились и оказались за поворотом коридора.

— Приведи сюда Натана, — сказала она явно командным тоном.

Верна изменилась в лице.

— Неужели это необходимо прямо ночью? Неужели ты думаешь, что мы...

— Приведи его сейчас, — сказала Кара убийственно спокойным властным голосом.

Ее голубые глаза горели холодным огнем. Верна знала, что какой бы доброй и понимающей не была Кара в обращении со служителями подземелья, сейчас она не потерпит никаких возражений. Сейчас она приняла на себя ответственность за ситуацию. Верна не имела представления о том, что это за ситуация, но доверяла этой женщине и знала, что нет необходимости расспрашивать Кару об этом.

Кара щелкнула пальцами в сторону человека, ожидающегося неподалеку. Командир отряда бросился к ней, чтобы понять, чего именно она хочет, и когда оказался рядом, то наклонился к ней, внимательно слушая, что она скажет.

— Да, госпожа?

— Пусть генерал Тримак явится сюда. Скажи ему, что это срочно. Скажи ему, чтобы привел с собой людей. Много людей. Подними по тревоге морд-ситов. Я хочу, чтобы они тоже были здесь. Сделай это прямо сейчас.

Не задавая вопросов, он прижал руку к сердцу и ушел.

Верна сжала руку морд-сита.

— Кара, что происходит?

— Я еще не вполне понимаю.

— Мы уже поднимаем по тревоге весь дворец, гоним сюда сотни, если не тысячи — генерал Тримак, Первая когорта, Натан, — и ты все еще не знаешь, почему?

— Я не сказала, что не знаю, почему. Я сказала — не вполне понимаю. Думаю, здесь есть лица стен, которые смотрят на нас, но которые здесь на нас смотреть не должны.

Кара повернулась к тем лицам, что наблюдали за ней.

— Я права?

Служители подземелья обменялись восторженными немymi улыбками, радуясь тому, что их поняли и им поверили.

Глава 40

Ричард посматривал на окружающее из-под брезентового полога повозки, катившейся практически на границе лагеря армии Ордена. Всякий раз, когда очередной порыв ветра налетал на повозку, Ричард был вынужден крепко держать брезент, чтобы его не сорвало. Уродливые очертания тянувшегося вверх наклонного пандуса смутно вырисовывались над их головами. Оказавшись так близко к нему, Ричард мог теперь заметить, каким огромным он стал. Это чудовищное сооружение уже не казалось обманчивой надеждой на то, что оно в конце концов сможет дотянуться до дворца на вершине плато.

Все произошедшее после того, как Эди за счет своего дара помогла им просочиться сквозь настоящее сражение, неожиданно разгоревшееся вокруг игрового поля, казалось относительно спокойным путешествием через почти пустое пространство громадного лагеря Имперского Ордена. Обычные солдаты не привязывались к ним, напрашива-

ясь на возможные неприятности с одинокой повозкой, которую, по всей видимости, сопровождали явно высокого ранга внушительный страж и сестра. Как правило, их здесь старались избегать.

Необузданные бесчинства и беспорядок в таких огромных масштабах, как это случилось, первоначально были ограничены лишь зрителями, собравшимися на матч джа-ла. Хотя, по-видимому, сотни тысяч людей приняли участие в сражении по поводу исхода игры, вылившееся в огромную, ужасающую кровавую баню, это неприятнейшее событие удалось ограничить лишь небольшой частью лагеря. На остальной территории, занятой войсками, командиры довольно быстро ограничили перемещения вооруженных людей и сдержали возможные волнения.

Несмотря на эти меры, взбунтовавшиеся солдаты еще долго не могли успокоиться. Большинство из них приняло участие в войне не для того, чтобы в итоге мерзнуть, голодать и копаться в грязи, тратя на это свое время. Их возмущала нужда заниматься ручным трудом, и они предпочитали целиком отдаться делу, связанному с убийствами, насилием и грабежами. Одно дело — без хлопот ожидать завершения победоносного завоевания, а совсем другое — по-черному вкалывать. Сейчас добыча значительно сократилась, а пополнение ее требовало весьма и весьма серьезных усилий. Оказалось, что самопожертвование ради дела Ордена имеет свои границы, которые определяются необходимостью работать.

Командование действовало не столь оперативно, сколько грубо и жестоко при подавлении волнений везде, где эти настроения набирали силу. Прочие солдаты, недовольные почти в той же мере, как и взбунтовавшиеся, общими условиями, когда видели, что случалось с теми, кто осмелился проявить недовольство, не испытывали желания поддерживать мятеж.

Несколько раз генералу Мейфферту пришлось буквально пробивать дорогу через группы людей. Однажды его угрозы пришлось подкрепить смертельным боковым ударом мечом по чьей-то шее. В других случаях Эди очень осторожно пользовалась своими способностями, чтобы как-то облегчить их путь через потенциально опасные места. При этом, поскольку солдаты принимали ее за одну из сестер Тьмы Джеганя, многие вопросы отпадали, не возникнув. Было несколько случаев, когда солдаты останавливали повозку и требовали от нее поделиться награбленными трофеями. Она лишь пристально смотрела на них, не устаивая ответом. Глядя в ее абсолютно белые глаза, бросающие на них свирепые взгляды, они теряли самообладание и тут же исчезали в темноте.

Далеко за их спинами, рядом с полем для игры в джала, беспорядки наконец были пресечены, но все равно большую часть ночи продолжались стычки между пьяными солдатами. Стража Джеганя нисколько не заботилась о наведении порядка, она была заинтересована лишь в спасении жизни императора.

Судороги от прерывистой боли, так и не отпускаявшей Никки, подсказывали Ричарду, что Джегань все еще жив и вполне способен оказывать воздействие. Хотя и не обязательно находится в полном сознании. Но вот чего Ричард не знал — может ли Джегань в какой-то момент убить ее через все то же кольцо на шее, когда окажется не в состоянии вернуть ее назад? И если может — у Ричарда нет никакого способа остановить его. Единственное, что нужно сделать в такой ситуации, — это снять кольцо, а для этого им необходимо попасть во дворец, к Натану.

Поглядывая на обстановку из-под укрывающего повозку брезента, Ричард заметил огромные ямы, беспорядочно располагающиеся впереди, хорошо заметные в свете факелов. Ричард мог различить цепочки людей, животных и повозок, вереницей тянувшиеся от этих ям, где добывался ма-

териал для строительства. Облака пыли взметались в тех местах, люди интенсивно копали землю. От этих ям повозки и люди непрерывно двигались до самого пандуса, доставляя землю и камень к месту стройки.

Ричард снова посмотрел на Никки, лежащую рядом с ним на низкой скамье внутри повозки. Она смертельной хваткой вцепилась в его руку. Все ее тело непрерывно вздрагивало. Он и сам страдал от переживаний за ее боль. Он хорошо знал, что это за ощущения. Ему доводилось испытывать на себе магию от кольца на шее, что сейчас терзала ее. Хотя его столь же тяжелое испытание не было таким долгим. Он не представлял, как долго мог бы сам прожить, испытывая подобную боль.

Джиллиан лежала по другую сторону от Никки и держала ее за вторую руку. Брюс лежал позади Джиллиан, время от времени поглядывая из-под брезента на обстановку со своей стороны и держа наготове меч, на тот случай, если ему придется помогать разбираться с какими-то неприятностями.

Ричард не знал, насколько может доверять этому человеку. Но Брюс зарекомендовал себя тем, что выступил на защиту Ричарда, рискуя собственной жизнью. Ричард понимал, что не все до одного в этом военном лагере выбрали бы Орден, будь им предоставлен настоящий шанс. Наверняка здесь есть люди, которые, скорее всего, предпочли бы не иметь с Орденом ничего общего. На самом же деле Ричард просто не знал Брюса с этой стороны достаточно хорошо, он не знал, какой именно жизненный опыт приобрел этот человек и что заставило его воспользоваться случаем и перейти на его сторону, но был рад, что этот человек поступил так. Это давало надежду, что мир еще не полностью погрузился в безумие. Что еще остались люди, которые ценят собственную жизнь и хотят обрести свободу, чтобы прожить эту жизнь так, как сами считают нужным. И даже готовы сражаться за нее.

Когда повозка, несколько раз качнувшись, начала останавливаться, Эди подошла ближе к ней и небрежно оперлась локтем на невысокий борт с той стороны, где находился Ричард. Она огляделась.

— Ну вот мы и добрались.

Ричард кивнул, затем склонился ближе к Никки.

— Мы пришли. Мы около пандуса.

Ее лоб покрылся складками от терзающей ее боли. Казалось, она полностью погрузилась в мир страданий. С величайшим усилием Никки чуть отпустила его руку, затем сжала вновь, показывая, что слышит его.

Несмотря на ночной холод вокруг, ее покрывал пот. Большую часть времени ее глаза были закрыты. Иногда они широко открывались, когда она начинала задыхаться от ужасного приступа боли.

Ричард едва не сходил с ума от этого, потому что не мог оказать ей реальную помощь, потому что она была вынуждена ждать, страдая в одиночестве, в своем изолированном мире мучений, и ожидать еще целую затянувшуюся вечность, пока они смогут доставить ее к Натану.

— Никки, ты можешь сказать, что нам делать дальше? Мы у пандуса, но я не знаю, почему и зачем? Для чего ты хотела, чтобы мы направились сюда?

Он осторожно откинул назад ее волосы, прилипшие к покрытому каплями пота лбу. Глаза ее широко открылись с очередным стежком подавляющей все ощущения боли.

— Пожалуйста... — прошептала она.

Ричард наклонился ближе, прислушиваясь.

— Что?

Он почти приложил ухо к ее губам.

— Пожалуйста... останови это. Убей меня.

Никки вздрогнула и застонала, когда очередной приступ боли водопадом обрушился на нее. Она не могла сдерживать рыдания.

Ричард, едва не задыхаясь в тисках ужаса, прижал ее к себе.

— Мы уже почти добрались. Держись. Если сможем проникнуть во дворец, думаю, Натан сумеет снять это кольцо. Только держись.

— Не могу, — заливаясь слезами, только и сумела произнести она.

Ричард прижал ладонь сбоку к ее лицу.

— Я помогу тебе избавиться от него. Обещаю. Но для этого нужно попасть во дворец. И мне необходимо знать, как мы можем это сделать.

— Катакомбы... — сказала она, начиная задышаться, когда ее спина очередной раз выгнулась.

Катакомбы? Ричард прищурился, раздумывая над этим словом. Катакомбы?

Он чуть-чуть приподнял брезент и снова оглядел окрестности. Пандус высился неподалеку от них. За пандусом проглядывала черная стена подъема на плоскогорья, различимая в свете факелов лишь по слабым контурам границы основания, взмывала вверх, возвышаясь в ночи.

Когда он взглянул на плато, все начало обретать смысл.

Джиллиан склонилась над Никки.

— Могла ли она иметь в виду такие же катакомбы, как у меня дома? — Она взглянула на Никки. — Катакомбы в Касске?

Никки кивнула.

Ричард снова выглянул из-под хлопающего на ветру брезента, стараясь отыскать хоть что-то, отличающееся от общего ландшафта, хоть какой-то признак того, что может служить входом. Он мысленно перебрал все, что мог вспомнить о древних катакомбах в Касске. В глубине этих подземных помещений они и нашли книгу «Огненная Цепь». Лабиринты этих древних туннелей и подземных помещений тянулись на многие мили. Ричард потратил едва ли не це-

дую ночь, обыскивая эти катакомбы, и понял, что увидел лишь небольшую часть их.

Отыскать вход в катакомбы обычно бывало очень трудно. Как правило, существовал лишь один малозаметный проход, ведущий в этот скрытый подземный мир, мир катакомб. И найти такой проход вот здесь, на открытом пространстве, в окружении всех этих людей, было невероятно трудной задачей.

Он обернулся.

— Никки, как же тебе удалось найти катакомбы под дворцом?

Она лишь покачала головой.

— Нашли меня...

— Нашли тебя? — Ричард снова оглядел окружающее их пространство, и тут осознание навалилось на него. — Добрые духи...

Все начало обретать смысл. Люди Джегана, копавшие ямы, обнаружили древние катакомбы. Они наверняка использовали эти туннели для того, чтобы проникнуть во дворец.

— Они поднялись во дворец и захватили тебя? Ты это имеешь в виду?

Никки кивнула.

Но если они проникли во дворец, зачем им продолжать строительство пандуса? Он понимал, что если здешние катакомбы чем-то похожи на катакомбы в Касске, то им этих туннелей недостаточно, чтобы провести в Народный Дворец свою армию. Это похоже на то, как ускорить движение песка в песочных часах.

И еще: возможно, пандус служит отвлекающим маневром, чтобы оттянуть время и в итоге сделать именно это.

Отвлекающий маневр или нет, но через катакомбы Джегань мог отправить во дворец шпионов. И если действительно существует проход, то нечего и говорить о той опасности, которую несет подобная лазейка.

Должно быть, первыми в нее проскользнули сестры Тьмы. Ну да, необходимы были именно сестры, чтобы захватить Никки. Но поскольку их способности ослабляются магией дворца, потребовалась, насколько он понимал, не одна сестра.

— Отрады, выкапывавшие грунт для строительства пандуса, обнаружили катакомбы, — вслух рассуждал Ричард, обращаясь к Никки. — Сестры прошли через катакомбы. Вот таким образом они и захватили тебя.

Несмотря на дрожь и пульсирующую боль, Никки в подтверждение этого сжала его руку.

Ричард вновь, как можно ближе, склонился над Никки.

— Известно ли хоть кому-то во дворце, что Джегань имеет туда доступ?

Женщина отрицательно качнула головой.

— Собираются внутри, — сумела она добавить.

У Ричарда упало сердце.

— Они собирают людей внутри катакомб, чтобы напасть на дворец?

Никки утвердительно кивнула.

— Тогда нам лучше скорее добраться туда и предупредить, — сказал Брюс.

— Эди, — обратился Ричард к старой женщине, стоявшей рядом с повозкой, — ты все слышала?

— Да. Генерал тоже здесь, рядом со мной, он тоже слышал.

Ричард выглянул из-под брезента. На некотором расстоянии правее он увидел яму, к которой не вели ни цепочки людей, ни колонны повозок.

Ричард указал на нее из-под брезента.

— Взгляните вон туда, на ту яму. Вокруг того места с одинаковыми интервалами расставлены люди.

— Стража, — поддержал его генерал Мейфферт.

— Должно быть, это и есть то самое место, где они нашли вход в катакомбы, — на дне этой ямы. Похоже, они

прекратили все земляные работы начиная от этого места и в направлении плато.

— А зачем им делать это? — спросил генерал.

— Эти катакомбы наверняка очень древние. Трудно представить, какие условия могут быть там, внизу. Они не хотят рисковать, раскапывая новые туннели, ведущие под дворец.

— Должно быть, так, — сказала Эди.

— А как мы собираемся спуститься в эту яму? — спросил генерал Мейфферт.

— Будь у нас еще несколько комплектов одежды императорской стражи, мы вполне могли бы спуститься туда, — заметил Брюс.

— Возможно, — сказал Ричард, — но как быть с Никки и Джиллиан?

Ответа у Брюса не было.

— Они наверняка не смогут туда пройти, — согласился генерал Мейфферт. — Да и повозка, спускающаяся в охраняемую яму, вызовет подозрения.

— Может быть, — сказал Ричард, раздумывая вслух. — А может быть, и нет.

Генерал оглянулся через плечо.

— Что у тебя на уме?

Ричард очень осторожно встряхнул Никки за плечи.

— А внизу, в этих катакомбах, есть книги?

— Да, — сумела проговорить она.

Ричард повернулся к генералу.

— Мы можем сказать охране, что ввиду ночного беспорядка в лагере император хочет забрать наиболее важные книги в свой шатер, чтобы они были в безопасности. Он послал эту сестру, чтобы выбрать те книги, которые его интересуют. Вы скажете им, что необходимо выделить группу охраны, чтобы сопровождать повозку на обратном пути к лагерю.

— Они захотят знать, почему мы не привели охрану с собой.

— Из-за беспорядков, — предложил Брюс. — Скажете, что из-за творящегося на поле с нами не захотели отпирать хоть кого-то из тех, кто должен защищать императора.

Ричард кивнул, соглашаясь с этой идеей.

— Пока они отвлекутся на сбор отряда для сопровождения, мы сумеем проскользнуть в катакомбы.

— Но не вся охрана будет отвлечена этим, — сказал Брюс. — Это будет звучать чертовски подозрительно, если мы предложим им подобную вещь. Все люди, оставшиеся в этом районе, увидят двух женщин... особенно поскольку мы будем вынуждены помогать Никки.

Не следует недооценивать эту охрану. Видишь, как они одеты? Это люди, которым доверяет император. Я знаю, какие они. Они не дураки и не ленивцы. Они ничего не упустят.

— Звучит убедительно, — согласился Ричард, обдумав замечание Брюса, и продолжал хмуриться, пока у него не возникла новая мысль. Он повернулся к Эди. — Сегодня ветреная ночь. Как, по-твоему, не могла бы ты немного помочь ветру?

— Помочь ветру? — Ее абсолютно белые глаза уставились на него в тусклом блеске факелов. — Что ты задумал?

— Использовать твой дар, чтобы усилить ветер. Несколько произвольных порывов, ну, что-то в этом роде. Сделать это так, чтобы казалось, будто ветер начинает усиливаться и порывы его становятся сильнее. После того как генерал Мейфферт скажет им о необходимости дополнительного эскорта, мы проведем повозку внутрь ямы. Затем последует еще более сильный порыв ветра и задует ближайшие к нам факелы. Тогда станет по-настоящему темно. и, прежде чем охрана принесет новые факелы, чтобы разжечь погасшие, мы незаметно проведем Никки и Джиллиан в туннели.

— Хорошо. Итак, мы спускаемся в туннели, — сказал генерал Мейфферт. — Но ведь там, под землей, наверняка есть охрана и неведомо сколько солдат. Что ты предполагаешь на этот счет?

Ричард разделял его беспокойство об этом.

— Мы должны пробраться мимо них их тем или иным образом. Но ты прав, вполне возможно, что их там великое множество.

Брюс приподнялся на локте.

— Сражаться в проходах им будет непросто. Это частично уравнивает шансы.

— А ты прав, — заметил генерал Мейфферт. — При стесненном пространстве не имеет значения, сколько там людей. Они не могут наброситься на нас все разом, как муравьи. В таких вот ограниченных тесных пространствах бывает достаточно нескольких человек, чтобы вести сражение.

Ричард тяжело выдохнул.

— Но именно это нам совсем не нужно. Нам придется убить каждого из стражей, через которого надо пройти, а каждый из находящихся там будет стремиться убить нас. И когда мы значительно углубимся в своем продвижении, они смогут напасть на нас сзади. Наверняка там есть бесчисленное множество помещений, что даст им возможность нападать на нас с флангов по мере нашего продвижения вперед. Это долгий путь. А учитывая, что нужно заботиться о Никки, будет более чем трудно прорваться через все это.

— И какой же у нас есть выбор? — спросил генерал Мейфферт. — Нам нужно прорваться через них, и единственный способ — это уничтожая каждого, кто попытается остановить нас. Это будет нелегко, но это наша единственная надежда.

— В катакомбах полнейшая тьма, — заметила Эди скрипучим голосом. — Если я воспользуюсь своим даром, чтобы загасить ветром все огни, они не смогут видеть нас

— А как сможем видеть мы? — спросил Брюс.

— Твой дар, — сказал Ричард, обращаясь к Эди, поняв смысл ее предложения. — Ты видишь благодаря своему дару.

Она кивнула.

— Я буду вашими глазами. Я лишилась зрения еще в молодости и вижу благодаря своему дару, а не благодаря свету. Я воспользуюсь своим даром, чтобы загасить их огни, и поведу вас через темноту. Буду вашим проводником. Мы будем тихими и осторожными, как мыши. Они даже не узнают, что мы проскользнули мимо них. Если я примечу охрану, то найду способ пробраться мимо них другим маршрутом, так что они и не заметят нашего присутствия. Если же другого пути не будет, мы просто убьем их, но все-таки лучше постараться просто проскользнуть мимо.

— Сдается мне, это наш наилучший шанс. — Ричард посмотрел на Никки, а затем по очереди обвел взглядом остальных. Никто не возразил, поэтому он продолжил: — Тогда решено. Генерал Мейфферт беседует с капитаном стражи. Повозка спускается в яму, пока тот подбирает людей для эскорта. А когда мы оказываемся внизу, Эди использует свой дар и вызывает порыв ветра, чтобы загасить факелы. В создавшейся суматохе, прежде чем они смогут снова зажечь факелы, мы спускаемся дальше вниз, в сами катакомбы. Возможно, они подумают, что мы просто принялись за свою работу по отбору книг для императора. Как только мы оказываемся внизу, Эди ведет нас и гасит любой свет, возникающий на нашем пути. Она проводит нас самым безопасным маршрутом. А любой, кто встанет на нашей дороге, чтобы помешать нам, умрет.

— Но только следует быть готовыми к тому, что капитан стражи может оказаться подозрительным и устроит нам неприятности, — сказал генерал.

— Если потребуется, — сказала Эди, — будут ему и неприятности. Я обещаю.

Ричард кивнул.

— Однако нам следует поспешить. Скоро начнет светать. А нам нужна темнота, чтобы попасть в катакомбы так, чтобы при этом никто из охраны не увидел ни Никки, ни Джиллиан. После того как мы спустимся, это уже не будет иметь значения, но здесь, на поверхности, нам необходимо проделать все, пока мы еще находимся под прикрытием ночи.

— Так давайте действовать, — сказал генерал и пошел вперед, чтобы направлять лошадей.

Ричард бросил быстрый взгляд на восточную часть неба. Рассвет уже скоро. Он вместе с Брюсом опустил брезент и потуже натянул его, после чего повозка с грохотом двинулась дальше. Ричард надеялся, что они успеют вовремя спуститься в ту вечную темноту, что поджидала их в катакомбах.

Рядом с ним тихо рыдала Никки, не в состоянии терпеть боль, не в состоянии призвать смерть.

Ее страдания разрывали сердце Ричарда. Все, что он мог сделать, это сжать ее руку, подсказывая тем самым, что она не одинока.

Ричард прислушался к завываниям ветра, усилившегося, когда генерал Мейфферт приглушенным голосом заговорил с капитаном стражи.

Ричард наклонился ближе к Никки и прошептал ей:

— Держись. Осталось недолго.

— Не думаю, что она все еще может слышать тебя. — прошептала Джиллиан, находившаяся по другую сторону от Никки.

— Она может меня слышать, — сказал Ричард.

Она должна его слышать. Она должна жить. Ведь Ричард очень нуждается в ее помощи. Он не знает, как открыть правильную шкатулку Одена. И он не знает никого, кто может быть ему более полезен, чем Никки

Но еще важнее то, что Никки — его друг. Он глубоко переживал за нее. Возможно, он разберется с проблемами и без нее, но не вынесет ее потерю.

Никки довольно часто оказывалась единственным человеческим существом, к которому он мог обратиться, человеком, который помогал ему сосредоточиться, напоминал о необходимости верить в себя. С тех пор как он лишился Кэлен, она во многих отношениях была его единственным доверенным лицом.

Он не мог допустить мысли, что потеряет ее.

Глава 41

Рэчел соскользнула с лошади на северо-восточном берегу ручья, крепко сжав поводья, продолжая внимательно осматриваться, стараясь не упустить ни малейшего движения. В первых лучах рассвета темные хребты голых холмов напоминали стаю спящих чудовищ, среди которых она вдруг оказалась.

Хотя она знала, что это не так. Это самые обыкновенные холмы. Но рядом были другие незримые вещи, которые никак не относились к безобидным плодам ее воображения.

Призраки-гоблы — вполне настоящие, они преследуют ее и уже близко.

По обе стороны ручья, напротив друг друга, поднимались белые утесы-близнецы. Росший здесь сумах уже сбросил, в соответствии с сезоном, остатки листьев, но продолжал служить изгородью вдоль узкой пешей тропы, на которой она сейчас и стояла, дрожа от холода. Ждущий широко распахнутый зев пещеры — словно открытый рот какого-то громадного чудовища, собирающегося проглотить ее.

Рэчел привязала поводья лошади к стволу сумаха и начала взбираться по гравию и рыхлой земле, оставляя след, ведущий к заждавшейся темной пасти. Поднявшись, стала внимательно вглядываться внутрь, надеясь разглядеть, не прячется ли там королева Виолетта или Сикс. Вполне можно было ожидать, что Виолетта выскочит и надает ей шлепков, а затем в свойственной ей манере надменно рассмеется.

Пещера была темной и пустой.

Рэчел сплела пальцы рук, еще раз внимательно оглядывая окружающие холмы. Сердце билось учащенно, пока она настороженно наблюдала, стараясь заметить хоть малейшее движение. Гоблы приближаются. Они охотятся за ней. Они собираются схватить ее.

Внутри пещеры она увидела знакомые рисунки, которые так много раз наблюдала и раньше. Там были тысячи корявых изображений, покрывающих каждый дюйм окружающих ее стен. Между большими рисунками были втиснуты на остававшееся пространство и малые. Все они были очень разными. Большинство выглядели так, будто нарисованы разными людьми. Некоторые были до того простыми, что, казалось, их рисовали дети. Некоторые же детализированы и удивительно реалистичны.

Рэчел не умела оценивать подобные вещи, но, на ее взгляд, эти рисунки представляли многие поколения людей. Принимая во внимание множество разных манер рисования и различия в изяществе исполнения, это создавалось многими и многими поколениями художников, возможно, даже сотнями.

На всех рисунках были люди, и все они страдали: умирали от голода, были отравлены или заколоты ножом, лежали, разбившиеся, у подножия скал или убивались от горя у могил. Эти картины вызывали у Рэчел кошмары, словно в дурном сне.

Она присела на корточки и потрогала масляные лампы. Все они были холодными. Пещеры никто в последнее время

не посещал. Из небольшой ниши, устроенной в стене пещеры, она достала кремень и огниво и высекла ими искру над фитилем лампы.

Она повторяла попытку несколько раз и уже научилась выбивать вполне приличные искры, но пламя на фитиле так и не возникло. Между попытками, она оглядывалась назад, через плечо. Она слишком долго сюда добиралось, и время было на исходе. Они приближались. Теперь они совсем близко.

Рэчел встряхнула лампу, чтобы лучше пропитать фитиль, затем с неистовой силой ударила друг о друга кремень и огниво. Ей пришлось сделать с полдюжины таких ударов, но, к ее величайшей радости, наконец-то удалось добиться того, что пламя занялось.

Рэчел взяла лампу за петлеобразную ручку и встала. Затем выглянула из зева пещеры, пытаясь углядеть присутствие призраков-гоблов. Она так и не увидела их, но знала, что они приближаются. Ей даже показалось, что она может слышать их, там, снаружи, в зарослях кустарника. Она не сомневалась, что ощущает их направленные на нее взгляды.

С лампой в руках она бросилась в темноту, прочь от призраков-гоблов, как она надеялась — к безопасности. Ей необходимо бежать. Они приближаются. Они могут догнать ее где угодно. И здесь ее единственный шанс.

Осознавая, насколько они уже близко, она просто обезумела от страха. Слезы жгли ей глаза, когда она бежала в глубину пещеры, мимо всех этих рисунков, на которых людям самыми различными способами причинялась обида и боль.

Это был долгий путь в темноте. Долгий путь туда, где, как ей казалось, она сможет найти единственное место, которое даст ей безопасность. Свет лампы метался по окружающему ее со всех сторон камню, высвечивая изображенные на стенах лица.

В глубине пещеры свет, проникавший через вход, казался слабым отдаленным отблеском. Пробираясь через выступающие каменные отложения, она могла заметить, что ее дыхание становится тяжелее, не только от физических усилий, но и от нарастающей паники. Рэчел не знала, как далеко ей следует пройти, чтобы стать недоступной опасности. Она знала только, что призраки-гоблы продолжают преследовать ее, а ей нужно продолжать свой путь, нужно скрыться от них.

Вскоре она добралась до рисунка, который знала слишком хорошо. Ей приходилось наблюдать в свое время, как этот рисунок с помощью Сикс выполняла королева Виолетта. Хотя имя ни разу не произносилось, Рэчел знала, что здесь изображен Ричард. Вместе со всеми элементами, изображенными вокруг центральной фигуры, это был самый большой рисунок во всей пещере. И самый сложный.

В отличие от всех остальных, этот рисунок Виолетты был выполнен цветным мелом. Рэчел хорошо помнила все то время, что Виолетта тратила на него — еще в ту пору когда была королевой, — выполняя все те подробнейшие указания, что давала ей Сикс, рисуя тщательно согласованные последовательности линий, углов и элементов. Рэчел припомнила, как стояла здесь долгими часами, слушая, как Сикс объясняет Виолетте, как и почему должен быть нарисован тот или иной фрагмент, прежде чем позволяла ей коснуться мелом каменной стены.

С минуту Рэчел пристально вглядывалась в рисунок с изображением Ричарда, думая о том, что именно этот рисунок, должно быть, самое ужасное и губительное из всего того зловещего и мрачного, что она когда-либо видела.

Но вдруг, ужасно перепуганная тем, что все еще преследует ее по пятам, она стремительно бросилась дальше, карабкаясь через камни и по выступам скал, углубляясь в темноту

Всякий раз, когда Сикс проводила с Виолеттой практические занятия по рисунку или когда они хотели нарисовать что-то определенное, они были вынуждены уходить все дальше и дальше в глубину пещеры, чтобы использовать для рисования свободный участок стены. Но Рэчел очень хорошо помнила, что картина, изображавшая Ричарда, была последним их творением, так что она знала, что после этого рисунка стена пещеры должна быть чистой.

Миновав сложную композицию символов и цветных линий, расходящихся во все стороны от изображения Ричарда, Рэчел вздрогнула, заметив нечто, чего не видела раньше. Она замедлила шаг. Здесь был новый рисунок.

Рэчел в изумлении уставилась на него. На этом рисунке изображена она сама!

Вокруг ее изображения располагались, будто кружась в водовороте, странные существа. Рэчел распознала символы, заставляющие их устремляться к ней. Эти ужасающие звери напоминали призраков, созданных из тени и дыма. Но при этом у них были зубы. Очень острые зубы. Зубы, чтобы нападать и рвать.

Рэчел несколько не сомневалась в том, кто это. Те самые призраки-гоблы.

Она застыла, уставившись на изображение ужасных смертоносных существ, которых натравили на нее с помощью злобного заклинания, нарисованного вот на этой самой стене пещеры.

Из долгих часов, проведенных за прослушиванием тех лекций, которые Сикс читала Виолетте, Рэчел знала, что представляют собой многие из изображенных здесь символов. Сикс называла их «завершающими элементами». Они предназначались для того, чтобы устранить основные факторы колдовства после окончания последовательности событий, когда действия, изображенные на рисунке, будут завершены. Она понимала природу рисунка и, разумеется, все, что он означал. А означал он, что после того, как при-

зраки-гоблы поймают ее, они улетучатся, прекратив свое существование.

На этом рисунке ее окружали существа, порожденные ночными кошмарами, и все они стремились к ней. Теперь она видела, что бежать ей было некуда. Та мнимая безопасность, к которой, по ее представлению, она стремилась, была просто-напросто тем самым центром, куда они загоняли ее, местом, где она окажется в ловушке, не имея возможности убежать.

Она услышала какой-то звук и взглянула в сторону тусклого пятна света, проникающего через вход в пещеру. И тут же заметила тени и вихри. Они уже проникали в пещеру. Они группировались, выстраиваясь так, как на том рисунке, что был на стене. Они уже шли за ней.

Рэчел стояла, застыв от ужаса. Она поняла, что ей больше не удастся вырваться из пещеры. Она могла лишь идти дальше и дальше, в глубину ее. Но, увидев рисунок, она поняла, что движение в глубину пещеры не спасет ее — потому что призраки-гоблы будут и там. Она оказалась в ловушке, не было спасения ни в том, чтобы идти вперед, ни в том, чтобы повернуть назад. Сейчас она была в центре колдовства, созданного, чтобы постоянно сходитьсь по спирали, загоняя ее сюда.

— Ну как, нравится? — раздался чей-то оклик.

У Рэчел сбилось дыхание, и она повернулась на голос, эхом разнесшийся в крошечной тьме.

— Королева Виолетта?

Лицо, слабо освещенное масляной лампой, оскалилось из темноты. Виолетта ждала здесь, чтобы понаблюдать, увидеть, как призраки-гоблы схватят Рэчел, чтобы стать свидетелем результата творения собственных рук.

— Я подумала, что тебе наверняка будет интересно прийти и взглянуть, откуда они появились, прежде чем тебя разорвут на части. Я хотела, чтобы ты знала, кто собирался свести счеты с тобой. — Она указала на стену. —

Поэтому я нарисовала это таким образом, чтобы заставить тебя в конце концов прийти сюда. Я сделала эту пещеру тем самым местом, где они, в конечном счете, поймают тебя в ловушку. — Она чуть наклонилась вперед, выступая из темноты. — Именно здесь они наконец-то поймают тебя.

Рэчел даже не стала пытаться спрашивать Виолетту, почему она так поступила. Она прекрасно знала, почему. Виолетта винила Рэчел во всех неприятностях, что когда-либо случались с ней. И никогда не винила себя во всем том, что произошло из-за нее самой; она предпочитала винить других, винить Рэчел.

— А где же Сикс?

Виолетта неопределенно махнула руками.

— Кто знает? Она не рассказывает мне о своих делах. — Взгляд Виолетты стал таким же темным, как и сама пещера. — Теперь королева — она. А меня больше никто и не слушает. Все делают только то, что говорит она, и называют ее «королева Сикс».

— А что же ты?

— Она держит меня при себе только ради того, чтобы я для нее рисовала. — Виолетта указала пальцем на Рэчел. — По твоей вине. Это все из-за тебя.

Лицо Виолетты скривилось, на нем проявилась улыбка, которая всегда заставляла Рэчел содрогаться от холода.

— Но теперь ты заплатишься за неуважение, за все свои дьявольские задумки. Теперь ты заплатишься. — Улыбка стала шире, демонстрируя удовлетворение. — Я сделала их такими, что они запросто обглодают твои кости. Хорошенько почистят косточки.

Рэчел сдержала крик ужаса.

А как ей хотелось, если бы она только могла, просто пройти мимо самодовольно улыбающейся Виолетты! Но что в этом будет хорошего? Они очень скоро нападут на нее и из этой тьмы, что была впереди.

Чейз учил ее никогда не отступать, всегда продолжать бороться за свою жизнь. И она прекрасно понимала, что именно сейчас и должна это делать. Но как? Как она может сражаться с подобными существами?

Но тут кое-какая мысль пришла ей в голову.

Она огляделась. Нигде не видно ни куска мела.

У нее сбилось дыхание от визгливых и хриплых завываний и, подняв глаза, она увидела призраков-гоблов, подплывающих к ней все ближе, словно стелющийся вихрящийся дым, постепенно заполняющий пространство темной пещеры. Рэчел могла уже различать мелкие острые зубы в открытых пастьях этих созданий — зубы, сотворенные, чтобы грызть и рвать ее плоть, отделяя от костей.

— Я хочу, чтобы ты произнесла слова извинений.

Рэчел прищурилась, снова поворачиваясь к Виолетте.

— Что?

— Скажи мне, что ты просишь прощения. Встань на колени и скажи своей королеве, что просишь прощения за то, что предала ее. Может быть, если ты сделаешь это, я помогу тебе.

Задыхаясь от отчаяния, но получив хоть какую-то надежду, Рэчел быстро опустилась на колено и склонила голову, используя эту минуту, чтобы подумать.

— Прошу прощения.

— Прошу прощения... и что?

— Прошу прощения, королева Виолетта.

— Вот, так правильно. Я твоя королева. Пока нет Сикс, здесь королева я. Королева! Повтори!

— Королева ты, королева Виолетта.

Та удовлетворенно улыбнулась.

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты помнила это, когда будешь умирать.

Рэчел подняла глаза.

— Но ты же сказала, что поможешь мне.

Королева Виолетта, тихо рассмеявшись, двинулась в темноту в глубине пещеры.

— Я сказала всего лишь «может быть». Но я решила, что ты не заслуживаешь моей помощи. Ты всего лишь жалкое ничтожество.

Из-за спины, со стороны входа, уже доносились короткие скрипучие рычания, становившиеся все ближе. Рэчел подумала, что может потерять сознание от пробирающего ее испуга.

Она сунула руку в карман платья и нащупала там что-то — ту самую вещь, которую дала ей ее мать. Она вытащила это из кармана и стала разглядывать в свете лампы, пока не поняла, что это.

Кусочек мела.

Когда ее мать дала его ей, Рэчел так спешила убежать подальше от призраков-гоблов, что почти не обратила внимания, что именно получила.

Мать сказала ей, что когда ей понадобится это, она будет знать, что следует делать.

Рэчел бросила взгляд назад, в темноту. Еще можно было разглядеть затылок Виолетты, удаляющейся в глубину пещеры, подальше от той насильственной смерти, которая, как она знала, должна настичь Рэчел.

Рэчел посмотрела в другую сторону и увидела, что рычащие существа, плывущие сквозь воздух, становятся ближе, широко открывают свои пасти, а их острые как иголки зубы продолжают непрерывно щелкать.

Девочка спешно подошла к рисунку, сделанному Виолеттой, чтобы заманить ее в ловушку, и воспользовалась мелом, чтобы быстро добавить линии и дополнительные штрихи, делая саму фигуру более толстой и округлой. Она сделала округлым и лицо, затем добавила ему свирепый, злой взгляд. Мел так и носился по поверхности камня, пока она заменяла свое простое платье — на платье с оборками. типа тех, что любила носить Виолетта. Наконец, припом-

нив, что любила надевать Виолетта в той комнате, где хранились семейные сокровища, Рэчел изобразила на голове корону, чем окончательно заменила свое изображение на рисунке изображением королевы Виолетты.

Виолетта настоятельно требовала считать ее королевой. Вот Рэчел и короновала ее, предоставив ей то, чего она требовала.

Она услышала крик, донесшийся из темноты в глубине.

А когда она увидела их, приближающихся совсем с другой стороны, то прижалась спиной к стене пещеры, когда эти мерзкие существа проплыли, извиваясь и скользя по воздуху, пробираясь в темноту.

Рэчел с широко открытыми глазами задержала дыхание, когда эти рычащие и щелкающие зубами, легкие, как дымка, неуловимые формы проплывали мимо нее.

Ее сердце билось изо всех сил, а она прислушивалась к истерическим крикам Виолетты.

— Что ты наделала! — закричала та из темноты.

Виолетта стремительно выбежала на свет. Рэчел могла видеть Виолетту сквозь призрачных существ, которые вновь устремились в пещеру навстречу «королеве». Глаза Виолетты стали еще больше, когда она увидела, что они продолжают преследовать ее.

— Что ты наделала! — вновь закричала Виолетта.

Рэчел промолчала — она была слишком перепугана, наблюдая за происходящим.

— Рэчел... помоги мне! Ведь я всегда любила тебя! Как могла ты сделать такое со мной!

— Ты сделала это сама, королева Виолетта.

— Я всегда была доброй и заботливой!

— Доброй и заботливой? — Рэчел едва могла верить своим ушам. — Ты посвятила свою жизнь ненависти, королева Виолетта.

— Я ненавидела только тех, кто поступал по отношению ко мне не так, как следовало, кто был злым и эгоистич-

ным! Я всегда старалась угождать своим людям. Я ведь хорошо обращалась с тобой. Я дала тебе пищу и пристанище. Дала тебе больше, чем кто-либо типа тебя мог получить бы без моей помощи. По отношению к тебе я проявляла только великодушные и щедрость. Помоги мне, Рэчел. Помоги мне, и я вознагражу тебя.

— Я хочу жить. Вот какая мне нужна награда.

— Как ты можешь быть такой жестокой... такой злобной? Как ты можешь допустить, чтобы такое могло случиться с другим человеческим существом? Как ты только можешь участвовать в чем-то подобном?

— Но ведь именно ты создала этих призраков-гоблов.

— Ты предала меня! Я ненавижу тебя! Ненавижу воздух, которым ты дышишь!

Рэчел кивнула.

— Ты сама сделала свой выбор, Виолетта. Ты всегда ненависть предпочитала жизни. Ты пришла в эту пещеру, потому что выбрала ненависть. Саму себя ты променяла на эту ненависть.

Когда призраки-гоблы приблизились к Виолетте, они завывали такими голосами, какими в воображении Рэчел должны кричать мертвые в преисподней. И от этого по ее телу поползли мурашки.

Она прижалась спиной к каменной стене пещеры и стояла, застыв в испуге, наблюдая, как те самые зубы, что предназначались для нее, вгрызались в истерично визжащую королеву Виолетту.

Рэчел понимала, что само их существование, порожденное ненавистью, будет завершено лишь когда они управятся с предназначенной им работой и кости будут обглоданы. Только тогда эти существа исчезнут навсегда.

Глава 42

Услышав шум, Верна подняла глаза. Наконец-то появился Натан, энергично вышагивающий к ним; его руки раскачивались в такт движению длинных ног, легкая накидка развеивалась сзади. Генерал Тримак старался не отставать от пророка.

Кара, нетерпеливо вышагивавшая по коридору, наконец остановилась, чтобы понаблюдать за приближением Натана и группы людей, следовавших за ним. Принимая во внимание, каким огромным был дворец, потребовалось значительное время, чтобы разыскать Натана и привести его и других вниз, к гробницам.

Натан резко остановился.

— Пожалуй, стоит завести здесь лошадей, чтобы быстрее передвигаться. То мне нужно быть здесь, то срочно нужно оказаться там. — Он взмахнул рукой, подчеркивая огромные масштабы дворца. — Большую часть времени я трачу на то, чтобы переходить из одного конца раскинувшегося здесь монстра в другой. — Он сердито взглянул на наблюдавших за ним. — Так в чем же тут дело? Никто не смог сказать мне ничего вразумительного. Вы нашли что-нибудь? Нашли Энн и Никки?

— Успокойся и говори тише, — сказала Кара.

— Почему? Боишься, что разбуду мертвых? — огрызнулся он.

Верна ожидала, что Кара ответит на его сарказм не менее язвительным замечанием, но она так не сделала.

— Мы точно не знаем, что именно нашли, — сказала она, и в ее словах отчетливо проявлялось волнение.

Натан только больше нахмурился после ее загадочного ответа.

— Что ты хочешь сказать?

— Нам нужны твои способности, — пояснила Верна. — Мой дар заметно ослаблен здесь. А нам необхо-

димо использовать дар, чтобы получить ясность в этом деле.

Его опасения начинали расти, он посмотрел на стоявшего рядом с ним генерала, затем на Бердину и Найду, ожидающих позади Кары. Наконец он оглядел остальных морд-ситов, рассыпавшихся среди солдат по всей длине коридора. Все морд-ситы были в костюмах из красной кожи.

— Хорошо, — сказал он уже более осмотрительно. — В чем проблема и что вы задумали?

— Служители подземелья... — начала Кара.

— Служители подземелья? — перебил ее Натан. — Кто они?

Кара указала рукой на группу людей в белых мантиях, стоявшую в самом конце коридора, позади вооруженных воинов Первой когорты.

— Они работают в этом месте и поддерживают здесь порядок. Как ты знаешь, мне казалось, что здесь что-то не так.

— Ты уже говорила об этом, но, несмотря на все поиски, я не вижу, чтобы здесь что-то было не так.

Кара обвела рукой вокруг.

— Ты недостаточно хорошо знаешь это место. Я прожила здесь почти всю свою жизнь, но даже я плохо знакома со всем лабиринтом этих коридоров. В прошлом гробницы посещались лишь Лордом Ралом. Однако служители подземелья проводят здесь значительную часть своего времени, поддерживая это место постоянно готовым для подобных визитов, и никто лучше них и не знает это место.

Натан потер подбородок и снова посмотрел через плечо на стоявшие в конце коридора фигуры в белых одеждах.

— В этом есть смысл. — Он вновь повернулся к Каре. — Ну так и что же они могут рассказать?

— Они немые. И Даркен Рал отбирал только неграмотных людей для работы служителями подземелья, так что они не умеют ни читать, ни писать.

— Отбирал? Ты хочешь сказать, что он отлавливал людей и насильно загонял на эту службу?

— Именно так, — сказала Бердина, немного сдвинувшись с места, чтобы встать рядом с Карой. — Точно так же, как набирал молодых женщин, тренируя их как мордситов. — Кара указала рукой в сторону гробницы Паниза Рала. — Для того чтобы служители подземелья не сказали худого слова о его отце, Даркен Рал отрезал им всем языки. А поскольку они не умеют ни читать, ни писать, то и не смогут тайно написать что-то обидное об умерших предводителях.

Натан печально вздохнул.

— Он был жестокий человек.

— Он был злобный человек, — сказала Кара.

Натан кивнул.

— Я никогда не слышал ничего, что опровергало бы это.

— Тогда откуда ты знаешь, что служители подземелья считают, что здесь, внизу, что-то не так, — спросил Кару генерал Тримак. — Они ведь не могут тебе сказать об этом или даже написать.

— Вы подаете своим людям сигналы рукой, когда требуется сохранить тишину, или во время сражений, когда они могут не услышать вас. Эти люди используют нечто подобное. Чтобы общаться между собой, они пользуются знаками, которые разработали за многие годы. Я задавала им вопросы, и они отвечают на них так, что отчасти можно понять. Не сомневаюсь, вы будете удивлены тем, насколько они наблюдательны.

— Но все же гораздо любопытнее, чего они думают, — сказала Верна.

Все это в целом казалось ей нелепым и бессмысленным, но само по себе происходящее воспринималось дос-

таточно серьезно, к тому же ей хотелось знать наверняка. Верна научилась, став аббатисой, что независимо от того, как она сама относилась к тому или иному вопросу, вовсе не лишним было сохранять объективность. А в делах столь серьезных глупо не убедиться до конца, что здесь нет реальной проблемы. Хотя удовольствия все это ей не доставляло.

Подозрительный взгляд Натана вновь обратился к окружающим.

— Итак, что же они думают?

Кара указала в сторону ближайшего пересечения коридоров.

— Вон там, за тем пересечением, они обнаружили место, которое на их взгляд неправильное.

— Неправильное? — Натан в раздражении упер руки в бока. — Неправильное в каком смысле?

— Камень, которым выложены стены коридоров, имеет внутренние узоры. — Кара повернулась и показала на различные рисунки в настенном мраморе позади себя. — Вот, видишь? Все люди, работающие здесь, легко опознают эти рисунки, образованные серыми прожилками. Они прослеживают эти уникальные своего рода знаки.

Натан подошел ближе, вглядываясь в серые прожилки.

— Это язык символов, — добавила Кара.

Натан оторвался от созерцания стены и повернулся к Каре.

— В этом есть какой-то смысл. Продолжай.

— В этом коридоре, вон там, в стене находится мраморная плита, которая относится к другому месту.

Натан снова стал подозрительным и искоса посмотрел на нее, как будто подыгрывал спектаклю, но сам ничуть не верил.

— Но к какому месту она может относиться?

— В том-то все и дело, — сказала Кара. — Они не могут найти тот коридор, к которому она относится. На-

сколько я понял, они пытались сказать мне, что здесь потерян коридор.

— Потерян? — Натан тяжело вздохнул и почесал голову, оглядываясь вокруг. — И куда же мог запропасться этот коридор?

Кара наклонилась к нему чуть ближе.

— Спрятан за этим куском мрамора.

Он молча уставился на нее, при этом обдумывая услышанное.

— Так что мы хотим, чтобы ты воспользовался своим даром и посмотрел, сможешь ли ощутить присутствие кого-либо за этой стеной, — сказала Верна.

Беспокойство явно проступило на лице Натана Рала, в то время как он оглядывал наблюдавшие за ним лица.

— Кто-то прячется за этой стеной?

Кара кивнула.

— Верно. Кто-то прячется за этой стеной.

Натан потер шею рукой, поглядывая вдоль коридора, ведущего к пересечению.

— Ну, по крайней мере, как бы ни была безумна эта теория, проверить ее достаточно просто. — Он взмахнул рукой, указывая, чтобы генерал Тримак подошел к нему. — И ты считаешь, что Первая когорта здесь просто необходима?

Кара пожала плечами.

— Это зависит от того, есть ли что-либо малопривлекательное по ту сторону стены.

Генерал выглядел не просто заинтересованным, а скорее встревоженным. Ведь он отвечал за охрану дворца и каждого, находящегося в нем, — особенно Лорда Рала. И он крайне серьезно относился к своим обязанностям.

Генерал качнул рукой в направлении подозрительной стены.

— И ты думаешь, что там есть что-то опасное?

Кара не уклонилась от грозного взгляда генерала.

— Никки и Энн исчезли как раз где-то здесь.

Шрам, тянувшийся по щеке этого человека, побелел. Он сунул большие пальцы за пояс с оружием и повернулся в сторону. Один из его людей тут же бросился к нему, чтобы получить указания.

— Я хочу, чтобы вы все держались поблизости, но очень тихо.

Офицер кивнул и бесшумно вернулся к солдатам, чтобы передать приказ.

— Но кто же, по-вашему, может прятаться за этой стеной? — спросил генерал, обмениваясь взглядами со всеми женщинами.

— Не ожидайте советов от меня, — сказала Верна. — Я хоть и обеспокоена, но даже не представляю, кто или что может там быть. Не могу сказать, что верю хотя бы в часть этого, но во Дворце Пророков были такие служители, которые распознавали удивительно странные вещи, такие, которые никто другой не был способен осознать. Я не знаю, в чем здесь дело, но не хочу просто так отмечать беспокойство людей, которые знают это место лучше меня.

— В этом есть смысл, — заметил генерал.

Натан сдвинулся с места.

— Тогда давайте подойдем и посмотрим.

Следуя позади остальных, Верна испытывала облегчение оттого, что ей удалось убедить Натана в серьезности этого дела. Сама она в это не верила, но ей очень хотелось поддержать Кару. Кара относилась к людям того типа, чьи слова можно принимать на веру. Морд-сит ужасно беспокоилась за Никки, даже почти перестала спать в последнее время. И что касается беспокойства Кары — Никки была не только ее подругой, но и звеном цепи в поиске Ричарда.

Все двигались как можно тише. Кара шла впереди, за ней следовал Натан. Верна оставалась чуть сзади, вместе с

Бердиной и Найдой. Генерал Тримак вместе со своими войнами составлял тыл.

За поворотом и дальше, вдоль подозрительного коридора, шипели и потрескивали несколько факелов. Один из них, похоже, догорал. Тем не менее служители подземелья продолжали держаться в стороне. Генерал сделал знак своим людям. Несколько человек взяли факелы из коридоров сзади и принесли их сюда.

Кара щелкнула пальцами, чтобы привлечь внимание генерала, и направила половину людей вперед, чтобы охранять коридор и с другой стороны. Несомненно, она хотела, чтобы это место было заблокировано со всех сторон. С солдатами она отправила и нескольких морд-ситов.

Кара у мраморной стены провела пальцем по контуру из серых прожилок, прослеживая очертания лица на камне. Теперь даже Верна узнавала это особенное лицо.

— Они говорят, что это лицо не подходит к этому месту, — прошептала Кара, когда Натан склонился близко к ней.

Натан кивнул, затем выпрямился. Он махнул рукой, показывая, чтобы Кара отошла и не мешала ему.

Кара нахмурилась и бросила на Верну озадаченный взгляд. Она совершенно не понимала, что делает этот старый волшебник. Но Верна знала, и даже очень хорошо. Он использовал свои способности, чтобы ощутить, что находится по ту сторону камня. Он использовал свой дар, чтобы отыскивать признаки чего-то живого. Верна тоже могла делать подобные вещи, хотя и не с таким успехом, как он, но не могла сделать этого в этом дворце. Сам Народный Дворец подавлял дар любого, обладающего им, кроме Рала. Верна пыталась проверить, что там, за этой стеной, еще когда они в первый раз осматривали коридор вместе со служителями подземелья, но не преуспела в этом.

Кара вернулась и теперь стояла рядом с Верной. Она наклонилась к ней и заговорила почти шепотом:

— Ну и что ты думаешь?

— Думаю, Натан скажет нам, когда что-то узнает.

Генерал Тримак наклонился к ним.

— Как много времени это займет?

— Не очень, — успокоила его Верна.

Пока Верна наблюдала, лицо Натана вдруг побелело. Он, запнувшись, отступил на шаг от стены.

При виде такой его реакции в руке у Кары появился эйджил. Бердина и Найда также развернули в руках свое оружие.

Натан, снова запнувшись, сделал еще один шаг назад. Он потрясенно поднес руку к лицу. А затем с открытым ртом повернулся к ним.

И торопливыми движениями, стараясь делать все как можно тише, он бросился назад, к ним.

— Добрые духи. — Он провел пальцами по волосам, оглядываясь назад и не сводя глаз с той особенной стены.

— Добрые духи, что же там? — почти прорычала Кара.

Натан, с лицом, почти таким же белым, как его волосы, обратил свои голубые глаза к морд-ситу.

— По ту сторону стены — сотни людей.

На мгновение Кара потеряла дар речи.

— Сотни? Ты уверен?

Он решительно кивнул.

— Возможно, тысячи.

Верна наконец совладала со своим голосом.

— Что за люди? Кто они?

— Не знаю, — сказал Натан, его голова почти безвольно вертелась туда-сюда, между их лицами и лицом на мраморной стене. — Не могу даже представить. Но могу сказать, что у них изрядное количество стали.

Генерал Тримак наклонился вперед.

— Стали?

— Оружия, — сказала Верна.

Лицо Натана помрачнело.

— Да, именно так. Вот здесь, внизу, стали не так много, так что получается хорошо заметное отличие, когда я пользуюсь своим даром и пытаюсь ощутить, что находится за стеной. Так что: там находится множество людей, и при них много оружия.

— Это могут быть только вооруженные солдаты, — сказал генерал, осторожно извлекая свой меч. Он сделал знак своим людям. Они все сделали то же самое. Через мгновение они уже все были с оружием в руках.

— Есть какая-то идея, кто бы это мог быть? — шепотом спросила Бердина.

Натан, выглядевший таким же обеспокоенным, как и Верна, каким не бывал никогда, лишь покачал головой.

— Нет. Я не могу определить, кто они такие, а только лишь, что они находятся там.

Кара направилась по коридору.

— Что ж, давайте это выясним.

Генерал сделал короткой движением рукой, подавая сигнал своим людям. Они начали осторожно приближаться с обеих сторон.

— И как ты предполагаешь выяснить это? — спросила Верна, следуя за Карой по пятам.

Кара остановилась и, повернувшись, посмотрела на нее. Затем повернулась к Натану.

— Можешь ли ты воспользоваться своим даром, чтобы... ну, я не знаю... снести эту стену или что-то в этом роде.

— Разумеется.

— Тогда, я думаю, мы...

Кара замолчала, когда Натан поднял руку. Он вскинул голову, прислушиваясь.

— Они разговаривают. Говорят что-то про свет.

— Свет? — переспросила Верна. — Что ты имеешь в виду?

Лицо Натана стало сосредоточенным, когда он сконцентрировал внимание, будто пытаясь услышать что-то. Она знала, что он слушает своим даром, а не ушами. Было крайне досадно, что она не может сделать то же самое.

— У них исчез свет, — негромко сказал он. — Все их лампы неожиданно погасли.

Теперь все повернулись к стене, из-за которой начали доноситься приглушенные голоса. Сейчас уже не требовалось никакого дара, чтобы расслышать их. Люди жаловались на темноту и хотели знать, что случилось.

Затем раздался крик. Он длился всего лишь мгновение, после чего сразу же установилась тишина. Стали раздаваться приглушенные возгласы, говорящие о смятении и нарастающей панике.

— Сноси перегородку! — обратилась Кара к Натану.

Из-за стены теперь доносились пронзительные вопли. Люди кричали не только от ужаса, но и от боли.

Натан поднял руки, чтобы произвести и бросить сгусток энергии, который должен разнести стену.

Прежде чем он успел сделать это, белый мрамор словно взорвался. Куски камня падали с оглушающим грохотом. Первым оттуда возник гигант с окровавленным мечом в руке, пробивший плечом стену мощнейшим ударом с той стороны. Он рухнул на пол и заскользил по нему.

Осколки самых разных размеров и форм постепенно устлали коридор. Крупные плиты мрамора, вывернутые из стены, высвобождались под собственным весом и падали на пол, разбиваясь. В этом хаосе из летящих кусков камня и клубящейся пыли Верна разглядела силуэты людей в доспехах и с оружием в руках. Они явно пребывали в состоянии недоумения, будто участвуя в битве с невидимым врагом. Рев от их голосов выражал ярость, замешательство и ужас.

За облаками пыли и обломками Верна увидела темный коридор, заполненный солдатами Имперского Ордена.

Сопровождаемые грохотом, из пролома в стене хаотически сыпались люди. Огромного роста, с татуировками, носившие темные кожаные доспехи, ремни с заклепками, кольчуги и шипы на коже, некоторые уже без рук, другие с рассеченными лицами, они тяжело валялись на пол. Голова, потряхивающая сальными свалывшимися волосами, выкатилась из-за завесы каменной пыли. Люди, потерявшие ноги, опрокидывались и падали. Другие, разрубленные пополам прямо посередине, бесформенной кучей валялись в общую свалку.

Кровь фонтанами разбрызгивалась по белому мраморному полу.

И среди летящих от пролома камней, среди взметнувшейся волнами пыли, среди отрубленных голов, кувыркающихся по засыпанному осколками мрамору, среди кричащих, падающих и умирающих людей, среди мешанины из крови и тел, вываливающихся в коридор, — Ричард, в окружении смертельно раненых воинов, гибнущих по обе стороны от него, Ричард, размахивающий мечом, зажатым в одной руке, и придерживающий другой рукой совершенно бесчувственную Никки, — прорвался через брешь в темной стене солдат.

Глава 43

Кара, поставив ногу на спину свалившегося солдата Имперского Ордена, прыгнула в сторону Ричарда, едва он, используя свой момент инерции, проскочил над завалом каменной крошки и блоков, вдребезги разбитых Брюсом, когда тот прорывался через тонкую мраморную стену, словно через линию блокировщиков. Как только Ричард ускользнул от поднятых мечей и фонтанов крови, он опустил Ник-

ки на пол, поверх слоя каменной пыли, покрывающей полированную поверхность, и оттолкнул, чтобы она оказалась за пределами опасной зоны.

Затем он мгновенно развернулся, обращая меч к стене солдат, выбирающихся из темного прохода в освещенный факелами коридор. Он беспощадно использовал любую слабость в их защите. Они же яростно сражались, стараясь добраться до него и разделаться с ним. Клинок резал плоть и рубил кости. Стоял оглушающий шум: одни люди рычали, другие пронзительно кричали, издавая боевой клич, некоторые вскрикивали в смертельной боли.

Ричард уклонялся от их яростных атак и при каждой возможности позволял своему мечу прорываться сквозь этот натиск. Каждый из его быстрых и проворных ударов достигал своей цели. Хотя, похоже, каждого убитого им солдата тут же заменяли трое новых.

Кара обрушилась на огромного человека с бритой головой, едва тот двинулся в сторону Ричарда. Используя обе руки, она провела своим эйджилом прямо поперек его горла. Ричард заметил шок от боли в глазах этого человека, мгновение после этого еще стоявшего на ногах, и лишь затем свалившегося на пол. Он воспользовался освободившимся пространством, чтобы повернуться и всадить свой меч в другого солдата, находившегося сбоку от него.

Все воины, собранные в этом темном проходе, были очень опытными бойцами. Сражение началось для них совершенно неожиданно, но теперь, когда оно уже обрушилось на них, они дрались с дикой яростью. Здесь были не солдаты регулярной армии Имперского Ордена, люди, присоединившиеся к войне ради славы и разбоя. Это были профессиональные воины, хорошо обученные и опытные люди, специалисты своего дела. Они были сильные и тренированные, все носили по меньшей мере кожаные доспехи. На некоторых были дополнительно надеты еще и кольчуги

И у каждого из них было добротное оружие. Они сражались, делая взвешенные точные движения, и имели шансы прорваться через оборону противника.

Как ни были они сильны и опыты, они оказались застигнутыми врасплох и очень удивлены внезапной темнотой и последующим быстрым нападением. Они были убеждены, что поскольку тайно прокрались на вражескую территорию, то надежно укрыты. В минуту удивления и тревоги, когда в проходе стало темно, они оказались охвачены приводящим в смятение страхом неизвестного. И как раз во время этого короткого замешательства люди начали умирать без малейшего представления, как и почему.

Ричард использовал это удивление, чтобы прорваться через их ряды так быстро, как только можно. Меньше всего его устраивало увязнуть в рукопашной схватке. Его цель состояла в том, чтобы прорваться сквозь них, а не вступать в бой с врагом. Принимая во внимание, что им было необходимо провести Никки, Джиллиан и Эди, — он, Брюс и генерал Мейфферт старались сделать все, чтобы прорезать себе путь без задержек на стычки. К тому же внутри дворца способности Эди значительно ослабли, и это создавало дополнительные затруднения.

Эти прятавшиеся здесь солдаты Ордена, растерявшиеся, внезапно оказавшись в темноте, тем не менее быстро пришли в себя и сейчас находились в своей стихии: в сражении. Это были войска, которые Орден обычно использовал для десанта и вторжения, чтобы подавить неприятеля мощной атакой, сметающей всякое сопротивление.

К счастью для Ричарда, в конечном счете ни ему, ни Брюсу, ни генералу Мейфферту не пришлось сражаться в одиночку против толпы. Кара свалила вокруг себя столько людей, сколько смогла, и теперь взбиралась по ним, чтобы добраться до тех, кто пытался дорваться до Ричарда. Эти люди были знакомы лишь с обычными войсками противника; они очень мало знали о морд-ситах. Некоторые пыта-

лись увернуться от Кары — но наталкивались тут же на других морд-ситов, которые моментально вырастали перед ними и уничтожали их. Ричард видел, как Бердина и Найда всаживают свои эйджилы им в затылки или прямо в грудь, убивая почти мгновенно. И со всех сторон раздавались крики и стоны людей, умирающих в муках.

Стоявшая наготове Первая когорта атаковала солдат Имперского Ордена сразу с двух сторон. Ричард видел, как генерал Тримак повел своих людей прямо в самое пекло сражения. Первая когорта была элитой из элит и более чем сопоставима с гвардейцами Ордена не только по габаритам, но и по боевому опыту. Д'харианские войска состояли из закаленных в сражениях людей, хорошо сведущих в том, как нести смерть, и репутация их была вполне заслуженной.

Несколько человек в кожаных доспехах и с перекошенными ненавистью и злобой лицами рванулись к Ричарду. Прежде чем он успел выставить свой меч, двое огромных воинов выступили прямо перед ним, блокируя возможность добраться до него. После молниеносных ударов локтями в повороте солдаты Ордена оказались с разорванными шеями и перерезанными сонными артериями.

Ричард даже моргнул пару раз, когда увидел, что это Улик и Иган, два светловолосых телохранителя Лорда Рала. Темные кожаные полосы, накладки и пояса их формы были так подогнаны по фигуре, что составляли вторую кожу поверх их бугрящихся мышц. На коже костюмов, по центру груди, была вырезана витиеватая буква «Р», а несколько ниже два скрещенных меча. Чуть выше локтей на их руках были специальные металлические ленты, предназначенные для сражений в тесных помещениях. На этих лентах были бритвенно острые выступы. И для вторгшихся солдат очень скоро стало очевидно, что каждый, кто оказался достаточно близко к Улику или Игану, не только обречен на смерть, но на смерть самым ужасным образом.

Несколько групп воинов, прорывающихся через пролом в стене, были уничтожены Натаном с помощью магии. Взрывающиеся вспышки разрезали людей в кольчугах, разбрасывали во все стороны осколки горячей стали, рикошетом отскакивающие от стен, пола и потолка. Это было беспощадное и неравное противостояние для солдат, не успевших даже схватиться за мечи, чтобы поднять их против высокого пророка, прежде чем они оказались разорваны на части сконцентрированным применением его дара.

Генерал Мейфферт уклонился от занесенных топоров, прорвавшись сквозь окутывающий пролом дым. Джиллиан жались к его спине под прикрытием ножен от его меча, а свободной рукой он поддерживал Эди.

Ричард заметил, что Эди в крови.

Кара застыла, увидев их.

— Бенджамин?

— Вот! Уведи Эди!

— Я должна защищать Лорда Рала.

— Делай, чего тебе приказывают! — закричал он, перекрывая шум сражения. — Помогите ей!

Ричард даже удивился, когда Кара немедленно оставила все свои возражения, чтобы помочь увести Эди, освободив генерала от забот о ней. Освободившейся теперь рукой он подхватил Джиллиан и оттолкнул в другую сторону, подальше от тех двоих, что решили напасть на него справа. Он увернулся, выбрасывая вперед свой меч и протыкая насквозь одного из них. Брюс стоял лишь чуть дальше, но успел пригнуться и не попасть под генеральский меч. С этой низкой позиции Брюс нанес удар второму из нападавших по коленям. Когда на генерала бросился третий, Иган обхватил мускулистой рукой шею этого солдата и повернул ее. Тот моментально ослаб. Иган отбросил его в сторону как тряпичную куклу и немедленно направился за очередным солдатом Ордена.

— Вернись назад! — крикнул генерал Мейфферт Каре, едва она вновь вернулась в самую гущу битвы.

— Я должна...

— Уходи! — закричал он, в то же самое время рукой утягивая ее назад. — Я сказал — уходи!

— Натан! — окликнул Ричард пророка, перекрикивая стоявший шум, когда осознал ту возможность, которую только что продемонстрировал ему генерал Мейфферт, убирал Кару с дороги. Пророк повернулся на его голос, и Ричард указал на пролом в темный коридор, который только что освободил генерал. — Теперь мы все здесь! Можешь действовать!

Натан все понял и не стал терять ни мгновения. Он немедленно поднял руки, и между его ладонями вспыхнул свет. Волшебный огонь сформировался из этого сияния, неровно мерцая и озаряя вспышками сцену жестокого сражения.

Натан без промедления метнул светящийся шар в сторону врага.

Несущая смерть сфера кипящего, пузырящегося жидкого огня понеслась на воинов Джеганя. Ослепительный ад распространялся везде, где она проносилась по воздуху. Даже сквозь шум сражения, порождающий эхо в каменных коридорах, Ричард мог слышать ее завывания, пока она неслась по широкому темному проходу, полному солдат Имперского Ордена, рвущихся во дворец и готовых присоединиться к сражению.

Волшебный огонь катился по коридору, разбрасывая по белому мрамору красновато-оранжевый свет. Уже одного звука было достаточно, чтобы люди цепенели в панике.

Этот было страшное видение сжигающей смерти, разбрызгивающейся на живую плоть. Выросшая в размерах сфера жидкого огня продолжала висеть достаточно высоко, выше голов людей, в то же время проливая на них смерть.

Этот крутящийся ад каскадами рассылал жидкий огонь и пламя на перепутанных массы воинов.

Пронзительные крики агонии заглушили лязг стали сражающихся возле пролома.

Натан создал очередную порцию огня и тут же отправил ее вслед за предыдущей.

Огненный шар покатился по темному коридору, не оставляя без внимания ни людей, ни стен, повсюду разливая пламя, так что поыхало все подряд. Жидкий огонь был таким цепким, таким липким, так яростно действовал, что проедал плотное кожаное снаряжение и прожигал сквозь кольчуги, вцеплялся в плоть, чтобы сжечь ее. Люди, оказавшиеся в огне, срывали с себя одежду, стараясь избавиться от пламени, но это не давало спасения. Волшебный огонь, попадая на человека, прожигал его до костей, прежде чем угасал. И когда человек начинал сбрасывать кожаные доспехи, которые уже прожег клейкий жидкий огонь, было уже слишком поздно. Доспехи прогорали до самой кожи, и людям оставалось лишь сдирать собственную плоть.

Этот огонь окутывал лица. От шока у людей спирало дыхание, но они все же втягивали вихрящееся пламя в свои легкие.

Запах горячей плоти был нестерпимым. Крики и вопли — ужасающими.

Воины, вырвавшиеся из пролома, поняли, что больше никто не придет им на помощь с той стороны. А солдаты Первой когорты окружали их со всех сторон, подминали их, добивали копьями тех, кто еще шевелился среди поваленных.

У них не было выбора, а в сражении была вся их жизнь. В этой же битве возможность сдачи в плен не предусматривалась.

Генерал Мейфферт разрубил одного из противников вдоль плеча. Брюс, удерживая рукоять меча двумя рука-

ми, проткнул насквозь другого, и тот свалился, растянувшись прямо у его ног. Как только еще один, с перекошенным от ярости лицом, ринулся к Ричарду, тот развернулся и выставил меч, отчего тот почти по середине вошел в голову человека, чуть ниже уровня глаз. Ричард выдернул меч, и нападавший свалился на колени, успев лишь вскрикнуть от испуга. Бердина, в красном кожаном костюме, как у всех остальных мордситов, сделала шаг вперед и завершила дело, нанеся эйджилом удар по основанию его черепа.

Натан запустил в темный коридор очередную крутящуюся и разбрызгивающую огонь сферу. Было тяжело наблюдать, когда безжалостный огненный ад движущейся смерти добивал тех, кому прежде удалось его избежать. Люди, оказавшиеся под огнем, сходили с ума, стараясь ускользнуть от идущего на них пламени. Но такой возможности не было. Они оказались в ловушке, устроенной не только огнем, но и огромным количеством тел, лежащих вокруг. Несчастливым оставалось только кричать в агонии, пока они сгорали заживо. Спиральные языки пламени вырывались из их ртов. Ричард был уверен, что те солдаты, что находятся еще дальше, уже оставили мысли о нападении и обратились в бегство, надеясь найти безопасность в лабиринте катакомб.

То, что всего минуту назад было жестоким сражением, вдруг стихло. Остававшиеся в живых солдаты Имперского Ордена были безжалостно уничтожены Первой когортой.

Кара оттолкнула человека, которого только что убила. Он повалился и упал на пол с глухим ударом. Генерал Мейфферт оказался рядом с ней, и она взглянула на него даже более раздраженно, чем на только что убитого солдата.

— Какого черта ты кричал на меня, указывая, что следует делать?

— Делал то, что необходимо. Ты препятствовала тому, что собирался сделать Лорд Рал. Нужно было убрать тебя с дороги.

Кара оглянулась.

— Ну, меня не интересует...

— Сейчас не время для обсуждений. — Его ярость казалась вполне сравнимой с ее. — Как только я взял на себя руководство, ты должна была выполнять то, что тебе говорят. Именно так все и должно делаться.

Она обратила свой разгневанный взгляд в коридор, где все еще продолжали метаться сгорающие заживо люди. Их превратившиеся в факелы руки трепетали посреди этого ада.

Ричард понимал, что в этом коридоре было слишком много солдат, чтобы им удалось уничтожить их всех. Он постарался убрать из этой зоны генерала, Брюса, Джиллиан и Эди, чтобы Натан смог применить сжигающий все волшебный огонь. Генерал уже понял намерение Ричарда, а Кара все еще оставалась препятствием к этому. Приняв на себя командование, он не мог позволить никому оспаривать его приказы — особенно в разгар битвы.

Как только Кара осознала истинное положение дел, она прекратила спор и немедленно присоединилась к Ричарду, с трудом пробирающемуся по скользкому от крови полу к Никки, лежавшей на спине у стены.

— Никки? — Ричард осторожно просунул руку под ее шею. — Держись. Натан здесь рядом.

Ее глаза почти полностью закатились. Она содрогалась в конвульсиях боли. Ричард мог только догадываться, что Джегань пытается убить ее, но заклинание дворца ослабляет эти попытки. И это тянуло ее в медленную и мучительную смерть.

Он повернулся.

— Натан! Ты нам нужен здесь!

Бросив взгляд мимо свалки тел солдат Имперского Ордена, Ричард увидел Натана, опустившегося около кого-то на колени. У Ричарда было ужасное ощущение, что он знает, кто это. Натан поднял глаза, глядя печально и безнадежно на Ричарда.

— Никки... держись. Помощь уже близко. Обещаю, что сниму с тебя это кольцо. — Он ухватил руку Кары и подтянул ее ближе. — Оставайся с ней. Я не хочу, чтобы ей казалось, что она осталась одна. Она не должна оставаться одинокой.

Кара кивнула, ее голубые глаза поблескивали влагой.

— Лорд Рал, я действительно рада видеть вас.

Он оперся рукой на ее плечо, поднимаясь.

— Я и не сомневался. Позволь и мне сказать, что я тоже очень рад видеть тебя.

Ричард перебрался прямо через тела солдат Имперского Ордена, вместо того чтобы тратить время и обходить их. Было нечто сюрреалистическое в таком количестве трупов, без конечностей или голов, в этой крови, осквернившей са크ральные беломраморные коридоры дворца.

Когда он миновал нагромождения мертвых, его страхи подтвердились: он увидел, что Натан присел около Эди. Старая волшебница едва дышала.

Ричард склонился рядом с пророком.

— Натан, ты должен помочь ей.

Генерал Мейфферт и Джиллиан опустили по другую сторону около старой женщины. Джиллиан взяла руку Эди и прижала ее к своей груди.

Натан смотрел усталыми и повлажневшими глазами.

— Очень жаль, Ричард, но, похоже, это за пределами моих возможностей.

Ричард проглотил комок, застрявший в горле, пока смотрел вниз, на Эди. Она же пристально смотрела на него совершенно белыми глазами и выглядела очень спокойной, хотя, должно быть, испытывала ужасную боль.

— Эди, мы сделали это. Все, как и задумали. Ты сделала это. Ты привела нас сюда.

— Я рада, Ричард. — Она слабо улыбнулась. — Но теперь ты должен помочь Никки.

— Думай лучше о себе.

Она ухватила его руку и чуть подтянула к себе.

— Ты должен помочь ей. Моя часть уже закончена. Теперь она — твоя единственная возможность спасти все, что у нас есть дорогого в этом мире.

— Но...

— Помоги Никки. Теперь она — твоя единственная надежда. Обещай мне, что ты поможешь ей.

Ричард кивнул, ощущая, как слеза скатилась по его щеке.

— Обещаю.

Ее улыбка стала шире, от чего морщины на щеках разгладились.

Ричард не удержаться от улыбки, осознав, что она только что сделала. Зедд однажды рассказывал ему, что волшебницы всегда сообщают только часть, и таким путем убеждают тебя согласиться с тем, чего ты, в другом случае, не мог бы принять.

— Для меня не требуются все эти трюки волшебниц, чтобы заставить сдержать свое обещание помочь Никки. Натан снимет кольцо с ее шеи.

Она улыбнулась ему, но Ричард ощутил, что ее рука слегка напряглась.

— Я в этом не уверена, Ричард. Ей нужна помощь, которую можешь дать именно ты.

Ричард не знал, что может сделать такого, на что не способен Натан. Если бы он знал, как воспользоваться своим даром... Но Ричард давно уже утратил свою связь с ним. Когда глаза Эди закрылись, Джиллиан разрыдалась, а генерал Мейфферт опустил руку на ее плечо.

— Лорд Рал! — окликнула Кара.

Оба, и Ричард и Натан, посмотрели туда, где морд-сит склонилась над Никки.

— Поторопитесь!

— Держись, — прошептал Натан Эди.

Он коснулся пальцем ее лба. Эди вздохнула, ее мышцы ослабли.

— Это успокоит ее на какое-то время, — сказал Натан доверительным тоном Ричарду. — Может быть, с помощью некоторых сестер я смогу сделать для нее больше.

Ричард кивнул, затем взял Натана под руку и помог ему встать на ноги. По пути к Никки они проходили мимо беспорядочно наваленных безжизненных фигур. Большинство убитых были солдатами Имперского Ордена, но среди них лежали и воины Первой когорты.

Никки, если такое вообще возможно, выглядела еще хуже. Ее сотрясало от невидимых ударов, пытавшихся вышибить из нее саму жизнь.

— Ты должен снять с нее это кольцо, — сказал Ричард Натану. — Джегань использовал Рада-Хань, чтобы контролировать ее. И теперь, похоже, пытается убить ее с его помощью.

Натан, кивая, поднял ее веки и быстро оценил ее состояние. Затем наклонился и положил обе руки на гладкий металл, окружающий ее шею. На секунду он закрыл глаза, и его лицо нахмурилось от усилий, пока он пытался воспользоваться невидимыми силами. Казалось, сам воздух напряженно загудел вокруг них в мягкой вибрации. Через минуту диссонирующее ощущение стихло.

— Мне очень жаль, Ричард, — сказал Натан тихим голосом, распрямляясь.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что тебе очень жаль? Ведь кольцо еще на ней. Ты должен снять его, пока он не убил ее.

Натан огляделся, разглядывая мертвых вокруг них, его голубые глаза выглядели чуть более влажными, чем были

минутой раньше. Его печальный взгляд наконец вернулся к Ричарду.

— Мне жаль, мой мальчик, но я ничего не могу сделать

— Нет, можешь, — сказала Кара. — Ты должен снять с нее это кольцо!

— Снял бы, если бы мог. — Он с подавленным видом покачал головой. — Но я не могу. Оно удерживается на ней обеими сторонами ее дара. Я же владею лишь одной стороной, магией Приращений.

Ричард никак не мог согласиться с этим.

— Но ведь дворец усиливает твои возможности. Ведь ты Рал. Твое могущество усилено этим местом. Здесь ты обладаешь куда большей энергией. Используй ее!

— Мой дар, заключенный в магии Приращений, действительно усиливается здесь — но я не владею магией Ущерба, и в этом отношении во мне нечего усиливать. Без противодействия зацеплению магией Ущерба я ничего не смогу сделать.

— Но ты можешь попытаться!

Натан опустил руку на плечо Ричарда.

— Я уже пытался. Моих способностей для этого недостаточно. Очень жаль, мой мальчик, но, боюсь, я ничего не могу сделать.

— Но ведь если ты ничего не сделаешь, она умрет.

Глядя Ричарду в глаза, Натан медленно кивнул.

— Знаю.

Сзади Натана возник генерал Мейфферт.

— Лорд Рал.

Оба, и Натан и Ричард, подняли глаза.

Пару секунд он пребывал в неосешительности, глядя то на одного, то на другого.

— Нам необходимо принять какие-то меры прежде, чем они смогут прислать новых людей через эти туннели. Не говоря уже о том, сколько еще солдат осталось в этих подземных помещениях, только и ожидающих, чтобы со-

браться и начать атаку. Мы должны действовать немедленно.

— Нужно очистить туннели, — сказал Ричард, и его собственный голос прозвучал для него как загробный.

— Что? — спросил Натан.

— В первую очередь очистить коридоры — убедиться, что здесь не осталось солдат Имперского Ордена. Затем использовать волшебный огонь. Направить его через катакомбы. Катакомбы — место для мертвых. Так что следует очистить их от живых.

Натан кивнул.

— Я немедленно займусь этим.

Когда он встал, Ричард, еще крепче сжав руку Никки, поднял глаза на высокого пророка.

— Натан, но должно быть хоть что-то, что ты можешь сделать.

— Я смогу удержать их, чтобы они не прорвались сюда.

— Я говорю о Никки. Что можно сделать, чтобы помочь ей?

Натан взглянул на Ричарда, будто смотрел из самых беспросветных глубин собственных мучений.

— Побудь с ней, Ричард. Будь с ней, пока она не покинет этот мир. Не позволяй ей оставаться одной в последние минуты. Это все, что ты можешь сейчас сделать.

Глава 44

Кара, сидевшая рядом с ним, опираясь на пятки, с сочувствием опустила ладонь на плечо Ричарда, склонившегося над Никки.

Он ощущал себя так, будто умирал сам.

Ричард обхватил Никки руками, словно защищая ее, не в состоянии предоставить ей хоть какую-то реальную защиту, хоть какое-то спасение — не в состоянии избавить ее от посягательств Джегана на ее жизнь.

Череда событий, перенесшая его в эту точку жизни, казалась грандиозной. Но все, совершенное им, не имело значения; сторонники Имперского Ордена продолжали продвигать свое дело вперед. В своем фанатизме они вознамерились истребить из жизни всю ее радость, выдавить любое значение, любой смысл из нее и свести любое существование к нестерпимому страданию.

Преданные своей безумной вере в прекрасную вечную загробную жизнь, обретаемую через жертвование жизнью нынешней, последователи Ордена страстно стремились к тому, чтобы каждый, кто отважится существовать только ради одной этой жизни, будет вынужден безмерно страдать за одно лишь это странное, несносное греховное желание.

Ричард ненавидел их. Ненавидел за весь тот вред, который они причиняли другим.

В эту минуту ему больше всего хотелось стереть их с лица мира живого.

Никки, несмотря на то, что большей частью ни на что не реагировала, обхватила рукой его шею, будто успокаивая его в этой печали. Она словно бы уговаривала, что все хорошо, и что она тоже, подобно многим другим, кто боролся и погибал, защищая образ жизни и право тех, кого они любили, жить в безопасности, окажется скоро в вечном покое, за пределами всякой боли. И хотя Ричард знал, что она наконец-то освободится от ужасающих страданий и воздействия Джегана, он не мог примириться с самой мыслью о том, что ее не станет в мире живого.

В эту минуту Ричарду все казалось тщетным. Все доброе в жизни методично изничтожалось людьми, которые горячо и ревностно верят, что их благочестивая цель в жиа-

ни заключается в том, чтобы убивать тех, кто не поклоняется и не подчиняется верованиям Ордена.

Мир находился в тисках чрезвычайного безумия.

Сколько уже умерло и сколько еще умрет? Ричард ощутил себя так, будто захвачен бурлящим потоком, утягивается вниз, в глубины вечного отчаяния. И казалось, что нет конца этой бессмысленной резне, нет иного выхода из нее, кроме смерти.

А теперь вот и Никки собиралась в свое последнее путешествие.

Он просто хотел прожить свою жизнь с женщиной, которую любил, точно так, как живут многие другие. Вместо этого у Кэлен была похищена ее память, и в итоге она стала инструментом тех, кто охвачен жгучей страстью либо навязывать свои верования каждому, либо уничтожить их всех. И хотя благодаря его стараниям Кэлен сбежала, приспешники Джегана будут охотиться за ней, и никто из них не отступит. И если их не остановить, Орден все равно захватит Кэлен, точно так же, как захватывает каждого.

Вот и из Никки медленно утекает жизнь.

Как только Ричард отвлекся от всего и от всех, замкнувшись внутри себя, он ощутил, что там что-то резко и болезненно встряхнулось. Пару секунд он удерживался стиснутым в странном и безмолвном небытии, напоминающем царство мертвых, а затем его вновь швырнуло в состояние внутреннего смятения.

Он не знал источника этой внутренней дезориентации, но вдруг ощутил себя так, будто блуждает, затерявшись среди миллиона метеоров. А затем они все взорвались, прорываясь наружу, вырываясь откуда-то из глубин его существа.

Кара схватила его руку и затрясла.

— Лорд Рал! Что случилось? Лорд Рал!

Он только теперь понял, что кричал. Но не смог остановиться.

На самом накале, на самой высокой ноте, он пришел в себя, осознав.

Вдруг он понял, не имея ни малейших сомнений, причину этого ощущения.

Это было пробуждение.

Чудодейственная сила этого возрождения ошеломила. Каждая частица, каждая ниточка его существа пылала огнем этой жизни. И в то же самое время в нем внутри все звенело, до мозга костей, погружая в боль, настолько величественную, что делало его почти бесчувственным.

Он вновь мог ощущать внутри себя то, что дано ему от рождения, ощущать себя вновь целиком, словно бы впервые за целую вечность. Это все было почти так, будто он забыл, кто он и что он, будто сбился с пути, и вот, в один слепящий миг, все внезапно вернулось к нему.

Это вернулся его дар. Ричард не догадывался, как и почему, но это случилось.

Единственное, что удерживало его в сознании, удерживало в сосредоточенности его мысли, и была та самая ярость к тем, кто через самооправдание извращенных верований причинял зло и ущерб тем, чей образ мысли был не таким, как у них.

В ту минуту, когда слепая ярость ко всем тем, кто жил лишь для того, чтобы ненавидеть и ущемлять других, вновь наполнила его связь с даром, он услышал металлический треск.

Никки тяжело дышала, ловя ртом воздух.

Ричард, почти не сознавая, что случилось, почувствовал лишь, что ее руки обхватили его и она отчаянно старается обрести дыхание.

— Лорд Рал, — сказала Кара, встряхивая его, — взгляните! Кольцо на шее исчезло! И золотое кольцо, что было в ее губе, тоже пропало.

Ричард отстранился, чтобы взглянуть в голубые глаза Никки. Она пристально смотрела на него. Рада-Хань распался на части и лежал за ее спиной.

— Твой дар вернулся, — прошептала Никки, едва приходя в себя. — Я почувствовала это.

У него самого не было в этом ни малейших сомнений. Его дар вернулся, и самым необъяснимым образом.

Оглядевшись, он увидел лес ног. Воины Первой когорты с оружием в руках окружили его. Улик и Иган уже стояли между ними и Ричардом. А перед Уликом и Иганом выросла стена из красной кожи.

Ричард понял, что, ощутив обжигающую боль, пронзившую его в тот момент, он закричал. И все они, вероятно, решили, что его убивают.

— Ричард, — сказала Никки, привлекая его внимание. Ее голос был не громче, чем слабый шепот. — Ты что, сошел с ума?

Ей пришлось несколько раз приложить усилия, чтобы открыть глаза. Ее лоб покрывали бисеринки пота. Ричард понял, что она вынесла тяжелое испытание, и ей требовалось время для отдыха, чтобы она полностью восстановилась. Но все же было очень обнадеживающим снова видеть жизнь в ее глазах.

— Что ты имеешь в виду?

— Зачем, скажи мне, ради всего святого, ты нарисовал на себе эти красные символы?

Кара оглядела его.

— А мне нравится, как это выглядит.

Бердина тоже кивнула с высоты своего роста.

— Мне тоже нравится. Что-то типа нашей красной кожи только без нее самой.

— Да, это чудесно на нем смотрится! — согласилась Найда.

Даже при том, какой изможденной была Никки, ее вид говорил о том, что она не очень-то удивлена.

— Где ты только научился делать такое? Ты хотя бы догадываешься о той опасности, которую представляют эти символы?

Ричард пожал плечами.

— Разумеется. Как, по-твоему, зачем я нарисовал их?

Никки несколько обмякла и выглядела слишком слабой, чтобы спорить.

— Выслушай меня, — сказала она. — Если я не... если что-то... выслушай меня сейчас: ты не должен рассказывать Кэлен о вас двоих.

Ричард нахмурился, склоняясь ближе к ней, пытаясь лучше вслушаться в ее слова.

— О чем ты говоришь?

— Требуется стерильное поле. Если что-то случится со мной, если я не смогу сделать этого сама, то тебе необходимо знать об этом. Ты не должен рассказывать ей о ваших отношениях. Если ты расскажешь Кэлен, что раньше вы были вместе, то ничего не получится, это не сработает.

— Что не сработает?

— Оден. Если тебе все же удастся применить силу Одена, то для правильного ее действия требуется стерильное поле. Это означает, что Кэлен не должна иметь предварительного знания относительно любви между вами, иначе ее память не может быть восстановлена. Если ты скажешь ей об этом, она окажется навсегда потеряна для тебя.

Ричард кивнул, не вполне понимая, о чем именно она говорит, но тем не менее крайне обеспокоенный этим. Он опасался, что Никки может находиться частично в бреду после тяжелых испытаний с этим кольцом на шее. Возможно, она неадекватна, но сейчас было не место и не время глубоко вникать в это. Прежде всего требовалось чтобы она полностью восстановила свои силы и ясность мысли.

— Так ты слушаешь? — спросила она, ее глаза норовили закрыться, в то время как она напрягала силы, стараясь не потерять сознание.

Ричард не был уверен, что успел снять кольцо вовремя. Сейчас она явно была еще не в себе.

— Да, конечно, я слушаю тебя. Стерильное поле. Это мы уже выяснили. А теперь расслабься, пока мы не доставим тебя туда, где ты сможешь отдохнуть. После у тебя будет возможность еще раз объяснить мне все это. Главное, теперь ты в безопасности.

Ричард встал, а Кара и Бердина взялись помочь Никки подняться.

Бердина обхватила Никки рукой вокруг талии.

— Я позабочусь об этом, Лорд Рал.

На некоторое время установилась тишина, после того как он услышал по отношению к себе это обращение, «Лорд Рал». Ему пришла мысль, что Натан может быть слегка обижен внезапным смещением с положения Лорда Рала. Ведь это уже не первый раз, когда ему приходится служить в качестве Лорда Рала, защитника договора, и затем сменять этот титул, стоит лишь Ричарду вернуться сюда.

И прежде чем Ричард успел поразмыслить над этим, он услышал странный шум. Он звучал как какое-то потрескивание, возможно, при горении, с последующим тяжелым ударом. Когда люди, стоявшие вокруг Ричарда расступились, пропуская его и Никки, он увидел движущегося им навстречу человека.

Приглядевшись, Ричард все равно не вполне понял, что именно видит. Казалось, это солдат из Первой когорты, а вроде как бы и нет. Форма едва различимая и расплывчатая.

Генерал Тримак, стараясь оказать помощь Ричарду протянул руку, отводя в сторону часть своих людей, предоставляя Ричарду дорогу. Тем не менее Ричард остановился. Он смотрел на солдата, пробирающегося неподалеку от них через бойню.

У человека не было лица.

Первая мысль, пришедшая в голову Ричарду, была о том, что, возможно, этот человек ужасно обожжен и черты

его лица неразличимы. Но его форма была совершенно неповрежденной, а кожа не выглядела обожженной или покрытой волдырями. Наоборот, она была гладкой и имела здоровый вид. И его походка никак не указывала на то, что он ранен.

Но лица у него не было.

Там, где должны быть глаза, имелись лишь провалы в гладкой коже, а над ними некий намек на выступающий лоб. Там, где должен быть нос, — лишь небольшой вертикально вытянутый выступ, намек на нос. И не было рта. Человек выглядел так, будто его лицо вылеплено из глины, но при этом отдельные черты остались не проработаны. И его руки тоже как бы незакончены. У него не было отдельных пальцев, только отстоящие большие. Руки выглядели скорее как рукавицы из плоти.

Это было до того пугающее зрелище, что с первого взгляда мгновенно обращало в ужас.

Солдат из Первой когорты, помогающий раненому и приметивший сзади и сбоку приближающуюся форму Первой когорты, выпрямился. Он полуобернулся и поднял в сторону руку, будто просил человека, которого заметил лишь периферийным зрением, подождать. Человек без лица продолжил идти вперед и коснулся руки солдата.

Лицо солдата и его руки моментально почернели и пошли трещинами, будто интенсивная жара моментально превратила тело в почерневшую корку. У него не было времени даже вскрикнуть, прежде чем он обуглился до неузнаваемости. Он упал с тяжелым ударом — именно этот звук Ричард слышал чуть ранее.

Человек без лица приобрел теперь более различимую внешность. Его нос стал лучше очерчен, а также появилось подобие щели, определяющей рот. Казалось, эти черты он извлек из той жизни, которую только что отобрал.

В следующее мгновение другие солдаты Первой когорты встали на пути приближающейся угрозы. Безликий кос-

нулся и их, проходя через их защитную линию. Лица воинов также мгновенно сморщились, превращаясь в черные обгорелые складки, которые больше и не выглядели человеческими лицами, и они, крошась на куски и осыпаясь, безжизненно свалились на пол.

— Зверь, — произнесла Никки, находившаяся справа от Ричарда. Он поддерживал ее, а она обнимала его рукой за шею, пытаясь сохранять вертикальное положение. — Зверь, — вновь прошептала она, чуть громче, на случай, если он не расслышал в первый раз. — Твой дар вернулся. И зверь смог отыскать тебя.

Генерал Тримак повел полдюжины воинов в наступление на новую угрозу. А эта угроза продолжала двигаться прямо к Ричарду, совершенно равнодушная к людям, которые ринулись навстречу ей.

Генерал Тримак даже взревел от могучего замаха и со свистом опустил меч на двигавшуюся к ним опасность. Этот же человек не сделал не малейшей попытки уклониться от удара. Меч прорезался на добрый фут в плечо незваного гостя, войдя в него возле шеи, едва ли не отделяя плечо от тела. Такая рана должна была остановить любого. Любого живого.

Генерал, все еще державшийся рукой за меч, в одно мгновение превратился в сморщенную, обуглившуюся, потрескавшуюся и кровоточащую плоть, которая начала распадаться, падая. Он свалился на пол, даже не вскрикнув. Кроме военной формы, все остальное, оставшееся от него, было неузнаваемым.

Безликий, с мечом генерала, глубоко засевшим в его теле, даже не сбился с шага. Его лицо обрело еще большую четкость. Появились намеки на глаза, смотревшие из впадин. По одной стороне лица теперь наметился шрам, похожий на тот, что был у генерала.

Лезвие меча в том месте, где оно торчало наружу из этого человека, задымилось, становясь раскаленным, как

будто его только что вытащили из кузнечного горна; затем оба конца его прогнулись, меч расплавился посередине, и обе половинки вывалились из тела. Острие меча со звоном свалилось на пол из спины, тогда как конец с рукоятью упал спереди и отскочил, после чего приземлился с шипением и дымом на ближайшее тело.

Люди бросились со всех сторон, стремясь остановить надвигающуюся угрозу.

— Назад! — пронзительно закричал Ричард. — Всем назад!

Одна из морд-ситов всадила свой эйджил прямо в основание шеи пришельца — и тут же, испуская шипение и дым, превратилась в почерневший, обуглившийся труп и свалилась на пол.

Намек на волосы на явившемся сюда звере ловко преобразовался в пряди светлых волос, такие же, как мгновение назад были у нее.

Наконец-то все, кто собирался его атаковать, резко остановились и попятились, стремясь как-то сдержать угрозу, но в то же время находясь вне ее досягаемости.

Ричард выхватил арбалет у ближайшего солдата Первой когорты. Оружие было заряжено одной из тех ужасных стрел с красным оперением, которые отыскал Натан.

И когда человек с постепенно проявляющимся лицом целенаправленно двинулся к нему, Ричард поднял оружие и выпустил стрелу.

Стрела с красным оперением пробила центр груди. Человек — то есть Зверь — остановился. Гладкая кожа почернела и начала рассыпаться, точно так же, как у людей, которых он только что коснулся. Его колени подогнулись, и Зверь превратился в дымящуюся кучу, а вскоре выглядел точно так же, как те люди, которых он убил.

Хотя, в отличие от других, он продолжал тлеть. При этом наружу не вырывалось никакого пламени, но он весь, включая и форму, которая, как теперь мог видеть

Ричард, была не одеянием из ткани, кожи и брони, а частью самого зверя, теперь пузырился и плавился. Распадающаяся масса начала уплотняться в чернеющую субстанцию. И пока все оцепенело наблюдали, она горела без всякого пламени, усыхая, крошась и осыпаясь, пока не остался один пепел.

— Ты использовал свой дар, — сказала Никки, и голова ее свесилась. — И он нашел тебя.

Ричард кивнул, ни к кому специально не обращаясь.

— Бердина, пожалуйста, отведи Никки куда-нибудь, где она сможет отдохнуть и набраться сил.

Ричард надеялся, что она сможет восстановить свои силы и что с ней все будет в порядке. Он не просто проявлял заботу о ней — он нуждался в ней. Как и сказала Эди, Никки была его единственной надеждой.

Глава 45

— Вот оно как, подумать только! Уж не ты ли сделала это, умница?

Рэчел подскочила на месте, поворачиваясь на тонкий голос, позволяя себе издать слабый писк.

Немигающий взгляд выцветших голубых глаз прищипывал ее.

Это была Сикс.

Первым инстинктивным желанием Рэчел было бежать, но она знала, что нет ничего хорошего в том, чтобы бежать вглубь пещеры, а Сикс загораживала выход, так что бежать, собственно говоря, попросту некуда. У Рэчел был нож, но это оружие показалось ей вдруг до смешного неуместным.

Оказавшись с Рэчел один на один, вот так, как сейчас, ведьма казалась еще более страшной, чем помнилось Рэчел. Ее черные волосы выглядели так, будто это паутина, сотканная тысячами черных пауков. Туго натянутая кожа на выпуклых скулах, казалось, готова потрескаться. А черное платье было почти невидимым в окружающей темноте, лишь подчеркивая мертвенно-бледное лицо и руки, которые будто парили сами по себе в объятый мертвым безмолвием пещере.

Рэчел с радостью променяла бы Сикс на гнавшихся за ней призраков-гоблов.

Интересно, как долго стояла ведьма в тени пещеры, наблюдая за ней? Она знала, что Сикс способна двигаться тихо, как змея, и без малейших затруднений передвигается в темноте. Рэчел не удивилась бы, если бы обнаружилось, что у этой женщины еще и раздвоенный язык.

Рэчел была так сосредоточена, пока она работала над рисунком Ричарда, что не только потеряла счет времени, но и забыла, где находится. Она так увлеклась этим делом, что забыла об осторожности. Она не подозревала, что может оказаться до такой степени чем-то увлечена.

Теперь она ощущала себя полнейшей дурой, что была так беззаботна и позволила поймать себя, что сделала такую глупую ошибку. Чейз просто обхватил бы голову от стыда и спросил, неужели она позабыла вдруг все, чему он ее учил? Но ведь ей так отчаянно хотелось отменить то, что было сделано по отношению к Ричарду! Она знала, каково это — оказаться в центре одного из тех заклинаний. Она знала, как это ужасно. Знала, каким беспомощным это делало человека. И она не хотела, чтобы такое случилось с Ричардом, и знала, что это заклинание уже долгое время воздействует на него, гораздо дольше, чем, скажем, на нее. Она хотела помочь ему избавиться от воздействия всех этих дьявольских рисунков.

Она сознавала, что идет на риск, но Ричард был ее другом. Ричард помогал ей много раз, и она очень хотела помочь ему хотя бы один.

Сикс бросила взгляд в темноту дальней части пещеры, в ту темноту, что лежала за пятном света масляной лампы, в ту темноту, где лежали кости Виолетты.

— Да, да, сделано очень умно.

Рэчел сглотнула.

— Что?

— То, как ты разделалась со старой королевой, — сказала Сикс с бархатистым шипением.

Рэчел, потрясенная, не могла не обернуться.

— Со старой королевой? — Она глянула через плечо на ведьму. — Виолетта не была старой.

Сикс изобразила такую улыбку, от которой Рэчел едва не обмочилась.

— В момент, когда она умерла, она стала считаться старой, в том смысле, как обычно говорят, не так ли?

Рэчел не имела никакого желания разгадывать эту загадку. Она была слишком напугана, чтобы думать.

Внезапно Сикс вступила в круг света.

— Как ты полагаешь, сколько тебе лет сейчас, малышка?

— Точно не знаю, — сказала Рэчел честно, насколько могла. Она с трудом сдерживала подступающий ужас. — Я сирота. И не знаю, сколько мне лет.

Рэчел подумала о встрече с матерью... если только то действительно была ее мать. Когда она вновь обдумывала все это сейчас, то оно показалось ей несколько бессмысленным, хотя прежде воспринималось естественным. Она задумалась о том, почему мать оставила ее в приюте. Если это действительно была ее мать, почему она оставила Рэчел одну? И почему нашла ее среди какого-то пустого места, а затем вновь покинула? В тот момент, когда она явилась в лагерь Рэчел, это казалось вполне естественным, но теперь Рэчел не знала, что и думать.

Сикс только улыбнулась такому ответу. Хотя это была не очень радостная улыбка. Рэчел не думала, что Сикс вообще способна изображать радостную улыбку, в лучшем случае вот такую, очень ненатуральную улыбку, которая дает людям понять, что она обдумывает темные колдовские делишки.

Ведьма указала длинным костлявым пальцем на рисунок с Ричардом.

— Это очень большая работа, ты знаешь об этом?

Рэчел кивнула.

— Знаю. Я была здесь, когда ты и Виолетта делали это.

— Да, — сказала Сикс, растягивая слова, наблюдая за Рэчел так, как паук наблюдает за мухой, жужжащей в его паутине. — Ты действительно была при этом.

Женщина подошла ближе к рисунку.

— Вот здесь... — Она покачала пальцем над одним местом, которое Рэчел изменила в этом рисунке. — Почему ты сделала это?

— Ну, я просто вспомнила, что ты говорила Виолетте о завершающих элементах. — Рэчел не стала говорить, что знает, что означает понятие «завершающий элемент». — Я помню, как ты сказала, что это соединение замыкает его, посредством азимутального угла, на то лицо, которое необходимо найти, а затем соединить связями с надлежащими группами других элементов. Я уяснила, что это основа действия всей схемы. Я изменила соотношение, чтобы в результате этого изменилась позиция связи по отношению к объекту.

Сикс слушала и слегка кивала.

— И тем самым прервала позиционную поддержку всей структуры, — сказала она самой себе. — Так, так, так. — Она задумчиво покачала головой, ближе вглядываясь в рисунок. Затем обратила сердитый взгляд к Рэчел. — Ты не только талантлива, малышка, но еще и крайне изобретательна.

Рэчел не думала, что ей следует с благодарностью реагировать на похвалу. Сикс, несмотря на улыбку на ее губах, явно не была обрадована, обнаружив весь тот ущерб, который Рэчел причинила рисунку — а Рэчел очень хорошо понимала, как велик тот ущерб, который она нанесла.

Сикс подняла костлявый палец.

— Вот здесь. Зачем ты добавила эту линию? Почему просто не стерла эту связь?

— Потому что посчитала, что это лишь ослабит удержание заклинания, если я ее уберу. — Рэчел указала еще на несколько элементов. — Они предназначены для того, чтобы поддерживать все в целом, так что если бы я стерла эту связь, она все равно как бы продолжала существовать. Вместо этого я смогла добиться почти нужного эффекта, сделав вот это изменение, которое перенаправляет ранее установленную связь и таким образом как бы разрывает ее совсем, вместо того чтобы просто ослабить.

Сикс только покачала головой, похоже, собственным мыслям.

— У тебя действительно хорошие уши. Я еще не встречала ребенка, способного так быстро схватывать подобные вещи.

— Вовсе не быстро, — сказала Рэчел. — Ведь тебе приходилось повторять и повторять все это Виолетте по много раз. Скорее, трудно было бы не усвоить это за такое время.

Сикс издала сдавленный смешок.

— Да, она была совершенной дурой, не так ли?

Рэчел не ответила. Она не очень уверенно чувствовала себя в эту минуту, так что подловить ее было совсем просто.

Сикс сложила руки и теперь прохаживалась перед большой картиной, проверяя работу Рэчел. Она издавала

какие-то звуки себе под нос, при этом тщательно осматривая фрагменты картины. Рэчел была смущена, увидев, что Сикс всматривается в каждое изменение, которое она сделала. Ведьма не пропустила ни одного.

— Очень впечатляет, — сказала она не оборачиваясь. Затем взмахнула рукой. — Ты полностью уничтожила все, что было сделано. — Сикс повернулась к Рэчел. — Ты полностью разрушила заклинание.

— И мне нисколько не жаль, что я сделала это.

— Нет, я и не думала, что ты будешь жалеть. — Она тяжело вздохнула. — Ну, полагаю, особого вреда в этом нет. Это заклинание послужило своей цели. Думаю, теперь оно больше не нужно.

Рэчел была разочарована, услышав это.

— Однако это не только потеря. — Сикс, по-прежнему со сложенными руками, обратила хитрый взгляд на Рэчел. — Я обрела нового художника. Да такого, что все усваивает быстрее предыдущего. У тебя будет шанс доказать свою полезность. Думаю, что сохраню тебя живой до поры до времени. Что ты на это скажешь?

Рэчел собрала все свое мужество.

— Я не буду рисовать вещи, которые приносят людям вред.

Улыбка вернулась, став еще более широкой.

— О, это мы еще обсудим.

Глава 46

Измученная Кэлен была готова свалиться с огромной взмыленной лошади, а по неровному шагу животного могла сказать, что и лошадь готова упасть. Однако ее освободитель, похоже, собирался загнать животное до смерти.

— Лошадь не выдержит такой гонки. Тебе не кажется, что следует остановиться?

— Нет, — бросил он через плечо.

В слабом свете коварного рассвета Кэлен наконец-то смогла разглядеть темные очертания начинавших появляться деревьев. Ей было радостно сознавать, что очень скоро они покинут пределы открытого пространства равнин Аэрита. На просторах равнин, когда взойдет солнце, их запросто заметят за сотни миль с любого направления. Она не знала, есть ли за ними погоня, но даже если и нет, какой-нибудь патруль может запросто их угладеть.

Она вовсе не думала, что Джегань позволит ей вот так просто сбежать, не послав в погоню ее особых стражей. У него был некий великий план, включавший особую месть, и он так просто не откажется от этого плана. Как только сестры вылечат императора, он, без сомнения, будет в ужасающем настроении и сделает все, чтобы только вернуть ее назад. Джегань не из тех людей, которые позволяют себе отказываться от своих желаний.

И, естественно, сестры будут посланы и за ней. Более того, вполне возможно, что они уже следуют за ними по пятам. И даже если сестры не знают, куда Самюэль везет ее, вероятно, они могут воспользоваться магией, чтобы отправиться по следу Кэлен.

Возможно, Самюэль поступал разумно, не желая останавливаться.

Но ведь если они загонят лошадь, то опасность только увеличится.

Ей хотелось, чтобы они взяли еще одну лошадь. Кэлен была уверена, это не так уж и сложно сделать. Ведь, в конце концов, в том лагере она была невидима почти для всех. Она могла бы соскользнуть с лошади, когда они проезжали по лагерю, и выбрать подходящую. Самюэль был одет как один из них... Именно так ему и удалось проникнуть в лагерь. Никто и бровью не повел бы, если бы он остановился,

а Кэлен оставалась бы для них невидимой. Ради общего дела она запросто могла бы заполучить даже несколько лошадей, и тогда они могли бы менять их, а более свежие животные уносили бы их гораздо быстрее.

Однако Самюэль был настолько непреклонен, что она даже не попыталась сделать нечто подобное. Он считал, что риск слишком велик, и боялся, что они тем самым лишатся единственного шанса на побег.

Принимая во внимание, что опасность действительно была немалой, она посчитала, что не может упрекать его за желание убраться отсюда как можно скорее.

Ей было интересно, почему она не оказалась невидимой для Самюэля? Как и Ричард, он, похоже, явился в лагерь с конкретным намерением помочь ей сбежать.

Кэлен чувствовала боль и тревогу из-за того, что Ричард не смог бежать вместе с ней. Воспоминания о том, как он лежал там, на земле, не просто преследовали ее, они разрывали ее сердце. Она чувствовала себя крайне неловко за то, что не осталась и не помогла ему. И даже сейчас, как ни ужасна была такая мысль, но она ощущала побуждение вернуться назад. Будучи невидимой, она смогла бы хоть что-то сделать. И ей, до отчаяния, хотелось попытаться.

Но не только о Ричарде она проявляла такое беспокойство — были еще Никки и Джиллиан. Никки уже и без того было тяжело, а теперь, вероятно, станет еще хуже, если такое возможно. И Джегань угрожал заставить страдать и Джиллиан, если Кэлен вновь доставит ему неприятность или не выполнит его приказание. Однако она все-таки надеялась, что в случае ее отсутствия Джеганю не имеет смысла причинять страдания Джиллиан.

Несмотря на то, что ей хотелось остаться и помочь им, для Кэлен в приказе Ричарда покинуть это место было нечто такое, что заставило ее поступить, как он сказал. Случившееся выглядело так, будто он принес в жертву все

лишь ради того, чтобы увидеть, как она убежит, и если она отказалась бы от этого шанса, купленного его жизнью, тогда все, что он сделал, пропало бы впустую. Это делало все его жертвы просто бессмысленными.

Она не могла припомнить, чтобы ей из-за чего-то приходилось так разрываться.

Кэлен знала, что та сестра вряд ли обойдется с ним хорошо. И солдаты вокруг — они тоже жаждали его крови... Она размышляла, мертв ли он уже — или сейчас подвергается пыткам?

Слезы текли по ее щекам, пока они мчались, увеличивая расстояние между собой и лагерем.

Она не могла отделаться от мыслей о нем и не могла остановить слезы, пока думала о нем. Ей никак не удавалось избавиться от видения Ричарда, беспомощно лежащего на земле.

И хуже всего, что она была близка к тому, чтобы получить ответы. Она знала, что Ричард был способен заполнить множество пробелов. Похоже, он знал довольно много о ней. Он, похоже, знал даже что-то и про Самюэля и его великолепный меч. Кэлен вспомнила, как Ричард кричал Самюэлю: *«Самюэль, ты идиот! Воспользуйся мечом, чтобы снять кольцо с ее шеи»*. Те слова все еще звенели у нее в ушах.

Никакой меч не может резать металл. Но Ричард знал, что меч Самюэля сможет это сделать.

Хотя более всего это подсказывало Кэлен, что Ричард думал о Самюэле. И это же подсказывало ей, что независимо от столь невысокого мнения Ричарда об этом человеке, он настолько сильно хотел видеть ее в безопасности, что был согласен и на то, чтобы Самюэль стал тем, кто поможет ей сбежать.

— А что ты знаешь о Ричарде? — спросила она.

Некоторое время Самюэль ехал молча. Наконец все-таки ответил.

— Ричард — вор. Ему нельзя доверять. Он просто вредит людям.

— А откуда ты знаешь его? — спросила она этого человека, за которого держалась обеими руками.

Сделав пол-оборота через плечо, он посмотрел на нее.

— Сейчас не время обсуждать это, милая леди.

Ричард, с морд-ситами обеих сторон, сопровождаемый Уликом и Иганом и солдатами Первой когорты, торопливо шел к тому склепу, где был устроен проход в катакомбы.

Никки была рядом с ним. Несмотря на то, что ей требовался отдых, она настояла на том, чтобы оставаться возле него. Ричард знал, что Никки беспокоится о возвращении зверя, о том, что ему не удастся остановить зверя без ее помощи. Она хотела быть рядом, чтобы обеспечить эту помощь, если потребуется. Кара, несмотря на заботу о Никки, тоже склонилась на ее сторону — ради безопасности Ричарда. Никки пообещала, что как только он закончит с этими делами, она будет отдыхать. Ричард же полагал ее обещания скоро отдохнуть неуместными, потому что опасался, что она может свалиться от изнеможения.

Проходя по широкому коридору за пробитой стеной, они миновали многочисленные обгорелые трупы, застывшие в гротескных позах. На стенах из белого мрамора остались следы огня в тех местах, где люди, охваченные пламенем, натыкались на них и оставляли отпечатки себя. Эти темно-коричневые силуэты слегка напоминали привраков — если бы не пятна крови, оставшиеся немymi свидетелями того, что этот след оставил человек, а не привидение.

В комнатах и коридорах с каждой стороны Ричард заметил еще большее число мертвых солдат Имперского Ордена. Они использовали этот заблокированный сектор коридоров для того, чтобы накапливать здесь силы.

— Ты сдержал свое обещание, — сказала Никки усталым голосом, в котором звучала не столько благодарность, сколько удивление.

— Мое обещание?

Она улыбнулась через скрывающую ее слабость.

— Ты обещал, что снимешь с моей шеи ту вещь. Но когда ты сказал это, я тебе не поверила. Я не была способна высказать свои сомнения, но не верила, что ты сможешь это сделать.

— Лорд Рал всегда держит свои обещания, — сказала Бердина.

Никки улыбнулась как смогла добродушнее.

— Полагаю, что так.

Натан заметил их, идущих по коридору, и подождал на перекрестке, чтобы присоединиться. Сам он вышел из коридора справа.

Удивление тут же переполнило его.

— Никки! Как это получилось?

— К Ричарду вернулся его дар. Он оказался способен снять кольцо с моей шеи.

— А затем появился зверь, — добавила Кара.

Натан вглядывался в Ричарда, его брови сдвинулись.

— Тот зверь, что окотится за тобой? И как вы от него избавились?

— Лорд Рал пристрелил его, — сказала Бердина. — Те особые стрелы от арбалетов, которые ты отыскал, сработали.

— На этот раз, — едва слышно сказала Никки.

— Теперь я спокоен, что для чего-то они пригодились, — сказал Натан, опустив руку на голову Никки. — Я так и думал, что они могут оказаться полезными, — пробормотал он, тем временем приподнимая большим пальцем веко у Никки. Заглянув поближе в ее глаз, он издал звук, говорящий лишь о том, что он никак не рад тому, что увидел. — Тебе нужно отдохнуть, — наконец заявил он.

— Знаю. Скоро этим займусь.

— А что насчет всех этих коридоров? — спросил Ричард Натана.

— Мы только что закончили их очистку. Нашли нескольких солдат Имперского Ордена, пытавшихся спрятаться. К счастью, весь этот сектор, который они отгородили каменным барьером, не имел других выходов во дворец. Тупиковое ответвление.

— Это успокаивает, — сказал Ричард.

Один из офицеров Первой когорты выглянул из-за Натана:

— Мы уничтожили их всех. К счастью, их во дворце оказалось не так уж и много. Мы зачистили все вплоть до того помещения, через которое они пробрались. Там стоят наши люди, ожидающие вас.

— Мы постарались сделать все, как ты и сказал, — добавил Натан, — и еще надо очистить от них катакомбы.

— Теперь нам необходимо обрушить несколько туннелей или сделать что-то в этом роде, чтобы быть уверенными, что никто не сможет пройти сюда. — Ричард знал, что не солдаты их главное беспокойство. Куда хуже могут быть пробравшиеся во дворец сестры Тьмы.

— Не думаю, что это даст нам уверенность, — сказала Никки.

Ричард посмотрел на нее.

— Почему нет?

— Потому что мы не знаем, насколько широко простираются катакомбы на самом деле. Мы можем закрыть то место, где они ворвались, но они с таким же успехом могут найти другой проход, о котором мы и не подозреваем, и совершенно в другом районе. Возможно, там многие мили этих туннелей. И дело даже не в их протяженности, а в том, что неизвестно, куда они ведут.

Ричард вздохнул.

— Нужно что-то придумать.

Никто не возразил.

Пока они шли по коридорам из белого мрамора, Никки посматривала на Ричарда слишком знакомым ему взглядом. Это был неодобрительный взгляд учителя.

— Нам нужно поговорить об этих символах, что ты намалевал красным на себе.

— Да, — хмурясь, сказал Натан. — Мне тоже хотелось бы поучаствовать в этом разговоре.

Ричард бросил взгляд в сторону Никки.

— Хорошо. А пока мы будем готовиться к этому обсуждению, я был бы не против узнать о том, как ты привела в действие шкатулки Одена от моего имени.

Никки лишь чуть вздрогнула.

— Ах, это.

Ричард чуть наклонился в ее сторону.

— Да, это.

— Ну, как уже сказано, нам следует об этом поговорить. В действительности некоторые из тех символов, что ты нарисовал, имеют прямое отношение к шкатулкам Одена.

Ричард это вовсе не удивило. Он знал, что некоторые из символов имеют отношение к силе Одена. Он даже знал, что они означают. В конце концов, прежде всего именно потому он и нарисовал их на своих людях и на себе самом.

Никки указала рукой:

— Вот здесь. Вот это место, через которое они проникли сюда... через эту гробницу.

Ричард огляделся вокруг, когда они вошли в казавшееся довольно простым помещением гробницы, где на каменных стенах были высечены слова на древнед'харнианском языке — слова о тех, кто был давно похоронен здесь. Гроб был сдвинут в сторону, открывая уходящую вниз лестницу. Когда они пробрались во дворец из катакомб, вокруг была кромешная тьма, так что Ричард не видел ничего из того.

что их окружало. Эди вела их в сплошной тьме, и Ричард не имел представления, где именно они находятся, когда они прорывались через преграду.

Никки указала рукой вниз, в темноту.

— Через этот проход в прошлый раз проникли во дворец сестры.

— Так, значит, Энн все еще у них? — сказал Натан, после того как заглянул в темноту.

Никки испытывала колебания.

— Очень жаль, Натан. Думала, ты знаешь.

Тот помрачнел еще больше.

— Знаю что?

Она сцепила перед собой руки. Ее взгляд скользнул в сторону.

— Энн была убита.

Натан несколько секунд не сводил с нее глаз. Ричард тоже не знал о смерти Энн. Ему было страшно за Натана, как он перенесет шок от новости, что сообщила Никки. Ричард знал, какие чувства испытывал пророк к этой аббатисе. И казалось почти невероятным, что Энн больше нет.

— Как? — Это было все, что Натан смог спросить.

— В последний раз, когда я была здесь... когда мы с Энн спустились сюда... мы были очень удивлены, встретив трех сестер Тьмы. Они объединили свои способности, чтобы применять могущество здесь, во дворце. Энн оказалась убита еще до того, как мы осознали, что они рядом. Джегань хотел, чтобы меня захватили живой, в противном случае, без сомнения, они с радостью убили бы и меня.

Никки осторожно опустила ладонь на руку пророка.

— Она не страдала, Натан. Думаю, она даже не осознала, что произошло. Она умерла мгновенно. Она не страдала.

Натан, мысленно вглядываясь в далекие воспоминания, кивнул.

Ричард положил руку ему на плечо.

Лицо Натана потемнело, судя по всему, от мрачных мыслей. Но по суровости его взгляда Ричард решил, что вряд ли пророк созерцает что-то ужасное. Он подумал, что это должно быть нечто того же рода, что он сам очень часто ощущал.

В неловкой тишине Ричард указал вниз, на секретную лестницу.

— Думаю, нам нужно обеспечить, чтобы там больше не прятался никто из них.

— С удовольствием, — сказал Натан.

Волшебный огонь вспыхнул между его обращенными друг к другу ладонями. Шар ожесточенного жидкого пламени начал медленно вращаться, жарко освещая комнату, готовый к применению.

Натан склонился над темным отверстием и направил в него смертельный ад. Огонь унесся в темноту, яростно завывая и освещая вырубленные в камне стены ступени.

— Когда он сделает свою работу, — сказал Натан, — я спущусь и обрушу туннель, по которому они прошли сюда, чтобы быть уверенным, что по крайней мере в этом месте они не смогут снова проникнуть во дворец.

— Я устанавливаю несколько защитных полей из магии Ущерба, чтобы быть уверенными, что они не смогут прокопать его вновь, — предложила Никки.

Натан рассеянно кивнул, погруженный в собственные мысли.

— Лорд Рал, а как здесь оказался Бенджамин? — негромко спросила Кара.

Ричард выглянул в коридор, где, терпеливо дожидаясь, стоял генерал.

— Не знаю. У нас еще не было времени поговорить об этом.

Оставив Натана наедине с его собственными мыслями, пристально вглядывающегося в темноту спуска в катаком-

бы, Ричард, вместе с Карой и Никки, вышел из помещения гробницы и направился к ожидающемуся генералу Мейфферту.

— Так что вы делаете здесь, Бенджамин? — спросила Кара, прежде чем это успел Ричард. — Я думала, что вы, как и положено, находитесь в Древнем мире, нанося там потери Ордену.

— Это верно, — сказал Ричард. — Конечно, ваша помощь оказалась неоценимой, но почему вы здесь? Вы сказали, что разыскивали меня, чтобы сообщить о какой-то неприятности, с которой там встретились.

Он на пару секунд сжал плотнее губы.

— Это верно, Лорд Рал. Мы столкнулись с большой проблемой.

— Большая проблема? И какова же она?

— Красная. С крыльями. Управляется ведьмой.

Глава 47

Ричард, опустив локти на стол из красного дерева, запустив пальцы в волосы, провел рукой к затылку. Он так устал, что книга, лежавшая перед ним, начала плыть перед глазами. В последнее время он прочитал так много книг, что даже потерял счет дням, прошедшим с тех пор, как вернулся в Народный Дворец.

Казалось, с момента матча джа-ла, бунта на стадионе. Кэлен, сбегавшей вместе с Самюэлем, возвращения во дворец и сопутствующего этому сражения прошла целая жизнь. С помощью Верны и нескольких других сестер Натан сумел исцелить Эди. Но как только силы ее отчасти восстановились, она настояла на том, чтобы вновь отправиться в свое одинокое путешествие. Потому что это место,

то есть дворец, гасило ее силу, и внутри дворца она становилась почти слепой.

Ричард мог понять, почему она хочет уйти, но ему было интересно, из-за одной ли своей силы волшебницы она не видит для себя ничего хорошего в том, чтобы оставаться во дворце? И может ли ее хоть где-то ожидать что-то хорошее?

После того, как генерал Мейфферт рассказал ему о ведьме на огромном красном драконе, охотящейся за д'харрианскими войсками в Древнем мире, общая ситуация стала восприниматься в мрачном свете. Люди, посланные, чтобы разрушать усилия Древнего мира по поддержке армии, направленной в Новый мир, сами оказались преследуемы. И теперь Ричард даже не представлял, сколько времени у них оставалось, прежде чем Орден наконец-то окажется в состоянии сокрушить все и подавить любое сопротивление их воззрениям на развитие человечества.

Генерал проникся планом, предусматривающим сломить силу Ордена через ее источник, и какое-то время этот план проводился с впечатляющим эффектом. Они нападали и уничтожали караваны снабжения еще до того, как тем удавалось выйти за пределы Древнего мира. Они превратили районы вербовки новобранцев и сбора караванов в необитаемый лес копий с торчащими на них солдатскими головами. На всем пути доставки продовольствия его войска уничтожали склады с провизией, жгли посевы и ловили и убивали людей, проповедующих гнусные учения Ордена.

Люди в Древнем мире начинали осознавать горечь реальной войны, которую сами развязали против других. Самодовольное злорадство, когда их войска гнали «этих язычников» на север, обернулось для них лишающим сна страхом перед тем, что эти язычники могут явиться к ним, осуществляя возмездие. Толпы проповедующих учения

Ордена поредели. Местами даже начали возникать мятежи против власти Ордена.

Однако Джегань предпринял некоторые меры, чтобы противодействовать всему этому. Во-первых, он приказал очень быстро пресекать любой намек на бунт. Города, которые подозревались в симпатиях к восставшим, выжигались, все население было предано пыткам для получения признаний и тысячи преданы смертной казни. Допрос по правилам Ордена приносил ужасные последствия. Ведь при этом подлинная виновность имела лишь второстепенное значение. Главным было само наказание и укрепление авторитета власти, так что одного лишь подозрения было вполне достаточно для максимально жестокого обращения. Люди очень быстро становились запуганными, обретали покорность и прилагали больше усилий, стремясь обеспечить выполнение новых предписаний по снабжению.

Этот всеобщий страх оказаться подозреваемым в измене делу Ордена резко увеличил количество продовольствия, отправляемого на север, так что караванов стали снаряжать гораздо больше. Древний мир очень велик, и такие всеобщие усилия привели к тому, что, несмотря на успехи д'харианских войск, с юга по-прежнему поступало вполне достаточно провизии, снаряжения и войск. Ричард припомнил неожиданные новые поставки продовольствия, как тот свиной окорок, так что знал, что подобная тактика срабатывала, по крайней мере до последнего времени.

Все это увеличение активности создавало сложности, но такие, которые посланные на юг д'харианские войска понимали и принимали во внимание. Какое-то время они подстраивали свои методы, приспособлявая их к изменению ситуации. Именно это и делают воины: корректируют свои планы в соответствии с обстоятельствами, с которыми сталкиваются. Неприятель вносит корректировки, а вам следует на месте определяться.

Однако последние принятые Джеганем меры — совсем другое дело. Он послал дракона и ведьму — судя по описаниям, это была Сикс, — чтобы охотиться за д'харианскими войсками, нападающими на караваны с припасами и другими необходимыми средствами. Ричард из личного опыта знал, что с высоты гораздо легче обнаруживать и опознавать войска. Это очень эффективный метод преследования. А вместе со способностями ведьмы он становился еще и чрезвычайно смертоносным.

Подобные меры не только уменьшили эффективность нападений в Древнем мире, но и привели к бесполезной гибели большого числа солдат, а также осложнили задачу для оставшихся. При увеличении числа караванов и при наличии нападений на противника с воздуха, Джегань, похоже, несмотря на возросшую цену новобранцев и продовольствия, получал все, что нужно, чтобы продолжать осаду Народного Дворца. Ведь только это сейчас для него и имело значение.

И теперь оказалось, что это те, кто находятся во дворце, неспособны продержаться. Как только пандус будет завершен, и если будут открыты новые катакомбы, через которые также можно прорваться внутрь, тогда легионы Ордена смогут атаковать дворец как сверху, так и снизу. Хотя в конце концов будет вполне достаточно и одного пандуса. Такая атака очень дорого обойдется Имперскому Ордену, но Джегань никогда не беспокоился о цене жизни в своей армии, он заботился только о достижении цели. Раньше или позже, но своей цели он добьется.

Когда это произойдет, а Ричард понимал, что это произойдет неизбежно, делу борьбы за свободу настанет конец. Конец настанет и всем им.

Единственной надеждой Ричарда было изыскать возможность использовать шкатулки Одена. Разумеется, у него не было этих шкатулок, но если бы даже и были, он пока еще не знал, как ими воспользоваться. В первую очередь

ему требовалось узнать, как это сделать. Сейчас самым главным его оружием было знание. И он был намерен как следует вооружиться.

Комната, где находился он и Никки, была личной библиотекой, содержащей, если верить Бердине, множество запретных книг — предназначенных только для Лорда Рала. Мощные поля защищали двойные двери из красного дерева на арочном входе. Даркен Рал довольно часто просил Бердину помочь ему в переводе с древнед'харинского языка, но, по ее словам, именно эту комнату она посещала крайне редко. По ее словам, сюда он обычно приходил один. Так что Ричард и Никки решили, что это будет самое подходящее место для начала их изысканий.

Бердина проводила поиски и в других библиотеках, совместно с Верной и чуть ли не со всеми ее сестрами. Все, что считали хоть в какой-то степени полезным, приносили к Никки. Она лично просматривала все найденное, чтобы отыскать там то, с чем Ричарду следовало ознакомиться. Некоторые наиболее опытные сестры оказались очень полезными в поиске важных источников относящейся к делу информации.

Никки, кроме того, старалась держать всех остальных людей подальше от Ричарда, чтобы он мог сосредоточиться на чтении и на множестве других вещей, которым она его учила. Отчасти он чувствовал себя затворником. Но в то же время это позволяло ему сохранять атмосферу сосредоточенного уединения, которое ему, собственно, и требовалось.

Невысокие книжные полки в этом приватном месте располагались вдоль роскошно отделанных деревом стен, оставляя центральную часть комнаты для диванов и стульев. Это делало ее более похожей на тихий кабинет, чем на библиотеку. На верху некоторых полок были расставлены в качестве украшений небольшие фигурки, из-за чего те скорее были похожи на витрины.

В отличие от Никки, Ричард не рисковал подниматься по узкой, вьющейся спиралью железной лестнице на маленький балкон у противоположной от входа стены. Пока он читал, она отбирала новые книги, которые, по ее мнению, были достаточно важными, чтобы быть добавленными к тем гудам, что дожидались его внимания. И хотя эта комната не была похожа на типичную библиотеку, заполненную многими рядами стеллажей, скромные полки, стоявшие здесь, содержали тысячи томов. Впрочем, те, что их сейчас интересовали, были исключительной редкостью даже для такого места.

Стол красного дерева, за которым он сидел, был постоянно завален книгами, которые доставляла Никки. Находясь в этой библиотеке, невозможно было понять, день сейчас или ночь. Тяжелые шторы из темно-синего бархата были закрыты. Но даже если раздвинуть их, никакой пользы это не даст: за ними все те же деревянные панели. Эти шторы лишь создавали иллюзию окна и способствовали спокойной обстановке в комнате. Кроме того, здесь было множество ламп и даже камин. Лампы были источником мягкого освещения, отчего комната выглядела уютной и привлекательной. Ричард же не замечал ни того, ни другого.

Они работали без перерыва, насколько это было возможно. Еду им доставляли прямо сюда, чтобы не прерывать процесса изучения. А если глаза начинали слипаться, то и спать приходилось прямо здесь, на диванах.

Никки почти всегда была неподалеку, сновала туда-сюда в свете отражательных ламп, подвешенных на полированных, из темно-коричневого с белыми прожилками мрамора колоннах, стоящих через одинаковые интервалы по всей библиотеке. Она просматривала очередную книгу, определяя, нужно ли ее отложить для изучения или вернуться назад к полке и взять другую.

Ричард отчаянно стремился к действиям. Ему хотелось немедленно заняться поисками Кэлен; но он знал, что это

не так-то и просто. Прежде чем действительно отправиться за ней, ему нужно узнать, как использовать силу Одена, пока не стало слишком поздно для возвращения ее назад. Он понимал, что ему одному с этой задачей не справиться. Никки без малейших колебаний согласилась стать его наставницей.

В первую очередь она объяснила всю сложность теории стерильного поля. Она хотела, чтобы он полностью уяснил все, что эта теория подразумевает. Ричард не был знатоком магии и даже не знал, как использовать собственные способности по своему желанию, но Никки излагала все в доступной для него форме. Сначала ему было трудно уловить суть этого; он никак не мог уяснить, какой вред может принести предварительное знание.

Никки упорно твердила, что волшебники, создавшие Оден как противодействие Огненной Цепи, были убеждены, что преждевременное знание о сильной эмоциональной связи будет оказывать влияние на магию, которую они создавали, и повредит действию самого Одена. Ричард в этом сомневался.

Она сообщила ему, что именно Зедд подтвердил и объяснил ей, что предварительное знание действительно оказывает влияние на магию, и что это не теория, а самая настоящая истина. Он рассказал ей, что Ричард сам доказал это, став мужем Кэлен без того, чтобы его личность оказалась стертой ее силой Исповедницы. Любое предварительное знание о том, как этого можно было достичь, уничтожило бы способность Ричарда справиться с этой проблемой, и тогда ее сила, когда она непреднамеренно высвободила бы ее на него, подчинила бы его. И хотя Зедд так и не открыл самого этого решения Никки, он сказал ей, что Ричард должен быть совершенно не уверен, что решение существует или что решение обязательно сработает, и потому она поклялась сохранять это в тайне.

Зедд объяснил Никки, что сам Ричард служит доказательством решения центрального вопроса оденической теории — что предварительное знание может воздействовать на функционирование магии. Он доказал это в случае с Кэлен.

Ричард же очень хорошо понимал, о чем говорит Никки, даже если она и сама отчасти блуждала в потемках. И потому, зная о подобных вещах по собственному опыту, он ощутил истинную тяжесть ситуации. Он понял, что точно так же, как его предварительное знание о решении проблемы любви Исповедницы уничтожило бы в итоге само это решение, так и предварительное знание Кэлен о глубокой эмоциональной связи между ними сделает невозможным воздействие на нее Одена.

И это была не просто теория, придуманная волшебниками, создававшими Оден. Это была истина: предварительное знание портит стерильное поле. Уж кто-кто, а Ричард постиг эту концепцию на личном опыте.

Понимать сердцем, и в то же время полностью осознавать, что он не может позволить Кэлен узнать про существовавшую когда-то между ними любовь, — это стягивало его внутренности в тугую клубок. Хотя в данный момент это было делом будущего, одной из тех проблем, которые, как он искренне надеялся, ему удастся разрешить. Ему предстояло еще очень много выяснить, чтобы хоть немного приблизиться к самому решению.

В результате прочтения множества исторических описаний, найденных в этой библиотеке и в тех книгах, которые отыскиали сестры, относящихся к периоду перед великой войной, Никки удалось сформировать теорию относительно его дара и относительно того, как такой дар работает. По ее мнению, не имело большого значения, что Ричард стал взрослым, так и не получив глубоких знаний относительно магии, вовсе не это затрудняло ему управление своими способностями. Важно было то, что дар боевого чародея на са-

мом деле приводился в действие совершенно иначе, не как дар волшебника или волшебницы. Сила Ричарда, объясняла она, не просто используется, а работает через его чувства, в значительной степени таким же образом, как действует и Меч Истины.

В этом смысле Меч Истины оказался чем-то типа учебника, описывающего, как работают собственные способности Ричарда. Меч действовал в соответствии с убеждениями того, кто им пользовался. Он не мог причинить вреда тому, кого его владелец считал другом, но мог уничтожить любого, кто считался врагом. Реальное положение дел не имело значения, именно то, что, по убеждению владельца, было истинным, то и управляло магией меча. Это очень важная концепция, лежащая в основе применения и меча, и дара Ричарда, как боевого чародея.

Чувства, эмоции — это внутренние итоги того, что человек накапливает, наблюдает, испытывает и усваивает на протяжении жизни, и все это перерабатывается и выплескивается в один миг: внутренняя жизненная позиция проявляется как эмоция. Однако это не означает, что результирующие суждения правильны сами по себе. Так же, как и в ситуации с мечом, дар Ричарда действовал в связке с его жизненными ценностями. На рассудок возложено отбирать допустимые значения и обеспечивать разумные основания, чтобы делать эмоции не только искренними, но и нравственными.

Вот почему так важно, чтобы Меч Истины находился в руках подходящего человека. Этот человек должен быть таким, кто обладает способностью делать выводы на основании достаточно веских причин.

Подобно мечу, и дар Ричарда приводился в действие яростью. По сути, ярость есть проекция жизненных ценностей на то, что является угрозой для них. Таким образом, его дар запалялся его яростью при любой угрозе тому, что он высоко ценил — например, тем, кого он лю-

бил, или даже самой ценности человеческой жизни как таковой.

Никки сказала ему, что, насколько она поняла, он может никогда не научиться управлять напрямую своей способностью, как это делают другие обладающие даром. Она объяснила, что, по ее мнению, причина этого в том, что дар боевого чародея в корне другой и служит совершенно другим целям, чем, например, дар исцелителя или пророка. Смыслом всего, что она изучила, было то, что ярость — ключевой элемент в природе самих способностей боевого чародея. В конце концов, война, строго говоря, случается не по причине воодушевления или страсти к завоеваниям, а всего лишь бывает ответом на угрозу ценностям.

Однако для Ричарда самым ближайшим делом было изучить, как использовать силу Одена, чтобы полностью обратить заклинание Огненной Цепи.

Никки была шокирована, увидев знаки и символы, которые Ричард изобразил на себе самом и на других людях из своей команды. Она осознала и то, что он объединил знакомые элементы в совершенно новые формы. Но она еще хотела знать, как ему удалось вплести в это элементы, относящихся к Одену.

Ричард объяснил, что пришел к заключению, что некоторые части заклинаний, которые Даркен Рал начертил, чтобы открыть шкатулки Одена, были также и частью танца со смертью, а он очень хорошо знал символы, относящиеся к танцу со смертью.

В каком-то смысле такая ассоциация была оправданной. Зедд как-то говорил ему, что сила Одена есть сила самой жизни. Танец со смертью, исполняемый с Мечом Истины, практически представлял собой защиту жизни, а сам Оден был экстрактом силы жизни и предназначен в первую очередь для защиты жизни от буйства заклинания Огненной Цепи.

В каком-то смысле Меч Истины, способности боевого чародея и сила Одена были очень тесно и сложно взаимосвязаны.

Эта взаимосвязь напомнила Ричарду о Первом волшебнике Барахе, человеке, который тысячи лет назад написал специально для него книгу «Тайна могущества боевого чародея». Эта книга предположительно должна помочь ему в его свершениях. И она все еще спрятана в Тамаранге, где Ричард оставил ее, когда Сикс короткое время держала его как пленника. Ричард знал, что Зедд отправился туда, чтобы посмотреть, сможет ли он снять с Ричарда заклятье, нарисованное в этих проклятых пещерах Тамаранга. А поскольку дар Ричарда вернулся, то очевидно, что его дед добился успеха.

Теперь, когда Ричард вновь обрел доступ к своему дару, он помнил каждое слово из «Книги сочтенных теней». Никки была убеждена, и убедила Ричарда, что книга, которую он заучил, скорее всего лишь фальшивая копия, которую нельзя использовать для открытия правильной шкатулки Одена.

Однако она считала, что даже будучи фальшивой копией, книга, скорее всего, содержала все или почти все элементы, необходимые для открытия и приведения в действие нужной шкатулки Одена. Чтобы сделать копию, которую запомнил Ричард, фальшивой, достаточно было всего лишь нарушить порядок элементов, но это не означает, что сами элементы неверны и вследствие этого не являются важными и необходимыми.

С этой целью Ричард пересказал для нее вслух целиком всю книгу. Они сделали заметки по каждому упомянутому в ней элементу. Если он выучит, как создать или начертить каждый из этих элементов, то затем, когда в их руки попадет истинная копия «Книги сочтенных теней», он сможет просто использовать эти компоненты, которые все равно необходимы при расстановке их в надлежащем

порядке, в соответствии с тем, как указывает истинная копия книги.

Применяя такой подход к делу, Никки теперь знала, чему ей следует научить его. И Ричард ушел по этому пути уже дальше, чем она могла представить, потому что он уже понял многие из необходимых ключевых элементов. Он уже знал великое множество базовых частей, используемых для построения заклинаний. Фактически он даже изображал их на себе и на всей своей команде. Танец со смертью уже научил его самым основным из этих знаков, и теперь они воспринимались им почти интуитивно.

Ричард обнаружил, что рисование форм заклинаний по сути есть естественное продолжение не только того, как применяются символы в танце со смертью, но и того, как он работает с клинком в бою и как вырезает фигурки. В своей основе все эти, казалось бы, различные вещи почти совпадали.

Для Ричарда было удивительно открыть, как все это соответствует друг к другу, составляя картину большего масштаба. Когда он рисовал формы заклинаний, которым его учила Никки, это не казалось ему сколько-нибудь затруднительным, а ощущалось простым и естественным. Он уже знал эти движения. Он узнавал в этих формах не только танец со смертью, но и движения клинка, как во время сражения, так и в процессе резьбы фигурок.

Никки тоже была особенным учителем, потому что понимала не только то, как много знает Ричард о своих разнообразных способностях, но и то, как он использует их. Она подмечала его видение использования магии. Она понимала, как это отличается от традиционного подхода, и не считала ни в малейшей степени затруднительным подстраиваться под то, каким образом он воспринимает подобные вещи. И это, как ничто другое, поддерживало ее собственный интерес к этому.

Она, кроме того, постигла и его концепцию творческого аспекта самой магии, и потому не пыталась поправлять его в том, что он делал, а, наоборот, вела по пути к необходимому завершению процесса. Она не просто сваливала в кучу разную информацию для запоминания, но выстраивала то, что он уже знал, в соответствии с его восприятием этих вещей. Поскольку она интуитивно ощущала, что он уже уловил все сам и своим особым способом, она не тратила время на подробные разъяснения того, что он уже понял, а вместо этого помогала ему рассмотреть дополнительно то, что его интересовало, в том месте и в то время, где и когда он обратился на это внимание.

Никки неторопливо подошла к столу.

— Как идут дела?

Ричард зевнул.

— Я уже ничего не воспринимаю. У меня сплошная путаница в голове.

Никки рассеянно кивнула, продолжая что-то читать в книге, которую держала в руках.

— То, что ты считаешь путаницей, означает лишь, что сознание внутри тебя только начало создавать ассоциации и связи, организуя в надлежащем порядке все то, что ты добавил к своим знаниям.

Ричард вздохнул

— Возможно, и так.

Никки захлопнула книгу и бросила ее на стол.

— Здесь есть кое-что полезное. Тебе нужно взглянуть на это.

— Не думаю, что смогу прочитать хоть что-то прямо сейчас.

— Хорошо, — сказала она и указала на ручку, покоившуюся на подставке сбоку. — Тогда нарисуй. Тебе необходимо зарисовать элементы из книги, которую ты только что закончил читать. Если настоящая «Книга сотенных теней» имеет подобные элементы, ты меньше

затратишь потом на это времени, которого будет не хватать.

Ричард хотел было поспорить с ней, сказать, что очень устал, но тут же подумал о Кэлен. В этом свете слабость стала неуместной. И, кроме того, он согласился, чтобы Никки его обучала, а он не только механически делал то, что она укажет, но и прилагал свои усилия.

Она была волшебницей, обладающей бесценными знаниями, опытом и способностями, о которой даже Зедд отзывался с изумлением. Верна как-то отвела его в сторону и посоветовала повнимательнее прислушиваться к тому, что говорит Никки, поскольку она во многих областях гораздо способнее, чем любой из них. Ричард знал, что она дает ему единственную реальную возможность изучить то, что ему требовалось. И он не собирался упускать эту возможность.

Он придвинул к себе лист бумаги, затем опустил ручку в чернила. Чуть склонившись к столу, начал рисовать формулы заклинаний из лежавшей неподалеку открытой книги.

Одной из серьезных проблем, которую они до сих пор не знали, как решить, был вопрос о магическом песке. Согласно «Книге сочтенных теней», которую он помнил наизусть, формы заклинаний, требуемых для того, чтобы открыть правильную шкатулку Одена, должны быть изображены на магическом песке. Никки уверяла, что хотя книга, которую он запомнил, и была фальшивой копией, требование рисовать эти изображения на магическом песке, когда настанет время, было безусловно верным. Какие бы заклинания ни потребовались на самом деле, они просто не будут работать без этого песка.

Ричард рассказал ей о том, что, когда Даркен Рал открыл шкатулку Одена, он провалился в преисподнюю — со всем тем магическим песком, который использовал, чтобы изображать заклинания. В Саду Жизни больше не было

этого столь ценного антуража. На том месте, где лежал магический песок, осталась лишь одна земля.

Никки оторвала взгляд от книги, которую сейчас листала.

— Здесь есть некоторые сведения о Храме Ветров.

Ричард поднял глаза.

— В самом деле?

Она кивнула.

— Знаешь, меня несколько сбивает с толку твой рассказ о том, как ты пересекал царство мертвых, чтобы попасть в этот храм.

Это, как ему казалось, произошло во время вспышки молнии, и он просто пересек дорогу, пока ее было видно.

— Очень жаль, Никки, но относительно этого предмета я рассказал тебе все, что знаю.

— Согласно написанному здесь и тому, что ты рассказывал мне на основе прочтения многих старинных книг, Храм Ветров был отправлен в преисподнюю. Поскольку это было сделано ради его защиты, теперь он пребывает где-то далеко, за великой пустотой. Цель заключалась в том, чтобы отдалить его и затруднить к нему доступ.

— Но он оказался прямо передо мной, когда я выполнил соответствующие условия. Я сделал шаг — и оказался прямо в храме.

Она рассеянно кивнула, продолжая читать книгу и ходить по комнате. Наконец она остановилась, выражая беспокойство.

— И все-таки в этом нет смысла. Невозможно попасть отсюда туда, не пересекая царство мертвых. Но пересечь пустоту преисподней — это как пересечь океан. Ты словно бы подошел к берегу и шагнул на остров, находящийся на другой стороне мира, не путешествуя по лежащему на пути океану.

— Может быть, Храм Ветров вовсе не в глубине преисподней. Может, он подобен острову, отделенному океаном, но расположенному совсем рядом с берегом.

Никки покачала головой.

— Не годится ни это, ни то, что ты говорил мне. Все источники свидетельствуют о том, что, для того чтобы отправить храм в безопасное место, его отправили через преисподнюю... скорее подобно тому, как отправили бы его на другой конец вселенной.

— Лорд Рал, — раздался из-за дверей голос КАРЫ.

Ричард снова зевнул.

— В чем дело, Кара?

— Здесь со мной несколько человек, которые хотят увидеть вас.

Как ни хотелось Ричарду отдохнуть, он не собирался делать перерыва. Ему нужно еще многое выучить, если он собирается обрести возможность вернуть назад Кэлен.

— Похоже, это очень важно, — добавила Кара, когда увидела нерешительность на его лице.

— Хорошо, тогда приведи их сюда.

Кара ввела в комнату группу из шести человек в белоснежных мантиях. В относительно темной библиотеке эти фигуры в белом напоминали добрых духов. Они все остановились по другую сторону массивного стола из красного дерева и смотрели на Ричарда скорее как люди, боящиеся наказания, нежели люди, желающие видеть его.

Ричард перевел взгляд с шестерых испуганных людей, среди которых было пятеро мужчин и одна женщина, на Кару.

— Это те самые служители подземелья, — сказала она.

— Служители подземелья?

— Да, Лорд Рал. Они заботятся о гробницах и тому подобном.

Ричард снова посмотрел на их лица. Они все избегали его взгляда, уставившись в пол, и оставались безмолвными.

— Да, я помню, что видел некоторых из вас при своем возвращении сюда — когда у нас здесь было сражение с солдатами Имперского Ордена.

Он не мог даже вообразить, сколько труда от них потребовалось, чтобы вычистить без следа ту ужасающую грязь и убрать беспорядок. Тела убитых солдат Ордена он приказал сбросить с плато — у них здесь были более важные дела, чем беспокоиться о захоронении останков убийц.

Вошедшие слегка поклонились.

— Так что вы хотели рассказать мне?

Кара замахала на него рукой, имея в виду, что не следует обращаться к ним с подобными вопросами.

— Они все немые, Лорд Рал.

Ричард, откидываясь в кресле, сделал жест рукой, в которой держал перо.

— Все вы?

Все шестеро согласно кивнули.

— Даркен Рал отрезал языки всем служителям подземелья, чтобы они не могли говорить дурного про его отца.

Ричард вздохнул, услышав столь ужасающую историю.

— Мне очень жаль, что с вами обошлись столь жестоко. Если это вас успокоит, могу сказать, что разделяю ваши чувства к этому человеку.

Кара улыбнулась, оглядывая своих шестерых подопечных.

— Я рассказала им о вашей роли в его смерти.

Шестеро слабо улыбнулись и кивнули.

— Итак, в чем же дело? Не можете ли вы мне понять, что хотите сообщить? — спросил он этих шестерых.

Один из них вышел вперед и осторожно положил на стол свернутый лоскут девственно белой ткани. Затем подвинул его к Ричарду.

Когда Ричард потянулся к свертку, капля чернил с его ручки упала на белую ткань.

— Прошу прощения, — пробормотал он, откладывая ручку в сторону.

Он пододвинул ткань поближе к себе. Затем поднял глаза на этих шестерых.

— Итак, что же это?

Они не сделали никаких попыток объяснить, и он посмотрел на Кару. Та лишь пожала плечами.

— Они очень настаивали, чтобы ты увидел это.

Один из них сделал жест, разворачивая перед собой горизонтально ладони, как будто раскрывается книга, затем повторил это движение.

— Вы хотите, чтобы я открыл это?

Все шестеро кивнули.

Сверток не выглядел так, будто внутри него что-то есть, и Ричард начал осторожно разворачивать на столе сложенную ткань. Никки, стоявшая рядом с этими шестерыми, склонилась над столом, наблюдая.

Когда Ричард отвернул последнюю складку, в центре этого куска ткани блеснула единственная гранула белого песка.

Он резко поднял глаза.

— Где вы это взяли?

Все шестеро указали вниз.

— Добрые духи, — только и прошептала Никки.

— Что? — спросила Кара, наклоняясь вперед, чтобы посмотреть на единственную гранулу белого песка, устроившуюся в центре куска ткани. — Что это?

Ричард поднял глаза на морд-сита.

— Магический песок.

Эти люди были из служителей подземелья, и это должно означать, что они нашли песок где-то там. Крупица магического песка поблескивала призматическим светом, но Ричарда все же удивило, что они нашли-таки одну эту песчинку.

Ему было интересно, где они обнаружили ее... и есть ли там еще такой песок?

— Можете показать мне, где вы нашли это?

Все шестеро решительно кивнули.

Ричард осторожно обернул частицу песка тканью, заметив при этом, что упавшая капля чернил оставила два идентичных пятна на противоположных краях ткани, поскольку в тот момент ткань была сложена. Когда ткань снова оказалась сложена, эти пятна совместились, но при развернутой ткани два пятна оказывались строго на противоположных краях.

Он несколько секунд задумчиво разглядывал это.

— Идемте, — наконец сказал он, заталкивая свернутую ткань в карман. — Отведите меня туда.

Глава 48

Ричард перешагнул через оплывший белый камень, входя в гробницу Паниза Рала. Служители подземелья остались ожидать его снаружи, в коридоре. Они настояли, чтобы сначала Ричард вошел туда один, — хотели, чтобы он посетил гробницу, прежде чем они отважатся войти туда. В конце концов, это гробница его деда. Это были люди, живущие и умирающие по непостижимым правилам, введенным прежним Лордом Ралом при посещениях своих почтенных предков.

Тем не менее Ричард сохранял свое почтение к тем, кто заслуживал этого. Паниз Рал был тираном с амбициями завоевателя, несколько отличающимися от тех, что были присущи его сыну, Даркену Ралу. Паниз Рал, возможно, и не достиг того уровня зла и порока, который был свойственен его сыну, но вовсе не из-за недостатка попыток.

Во время войны, которую Паниз Рал начал против соседних земель, Зедд, еще молодой, был среди тех, кто возглавлял людей, борющихся против д'харнанской агрессии. В итоге же всего этого Зедд, действуя в качестве Первого волшебника, убил Паниза Рала и воздвиг границы, которые большую часть жизни Ричарда отторгали земли Д'Хары.

Хотя очень многие в отношении этих завоевательных устремлений поддерживали Паниза Рала, Зедд не хотел убивать многих обитателей земель Д'Хары. Ведь все-таки значительная их часть были просто жертвами тирании; имея несчастье родиться под властью тирании, нельзя считаться умышленно содействующими ей. Так что, вместо того чтобы убивать жителей Д'Хары, Зедд возвел границы.

По его словам, тем самым он оставил их страдать от последствий собственных деяний, и что это самое худшее наказание, какое он мог на них наложить. Однако это же давало им и шанс произвести изменения и исправить собственную жизнь. Но эти границы не позволяли им продолжать агрессию против соседей.

Эти условия действовали бы, и Ричард продолжал бы мирно жить в Вестландии, не окажись те границы разрушены. Даркен Рал способствовал их разрушению, путешествуя в обход их через преисподнюю. Хотя не окажись границы в конце концов уничтожены, Ричард не повстречал бы Кэлен. А Кэлен сделала его жизнь в высшей степени осмысленной. Она стала его жизнью.

Ричард припомнил, как оно было годы назад: вскоре после того как Даркен Рал открыл шкатулки Одена и оказался уничтожен высвобожденной при этом силой, кто-то из персонала дворца пришел и сообщил Зедду, что гробница Паниза Рала начала оплывать. Тогда Зедд приказал использовать особый белый камень, чтобы оградить гробницу, прежде чем это распространится на весь дворец.

Временное сооружение из белого камня, закрывающее вход в эту гробницу, с тех пор в значительной мере тоже оплыло, а странные явления внутри гробницы лишь нарастали. Стены начали перекашиваться, из-за чего куски розового гранита смещались друг относительно друга, нарушая прежде ровную поверхность. Снаружи, в коридоре, стык между потолком и стенами начал расходиться из-за деформаций внутри самой комнаты. Если это не остановить, то, похоже, искривления несущих стен будут продолжаться, и в конечном счете вся эта часть дворца начнет рушиться.

Ричард огляделся вокруг, делая оценку увиденному, пока пересекал комнату. Свет пятидесяти семи факелов отражался от покрытого золотом гроба его деда, установленного на пьедестале, что создавало не только свечение в самом центре напоминающей пещеру комнаты, но и впечатление, что гроб парит над беломраморным полом. Надписи были вырезаны на боках гроба и тянулись вдоль гранитных стен по всей комнате.

— Ненавижу розовое, — пробормотала себе под нос Никки, оглядывая полированный гранит стен и куполообразного потолка.

— Есть хоть какая-то идея, почему оплывают эти стены? — спросил Ричард у Никки, пока она медленно обходила комнату, тщательно изучая все вокруг.

— Вот это-то меня и пугает, — сказала Никки.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Ричард, пытаясь читать древнедхарнианские тексты, вырезанные на гранитных стенах.

— Верна сказала мне, что, когда я прибыла во дворец как раз перед тем, как меня захватили, до того, как я отправилась к этому месту вместе с Энн, я сказала Верне, что знаю, почему здесь оплаваются стены.

Ричард оглянулся на нее через плечо.

— И почему же они это делают?

Никки казалась страшно смущенной и обеспокоенной.

— Не знаю. Я не помню.

— Не помнишь что?

— Ни того, для чего я шла сюда, ни того, почему оплавляются эти стены. Я спросила Верну, не помнит ли она, может, я что-то могла сказать на этот счет, но она сказала, что нет.

Ричард провел пальцем по поверхности гроба своего деда.

— Огненная Цепь.

Никки подняла глаза, еще более обеспокоенная.

— Ты действительно думаешь, что причина в ней?

— Ты не помнишь ничего из этого?

Она покачала головой.

— Нет. Не помню даже, говорила ли Верне, что знаю причину этой проблемы, но что еще хуже, я не помню даже того, почему здесь оплавляются стены. Как я могла забыть что-то настолько важное?

Ричард несколько секунд смотрел в ее испуганные голубые глаза.

— Не уверен, что ты смогла бы забыть при нормальном ходе вещей.

— Это может означать лишь то, что воздействие Огненной Цепи расширилось.

— Это загрязнение, — сказал Ричард тихим голосом.

— Если это действительно так, значит, произошедшее связано с нашими попытками дать обратный ход Огненной Цепи. Загрязнение от гармоний стирает память, чтобы защитить себя.

От такого пугающего вывода Ричард в замешательстве замолчал. Он понимал, что в этом есть определенный смысл. Сейчас его беспокоило не только то, что Джегань идет на шаг впереди него, но и то, что загрязнение Огненной Цепи способно защищать само себя от воздействий.

Влияние такого рода не требовало наличия сознания, чтобы реагировать, защищая себя, и продолжать заниматься своей работой. Для гармоний самым важным делом было уничтожение магии. Загрязнение, которое они оставили после себя, как раз и было их методом свершения этого дела, и подобные способы влияния были, скорее всего, их неотъемлемой частью, так же, как являются средствами самозащиты шипы на кустах или деревьях. Наличие шипов не означает, что дерево способно думать, как ему лучше причинить неприятности тому, кто проходит мимо; это всего лишь его неотъемлемое средство защиты себя, с тем чтобы оно могло продолжать существовать.

— Мы должны обратить вспять Огненную Цепь, или она будет разрастаться все больше и больше, — сказал наконец Ричард, обращаясь к Никки. — Пройдет совсем немного времени, и мы забудем даже то, что собирались ее остановить. Для этого необходимо привести в действие силу Одена, чтобы она оказала ей противодействие, пока не слишком поздно.

— Чтобы сделать это, нам нужны шкатулки Одена, — напомнила она ему.

— Ну да, двумя обладает Джегань, а третья шкатулка у ведьмы. Каким-то образом нам надо получить их назад.

— Поскольку Сикс выполняет просьбу Джеганя и нападает на наши войска в Древнем мире, думаю, нам следует предположить, что она намерена передать ему и третью шкатулку.

Ричард проследил пальцем письменную вязь на гробе Паниза Рала.

— Думаю, ты права. Всего лишь вопрос времени, когда Джегань получит все три шкатулки, если это еще не случилось.

— Однако у нас есть то, что им необходимо, — сказала Никки.

— У нас? Что же?

— Сад Жизни. С момента начала перевода «Книги Жизни» я постепенно иначе стала смотреть на Сад Жизни. Эта книга подтвердила ряд заключений, к которым я уже склонялась раньше, после того как в прошлый раз видела этот сад.

Теперь я воспринимаю Сад Жизни через концепцию магии Одена. Я изучила расположение самого помещения, размещение света в нем, углы в соответствии с различными звездными картами, а также как относительно него движутся солнце и луна. Кроме того, я проанализировала зону внутри этого помещения, где должны создаваться заклинания, относящиеся к Одну, и ее особое расположение по отношению к другим элементам.

Ричард был заинтригован.

— Ты хочешь сказать, что действительно думаешь, что Сад Жизни необходим, чтобы открыть именно правильную шкатулку?

Никки пожала плечами.

— Если только он не захочет выстроить у себя точно такой же зал. Это, разумеется, не лежит за пределами возможного, но все элементы этого зала, собранные здесь вместе, подобраны весьма точно. И воссоздание такого помещения будет довольно сложным предприятием.

— Но тем не менее он способен создать нечто подобное?

— Ему понадобятся исходные эталоны и стандарты, на основании которых и делались планы для строительства Сада Жизни. Ему понадобится помощь не только волшебниц, но и волшебников. Наверняка этого нет у него под рукой, и ему придется изучать Сад Жизни, чтобы знать, как выстроить такой же новый. Наиболее практичным решением будет создать точную копию того, что сделано здесь, поскольку все необходимые условия здесь уже выполнены.

— Ну, если он будет способен оказаться здесь, чтобы сделать все замеры, то сможет и подавно просто воспользоваться этим местом.

Никки бросила на него взгляд.

— Совершенно верно.

Ричард вздохнул, осознавая, как далеко они были от истинных мотивов Джегания.

— Нечего и думать, он не собирается открывать шка-тулки раньше. Сначала ему нужно проникнуть сюда. Захват Народного Дворца всегда был лишь частью его более широкого плана. Все это время он точно знал, ради чего это совершает.

— Похоже, так и есть, — согласилась она.

Через открытый оплывший проход в гробницу вошла Бердина.

— Лорд Рал, вот вы где.

Ричард повернулся.

— В чем дело?

— Я нашла вот эту книгу, — сказала она, протягивая ее, пока продолжала идти через комнату, будто размахивание книгой все объясняло. — Она написана на древнед'хар-рианском. Когда я перевела кое-что из нее и поняла, что это, Верна велела отнести ее прямо тебе.

Никки взяла у Бердины книгу, которую морд-сит протянула ей. Она открыла ее и начала просматривать текст.

— Итак, о чем эта книга? — спросил Ричард Бердину.

— Это книга о людях, к которым относится Джиллиан. Точнее, о ее предках из города Касска.

— Насылатели снов... — прошептала самой себе Никки, листая книгу.

Ричард нахмурился.

— Что?

— Никки права, — сказала Бердина. — Это книга о том, как обитатели Касски использовали способность насы-
лать сны. Верна велела передать эту книгу тебе.

— Хорошо, спасибо.

— Ну а мне нужно возвращаться. Есть еще несколько книг, которые Верна хочет перевести. И не забывай, — сказала она, обернувшись через плечо, — мне нужно как-нибудь рассказать тебе о том, что я нашла для тебя еще раньше — насчет Бараха.

Ричард кивнул в ответ на короткую улыбку морд-сита.

Никки прижимала рукой книгу.

— Спасибо, Бердина. Как только закончим здесь, мы ознакомимся с нею.

Ричард подождал, пока Бердина покинет гробницу, затем указал рукой на надписи, вырезанные на стенах.

— Все это выглядит довольно тревожным. К чему относятся написанные здесь заклинания? Большинство элементов кажутся едва знакомыми.

— Так и должно быть, — таинственно ответила Никки. Она указала на одну из надписей на дальней стене. — Видишь, вон там? Это указания от отца к сыну, о путешествии в преисподнюю и возвращении обратно.

— Ты хочешь сказать, что Паниз Рал хотел передать эти заклинания Даркену Ралу, и потому они были вырезаны на стенах его гробницы?

— Нет, — сказала Никки, покачивая головой. — Я уверена, что эти заклинания передавались через целые поколения Дома Ралов — от отца к его обладающему даром потомку, который будет следующим Лордом Ралом. От каждого отца к его сыну. Это, в каком-то смысле, часть твоего наследства.

Такая мысль ошеломила Ричарда.

— Насколько древние, по-твоему, эти заклинания? И какое отношение имеют к преисподней?

— Из построения этих заклинаний я могу сделать вывод, что они существуют со времен создания самого Одена. — Никки обернулась, бросив взгляд краем глаза. — Уверена, эти заклинания необходимы для использования силы Одена.

Ричард повернулся к ней.

— Для чего?

— Ну, из того, что я читала в книгах, которые толкуют Оден подобно «Книге Жизни», и в некоторых других книгах по оденической теории, я могу сделать вывод, что цель их применения напрямую связана с решением проблемы того, как используется магия Ущерб в работе Огненной Цепи.

— Ты имеешь в виду исчезновение памяти?

Никки кивнула.

— Почему остальные из нас не могут помнить Кэлен? Почему она не может вспомнить, кем была? Почему мы не можем воспользоваться своим даром, чтобы исправить память людей, забывших Кэлен, или исправить память самой Кэлен? Почему наш дар не может восстанавливать эти памяти?

Ричард вновь узнал в Никки учителя, задающего своему студенту вопрос и требующего от него дать самостоятельный ответ. Он был более чем знаком с подобной методикой. Зедд использовал ее применительно к Ричарду всю его жизнь.

— Потому что воспоминания уже исчезли. Потому что нечего восстанавливать.

— И каким же образом они оказались изъяты? — спросила Никки, вопросительно вскидывая бровь.

Ричард счел это очевидным.

— Через магию Ущерб.

Никки лишь пристально посмотрела на него, будто ожидала большего.

И тут его осенило.

— Добрые духи, — прошептал он. — Магия Ущерб — это магия преисподней. — Он приблизился к ней. — Ты говоришь, что для того, чтобы действительно правильно использовать силу Одена, просто необходимо отправиться в преисподнюю, потому что то, что было извлечено с

помощью магии Ущерба, может быть восстановлено только там?

— Если требуется восстановить воспоминания — должно существовать то зерно, из которого они вырастут. Память, которая есть у тебя о ней, это твоя память, а не потерянная память Кэлен, не память Зедда, не память Кары... и вообще ничья, кроме как твоя. Сущность, истинный смысл потери ими памяти — исчезновение ее из этого мира. Она больше не существует. Во всяком случае, здесь.

Ричард боялся даже моргнуть.

— И та суть запомненного, которая забирается из разума жертв Огненной Цепью, забирается фактически посредством магии Ущерба. Так что если это похищенное и существует где-то, то существует оно только в преисподней.

Никки обвела рукой окружающие их слова, вырезанные на гранитных стенах и на поверхности гроба.

— В «Книге Жизни», которую Даркен Рал, несомненно, читал, приводя в действие шкатулки Одена, говорится, что часть процесса по приведению в действие сил Одена осуществляется именно в преисподней.

— Но что за память восстанавливал Даркен Рал, когда отправлялся в преисподнюю?

— Применение Одена требует совершения заранее предписанных шагов. Визит в преисподнюю есть один из шагов, которые необходимо выполнить в общей последовательности перед использованием силы Одена. — Она указала на стены. — Вот этих шагов.

— Но здесь просто указано, что требуется путешествие в преисподнюю. Почему не описывается цель этого путешествия?

— Цель такого путешествия заключается в восстановлении сути запомненного, но Оден не знает, что конкретно необходимо или кто объект Огненной Цепи, так что он только требует совершения необходимого шага. Нигде не указывается, что именно должно быть сделано там. Это

лишь инструмент для того, кто пытается обратить вспять Огненную Цепь. Указано только то, что это путешествие необходимо сделать.

Именно Бердина показала мне «Книгу Жизни». Она знала, где находится эта книга, потому что видела, как Даркен Рал пользовался ею. Он посещал преисподнюю. Вот эти надписи, что находятся здесь — части формулы для применения заклинаний, необходимых, чтобы сделать это.

— Но ведь Даркен Рал не пытался восстанавливать памяти, потерянные в результате действия Огненной Цепи.

Никки пожала плечами.

— Нет, он хотел использовать Оден, чтобы обрести его силу для себя. Только от него зависело, что он делал, коль скоро оказался там. Вероятно, он не понимал истинной цели путешествия в преисподнюю. Вероятно, предполагал, что это просто необходимый к исполнению шаг, часть крайне сложного ритуала.

Ричард провел пальцами по волосам, приглаживая их назад.

— Кэлен говорила мне, что он путешествовал через преисподнюю.

Никки снова указала на вырезанные надписи.

— А вот здесь — объяснение, как он это делал.

— И каким же образом мне совершить подобное?

— Согласно вот этому, ты не можешь сделать этого сам. Требуется проводник — но проводник, которого предпринимающий такое путешествие склонил на свою сторону и который полностью предан ему — даже в смерти.

— Добрый дух, которому я могу доверить свою жизнь?

Она кивнула, а затем указала на одно место в надписях.

— Видишь, вот здесь? Это заклинание для вызова проводника из преисподней, который должен прийти и проводить тебя туда, куда ты должен попасть.

Ощущая себя от такой мысли несколько неуютно, Ричард осмотрелся, еще раз оглядывая надписи. Он указал на одно место древнего письма, а затем на другое, на соседней стене.

— Посмотри на эти указания. Для этих заклинаний требуется магический песок.

— Так оно и есть. Возможно, нам лучше спросить служителей подземелья, где они нашли то песчаное зернышко, что лежит в твоём кармане.

Ошеломленный всем тем, что изучил и узнал за последнее время, Ричард почти забыл, зачем они пришли в эту гробницу.

— Ты права, — сказал Ричард и подал Каре знак привести в гробницу тех шестерых в белых одеждах.

Все шестеро торопливо последовали за ней, как цыплята за курицей. Ричард ждал, когда соберется весь выводок. Теперь они все в ожидании уставились на него.

— Вы сослужили очень большую службу, найдя это песчаное зернышко. Благодарю вас за то, что вы были так внимательны.

По тому, как они просияли, Ричард решил, что никогда прежде Лорд Рал не благодарил их.

Он осторожно опустил руку на плечо женщины.

— Можешь ли ты показать мне, где вы нашли ту песчинку, которую принесли?

Она взглянула на остальных, а затем опустилась на колени перед золотым гробом, стоящим посреди комнаты, и указала на пол под одним из углов гроба, возвышающегося на пьедестале в нескольких футах над полом. Затем поманила Ричарда пальцем.

Он опустился на колени рядом с ней и, как она, сунул голову под гроб. И тогда она указала ему рукой на угол днища гроба, который слегка отошел.

Ричард слегка ударил по этому углу основанием ладони. Некоторое количество песка высыпалось вниз, песчинки запрыгали по белому мраморному полу.

Ричард торопливо встал и обменялся с Никки испуганным взглядом.

— Дай мне свой топор, — окликнул он одного из воинов Первой когорты, охранявших комнату снаружи, в коридоре.

Тот немедленно просунул голову через оплывшее отверстие и торопливо протянул Ричарду топор.

Ричард с силой втиснул острое лезвие в место плотного соединения крышки с нижней частью гроба. Затем покачал лезвием, проталкивая его глубже. Едва он надавил на ручку топора, крышка начала подниматься, сползая вбок.

С помощью Никки он приоткрыл гроб. На его знак головой служители подземелья и солдаты приняли вес крышки от Ричарда и Никки на себя и отнесли ее в сторону.

Внутри гроб по самый край был заполнен магическим песком.

Все несколько секунд стояли, глядя на это. Свет факелов отражался от поверхности песка радужными искрами.

Ричард осторожно разгреб песок, и из-под него проглянул обуглившийся череп Паниза Рала, его деда, все еще несший на себе следы ожогов от волшебного огня, который Зедд, второй дед Ричарда, использовал, чтобы уничтожить тирана. Несколько капель этого жидкого огня брызнули и на молодого Даркена Рала, породив в нем жгучую ненависть к Зедду и ко всем остальным, кто сопротивлялся правлению Дома Ралов.

— Теперь я знаю, почему здесь оплывает камень, — сказала Никки. — Это наведенная реакция на магию Ущерба, которая использовалась при открывании шкатулки Одена в Саду Жизни.

Ричард посмотрел на нее.

— Стало быть, это просто отклик на применение поблизости столь специфической силы.

Кончиком пальца Никки очень аккуратно сбросила несколько песчинок назад, в гроб.

— Верно. Это место оказалось самым безопасным, какое смог найти Даркен Рал, чтобы хранить магический песок на тот случай, если тот понадобится ему. Он умер прежде, чем сумел воспользоваться этими запасами, так что песок оставался спрятанным здесь все последующие годы. Но он все еще остается «горячим» от воздействия той силы. Вот почему эта комната начала оплывать. Это место не имеет надлежащего сдерживающего поля для хранения этого.

— Неужели... А Сад Жизни сделан так, что служит сдерживающим полем для подобных сил?

Никки прищурилась, глядя на него так, будто он только что предположил, что вода — мокрая, как... вода.

— Разумеется.

— Тогда нам необходимо переместить этот песок в Сад Жизни.

Никки кивнула.

— Верна и ее сестры могут все это сделать с помощью Натана. Они способны переместить его, не притрагиваясь. — Никки с настойчивостью взяла его за руку. — Теперь, когда у нас есть магический песок, на котором можно чертить заклинания, нам необходимо продолжить наши занятия. Возможно, у нас в запасе мало времени.

— Я не спую. Идем.

Глава 49

— Ничего не чувствую, — сказал Ричард.

Сидя на гребне белого камня, разрывающего кольцо травы, окружающей рассыпанный магической песок, он

взглянул на Никки, стоявшую позади него, сложив руки, и наблюдавшую за тем, как он чертит заклинания.

— Так и не предполагалось, что ты будешь что-то чувствовать. Ведь ты создаешь заклинания, а не занимаешься любовью с женщиной.

— Ну, я думал, что должен... ну не знаю.

— Впадать в экстаз?

— Нет, я имел в виду, что мог бы ощутить какую-то связь с моим даром, какие-то ощущения в нервах или даже видения... или что-то еще.

Ее голубые глаза обстоятельно изучали самые последние начерченные им составные части заклинания.

— Некоторые любят примешивать элемент эмоций, когда чертят формы заклинаний, потому что им нравится ощущать темп, с которым бьется их сердце, как напрягается живот или мурашки ползут по коже — вещи такого вот сорта, — но это совсем не обязательно. Всего лишь показное позерство. Просто такие люди полагают, что должны стонать и раскачиваться, когда занимаются подобным. — Ее глаза обратились к нему, бровь насмешливо выгнулась. — Если хочешь, могу показать тебе, как. Это может сделать долгую ночь немного менее скучной.

Ричард знал, что она просто рассказывала ему реальности того, что он делал, заставляя его почувствовать глупость суеверий в отношении того, чему она пыталась учить его и что было весьма строгой методикой. Это было разнообразием того способа обучения, которым обычно пользовался Зедд, — такой урок, который окажется запоминающимся, в отличие от легко забываемого маловнятного ответа.

— Некоторые любят вычерчивать формы заклинания голышом, — добавила она.

— Нет уж, спасибо. — Ричард откашлялся. — Я могу обойтись без стонов и без излишних сердцебиений, не говоря уже о мурашках или рисовании голышом.

— Я о тебе так и думала. Потому и не предлагала никогда оживить работу подобным образом. — Она указала в сторону рисунков на песке. — Ощущаешь ли ты что-либо или нет, твой дар способствует тому, чтобы здесь проявлялась твоя сущность. Благодаря тому что ты вносишь в формы заклинаний верные элементы, соединяешь их в надлежащем порядке и добавляешь их в правильной последовательности — они и делают то, что должны делать. Тем не менее, не беспокойся, нам еще предстоит изучить кое-что, что придется вычерчивать голышом, — добавила она.

Ричард знал о таких формах заклинаний. Он старался не задумываться об этом — во всяком случае, пока до них дело не дошло.

Никки вскинула голову, критически разглядывая проведенные им расходящиеся под углом сдвоенные линии.

— Эта работа напоминает приготовление хлеба. Если ты смешаешь то, что следует, и сделаешь это правильным образом, в результате получишь такое тесто, какое и предполагалось получить. Переживать и плясать для этого не обязательно, ведь это не поможет тесту подняться, а хлебу испечься.

— Угу, — лишь сказал Ричард, вновь водя пальцем по магическому песку, прочерчивая элемент в виде дуги. — Все почти как с хлебом. За исключением того, что если ты приготовишь неправильно, это может убить тебя.

— Ну, у меня бывал и хлеб, который мог меня убить, — рассеянно пробормотала она, продолжая внимательно наблюдать за его работой, и все ее тело выгибалось так, будто она старалась помочь Ричарду провести кривую правильно.

Никки смогла воссоздать некоторые из тех элементов, что он сейчас рисовал, из книги, найденной Бердиной и принесенной, когда они посещали гробницу Паниза Рала. Некоторые из форм заклинаний в этой книге были непол-

ными и представлены схематически. В отношении других опыт и знания Никки оказались просто неоценимы, позволяя ей делать заключения о некоторых оставшихся нераскрытыми частях формул из одного лишь текста. И, таким образом, она реконструировала и воспроизвела все необходимое.

Ричард был обеспокоен тем, что в книге на самом деле не было изложено все, что требовалось для описываемых процессов, и что Никки могла сделать неправильный вывод. Она объяснила ему, что у них есть слишком много других вполне реальных вещей, о которых действительно следует беспокоиться, но что это конкретное дело не относится к ним.

Для Ричарда это была еще и практическая проверка, возможность применить то, что он изучал день и ночь, прежде чем вызывать проводника, который должен будет отвести его в царство мертвых. Разумеется, у них не было шкатулок, но поскольку шкатулки уже введены в действие, имелись подготовительные процедуры, которые могли быть выполнены и без них. Эти мероприятия, принимая во внимание их опасность, не были чем-то таким, что Ричард с удовольствием предвкушал, но у него не оставалось выбора. Если он хотел вернуть Кэлен, наряду со всем тем, что от него требовалось, то при этом существовало нечто, что ему просто необходимо сделать, независимо от того, насколько это опасно.

Его древний покровитель, Первый волшебник Барах, оставил множество подсказок, чтобы помочь ему. Теперь, когда Ричард вновь имел доступ к своему дару, ему нужна была та книга, которую Барах оставил для него, — «Тайна могущества боевого чародея». Если должно было настать то время, когда ему понадобится информация, которая могла содержаться в этой книге, то сейчас именно оно и было.

Эта книга, вместе со снаряжением боевого чародея, большая часть которого тоже принадлежала Баруху, была

спрятана в замке, в Тамаранге, городе возле дремучих лесов. К несчастью, именно там Ричард в последний раз видел Сикс, как раз перед тем, как Карг захватил его и забрал в лагерь Имперского Ордена.

Пока Ричард старательно рисовал формулы заклинаний, он с нетерпением предвкушал, что скоро император начнет терять сон, начнет ощущать напряжение и тревогу. Он уже довольно давно не испытывал неуверенности. Теперь пришло время Джеганю видеть ночные кошмары.

Как раз в этот момент сквозь стеклянную крышу высоко над ними Ричард смог расслышать резкое карканье. Он поднял глаза и увидел приятеля Джиллиан, ворона Локки, сидящего на раме за стеклом и поглядывающего на них. Ворон следовал высоко в небе за своим другом, Джиллиан, по всем местам ее плена, и с наслаждением пользовался изобилием отбросов в лагере Ордена. Локки, похоже, рассматривал все, обдумывал и учитывал массу встречающихся в жизни вещей как всего лишь странное развлечение.

Джиллиан знала, что Локки был там, но никогда не выдавала этого, чтобы кто-нибудь из стражей Джеганя не подбил его стрелой. Хотя Локки был осторожной птицей и исчезал всякий раз, когда кто-то замечал его. Джиллиан рассказывала, что несколько раз, выходя из шатра Джеганя, она видела ворона, летающего высоко в небе и выделяющего различные трюки, чтобы привлечь ее внимание.

Впрочем, находясь в плену у Джеганя, Джиллиан не очень-то радовалась трюкам своего приятеля-ворона. Она находилась в состоянии почти постоянного ужаса.

Несколько хлопьев снега собралось в углах освинцованного стекла. На фоне ночного неба чернильно-черная птица была почти невидима. Лишь иногда ее клюв и глаза, отражающие свет факелов, могли быть заметны, создавая впечатление какого-то призрака, наблюдающего за ними.

Время от времени ворон наклонял голову, будто тоже оценивал нудную работу Ричарда. А когда он взмахивал крыльями, чтобы исторгнуть хриплое карканье, проглядывавшая изредка между бегущих облаков луна отражалась от его глянцевого черного перьева.

Ворон нетерпеливо дожидался своей роли.

— Ты готова? — спросил Ричард, все еще занятый тем, что чертил линию на магическом песке.

Джиллиан нервно кивнула. Ради этого момента она и существовала.

Сидя в центре расчищенного для нее места среди магического песка с вычерченными вокруг заклинаниями, она выглядела очень серьезной и торжественной. Она знала, что это та самая роль, для которой дедушка выбрал ее и обучал. Она была жрица костей, что означало и способность рассылать сны, защищая людей своего племени.

Факелы, окружающие песок в центре лужайки, мягко шипели. Их пламя медленно колебалось в замершем воздухе. Темная полоса, пересекавшая лицо Джиллиан по линии ее медных глаз, предназначалась для того, чтобы скрыть ее от злых духов.

Как жрица костей, в данный момент она была на службе у Ричарда. Ричард, как Лорд Рал, был сейчас тем, кто помогал ей рассылать сны. Это была древняя форма связи между людьми ее племени, означавшая безмолвную защиту. Однако то, что они рассылали, не было снами в полном смысле этого слова.

Они рассылали ночные кошмары.

Люди племени Джиллиан происходили из города Каска. Она с детства училась, чтобы стать пересказчиком, то есть человеком, который пользуется уважением за свои знания, касающиеся древних времен, древнего наследия и традиций ее народа. Ее дедушка был именно пересказчиком, и он учил ее древнему знанию, традиционному древне-

му умению из их прошлого. И когда-то все это наследие перейдет к Джиллиан.

Ее предки, добрые люди, которые надеялись избежать конфликтов со всеми, кто селился в западных землях, насылали сны, чтобы удерживать как можно дальше потенциальные неприятности. Затем, как и сейчас, обстоятельства сложились так, что им пришлось снами отгонять двигавшиеся из Древнего мира орды на юг. В той великой войне они потерпели поражение и были почти все уничтожены.

Ричард и Никки внимательно выслушивали ее рассказы и все то, что знала Джиллиан про те далекие времена. Из этих рассказов, из книг и из его собственных знаний относящейся к этому истории Ричард выстроил картину произошедшего.

Большинство родственников Джиллиан погибли, но некоторые оказались захвачены в плен и попали к волшебникам Древнего мира, которым понадобилась их уникальная способность. Эти люди были использованы волшебниками как сырье для создания человеческого оружия. Посредством применения заклинаний волшебники сделали из этих пленников сноходцев — этих людей использовали не для того, чтобы насылать сны, а чтобы вторгаться в сны и заполнять их болезненным содержанием.

Теперь Джегань был единственным живущим сноходцем, живой связью с той великой войной, что происходила почти три тысячи лет назад, с той войной, которая разгорелась снова. Из того, что Ричард уже изучил, следовало, что сноходец вновь был рожден в их мире, потому что тайный агент врага проник в Храм Ветров и применил со злым умыслом ту магию, что была спрятана там ото всех. Волшебник Барах нашел ответ этому — он обеспечил, что Ричард будет рожден с обеими сторонами дара, чтобы противостоять этой угрозе. Люди из племени Джиллиан происходили из тех же корней, что и Джегань. Его предки когда-

то тоже были способны насылать сны, как и предки Джиллиан.

И вот теперь Джиллиан предстояло очередной раз, как жрице костей, осуществить свое древнее призвание по управлению снами, чтобы отогнать захватчиков, — но с некоторым отличием.

В давние времена предки Джиллиан во время той великой войны потерпели поражение. Но все рассказы, что знала Джиллиан, говорили о насылателях снов.

Ричард предполагал, что в этом и была причина поражения.

Теперь он, вместо этого, собирался насылать ночные кошмары.

— Помнишь ли ты какие-нибудь кошмары, которые способна воспроизвести? — негромко спросил он.

Медные глаза Джиллиан открылись, проявляясь на черноте нанесенной на ее лице темной полосы.

— Да, Отец Рал. До того, как появились эти жестокие люди из Древнего мира, у меня не было кошмаров. У меня были только сны. Я даже и не подозревала, что они действительно бывают. — Она сглотнула. — А теперь — да, я знаю, что такое кошмары.

— В один прекрасный день, Джиллиан, — сказал Ричард, наклонясь, чтобы нарисовать перед ней символ, обозначающий взрыв звезды, — я надеюсь, ты сможешь забыть, что такое кошмары, но как раз сейчас мне необходимо, чтобы ты на них тщательно сосредоточилась.

— Я обещаю, Лорд Рал. Но я слишком молода. Вы действительно уверены, что я смогу сбрасывать кошмары на всех этих людей?

Ричард заглянул ей в глаза.

— Эти люди пришли сюда убивать всех и все, что ты любишь. Ты придумашь кошмары, а Локки понесет их к тем людям, что находятся в лагере, внизу... Я это устрою.

Никки присела на корточки рядом с Ричардом.

— Джиллиан, не задумывайся о том, сколько людей находится там, внизу. Это не имеет значения. Честно. Куда отправится твой Локки, туда он понесет твои сны. Пока он будет летать над лагерем, ночные кошмары будут сыпаться с его черных крыльев, как ледяной дождь. Возможно, они коснутся не каждого, но это и неважно. Они коснутся великого множества, и этого будет вполне достаточно. — Никки указала рукой на формулы заклинаний, вычерченные перед девочкой. — Вся сила заключена в них, а не в тебе. Эти заклинания сделают всю работу, сея кошмары среди этих людей. Видишь вот это заклинание? — спросила Никки, указывая на петлю, которая замыкалась сама на себя. — Вот эта часть бесконечно умножает твой ночной кошмар, снова и снова.

— Боюсь, это потребует больших усилий, чем то, на что я способна.

Ричард с короткой улыбкой утешения потянулся и положил ладонь на руку Джиллиан.

— Но ведь я буду помогает тебе сбрасывать эти сны, запомнила? Ты должна только думать о них; а уж я буду сбрасывать их, как это нужно. Твоя способность вместе с моей силой сделают все это.

— Я вполне смогу думать о ночных кошмарах. — Затем она слабо улыбнулась. — И вы наверняка достаточно сильны, Лорд Рал. Думаю, в этом есть смысл. раз вы оба задумали это таким образом. Теперь я понимаю, зачем понадобилась вам, чтобы сбрасывать на них сны. И вот почему жрица костей должна была ждать вашего возвращения к нам.

Ричард похлопал ее по руке.

— И что еще тебе нужно запомнить — что после того, как Локки облетит лагерь, ты должна послать его в ту часть, где находится шатер Джеганя. Мы хотим охватить кошмарами как можно больше людей, но Джегань должен

быть в фокусе всех этих кошмаров, и для него будет тот особый сон, которым я хочу помучить его. Так что когда я шепну тебе, что пора Локки опуститься, ты думай о Джегане в его шатре. Вот это заклинание, вот здесь, — он указал на него, — направит Локки устроиться рядом с этим человеком. Когда я тебе дам знать, все, что ты должна сделать, это помнить про Джеганя и направить Локки к его шатру.

Джиллиан кивнула.

— Я помню этот ужасный шатер. — Ее медные глаза, обращенные к Никки, наполнились слезами. — И знаю достаточно много кошмаров, которые происходили там.

А наверху Локки каркал и хлопал крыльями, собираясь отправиться в путь с грузом ночных кошмаров.

Глава 50

Дженнсен вздрогнула, когда мускулистый страж вернул ее руку и толкнул ее через открытый вход в шатер. Она споткнулась, но сумела удержаться от падения. После поездки через лагерь при зимнем ярком солнечном свете она обнаружила, как плохо видит в темных императорских покоях, и прищурилась, ожидая, когда ее глаза привыкнут к тусклому освещению. С каждой стороны от себя она различала массивные силуэты стражей.

Дженнсен повернулась, услышав какой-то шум и возню за спиной, затем увидела, что те же самые здоровенные воины затолкали в этот же шатер Энсена, Оуэна и Мерили, жену Оуэна, как загоняют скот на бойню. Дженнсен не видела остальных за время их короткого путешествия на север. Большую часть пути у всех были заткнуты рты и завязаны глаза, чтобы создавать как можно меньше проблем

при переезде вместе с караваном, перевозящим различные вещи и припасы. У Дженнсен заломило сердце, когда она вновь увидела своих друзей, оказавшихся теперь в лапах столь злобных людей. Это казалось возвращением ночных кошмаров.

Чуть дальше, на другой стороне большого внутреннего пространства шатра, Дженнсен увидела императора Джеганя, сидящего за массивным столом и занятого едой. Дюжины свечей стояли с каждой стороны стола, придавая этой части комнаты вид алтаря внутри какого-то святилища. Рабы ожидали, выстроившись в ряд вдоль задней стены, как раз за спиной императора. Стол был заставлен изобилием блюд, вполне достаточным для банкета. Джегань, по всей видимости, ел в одиночестве.

Черные глаза императора уставились на Дженнсен, будто она была фазаном, которому он собирался свернуть голову, выпотрошить и зажарить для избранных гостей. Он поднял руку и двумя пальцами, блестящими от жира, сделал знак, чтобы она подошла ближе. Огромные кольца на его пальцах, а также длинные, украшенные драгоценными камнями цепи на шее поблескивали в свете свечей.

Дженнсен прошла по толстому ковру и остановилась перед столом императора; за ней следовали перепуганные Энсен, Оуэн и Мерили. Свечи в массивных подсвечниках выхватывали из темноты ветчину, домашнюю птицу, мясо и разного сорта соусы и приправы. Также на столе были орехи, фрукты и сыры самых разных сортов.

Не сводя с нее своего ужасного взгляда, Джегань двумя пальцами разломил грудку небольшой жареной птицы. В другой руке император держал серебряный кубок. Он откусил большой кусок мяса, затем запил его красным вином из кубка. Она знала, что это красное вино, потому что очень много его пролилось по сторонам рта, попав на руки и на овчинный жилет.

— Так-так, — сказал он, опуская кубок и ставя его на стол, — уж не младшая ли сестра Ричарда Рала явилась к нам с очередным визитом?

В прошлый раз, когда она подходила к императорскому столу, она была с Себастьяном. В тот раз она была гостем. В то время она не знала, что ее используют. С того дня она достаточно выросла.

— Проголодалась, дорогая?

Дженнсен действительно была голодна.

— Нет, — соврала она.

Джегань улыбнулся.

— Мне не нужно быть сноходцем, чтобы в точности знать, что ты врешь.

Дженнсен передернулась, как от боли, когда огромный кулак этого человека грохнул по столу. Тарелки подскочили. Бутылки свалились. Кубки расплескались. У троих людей, стоявших за ее спиной, сперло дыхание.

Джегань вскочил на ноги.

— Ненавижу, когда мне врут!

От его ярости Дженнсен пронзило внезапным страхом. Вены проступили на лбу Джеганя, лицо стало красным. Она подумала, что он может убить ее насмерть, одним ударом, прямо сейчас, тут, где она стоит.

Но прежде чем он дал выход своей ярости, в комнату упала полоса света. Через вход в шатер скользнули две женщины. Тяжелый шерстяной занавес сомкнулся, позволяя мраку вновь вступить в права.

Джегань переключил внимание с Дженнсен на этих двух женщин.

— Улисия, Эрминия, известно ли что-нибудь про Никки?

Эти двое, очевидно захваченные таким вопросом врасплох, обменялись быстрыми взглядами.

— Отвечай мне, Улисия! Я не в том настроении, чтобы играть в какие-то игры!

— Нет, ваше превосходительство, про Никки ничего неизвестно. — Женщина откашлялась. — Могу ли я спросить, ваше превосходительство, есть ли у вас причины считать, что она жива?

Джегань заметно охладел.

— Да. — Он вновь опустился на свой стул, отделанный искусной резьбой. — Я видел ее во сне.

— Связь с ее Рада-Хань исчезла. Но она никак не могла снять его без чьей-то помощи. Возможно, это всего лишь обычные сны.

— Она жива!

Сестра Улисия опустила голову в поклоне.

— Разумеется, ваше превосходительство. Вам лучше знать об этом.

Он потер лоб кончиками пальцев.

— Я плохо сплю в последнее время. Начинаю слабеть от просиживания в этом жалком месте, ожидая дальнейшего прогресса. Наверное, следует высечь людей, строящих пандус, за их медлительность. Я надеялся, что смертные казни после того мятежа заставят всех серьезней относиться к своим обязанностям. Ведь, в конце концов, это все для нашего общего дела. Возможно, если я сброшу с пандуса несколько ленивых рабочих, это заставит остальных работать быстрее.

— Ну, ваше превосходительство, — сказала сестра Улисия, выходя вперед, явно стараясь отвлечь его внимание от темных и жестоких мыслей, — у нас есть нечто, что заставит вас почувствовать себя гораздо лучше в отношении нашего общего прогресса.

Император резко поднял глаза, затем схватил со стола кубок и сделал большой глоток. Затем поставил кубок назад и ухватил окорок с большого блюда, стоявшего справа от него. Откусив от него кусок, он сделал знак рукой двум сестрам.

— И что же это?

— Среди множества книг, которые доставили сюда вместе с Дженнсен... Одна из них... особенно... Ну, ваше превосходительство, мы думаем, что вы должны посмотреть на нее сами.

Джегань снова начал проявлять нетерпение. Он взмахнул рукой.

Обе женщины, как по команде, бросились к нему. Сестра Эрминия протягивала книгу, одну из тех, что, как заметила Дженнсен, они вытащили из тайного хранилища на древнем кладбище.

— «Книга сочтенных теней», — сказала она.

Джегань посмотрел в глаза обоим женщинам, затем развел в стороны руки. Раб с полотенцем немедленно бросился к нему и начал вытирать руки императора. Джегань кивнул в сторону стола, и остальные рабы начали убирать тарелки и блюда, чтобы расчистить место на столе. Затем появилась молодая женщина, одежда которой открывала гораздо больше, чем закрывала, и начала вытирать деревянную столешницу.

Пока Джеганю все еще готовили руки, сестра Эрминия положила книгу перед императором. Он хлопнул по руке раба, отгоняя его назад, и обратился к книге. Он склонился, открыл обложку и начал просматривать текст.

— Ну, — сказал он наконец, перелистывая страницы, — и что вы думаете? Это настоящая копия или фальшивая?

— Это не копия, ваше превосходительство.

Он поднял глаза с хмурым видом, который, казалось, мог обернуться убийственным.

— Что значит «не копия»?

— Это оригинал, ваше превосходительство.

Джегань прищурился, словно не уверенный, что правильно расслышал. Затем откинулся назад на стуле и уставился на двух женщин.

— Оригинал?

Сестра Улисия подошла ближе, склонилась над столом и перелистала книгу на начало.

— Взгляните на это, вот сюда, ваше превосходительство. — Она постучала пальцем по этому месту. — Вот знак мастера-создателя. Это его печать, содержащая заклинание. свидетельствующее, что это оригинал.

— Ну так что? Может, это фальшивая печать.

Сестра Улисия покачала головой.

— Нет, ваше превосходительство. Нет, так не бывает. Записывая пророчество в книгу, пророк ставит такого рода знак перед началом письма, чтобы показать, что это оригинал, что это его работа и его собственная рука, а не копия.

У вас ведь есть множество книг с пророчествами. Ваше превосходительство, за парой исключений, они все копии с оригиналов. На большинстве вообще нет печати. Иногда человек, копирующий оригинал, ставит свой знак, с тем чтобы его работа была идентифицирована, и чтобы особо отметить, что она обозначена как копия. Но вот такая печать никогда не ставится на копиях. Это уникальный знак, который никогда не ставится на копии, а только на оригинале.

Этот знак мастера поставлен в виде заклинания. Именно так идентифицируют оригиналы. Это есть оригинал «Книги сочтенных теней». — Она закрыла книгу и показала ему на корешок. — Видите? «Теней», а не «тени». И на ней есть знак мастера. Ее нашли спрятанной за оградительными барьерами и полями. Это оригинал.

— А что же остальные?

— Ни на одной из них нет такой печати, как эта. Ни на одной из трех нет даже знака, определяющего человека, выполнившего копию. Фактически ни на одной нет никаких опознавательных знаков. Они просто копии. А это — оригинал.

Джегань занес руку над столом и постукивал костяшкой большого пальца, пока рассуждал.

— Я пока не понимаю, почему эта книга не может быть фальшивой копией. Если сделали фальшивые копии, причем так, что они выглядят как настоящие, они могли и поставить поддельный знак в книге, ради того чтобы одурачить.

— В принципе, это возможно, но существует множество вещей, которые указывают на то, что это не подделка. Существует также и множество способов, которые мы можем применить, чтобы определить подлинность знака, поставленного мастером. В конечном счете именно потому и оставляют знак в форме заклинания, с тем чтобы тот мог быть проверен. Мы уже сделали несколько проверок, и результаты показывают, что это подлинник, но есть еще сложные контрольные сети, которые мы можем еще создать, чтобы окончательно убедиться в достоверности знака.

Сестра Эрминия указала рукой на книгу.

— Самое главное в этом отношении то, ваше превосходительство, что говорится там в самом начале относительно проверки книги Исповедницей.

Сестра Улисия нетерпеливо кашлянула. Возможно, это было продолжением спора, который уже состоялся между ними. Она бросила на сестру Эрминию убийственный взгляд, прежде чем вновь обратилась к императору:

— Ваше величество, в книге говорится, что Исповедницу следует использовать для проверки подлинности копии, а не для проверки оригинала. По этой причине нам вовсе не следует доверять ей при идентификации оригинала... чего, собственно, ей делать и не следует. Это сам по себе делает знак мастера, и относительно этого знака мы сами можем провести необходимые проверки. Уверена, эти проверки подтвердят лишь то, что мы и без того знаем.

Джегань постукивал пальцем по столу, обдумывая ее слова.

— Где была найдена эта книга?

— В Бандакаре, ваше превосходительство, — сказала сестра Улисия.

— Ты хочешь сказать, что все это время она находилась за магическими барьерами?

— Да, ваше превосходительство, — сказала сестра Улисия с явным воодушевлением. — Уже даже это свидетельствует о подлинности.

— Почему?

— Потому что если оригинал можно идентифицировать по наличию знака, где бы вы спрятали его?

— За барьерами из магии, — задумчиво ответил он.

— Ваше превосходительство, это оригинал «Книги сочтенных теней». Я уверена.

Он пристально вглядывался в нее своими черными глазами.

— И ты готова поставить свою жизнь, утверждая, что это так?

— Да, ваше превосходительство, — без колебаний ответила сестра Улисия.

Дженнсен проснулась от ужасно странного звука. Когда она вынырнула из глубокого сна, ей показалось, что это похоже на какой-то рев. Сначала она подумала, что, вероятно, император Джегань опять переживает очередной ночной кошмар, но звук какого-то волнения и беспокойства доносился снаружи. Люди кричали на других, чтобы им освободили дорогу, и просто от страха. Лязгал металл, будто люди в кольчугах налетали на плотно выставленные в ряд копья. Затем она снова услышала рев, на этот раз ближе, и новые крики.

Дженнсен заметила, что стражи около входа внутри шатра осторожно выглядывают наружу из-за края тяжелого

занавеса. Сама же она боялась двинуться со своего места на полу. Джегань лично велел ей оставаться там. Принимая во внимание то, каким буйным мог стать в одно мгновение этот человек, она решила, что будет лучше не испытывать его терпение.

Энсен вопросительно посмотрел на нее. Дженнсен лишь пожала плечами. Оуэн держал руку Мерили. Все трое выглядели явно напуганными. И Дженнсен разделяла их чувства.

Джегань, подобно грозе, выскочил из спальни, на ходу застегивая штаны. Он выглядел усталым и ослабевшим. Дженнсен знала, что из-за постоянных кошмаров он почти не спал.

Он уже собирался что-то сказать, когда полог шатра оказался отведен в сторону. Внутрь широким потоком хлынул шум от столпотворения снаружи.

Через открывшийся проем вошла худая женщина. Среди шума и беспорядка она двигалась спокойно и осторожно, на манер змеи.

От одного взгляда на нее Дженнсен испытала жгучее желание залезть под ковер и там спрятаться.

Бледные глаза этой женщины оглядели лежавших на полу четырех человек, затем обратились на императора. На стражу она не обращала внимания. Ее мертвенно-бледная кожа выделялась белизной на фоне черного платья.

— Сикс! — воскликнул Джегань. — Зачем здесь посреди ночи!

Она почти с презрением разглядывала его.

— Ввиду твоего предложения.

Джегань уставился на нее.

— Ну так и что с ним?

— Это нечто, что я согласилась раздобыть для тебя.

Она подняла выше что-то, что было у нее под рукой. Дженнсен не смогла разглядеть эту вещь, потому что та была настолько черной, что ее почти невозможно было уви-

деть в тусклом освещении шатра, не говоря уже о том, что она держала это на фоне своего черного платья.

Когда император устался на то, что она протягивала ему, его настроение начало улучшаться.

У Джеганя были черные глаза. У Сикс — черное платье. Середина этой безлунной ночи была темной, как пещера в дремучем лесу. Но ничто из этого нельзя сравнить с чернотой той вещи, что держала в руках эта женщина. Ее чернота была за пределами всего, что когда-либо доводилось видеть Дженнсен. Ей пришлось на ум, что такая темнота обволакивает человека, когда тот умирает.

Джегань продолжал смотреть, и его глаза округлялись от восторга, на лице начала проступать улыбка.

— Третья шкатулка...

Сикс, похоже, не собиралась разделять его внезапный восторг.

— Я выполнила свою часть договора.

— Да, да, выполнила, — сказал Джегань, с почтением забирая у нее шкатулку. — Итак, ты это сделала.

Он аккуратно поставил чернильно-черную шкатулку на комод.

— А как остальные дела? — спросил император через плечо.

— Я сжигала их войска и рассеивала их. Уничтожала отряды, когда их находила. Прикрывала маршруты для караванов с припасами и гарантировала их безопасный проход.

— Да, они приходили сюда — но припасов хватало едва-едва.

— Давай не будем об этом, — сказала женщина. — Так тебе удалось достать верную копию «Книги сочтенных теней»?

— Нет. — Он усмехнулся. — Но зато я уверен, что у меня есть оригинал.

Она долгое время пристально разглядывала его, будто оценивая правдивость его слов или просто оценивая, не пьян ли он.

— Ты *уверен*, что отыскал оригинал? — По ее губам скользнула сухая улыбка. — Почему бы тебе не использовать наконец свою Исповедницу?

— У нас есть некоторые... затруднения. Ей удалось сбежать.

Что бы ни подумала Сикс на этот счет, она никак не показала этого на своем костлявом лице.

— Ну да, теперь она все равно не требуется.

Джегань помрачнел.

— Требуется или нет, у меня есть планы на ее счет. Как, по-твоему, сможешь ты найти ее и привести ко мне? Я не останусь в долгу.

Сикс пожала плечами.

— Если тебе так нужно. Позволь мне взглянуть на книгу.

Джегань подошел к комоду и открыл ящик. Затем достал книгу и протянул ее женщине. Сикс долгую минуту держала книгу, сжав между двумя ладонями.

— Позволь посмотреть и остальные.

Джегань подошел к другому ящику и извлек оттуда еще три книги, все на вид одинакового размера. Он выложил их рядом на мраморном столике, а затем придвинул масляную лампу.

Сикс, плавно скользя, приблизилась к столу и, сложив руки, долго рассматривала по очереди каждую из них. Затем опустила кончики длинных худых пальцев на одну из них. Ее рука перешла ко второй книге, задержалась на ней, прежде чем коснулась третьей.

Она указала рукой на лежащие на столе книги.

— Эти три появились позже. — Она вытянула подлинную книгу, которую он перед этим дал ей, из-под локтя, которым все это время прижимала ее к себе, и помахала.

прежде чем положить сверху на те три. — Вот эта появилась первой.

— Появилась первой... как оригинал? Ты можешь быть уверена в этом?

— Я никогда не рискую по-глупому. Ведь если это окажется фальшивая копия и твои сестры откроют не ту шкатулку — я потеряю все, к чему стремилась и над чем работала, а принимая во внимание мое участие в этом, то даже и свою жизнь.

— Но все-таки это не отвечает на мой вопрос.

Она пожала плечами.

— Я же ведьма. Не лишенная талантов. Эта книга — оригинал. Используй ее. Открой правильную шкатулку — и твоим кошмарам придет конец.

Джегань пару секунд смотрел на нее, ощущая подавленность при упоминании о ночных кошмарах, но под конец все-таки улыбнулся.

— Приведи мне Исповедницу.

Сикс улыбнулась, в некотором роде без намека на шутку.

— Ты все подготовишь, все спланируешь, создашь все заклинания, а я приведу Исповедницу к началу торжества.

Джегань кивнул.

— Сестра Улисия говорит, что нам необходимо попасть в Сад Жизни.

— Хотя это и не единственный способ, но это будет лучшей гарантией успеха. Тебе следует серьезно относиться к словам твоей сестры.

— Я и воспринимаю ее слова серьезно. Поскольку именно она будет открывать шкатулку, разумеется, при моем присутствии в ее разуме, и если что-то будет сделано неправильно, это окажется весьма неприятным для нее. Если Хранитель преисподней заберет ее в результате всего этого — это будет для нее далеко не лучшим исходом, и по этой причине в ее собственных интересах будет сделать все

правильно. Думаю, именно поэтому она так настаивает на том, чтобы открывать шкатулки в Саду Жизни, вместо того чтобы сделать его копию здесь.

Сикс обратила сосредоточенный взгляд на Дженнсен.

— Воспользуйся ею. Ведь это сестра Ричарда Рала. Одно за другим — все оборачивается против него. Добавить на весы еще и ее жизнь — это может помочь решить исход дела.

Джегань перевел свои черные глаза на Дженнсен.

— А для чего, ты думаешь, я держу ее здесь?

Сикс пожала плечами.

— Я думала, просто месть.

— Я хочу покончить с подобным сопротивлением воле Ордена. Будь месть моей целью по отношению к ней, она давным-давно была бы на пыточном конвейере, в шатрах для пыток, с криками расставаясь с жизнью. Но она более полезна Ордену в другом применении. Моя цель — чтобы Братство Ордена стало итоговым правителем над всем человечеством, тем, чем оно должно быть по праву.

— За исключением моего кусочка, — сказала Сикс с убийственным взглядом.

Джегань снисходительно улыбнулся.

— Ты не такой уж жадный партнер в этом деле, Сикс. Твои требования вполне скромны. Ты можешь делать все, что хочешь, со своей небольшой частицей мира, разумеется, при направляющей роли Ордена.

— Разумеется.

— Если жизнь сестры окажется Лорду Ралу безразлична, попробуй упомянуть и мое имя. Скажи ему, что я буду счастлива пролить на него огненный дождь.

Джеганю эта идея определенно понравилась.

— Неплохая мысль, Сикс. Ты доказала, что, как я и подозревал с самого начала, можешь быть весьма ценным союзником.

— Королева Сикс, если не возражаешь.

Джегань пожал плечами.

— Ни в коем случае. Я просто счастлив отдать тебе заслуженное, королева Сикс.

Глава 51

Сидя в темноте, прислонившись к каменной стене, и время от времени подремывая, Рэчел слышала какой-то звук за дверью в подвал, который и заставил ее вскинуть голову. Она села прямее и прислушалась. Ей показалась, что звук напоминает отдаленные шаги.

Девочка прижалась спиной к холодному камню. Вероятно, это Сикс, пришедшая, чтобы забрать ее назад, в пещеру, и заставить рисовать картины, причиняющие вред людям. В этом каменном мешке не было никакой мебели, некуда бежать и негде спрятаться.

Рэчел не знала, что ей делать, если Сикс прикажет рисовать ужасные картины. Она не хотела этого делать, не хотела рисовать картины, которые, несомненно, станут причиной несчастья у невинных людей. Но она знала и то, что у этой ведьмы есть способы заставить ее делать это. Рэчел боялась Сикс, боялась этой женщины, способной причинять ей страдания.

Нет более ужасного ощущения, чем находиться один на один с кем-то, кто хочет причинить тебе страдания, зная, что ты ничего не сумеешь сделать, чтобы остановить это.

Она начинала плакать от одной мысли о том, что может произойти, представляя себе, что Сикс способна сотворить с ней. Затем она вытерла слезы и постаралась думать о чем-то таком, что может помочь ей.

Рэчел уже долгое время не видела эту ведьму. И вполне возможно, что это вовсе и не она, а просто кто-то из сторожей несет ей еду. Пара сторожей оставались еще с тех времен, когда была жива королева Милена. Рэчел не знала их имен, но помнила, что видела их раньше.

Хотя теперь здесь были и другие люди, которых она не узнавала. Это были солдаты Имперского Ордена. Старые сторожа никогда нарочно не придирались к ней, но новые солдаты вели себя иначе. Эти люди даже выглядели дикими. И когда они смотрели на нее, Рэчел знала наверняка, что они думают лишь о том, чтобы сделать с ней нечто невообразимо ужасное. Эти люди нисколько не беспокоились, что кто-то может остановить их — за исключением, может быть, Сикс. Они всегда старались держаться подальше от этой ведьмы. Она же просто не обращала на них внимания, ожидая, что они сами уберутся с ее пути.

Тем не менее эти люди посматривали на Рэчел так, что это заставляло ее вздрагивать. Рэчел очень боялась, что они захватят ее одну, вот так, как сейчас, без всякой Сикс, чтобы та смогла удержать их. Но сама мысль о том, чтобы Сикс явилась сюда ради ее спасения, была нисколько не лучше.

Когда Рэчел жила в замке в прошлые времена, еще при королеве Милене, она всегда была окружена ненавистью. Большую часть времени она пребывала в постоянном страхе. И большую часть времени голодала.

Сейчас все было иначе. Это было еще хуже — а она никогда не думала, что могло быть хуже.

Она внимательно прислушивалась к шагам снаружи, по мере того как они приближались, и решила, что это не звуки от мужских сапог, а скорее шаги легкого человека. Это явно женщина.

Следовательно — это может быть только Сикс. И означает это, что наступил день, которого она так боялась.

Сикс обещала ей, что когда вернется, то заставит Рэчел рисовать для нее.

Замок лязгнул, когда повернулся ключ. Рэчел прижалась спиной к стене, готовая бежать, но понимая, что бежать некуда. Тяжелая железная дверь заскрипела, открываясь. В каменную темницу пролился свет от фонаря.

Вслед за ним в дверь проскользнула какая-то фигура, несшая этот фонарь. Рэчел прищурилась, когда увидела знакомую улыбку.

Это была ее мать.

Девочка прямо-таки подскочила на месте. И со слезами, вдруг хлынувшими по щекам, бросилась к этой женщине и обхватила ее руками. Она ощутила, как утешающие руки сомкнулись вокруг нее в теплом объятии, и зарыдала от радости.

— Ну, ну. Теперь уже все в порядке, Рэчел.

И Рэчел знала, что это так. С появлением ее матери все неожиданно приходило в порядок. Эти страшные люди, эта ведьма — никто из них теперь не имел никакого значения для нее. Теперь все было хорошо.

— Спасибо, что ты пришла, — сказала она сквозь слезы. — Мне было так страшно.

Мать присела рядом с ней на корточки, прижимая ее еще крепче.

— Вижу, ты воспользовалась тем, что я дала тебе в прошлый раз.

Рэчел кивнула, ткнувшись в материнское плечо.

— Это спасло меня. Это спасло мою жизнь. Спасибо тебе.

Рука успокаивающе похлопала ее по спине, и мать мягко рассмеялась, видя столь несдержанную радость Рэчел.

Рэчел вдруг отстранилась.

— Нам надо уходить отсюда. Пока не вернулась эта ужасная ведьма, нужно исчезнуть. А еще эти солда-

ты... эти гадкие солдаты. Ты не должна позволить им увидеть тебя. Они могут сделать с тобой самые ужасные вещи.

Мать с сияющей улыбкой не сводила с нее глаз.

— Как раз сейчас мы в полной безопасности.

— Но нам нужно уходить отсюда.

По-прежнему улыбаясь, ее мать кивнула.

— Да, нужно уходить. Но я хочу попросить тебя сделать кое-что для меня.

Рэчел подавила слезы.

— Все, что угодно. Ведь ты спасла мою жизнь. Тот мел, который ты мне дала, спас меня от тех ужасных призраков-гоблов. Иначе они разорвали бы меня на части. То, что ты дала мне, спасло мою жизнь.

Мать приложила ладонь к ее щеке.

— Ты сама спасла свою жизнь, Рэчел. Ты воспользовалась своей головой и спасла собственную жизнь. Я всего лишь оказала тебе небольшую помощь, когда поняла, что именно тебе потребуется.

— Но это оказалась именно та помощь, что была так необходима.

— Я очень рада этому, Рэчел. А теперь мне нужна твоя помощь.

Рэчел пожала плечами.

— Чем я могу помочь тебе? Я не такая большая, чтобы сделать много.

Ее мать улыбнулась так, что это заставило Рэчел замолчать.

— Ты в точности подходящего размера.

Рэчел не могла представить, для чего такого может подходить ее размер.

— Тогда чем же?

Ее мать взяла фонарь и встала, протянув руку Рэчел.

— Идем, я покажу. Мне нужно, чтобы ты передала очень важное сообщение, чтобы спасти кое-кого.

Когда они вышли в каменный коридор, свет фонаря подтвердил им, что этот каменный коридор был пуст. Ни какой охраны нигде не было видно.

Рэчел очень понравилась идея помочь кому-то еще. Она знала, что такое пребывать в страхе и нуждаться в помощи.

— Ты хочешь, чтобы я доставила сообщение?

— Именно так. Знаю, что ты смелая, но не хочу, чтобы ты пугалась того, что увидишь. Бояться совершенно нечего, уверяю тебя.

Когда они заспешили по коридору, Рэчел забеспокоилась. Она знала, что ее мать уже помогла ей. И ей хотелось вернуть этот долг или отплатить за эту услугу. И все-таки это звучало так, будто могло быть опасным. Когда люди говорят, что не нужно бояться, это всегда означает, что есть нечто, чего бояться как раз и следует. И все-таки это не могло быть ужасней, чем дикого вида люди, пристально разглядывающие ее, или так же ужасно, как эта ведьма.

Чейз учил ее, что бояться чего-то — это вполне нормально, но для того, чтобы выжить, необходимо быть хозяином своего страха, чтобы быть способным помочь самому себе. Страх, говорил он, не может спасти тебя, но страх, подчиненный тебе, вполне может.

Рэчел подняла глаза на свою прекрасную мать.

— Кому нужно доставить это сообщение?

— Нужно доставить, чтобы помочь другу. Ричарду.

— Ричарду Ралу? Ты знаешь Ричарда?

Ее мать отвела взгляд.

— Ты знаешь его, и это главное. Ты же знаешь, что он пытается помочь всем.

Рэчел кивнула.

— Да, знаю.

— Так вот, похоже, ему самому требуется некоторая помощь. Я хочу, чтобы ты передала сообщение, что-

бы мы попытались помочь ему в том, что ему будет необходимо.

— Хорошо. — сказала Рэчел. — Я буду рада помочь ему. Я люблю Ричарда.

Ее мать кивнула.

— Хорошо. Он человек, который заслуживает твоей любви.

Она задержалась перед тяжелой дверью наружу, затем схватила Рэчел за руку.

— А теперь ничего не бойся. Хорошо?

Рэчел уставилась на мать, ощущая дрожь в желудке.

— Хорошо.

— Совершенно нечего бояться. Обещаю тебе. И я буду все время рядом с тобой.

Рэчел кивнула. Мать распахнула дверь прямо в холодный ночной воздух.

Через дверной проем Рэчел могла заметить, что луна уже взошла. Поскольку Рэчел сидела в темном подвале, а затем шла при свете лишь лампы, здесь она могла видеть все совершенно отчетливо. Окружающее пространство представляло собой внутренний двор, окруженный каменными стенами. Довольно просторный двор — здесь росли не только кусты, но и деревья.

Они вместе вышли в холодную темноту.

Едва увидев светящиеся зеленые глаза, уставившиеся на нее, Рэчел застыла. У нее перехватило дыхание, не выпуская наружу крик, зазвучавший где-то внутри нее.

Огромные крылья внезапно раскрылись во весь размах. При свете луны, плывущей за этими крыльями, Рэчел смогла различить даже вены, пульсирующие под кожей, обтягивающей их.

Это был гар.

Рэчел не сомневалась, что этот зверь готов в одно мгновение разорвать их на части.

— Рэчел, не нужно бояться, — мягким голосом заметила ее мать.

Рэчел не могла двинуть ни рукой, ни ногой.

— Чего?

— Это Гратч. Гратч, друг Ричарда. — Она повернулась к страшному зверю и опустила ладонь на огромную пушистую лапу, слегка похлопывая по ней. — Не так ли, Гратч?

Рот зверя широко раскрылся. Массивные клыки блеснули в свете фонаря. Пар от дыхания с сопением вырывался мимо клыков в холодный воздух.

— Гррратч лууут Раааал, — проревело существо.

Рэчел зажмурилась. Это явно был не просто рев. Это звучало так, будто гар произносил слова.

— Оно только что сказало, что любит Ричарда?

Гратч кивнул со всей серьезностью. И мать Рэчел тоже кивнула.

— Все правильно. Гратч любит Ричарда. Так же, как и ты.

— Гррратч лууут Раааал, — повторил зверь.

На сей раз Рэчел уже лучше могла распознать, что сказал Гратч.

— Гратч находится здесь ради того, чтобы помочь Ричарду. Но для этого нужна и ты.

Наконец-то Рэчел оторвала глаза от огромного зверя и взглянула на мать.

— Что же я могу сделать? Я ведь не такая большая, как Гратч.

— Нет, не большая. Именно поэтому Гратч может нести тебя на себе, а ты можешь нести сообщение.

Глава 52

Поток восходящего воздуха бился о Ричарда, стоявшего на узкой дороге, ведущей от Народного Дворца вниз по склону плато. Натан, стоявший слева от него, наклонился над краем, чтобы взглянуть на обрывистый спуск. Даже в такие моменты, как сейчас, пророк сохранял любознательность ребенка — ребенка тысячи с лишним лет от роду. Ричард предполагал, что именно тюремное заключение на протяжении большей части жизни сделало его таким.

Никки, находившаяся от Ричарда справа, была совершенно спокойна. Он не мог бы сказать, что порицает ее за это. Кара и Верна ожидали, стоя позади него. Обе выглядели так, будто готовы сбросить любого со скалы. Ричард понимал, что, несмотря на суровый внешний вид, практически только Натан сейчас в настроении сделать нечто подобное. С тех пор как он узнал, что Энн убита, его переполняло внутреннее кипение. Ричарду такая молчаливая ярость была хорошо понятна.

Тяжелый запор с грохотом отодвинулся, заскрипели механизмы, в то время как стража поворачивала приводной рычаг для опускания моста. Когда тяжелые балки и поперечный настил медленно опустились, Ричард наконец-то смог разглядеть лицо одинокого солдата, стоявшего в ожидании на той стороне. Первое, что он увидел, были черные глаза, смотревшие через бездну.

Молодой человек был высоким и крупным, совсем недавно возмужавший, с мощными руками и широкой грудью. Сальные пряди волос спадали по его крепким плечам. По его виду нельзя было сказать, что он мылся хотя бы раз в жизни. Ричард ощущал его запах даже через глубокое ущелье.

Этот мужчина был достаточно развит и выглядел примером превосходного скота Имперского Ордена —

прекрасным образцом типичного солдата этой армии: высокомерный, недисциплинированный бандит, управляемый своими страстями и эмоциями и ни в малейшей степени не интересующийся тем ущербом и страданиями, которые приносит ради того, чтобы получить то, что хочет. Он не испытывает ни сострадания, ни жалости или сочувствия к тем, кому причиняет зло. Их страдания ничего не значат для него. Он полностью поглощен собой и полностью погружен в собственные потребности, не заботясь о том, что должен сделать, чтобы удовлетворить свои желания.

Он был стандартным солдатом регулярной армии Имперского Ордена, каких Ричард видел много, не привыкшим к размышлениям юношей, чьи мускулы развиты гораздо более, чем интеллект, и потому лишь смутно знакомый с тем, что означает быть цивилизованным. И что еще хуже, идеи и концепции не представляют для него никакого интереса, поскольку не предлагают никакого немедленного удовлетворения его желаний.

Он был выбран специально для того, чтобы передать сообщение. Сам по себе он был всего лишь напоминанием — во всем своем варварском великолепии — о том, какого сорта люди ждут своего часа там, внизу, на равнинах Азрита.

И все же этот индивидуум, стоявший здесь совершенно один, в этих доспехах из темной кожи, ремне, шипах, татуировках и с поясом, увешанным грубым оружием, на самом деле не значил ничего. Он был всего лишь глазами и ртом другого человека, который, в отличие от него, значил очень многое.

Разум ему и не был нужен сейчас, им управлял сноходец, известный как император Джегань.

Император вступил с ними в общение через путевой журнал, который все еще носила при себе Верна. Энн много лет носила его журнал-двойник, который теперь оказал-

ся в руках сестры Улисии, а следовательно, в руках Джеганя.

Верна была крайне удивлена таким контактом. Ричард — нет. Он почти даже ожидал его. Именно он и попросил Верну проверить путевой журнал на предмет сообщений.

Джегань предлагал провести встречу. Он сообщал, что придет один, но ради личной безопасности будет присутствовать в разуме одного из своих людей. Он писал, что Ричард может привести с собой кого угодно — столько людей, сколько ему захочется, даже целую армию, если он этого пожелает. Джегань вовсе не беспокоился за жизнь солдата. Император сообщал, что если даже они попытаются убить его, у него такой поступок не вызовет беспокойства.

Ричард знал не только из собственного опыта, но и из опыта Кэлен, что подловить сноходца в разуме другого человека попросту невозможно. Кэлен рассказывала, что ей доводилось касаться своей силой людей, контролируемых Джеганем, но хотя ее сила подчиняла их, император всегда с легкостью ускользал от опасности. Несмотря на таланты тех, кого взял с собой Ричард, он не обманывался на тот счет, что кто-то из них будет в состоянии подловить сноходца.

Разумеется, солдату предстоит погибнуть. Но это всего лишь жертва, которую этот человек приносит общему делу, как представил бы ситуацию Джегань.

Нет, люди, которых Ричард привел с собой, не собирались пытаться убить Джеганя через разум его проводника; Ричард не был настолько глуп. Каждый из них пришел по другим причинам.

Наконец-то мост с глухим стуком опустился на место. Ричард уже заранее дал указания персоналу моста и страже, так что, как только мост оказался на месте, он сделал знак рукой, и они направились в сторону дворца, вверх по дороге.

Едва эти люди покинули зону слышимости, Ричард направился напрямик к месту встречи. Его окружение тоже поспешило, чтобы не отставать. Человек на другой стороне моста несколько секунд стоял, сунув большие пальцы за пояс с вооружением, затем небрежно двинулся вперед, к середине моста, и принял надменную позу.

Как только они остановились, темные глаза этого человека — темный призрачный взгляд Джегана, — уставились на Никки. В то время, когда хозяин смотрел оттуда, эти глаза, без сомнения, были полны гнева, сам же молодой человек совершенно не скрывал своей похоти относительно того, что он видит. Он не обращал внимания ни на кого, кроме этой светловолосой женщины, стоящей перед ним в откровенном черном платье. Вырез в верхней части корсажа был свободным и открытым, и солдат не скрывал свой интерес к тому, что видел там.

— Так чего ты хочешь? — спросил Ричард деловым тоном.

Глаза этого человека — фактически взгляд Джегана — обратились к нему, но затем вновь вернулись к Никки.

— Ну что ж, дорогая, — прозвучал глубокий низкий голос, — вижу, тебе удалось очередной раз предать меня.

Никки ответила лишь равнодушным взглядом.

— Ты сообщил, что желаешь встретиться со мной, — сказал Ричард спокойным голосом. — Какой вопрос оказался для тебя настолько важен?

Высокомерный взгляд теперь скользнул к Ричарду.

— Важен не для меня, мой мальчик, а для тебя.

Ричард пожал плечами.

— Хорошо, для меня, так для меня.

— Ведь ты заботаешься обо всех тех людях, что стоят за тобой?

— Да, это так, и ты знаешь это, — со вздохом сказал Ричард. — И в чем же дело?

— Ну, я собираюсь дать тебе возможность доказать это. Слушай меня внимательно, потому что я не в настроении обмениваться оскорблениями.

Ричард хотел спросить этого человека — спросить Джегана, — нет ли у него трудностей со сном, но воздержался от такой язвительности. У данной встречи имелась конкретная цель.

— Тогда излагай свое предложение.

Солдат поднял руку, не совсем естественно, как показалось Ричарду, чтобы сделать жест в сторону возвышающегося сзади них дворца.

— У тебя здесь тысячи людей, ожидающих своей судьбы. А судьба их сейчас целиком в твоих руках.

— Именно поэтому они называют меня Лордом Ралом.

— Хорошо, Лорд Рал. В то время как ты представляешь лишь самого себя, я представляю коллективную мудрость всех людей Ордена.

— Коллективную мудрость? — И снова Ричард удержался от того, чтобы сделать легкомысленное замечание.

— Коллективная мудрость — именно она движет нашими людьми. Вместе, потому что нас большинство, мы всегда умнее, чем единицы.

Ричард опустил глаза, разглядывая ноготь.

— Ну, я уже сыграл с коллективной мудростью твоей команды джа-ла и разгромил ее полностью.

Солдат неуклюже дернулся на полшага вперед, будто для нападения. Ричард продолжал стоять на своем месте, сложив руки, и теперь наконец-то поднял глаза, чтобы встретить взгляд Джегана.

Солдат замер.

— Так это был ты?

Ричард кивнул.

— Каково же твое предложение?

— Когда мы проникнем сюда — а мы обязательно проникнем, — люди, подобные моему молодому солдату,

стоящему здесь, гордость людей Древнего мира, придут, чтобы сокрушить язычников Нового мира и принести свободу в эти места. Я оставляю на волю твоего воображения, что подобные люди сделают с этими славными людьми во дворце.

— Я и без того знаю, как эта «гордость» обходится с невинными людьми. Я уже видел результаты их коллективной мудрости. Здесь не требуется никакое воображение.

— Ну, если тебе нравится, чтобы это повторилось и здесь, только в десятки раз сильнее, просто потому, что они очень злы из-за твоего безрассудного вызова, тогда ты уже не сделаешь ничего. Они придут, они войдут и утвердят здесь свое возмездие за все то, что вы сделали с людьми их отечества.

— Все это я уже знаю, — сказал Ричард. — В конце концов, именно так они всегда и делают.

— И тебе хотелось бы избавить своих людей от таких страданий?

— Ты же знаешь, что да.

Солдат встал прямее, передавая улыбку Джеганя.

— А известно ли тебе, что у меня находится твоя сестра Дженнсен?

Ричард прищурился в удивлении.

— Что?

— Дженнсен сейчас у меня. И она довольно привлекательная. Ее вернули ко мне после того, как наши люди посетили кладбище в Бандакаре, чтобы выразить наше почтение усопшим.

Ричард силился понять, о чем говорит Джегань.

— Каких усопших?

— Конечно же, Натана Рала в первую очередь.

Глаза Ричарда еще больше сузились, когда он припомнил вид той могилы.

— Добрые духи, — едва слышно прошептал он себе.

— Воздавая почести могиле Натана Рала, мои посланцы наткнулись на крайне интересные книги. Об одной из них, я уверен, тебе будет очень приятно услышать: «Книга сочтенных теней».

Ричард продолжал пристально смотреть, но ничего не сказал.

— Теперь, я думаю, ты уже в курсе, что существовало пять копий этой особенной книги. Три из них — у меня. Судя по тому, что рассказали мне мои добрые сестры, ты запомнил еще одну. Не знаю точно, где находится пятая, но, полагаю, она может быть во множестве самых разных мест. Однако это уже не имеет значения. Видишь ли, «Книга сочтенных теней», которая досталась мне вместе с твоей красавицей младшей сестрой и несколькими ее друзьями, оказалась вовсе не копией.

Ричард в замешательстве уставился на посланца императора.

— Не копия? Тогда что же?

— У меня теперь есть оригинал, — сказал Джегань низким голосом, выдающим собственное удивление. — А поскольку это оригинал, мне не требуется выяснять, которая из пяти копий верная, а какие четыре фальшивые. Это больше не заботит меня, потому что оригинал в моих руках.

Ричард тяжело вздохнул.

— Понимаю.

— Кроме того, теперь у меня все три шкатулки Одена. Моя подруга Сикс оказалась достаточно добра, чтобы доставить мне третью. — Наконец темные глаза обратились к Никки. — Она забрала ее из Цитадели Волшебника. Можешь спросить об этом у Никки. К счастью, Никки удалось восстановить силы после столкновения с этой ведьмой. Меня бы опечалило, если бы она умерла.

Ричард снова сложил руки.

— Итак, у тебя есть «Книга сочтенных теней», и теперь ты обладаешь всеми тремя шкатулками. Звучит так, будто ты держишь в руке победу в Джа-Ла Д'Йин. Так чего же ты хочешь от меня?

Солдат угрожающе помахал пальцем.

— Ты знаешь, чего я хочу, Ричард Рал. Я хочу воспользоваться Садам Жизни.

— Верю, что ты действительно хочешь, но не думаю, что с моей стороны будет разумным позволить это.

— Полагаю, ты думаешь обо всех тех людях, что находятся там, и спрашиваешь себя, насколько разумно это будет по отношению к ним, если ты не согласишься. И ты понимаешь, что мы собираемся войти сюда. Это лишь вопрос времени, когда именно мы войдем туда. Если ты вынудишь меня войти силой, тогда, как я уже сказал, я позволю своим людям излить их жажду мести на всех, кто находится во дворце — на каждого мужчину, женщину и ребенка. И я ожидаю, что это вселяет в них страх за пределами самых диких фантазий.

Но если ты согласишься сдать дворец...

— Сдать дворец?! — выкрикнула Верна. — Ты выжил из ума!

Ричард заставил ее замолчать, отстраняя назад. Он снова обратил внимание к Джеганю.

— Продолжай!

— Если ты согласишься на сдачу, я не трону дворец.

— Если мы сдадим дворец, с какой стати тебе сохранять его? Я искренне надеюсь, что ты и не ожидаешь, будто я поверю, что ты намерен соблюдать условия сделки.

— Ну, видишь ли, в наших планах было строительство огромного дворца для штаб-квартиры Имперского Ордена. Брат Нарев уже занимался этим проектом. Но ты оборвал эту мечту нашего народа.

Мы могли бы начать сначала и выстроить такой дворец... — Солдат сделал снисходительный жест рукой. —

Но при этом будет еще больше разного рода работы, и поскольку ты фактически отобрал наш дворец, для нас остается только взять ваш и править из него миром, чтобы показать всем, кто пожелает бросить вызов Братству Ордена, что получается из такого дурацкого сопротивления. Это место расположения штаб-квартиры Ордена будет превосходным утверждением этого.

Разумеется, после того, как ты будешь свидетелем открытия правильной шкатулки Одена, я прикажу тебя казнить.

— Разумеется, — сказал Ричард.

— Смерть будет относительно быстрая, но не мгновенная. В конце концов, я хочу, чтобы ты поплатился за некоторые свои преступления.

— Как трогательно.

— Ну а твои люди будут жить. Неужели ты не беспокоишься о них? У тебя нет к ним ни жалости, ни сочувствия? Им придется преклониться перед учениями Ордена, которые являются нравственным законом самого Создателя, чтобы не испытывать притеснений со стороны моих людей.

— Это уже не очень трогательно, — сказал Ричард, руки его были по-прежнему сложены.

Солдат пожал плечами, довольно неуклюже, словно кукла, которую дергают за нити.

— Ну, в этом отношении у тебя есть только два варианта. Или мы в конечном счете пробьем себе путь через реки крови и позволим моим людям сделать все, что они хотят, с твоими людьми и твоим дворцом, тогда как мои сестры и я сделаем то, что должны сделать, в Саду Жизни, или, если ты возьмешься за ум и позволишь своим людям жить в мире, мои сестры и я сделаем то, что должны сделать, в Саду Жизни.

Так или иначе, я воспользуюсь Садам Жизни так, как собираюсь. Единственный вопрос — как скоро и как много крови и страданий это будет стоить твоим людям.

— Ты можешь никогда не попасть туда. Это ты думаешь, что будешь там, а вдруг это не удастся? Мне нужно обдумать такую возможность.

— Непременно удастся, — сказал Джегань с натянутой улыбкой. — Видишь ли, у меня уже есть дополнительная возможность в виде помогающей нам Сикс. Она не имеет никакого желания с боем пробиваться во дворец. Она может просто... доставить нас туда, как это уже бывало. Не вызывает никаких сомнений, что если я стану слишком нетерпеливым, то всегда могу просто воспользоваться книгой, именно так, как это требуется, для того чтобы открыть правильную шкатулку.

— Тебе необходим Сад Жизни.

Человек отмахнулся.

— Шкатулки более раннего происхождения, чем Сад Жизни. Нет никаких указаний, что их требуется открывать именно в таком месте... в таком сдерживающем поле, как мне объяснили мои сестры. Они, а также и Сикс, уверяют, что хотя Сад Жизни и построен в качестве сдерживающего поля специально для шкатулок Одена, эти шкатулки по-прежнему могут быть открыты там, где они находятся.

Ричард пристально смотрел на человека перед собой.

— Без особого сдерживающего поля, уже имеющегося в Саду Жизни, чрезвычайно опасно пытаться открыть любую из шкатулок. Вместе с набором других ошибок это может привести к катастрофе, которая уничтожит весь мир живого.

Джегань снова улыбнулся, предельно порочно.

— Этот мир, эта жизнь — все преходяще. Мир, следующий за ним, — вот что имеет значение. Разрушение же этого подлого, жалкого мира, этой несчастной жизни сослужит великую службу Создателю. Те из нас, кто служил его делу через Братство Ордена, будут вознаграждены в той вечной загробной жизни. И те из вас,

кто противостоял нам, падут в вечную тьму, под власть Хранителя. Уничтожение этого жалкого мира во имя спасения его будет благородным актом, достойным великой награды.

Итак, видишь, Ричард Рал, что в этом раунде Джа-Ла Д'Йин я собираюсь выиграть все, так или иначе. Я всего лишь предлагаю тебе возможность выбрать, чем это закончится лично для тебя.

Мимо них пронесся несущий песок порыв ветра, пока Ричард наблюдал за стоявшим перед ним человеком. Он знал из того, что ему приходилось изучать, и из того, что ему рассказывала Никки, что Джегань не блефует, говоря, что собирается открыть шкатулки без размещения их в Саду Жизни. Как знал он и то, насколько опасной будет такая попытка. К несчастью, он знал и то, что Орден на самом деле не заботится о сохранении жизни. Эти люди ценят только смерть, а не жизнь. И если даже удастся каким-то образом уничтожить Джеганя, это практически ничего не изменит. Ведь он всего лишь представляет верования Ордена, он не формирует их.

В конце концов, он не самая опасная часть Ордена. Дьявольские верования, которые распространяло Братство Ордена, — вот главная опасность. Джегань был всего лишь той грубой тварью, которая насаждала людям эти верования.

— Не думаю, что могу принять такое решение немедленно.

— Понимаю. Я дам тебе некоторое время, чтобы обдумать его. Некоторое время, чтобы обойти залы и коридоры дворца и заглянуть в глаза тех женщин и детей, что находятся под твоей опекой.

Ричард кивнул.

— Именно об этом я и хотел подумать. И есть еще многое, что требует размышлений. На это уйдет время.

Солдат улыбнулся.

— Разумеется. Используй свое время. Я даю тебе несколько недель. Даю тебе время до новолуния.

Солдат начал поворачиваться, чтобы уйти, но затем снова обратил взгляд на Ричарда.

— О, еще одна деталь. — Взгляд темных глаз скользнул в сторону Никки. — Как часть нашей сделки, ты будешь должен сдать мне Никки. Она принадлежит мне. И она должна быть возвращена.

— А что если она не захочет возвращаться на твою сторону?

— Возможно, я выразился не вполне ясно. Не имеет значения, чего именно она хочет. Она должна вернуться ко мне. Это достаточно ясно?

— Да, вполне.

— Хорошо, — сказал он со снисходительной улыбкой. — Тогда наша беседа завершена. Ты должен до новолуния сдать дворец... и Никки.

Человек повернулся, чтобы бросить пристальный взгляд на раскинувшуюся внизу армию; затем почти строевым шагом направился к концу настила и, не сказав ни слова, шагнул в пустоту. Он даже не кричал, пока падал сквозь восходящие потоки.

Джегань хотел, чтобы Ричард понял, как мало он ценит чью-либо жизнь и как легко готов пожертвовать ею.

Верна и Кара начали выкрикивать протесты и гневно спорить.

Ричард поднял руку.

— Не сейчас. Есть нечто, что я обязан сделать.

Она дал знак служителям моста.

— Поднимите мост, — крикнул он, уже следуя вверх по дороге и повстречав их, спешивших вниз, на свое место.

Они ответили стандартным приветствием: кулаки поднялись и прижались напротив сердца.

Глава 53

При мерцающем свете факелов глубоко сосредоточенный Ричард пальцем вычертил очередной элемент на магическом песке. Сначала молча, только для себя, он пробежал глазами по словам, а затем поднял взгляд к темному окну и стал тихо произносить вслух заклинания на древнед'харрианском языке.

Сквозь освинцованные окна, воспринимая все несколько отстраненно, он увидел лунный свет. Всего лишь днем раньше Джегань дал ему срок до новолуния, чтобы сдать дворец. И теперь с каждым днем лунный свет будет убывать, пока всех не поглотит полная тьма.

Ричард выслушал строгое мнение Верны, Кары и генерала Мейфферта, что сдаваться они не должны. Верна считала, что сам факт сдачи дворца даст моральные обоснования преступным верованиям, и что им следует сражаться до последней капли крови; генерал Мейфферт считал, что все это, скорее всего, лишь хитрость, и глупо верить, что Джегань сдержит свое слово, так что ни о какой сдаче не может быть и речи; Кара считала, что раз им предстоит умереть и в том, и в другом случае, то лучше сражаться до смерти и уничтожить как можно больше врагов. Натан и Никки лишь слушали эти доводы, не решаясь высказаться относительно того, что лучше: сдаться или сражаться.

Ричард же указал на то, что они обсуждают лишь, как им следует умереть, и не говорят ничего о том, как им одержать победу. Они думают о проблеме, а не о решении ее.

Он знал только один реально осуществимый способ подобраться к шкатулкам Одена, но это совсем не то, что остальные хотят услышать от него.

Минута за минутой, время утекало сквозь пальцы. Ричард знал, что ему не будет даровано больше, чем уже от-

пущено. Он ощущал сокрушающую тяжесть ответственности, нести которую ему предстояло в одиночку. Он решил, что больше не может ждать; готов или нет, он должен приступить.

Он не ощущал ничего особенного, когда произносил надлежащие заклинания, как не ощущал ничего, когда чертил формулы заклинаний. Его эмоции были полностью подавлены мыслями о Кэлен, о людях, вверенных ему, и о тех вариантах выбора, что у него есть.

Ему приходилось постоянно напоминать себе о том, что не стоит тратить время, позволяя мыслям уноситься к тому, что уже потеряно, а вместо этого надо постараться придумать, как одержать победу.

Хотя у него не было доступа к шкатулкам Одена или к правильной копии или оригиналу «Книги сочтенных теней», он знал из книг, которые изучала Никки, и особенно из «Книги Жизни», которая объясняла, как инициировать использование шкатулок Одена, что этот ритуал — неизбежный сложный компонент по применению Одена в качестве противодействия Огненной Цепи. Для него как раз противодействие Огненной Цепи было центральным процессом. И если Ричард хоть когда-то получит шанс использовать эти шкатулки, он должен быть готов к такой возможности. Это была одна из тех вещей, которые не предполагают выбора. Он или сделает это, или никогда не сможет открыть эти шкатулки — просто как дечь.

Чем скорее он совершит эту попытку, тем скорее появится определенность: удалось или нет. Или он выживет, или умрет. Если он не выживет, то лучше оставить Никки, Натану и Верне как можно больше времени на то, чтобы попытаться придумать иной способ отвлечь неизбежное.

У императора было множество вариантов выбора. У Ричарда их не было.

Джеганю, поскольку он участвовал в открытии шкатулок лишь через посредство сестры Улисии, не нужно было отправляться в преисподнюю. Сестра же Улисия была сестрой Тьмы. Она уже имела все необходимые связи с преисподней, которые требуются, чтобы заставить Оден работать на нее. Ричарду же предстояло установить свою собственную связь с преисподней и найти способ завершить все то, что необходимо, чтобы Оден стал противодействием Огненной Цепи.

Весь ритуал, о котором ему рассказала Никки, как и все формулы, были в целом логически увязаны. Он был надлежащим кандидатом, обладающим требуемой силой, начертившим необходимые заклинания, повторившим вслух необходимые слова. Его дар добавил все, что полагалось, к тем элементам, которые он перенес на магический песок, давая им жизнь. Причина и следствие, как заверила его Никки. Ему больше ничего не требуется ощущать.

Он надеялся, что она права. Они все надеялись, что она права.

Натан тоже был более чем уверен, что она права. Но пророк скорее беспокоился о великой пустоте и о том, насколько они близки к ней.

Ричард припомнил, что Уоррен относился к шкатулкам Одена как к вратам. Когда Ричард находился во Дворце Пророков, Уоррен объяснял, что опасность заключается в том, что, когда эти шкатулки, как врата, делают завесу отодвинутой, Хранитель преисподней имеет возможность проникнуть в мир живого. Поскольку шкатулки могли быть вратами в мир живого для Хранителя, когда завеса отодвинута, они, точно так же, были вратами, ведущими в другом направлении — в царство мертвых.

И Ричарду пришлось в голову, что шкатулки могут с таким же успехом быть и вратами к великой пустоте, которая так беспокоит Натана.

Поскольку силы, вызываемые при этом, были составной частью самого Одена, Ричард осознавал, что в попытке предпринять путешествие в преисподнюю вполне может оказаться в собственной великой пустоте.

Ричард снова подумал о тех долгих разговорах, которые вел с Натаном. Если Ричард не преуспеет этой ночью, то пророку придется еще раз выступить в роли Лорда Рала. Они не могут оставить всех даже на короткое время без Лорда Рала, если Ричард вдруг исчезнет. Ричард сказал пророку, что, если что-то пойдет не так, тогда все необходимое ему придется делать самому.

Ричард, обнаженный, склонился к белому магическому песку и предплечьем разгладил следующий его участок, создавая место для рисования очередных элементов. Он начал чертить короткие магические знаки, расходящиеся от центральной оси более сложных формул заклинаний. Каждый из этих элементов был замысловатым сплетением символов, которые он долгими часами учился выводить на бумаге. Тогда Никки стояла над его плечом, пока он чертил эти символы, руководя каждым его движением. Но сейчас Никки не помогала ему. Это он должен сделать сам, без чьей-либо помощи. Именно он заявленный участник, и это должна быть его собственная работа, выполненная с прикосновением его собственного дара.

В свете факелов, пламя которых медленно покачивалось в неподвижном воздухе, песок отбрасывал радужные искры. Эти мельчайшие вспышки разноцветного света притягивали взгляд и завораживали. Они создавали ощущение, что он затерялся в каком-то собственном мире.

В некотором смысле он действительно блуждал, потерянный в собственном мире.

Как только Ричард начал чертить тесно примыкающие друг к другу формулы заклинаний, он оказался захвачен самим этим процессом. Он сосредоточивался исключительно на создании каждого компонента, пока рисовал его, с тем

чтобы тот как можно больше соответствовал контексту формул, не только по сути, но и физически. Рисуя символы на себе и на членах своей команды, он обнаружил, что рисование их имеет нечто общее с владением мечом. Там было и такое же движение, и ритм, и плавность.

Поскольку он теперь вызывал нечто из самой преисподней, каждое заклинание заключало в себя элементы танца со смертью. И при этом не только следовало нанести нужный элемент в нужное время, но и требовалось быть аккуратным, соблюдая необходимую точность.

Во многих отношениях само вычерчивание заклинаний было своего рода танцем со смертью.

Точно так же, как он бился, чтобы остаться в живых, принося смерть тем, с кем сражался, заклинания приближали его к точке соприкосновения жизни и смерти. Размахивая мечом, он знал, что любая ошибка может стать роковой. Движения меча должны быть не просто отработаны, но и произведены точно в нужное время и надлежащим образом. Вычерчивание магических формул происходит аналогично. Все должно быть исполнено как следует. Любая оплошность означает быструю смерть.

И в то же самое время это было возбуждающее занятие. Он практиковался долгими часами. Он знал эти формы-уравнения. Он уже рисовал их и на себе, и на своей команде. А сейчас целиком погрузился в движения, воспроизводящие эти формы, удары, разрезы и цели, все время движущиеся постоянным потоком, пронесаясь все ближе к смерти, но избегавшим полного уничтожения. Он теперь действовал в точке соприкосновения жизни и смерти, на самом внешнем краю самой жизни. Он двигался между этих форм-уравнений, как будто двигался среди врагов, двигался среди смерти, тайно крадущейся за ним.

Это было всепоглощающее чувство, которое ощущалось им как использование Меча Истины.

По сути, это и было то же самое.

С того первого дня, когда Зедд протянул Ричарду через стол, за его домом, тот меч, Ричард фактически готовился к этому.

Он не ощущал даже пот, капавший с его лица, пока он работал. Когда он вычерчивал каждую форму, тщательно выводил каждый элемент, доводя его до совершенства, и не позволял, чтобы что-то отвлекло его и привело к ошибке, он потерял счет времени. Он был частью этих рисунков. Он был, в самом настоящем смысле, сам среди этих рисунков, как бывал среди сражения, используя Меч Истины. У него даже морщился лоб от чрезмерного напряжения. Он добавлял каждый элемент, проводил каждую черту и кривую с точностью удара мечом или с точностью движения резца, когда занимался резьбой по дереву. Это был тот же самый талант, который он применял, когда он пользовался клинком. Он был и разрушительным и созидательным одновременно.

Когда он наконец осознал, что изобразил каждый символ, завершил каждую формулу заклинания, соединил каждый элемент, он выпрямился. Его взгляд скользнул по магическому песку, и наконец-то он осознал весь ужас того, что ему предстояло.

Он оглядел окружающий его Сад Жизни — чтобы еще раз увидеть красоту, прежде чем попадет в царство мертвых.

Наконец он сел, скрестив ноги, и опустил расслабленные руки на колени, ладонями вверх. Его глаза были закрыты. Он глубоко дышал. Сейчас у него был последний шанс остановиться. В следующую минуту изменять ход событий будет слишком поздно.

Ричард поднял голову и открыл глаза.

Затем прошептал на древнед'харрианском языке:

— *Приди ко мне.*

Наступила минута полнейшей тишины, во время которой он мог слышать лишь мягкий шелест горения факелов,

окружающих магический песок, а затем сам воздух задрожал от внезапного завывания. Земля дрогнула.

Из центра искрящегося белого песка, из самих изображенных на нем формул заклинаний, словно белый дым, начала подниматься белая форма. Она закручивалась вокруг самой себя, дрожащими вихрями и водоворотами, медленно восходя из песка, будто вытягивала себя из самих заклинаний. Пока она формировалась, пока она поднималась, магический песок под ней раздвигался, позволяя тьме смерти образовать область отсутствия всего в мире живого.

Ричард продолжал наблюдать, как белая форма поднимается, выбираясь из этой чернильной пустоты, и преобразуется в силуэт фигуры в ниспадающих белых одеждах. Фигура раскинула свои руки, подобно тому, как раскрывается цветок, тянущийся к миру жизни и свету, и прозрачные одежды свесились плавными складками с этих широко раскинутых рук. Фигура зависла над черной пустотой в белом песке.

Ричард встал перед этой фигурой.

— Благодарю за то, что ты пришла, Денна.

Она улыбнулась прекрасной сияющей и в то же время тоскливо-печальной улыбкой.

Пока Ричард пристально разглядывал явившегося духа, она потянулась вперед и коснулась его щеки. Это оказалось самым нежным из прикосновений, какое он когда-либо ощущал. После этого прикосновения он понял, что будет в безопасности с ней — настолько, насколько вообще может быть в безопасности в царстве мертвых.

Стоя в тени деревьев, там, где ожидала по договоренности с Ричардом, Никки изумленно наблюдала за ним, стоявшим перед мягким свечением, исходившим от бесплотной фигуры.

Она была до боли прекрасным существом, духом ничем не нарушаемой чистоты и великолепия.

Никки ощутила, как слезы бегут по ее щекам, потому что она на самом деле созерцает вот такого доброго духа. Это наполнило ее радостью и то же время страхом за Ричарда, из-за того, куда этот дух должен забрать его.

Когда святящаяся фигура в белых одеждах обвила рукой Ричарда, будто давая ему покровительство и закрывая его от мира жизни, Никки не удержалась, делая шаг вперед, в свет факелов. Ее лоб покрывали бисеринки пота, пока она наблюдала, как полупрозрачное свечение осторожно опускалось по спирали в темноту вместе с ее подопечным.

— Благополучного путешествия тебе, мой друг, — прошептала она. — Благополучного путешествия.

А затем, прежде чем открывшееся пространство сомкнулось за ними, прежде чем искрящийся белый магический песок стал снова таким же, каким и был, в воздухе над этим самым местом прорисовался темный силуэт. Это нечто, закрутившись вихрем, самостоятельно втянулось в закрывающийся проход, последовав за ними во мрак.

Зверь оказался привлечен к Ричарду использованием им своего дара и теперь отправился преследовать его в свое родное царство.

Глава 54

Кэлен добавила в костер ветку. Искры, кружась, уносились в вечерний воздух, будто стремились последовать за исчезающими красно-оранжевыми остатками заката, едва различимыми сквозь голые ветки в западной части неба.

Она согрела ладони, поднося их к разведенному огню, затем вздрогнула, потеряв ими свои плечи. Ночь обещала быть холодной.

Вещей у них почти не было, лишь по одеялу на каждого. И у нее был еще плащ. Попытка переночевать на холодной земле обещала скверную, бессонную ночь. Но вокруг было полно хвойных деревьев, так что она нарезала себе ветвей для ночлега. Даже такой густой лес, как этот, почти не предоставлял защиту от ветра, но поскольку ясная ночь была еще и безветренной, им по крайней мере не пришлось строить убежище. Кэлен хотелось только чем-нибудь перекусить, а затем немного поспать.

Прежде чем они развели костер, она изготовила и поставила пару силков, в надежде поймать кролика и если не поест в эту ночь, то, может быть, завтра утром, прежде чем они вновь двинутся в путь. Самюэль нашел изрядное количество хвороста для костра, чтобы хватило до конца ночи, а затем развел огонь. Закончив с этим, он отправился к каменистому берегу протекающего рядом ручья, чтобы принести воды.

Кэлен устала и проголодалась. У них почти не осталось еды, которую они захватили из лагеря Имперского Ордена — хотя они довольно редко останавливались, чтобы есть или отдыхать. Если им не удастся поймать кролика, то снова придется есть сухие хлебцы и вяленое мясо, которое у них еще оставалось. Но хватит этих припасов ненадолго.

Самюэль не хотел останавливаться ради попыток добыть еду. Он, похоже, куда-то безумно торопился. У них было несколько монет, которые они нашли на дне седельных сумок, но вместо того чтобы проехать через один из тех маленьких городков, которые располагались для них почти по пути, чтобы попытаться купить продукты, Самюэль настаивал на том, чтобы они держались как можно дальше от каких бы то ни было людей.

Он был уверен, что солдаты Имперского Ордена отправятся в погоню за ними. Принимая во внимание, насколько ненавидел ее Джегань и как сильно он склонен к мести, Кэлен на самом деле не могла предложить никаких аргументов против поведения Самюэля. Судя по тому, что она знала, солдаты могли уже наступать им на пятки. И эта мысль добавила еще малоприятный осадок к охватившему ее ознобу.

Когда Кэлен спросила Самюэля, куда именно они направляются, он вместо объяснения просто махнул рукой куда-то в сторону запада или юго-запада. Но затем уверил ее, что они отправляются в такое место, где будут в полной безопасности.

Она уже убедилась, что он является странным компаньоном для путешествий. Когда они ехали, он говорил очень мало и почти не разговаривал на стоянках. Всякий раз, когда они останавливались, он почти не отступал от нее ни на шаг. Она решила, что он просто пытался обеспечивать ей защиту, поддерживая некоторую безопасность, но задумывалась и над тем, уж не следил ли он за ней, будто присматривал за собственным призом? Появившись в лагере Ордена, чтобы освободить ее, он так и не рассказал о причинах такого своего поступка. Когда она проявила настойчивость с этим вопросом, он сказал, что сделал это просто потому, что хотел помочь ей. Казалось, сверху все это покрыто лишь приятной сентиментальностью, но он никогда не объяснял, откуда знает ее или как узнал, что она оказалась в плену.

По тому, как он поглядывал на нее, в то время когда думал, что она не видит его, ей казалось, что он попросту скромнен. Если Кэлен настойчиво спрашивала его о чем-то, он обычно втягивал голову и пожимал плечами, так что ей иногда даже казалось, что она издевается над бедным человеком, задавая такие вопросы, и поэтому она останавливалась и оставляла его в покое. И только тогда он, казалось, слегка расслаблялся.

Но все оставшееся без ответа подпитывало ее сомнения. Несмотря на все то, что он сделал и как помогал ей, она не верила ему. Ей не нравилось, что он не отвечает на такие простые, но такие важные вопросы. Тот факт, что значительная часть ее собственной жизни была для нее загадкой, делал ее очень подозрительной, когда от нее что-то скрывали.

Кэлен знала еще и то, что Самюэль восхищен ею. Он зачастую, казалось, стремился сделать что-то приятное ей. Например, мог нарезать ей кусочки мяса, и резать и резать, пока она не останавливала его, уверяя его, что ей вполне достаточно и что ему тоже следует поесть. Хотя в другое время, утоляя собственный голод, он забывал предложить ей хоть что-то, пока она не спрашивала сама.

Иногда, бросая быстрый взгляд, она замечала, что он пристально разглядывает ее своими странными золотистыми глазами. В такие моменты ей казалось, что она видит перед собой коварное лицо вора. И всегда старалась держать руку на рукоятке своего ножа, когда засыпала.

В другие моменты, когда она пыталась задавать вопросы, он, казалось, слишком пугался, боясь не только ответить, но даже взглянуть ей в глаза, и, согнувшись, отворачивался к огню, будто желая стать невидимым. В большинстве случаев ей с трудом удавалось получить от него в ответ только либо да, либо нет. Хотя его скрытность, похоже, не происходила из бессердечия, высокомерия или равнодушия. В конце концов, поскольку разговаривать с ним оказалось трудно, а ответы, которые она получала, фактически были бесполезны, она оставила эти попытки.

Либо он был болезненно стеснителен, либо скрывал что-то.

В долгие часы молчания мысли Кэлен возвращались к Ричарду. Интересно, погиб он или остался жив? Она боя-

лась, что знает ответ, но не желала смириться с фактом его смерти. Она все еще с изумлением вспоминала его облик, когда он пользовался оружием, как двигался его клинок и как он двигался сам. Он столько сделал, чтобы помочь ей спастись. Она боялась, что он заплатил за это максимальную цену.

Сидя в неподвижном воздухе и продолжая думать о Ричарде, Кэлен ощутила озноб, явно не от холода. Это была странная ночь. В ней ощущалось что-то неправильное и пустое. И сам мир ощущался даже более одиноким местом, чем обычно.

Именно это больше всего беспокоило ее — ощущение постоянной гнетущей пустоты, ужасающее одиночество из-за того, что она изолирована почти от всех в этом мире. Большая часть ее жизни оказалась потеряна, и она не знала, какой та была. Она не знала даже, кто она сама, кроме своего имени и того факта, что ее звали Мать-Исповедница. Когда она спросила Самюэля, что означает «Исповедница», он долгую минуту смотрел на нее, а затем пожал плечами. У нее осталось совершенно ясное впечатление, что он знал, но не хотел говорить.

Кэлен чувствовала себя изолированной не только от мира, но и от самой себя. Ей хотелось вернуть назад собственную жизнь.

В затухающем свете она отправилась к изможденной лошади, которая паслась в зарослях высокой травы. Под рукой не было никакой щетки, чтобы расчесать ее, так что Кэлен поглаживала это огромное животное рукой, стараясь вычистить ее, как только могла, проверяя, есть ли раны или ушибы. Она постаралась пальцами счистить комья засохшей грязи с ног и с живота. Конь поворачивал голову назад, наблюдая, как за ним ухаживают.

Лошади очень понравилось, как Кэлен заботится о ней, ее прикосновения. Это было животное, принадлежавшее типам, которые сами мало чем отличались от животных и

явно не относились к лошади с уважением и добротой, так что она знала цену и тому, и другому.

Закончив чистить копыта, Кэлен долго чесала коня за ушами. Тот тихо ржал и тыкался в нее головой. Кэлен смеялась и продолжала свои действия, что только радовало животное. Лошадь, наслаждаясь такой заботой, закрывала большие глаза. А Кэлен ощущала, что та ей ближе, чем Самюэль.

Для него лошадь была всего лишь средством, позволяющим покрыть расстояние. Кэлен не знала точно, действительно ли он спешит добраться куда-то или просто стремится, чтобы расстояние между ними и Имперским Орде-ном оказалось как можно больше.

Поскольку он придерживался определенного курса, она предполагала, что у него есть вполне конкретное место назначения. Если дело было в этом, тогда у него наверняка есть какие-то причины, чтобы торопиться туда. Но если у него есть место назначения, и он явно стремится добраться туда, то почему бы ему просто не сказать ей, куда они направляются?

Пока Кэлен чесала лошадь за ушами, та сильнее при-жалась к ней своей головой, должно быть, в знак призна-тельности. Женщина рассмеялась, почувствовав легкий толчок, который лошадь сделала, когда Кэлен закончила. Животное просило продолжить. Можно было подумать, что лошадь влюбилась в Кэлен.

Кэлен подумала, не следует ли быть менее благосклон-ной к Самюэлю? Она не собиралась вести себя преднаме-ренно холодно по отношению к нему, но, поскольку он был менее чем искренним и откровенным — и, вероятно, еще и уклонялся от ответов, — она решила доверять лишь своим инстинктам и придерживаться в общении с ним строгого тона.

Вернувшись к костру, Кэлен, присев на пятки, под-бросила еще веток в огонь и услышала, что Самюэль то-

ропливо возвращается. Она проверила нож на своем поясе.

— Один есть! — объявил он, когда появился в свете костра. — Этим вечером у нас будет теплая еда!

Самюэль ухватил кролика за задние лапы и разорвал его пополам. Кэлен изумилась, когда он положил кровото-чащую половину кролика перед ней.

Сам он присел на корточки неподалеку, сгорбившись и наклонившись лицом к огню, и начал жадно поглощать другую половину.

Кэлен в шоке смотрела, как он пожирает сырую добычу. Он оторвал зубами кусок шкуры с мехом и проглотил его. Раздавался лишь хруст костей, когда он вгрызался в них. Кровь текла по его подбородку, когда он поедал внутренности.

Это зрелище вызывало у нее тошноту. Кэлен отвернулась и уставилась на огонь.

— Ешь, — сказал Самюэль. — Это очень вкусно.

Кэлен взяла добычу за заднюю лапу и протянула свою половину ему.

— Я еще не проголодалась.

Самюэль не стал спорить. Он просто принялся рвать зубами ее половину.

Кэлен улеглась на спину, подложив под голову седло, и наблюдала за звездами. Чтобы отвлечь мысли от Самюэля, она снова задумалась о Ричарде. О том, кто он на самом деле и какая связь могла быть между ним и ею. И еще она думала о том, как он владел мечом. Это во многом напоминало ей, как управлялась с оружием она сама. Она не знала, где научилась тому, что умела. Наблюдая, как медленно восходила луна, она блуждала в своем внутреннем мире, окутанном туманной неопределенностью.

А еще она начала задумываться над тем, почему должна оставаться с Самюэлем. Он, в каком-то смысле, спас ее

жизнь, когда Ричард сказал ему, как можно это сделать. Она предполагала, что должна быть признательна ему за это. Но зачем оставаться с ним? Он больше не сообщает ей ничего ценного и не имеет практической полезности. И она вовсе не обязана отвечать ему преданностью. Так что она задумалась о том, не стоит ли ей передвигаться самостоятельно.

Но подумала она и о том, что если даже бросит Самюэля и продолжит путь самостоятельно, то, не зная ничего про себя, куда она сможет пойти? Когда они были в пути, она видела горы и леса, но не знала, в каком месте находится. Она не знала, где выросла, где жила, к чему имела какое-то отношение. Она не узнавала местность, как не узнавала городов и селений, и помнила только те места, заполненные мертвыми людьми, через которые проходила с сестрами, захватившими ее. Она затерялась в мире, который не знал ее и которого не помнила она.

Осознав, что луна уже поднялась над деревьями, она посмотрела в сторону Самюэля. Тот уже давным-давно закончил со своей едой и сейчас полировал свой меч, лежащий у него на коленях.

— Самюэль, — окликнула она, и он поднял глаза, будто его пробудили от транса. — Самюэль, мне необходимо знать, куда мы направляемся.

— В то место, где будем в безопасности.

— Это ты уже говорил мне и раньше. Но если ты хочешь, чтобы я продолжала это путешествие с тобой...

— Ты должна! Ты должна идти со мной! Ну пожалуйста!

Кэлен была ошеломлена таким взрывом эмоций. Его глаза расширились и округлились, и казалось, что он в неподдельной панике.

— Почему?

— Потому что приведу нас в безопасное место.

— Возможно, я сама могу обрести безопасность.

— Но я могу отвести тебя к тому, кто может помочь тебе вернуть свою память.

Ему удалось завладеть ее вниманием. Она села.

— Ты знаешь кого-то, кто может помочь вернуть мне мою память?

Самюэль отчаянно закивал.

— Кто это?

— Друг.

— Как я могу проверить, говоришь ли ты правду?

Самюэль уставился вниз, на лежащее у него на коленях оружие, и пальцами влюбленно пробежал по его изгибам.

— Я Искатель Истины. На тебе применили заклинание, которое забрало твою память. У меня есть друг, который поможет восстановить твоё прошлое, восстановить тебя саму.

Сердце Кэлен забилося от неожиданной перспективы вернуть свою память. Все оставшиеся у нее вопросы вдруг оказались совершенно несущественными.

Самюэль прежде не говорил ей, что был Искателем Истины. Она не знала, что такое Искатель Истины, но видела слово «истина», выполненное золотой нитью на серебряной рукояти меча. Казалось, это очень странный титул для того, кто столь неохотно выдает информацию о чем-либо.

— И когда же я встречу с ним?

— Скоро. Она уже близко.

— Откуда ты знаешь?

Самюэль поднял глаза. Эти желтые глаза, уставившиеся на нее, были похожи на два фонаря-близнеца в темноте.

— Я могу чувствовать ее. Ты должна оставаться со мной, если хочешь восстановить свое прошлое.

Кэлен вернулась в мыслях к Ричарду, разрисованному теми странными символами. Это было то прошлое, ко-

торое действительно интересовало ее. Она хотела знать, какая связь была между ней и этим человеком с серыми глазами.

Ричард знал, что других способов все равно нет.

Темнота, не сравнивая ни с чем из известного ему, сдавливала его со всех сторон. Она была удушающей, ужасающей и сминающей.

Денна пыталась защитить его, но у нее не было силы остановить подобное. И ни у кого не было.

— Ты не можешь, — дошел до его сознания шепчущий голос Денны. — Это место, где господствует ничто. Ты не можешь сделать этого.

Ричард знал, что только в этом у него есть шанс.

— Я должен попытаться.

— Если ты сделаешь это, то окажешься непригодным для этого места. Защита будет сорвана с тебя. И ты не сможешь больше здесь оставаться.

— Я сделаю то, что должен.

— Но ты не сможешь найти дорогу назад.

Ричард в муке закричал. Защитная структура тех самых форм заклинаний, которые он создал, начала рассыпаться. Чернота вокруг него стала просачиваться и по капле вытягивала из него жизнь. Это было место, не терпящее живого. Это было место, предназначением которого было вытягивать и саму жизнь в темную вечность несуществующего.

Зверь последовал за ним в эту пустоту преисподней и теперь поймал его среди собственных владений.

Поиск пути назад больше не был предметом его беспокойства. В этом отношении выбор уже потерян для него. Его связь с точкой входа уже не существовала. Она была уничтожена зверем — тот нарушил структуру защитных заклинаний. Больше нет дороги в Сад Жиз-

ни, равно как нет способа найти хоть что-то посреди небытия.

Теперь значение имело лишь само бегство отсюда.

Зверь был существом, порожденным магией Ущерб, и находился в мире Ущерб. И Ричард оказался заперт в его берлоге.

В этом месте нечего было ожидать необходимой помощи. Денна ничего не могла сделать против магического существа такого сорта, причем находящегося в собственной стихии.

Не было даже пути, по которому он мог бы вернуться в Небесный зал, где потолок из камня похож на стекло, сквозь которое видно небо. Даже это теперь, казалось, кануло в вечность, находилось в безмерной дали, отделенной вечностью несуществующего. Его связь с этим затерялась в этой темноте.

Чувствуя мучительные когти самой смерти, рвущейся к нему, он хотел выбраться отсюда.

Его разум удерживал те сущностные элементы, под покровом которых он отправился в объятия смерти. Зверь пытался сорвать их с него. Но даже если это будет стоить ему жизни, он не расстанется с ними. Если он утратит эти эфемерные аспекты, то возвращение к миру жизни не будет иметь смысла.

— Я должен это сделать, — выкрикнул он сквозь ошеломляющую боль того, что раздирало саму его душу.

Руки Денны пытались удержать его, но это объятие не давало защиты. Несмотря на то, что она хотела помочь ему, они столкнулись с тем, с чем она не могла бороться. Она была его защитником в этом мире, но всего лишь в том смысле, что служила проводником, чтобы помочь найти то, что ему необходимо. При этом она еще и не давала ему заблудиться и столкнуться с опасностями, которые затянут его навечно в еще более темные и мрачные места. Она была бессильна против того, что могло появиться из этой темно-

ты, и не обладала способностью остановить магическое существо, которого не существовало.

— Я должен! — выкрикнул он, осознавая, что ничего больше и не остается.

Поблескивающие слезы бежали по прекрасному светящемуся лицу Денны.

— Если ты сделаешь это, я не смогу защитить тебя.

— А если не сделаю, что, по-твоему, случится со мной?

Она лишь печально улыбнулась.

— Тогда ты умрешь здесь.

— Тогда какой же у меня выбор?

Затем она начала отплывать в сторону, и только ее рука еще придерживала его руку.

— Никого, — вновь прозвучал в его разуме ее шелковистый голос. — Но я не смогу быть рядом с тобой, если ты сделаешь это.

Корчась от боли, в то время как зверь все сильнее сжимал его, Ричард попытался кивнуть.

— Я знаю, Денна. Спасибо за все, что ты сделала. Это был истинный подарок.

Ее печальная улыбка стала шире.

— И для меня тоже, Ричард. Я люблю тебя.

Ричард чувствовал, что ее пальцы все еще касаются его. Он постарался кивнуть, насколько мог.

— Так или иначе, ты навсегда останешься в моем сердце.

Он ощутил ее поцелуй на своей щеке.

— Спасибо, Ричард, особенно за это.

А затем она исчезла.

Когда она исчезла и Ричард вдруг остался один, окутанный со всех сторон не сравнимым ни с чем одиночеством и темнотой, при полном отсутствии вообще всего, он высвободил магию Приращений, направляя ее в зверя — в том самом мире, где она существовать никак не могла.

И в это мгновение, когда магия Приращения ударила в самом сердце небытия, зверь, неспособный выдержать столь несовместимое столкновение между тем, что было, и тем, чего не было, между миром жизни и миром смерти, и оказавшийся внезапно без какой-либо защиты от магии Приращения в мире Ущерба, исчез из существования в обоих мирах.

И в ту же самую секунду Ричард ощутил оглушающий удар сразу со всех сторон.

Вдруг под его ногами оказалась земля.

Не в состоянии удержаться на ногах, он свалился среди черепов.

Нагие люди, разрисованные безумными знаками, сидели кружком вокруг него.

Вздрагивая от шока и боли, он ощутил успокаивающие, умиротворяющие прикосновения рук. Со всех сторон доносились слова, которых он не понимал.

Но начав вглядываться в лица, он стал узнавать их. Он узнал своего друга Савидлина. Во главе этого кружка сидел Птичий Человек.

— Добро пожаловать в мир живого, Ричард-с-Характером, — произнес знакомый голос. Это был Чандален.

Все еще прилагая усилия, чтобы восстановить дыхание, Ричард прищурился, оглядывая мрачные, отталкивающие лица, наблюдающие за ним. Они все были разрисованы дикими узорами из черной и белой тины. Он осознал, что понимает эти узоры. Придя к этим людям впервые и попросив о встрече, он посчитал, что черная и белая тина образует какой-то произвольный рисунок. Теперь же он знал, что это не так. Рисунки имели свое значение.

— Где я?

— Ты находишься в обители духов, — сообщил ему Чандален низким, прозвучавшим мрачно голосом.

Все окружающие его люди, говорившие на непонятном ему языке, были старейшинами Племени Тины. Здесь происходила их встреча.

Ричард оглядел обитель духов. Это та самая деревня, где они с Кэлен поженились. То самое место, где они провели первую брачную ночь.

Люди помогли Ричарду встать.

— Но что здесь делаю я? — спросил он Чандалена, все еще не уверенный, спит ли — или уже умер.

Тогда тот повернулся к Птичьему Человеку. Они обменялись несколькими словами. После этого Чандален вновь повернулся к Ричарду.

— Мы подумали, что ты знаешь это лучше и по возможности мог бы рассказать и нам. Дело в том, что нас попросили собраться здесь и подождать тебя. Нам передали, что это дело жизни и смерти.

Ричард нахмурился, стараясь ступать как можно осторожней, выбираясь из скопления черепов, принадлежавших предкам.

— Кто просил вас устроить встречу?

Чандален откашлялся.

— Ну, сначала мы подумали, что это, наверное, дух.

— Дух, — повторил Ричард, продолжая внимательно оглядываться.

Чандален кивнул.

— Но потом решили, что это чужак.

Ричард вскинул голову в сторону говорившего.

— Чужак?

— Она прилетела сюда на каком-то звере, а затем... — Он замолчал, увидев лицо Ричарда. — Идем, они объяснят сами.

— Они?

— Да, эти чужаки. Идем.

— Но я совершенно голый.

Чандален кивнул.

— Мы знали о твоем прибытии, так что приготовили для тебя одежду. Идем, они как раз там, снаружи, и ты сможешь сам поговорить с этими чужаками. Они очень хотят видеть тебя. Они очень боялись, что ты совсем не придешь. Мы уже две ночи сидим здесь в ожидании.

Ричард подумал, уж не Никки ли это или, может, Натан? Кто, кроме Никки, мог придумать и сделать такое?

— Две ночи... — пробормотал Ричард себе под нос, пока проходил через строй старейшин, каждый из которых прикасался к нему, похлопывал по плечу, бормотал какие-то приветствия. Несмотря на столь неожиданные обстоятельства, они все были рады видеть его. Ведь, в конце концов, он был один из них, один из людей Племена Тины.

Снаружи было темно. Ричард заметил слабый серп луны. Слуги уже поджидали их с одеждой для всех старейшин. Один слуга протянул Ричарду штаны из оленьей кожи и надеваемую через голову такую же рубашку.

Едва Ричард оделся, группа людей повела его по узким переходам. Ричард ощущал себя так, будто проснулся в какой-то прошлой жизни. Он вскоре вспомнил все эти переходы между хижинами.

Ричард очень хотел увидеть Никки. Он не мог дожидаться, чтобы выяснить, что случилось и как она узнала, как можно помочь его побегу. Скорее всего, это пророк узнал о проблемах, с которыми столкнулся Ричард, а она, должно быть, придумала способ, как сделать для него переход в мир живых. Ему не терпелось рассказать ей, что удалось сделать в преисподней.

Птичий Человек приобнял Ричарда за плечо и начал произносить слова, которых Ричард не понимал.

Чандален что-то ответил ему, а затем обратился к Ричарду.

— Птичий Человек хочет, чтобы ты знал, что он разговаривал со многими предками на таких встречах, но еще

ни разу в жизни не видел, чтобы кто-то из нашего племени возвращался из мира духов.

Ричард оглянулся на улыбающегося Птичьего Человека.

— Со мной это тоже впервые, — заверил он Чандалена.

На открытом пространстве, в самом центре деревни, уже горели большие костры, освещаая толпы людей, собравшихся на празднество. Под ногами у взрослых бегали дети, наслаждающиеся общим весельем. Люди собирались как вокруг, так и на самих помостах.

— Ричард! — закричала девочка.

Ричард повернулся на голос и увидел Рэчел, прыгнувшую с помоста и бросившуюся к нему. Она обхватила его руками. Похоже, она стала на голову выше с тех пор, как он видел ее в последний раз. Обняв ее, он не смог сдержать радостную улыбку, оттого что вновь увидел эту девочку.

Подняв глаза, он увидел и стоявшего там же Чейза. Чейз представлялся великаном среди людей Племена Тины, казавшихся по сравнению с ним детьми.

— Чейз, а что ты делаешь здесь?

Он сложил руки, принимая самый несчастный вид.

— Это слишком невероятно. Ты не согласишься, если я тебе это расскажу.

Ричард оглядел его.

— Я только что вернулся из преисподней, и думаю, что по части невероятного могу тебя переплюнуть.

Чейз задумался.

— Возможно. Я был на привале. Вообще-то я разыскивал Рэчел. Меня навестила моя мать.

— Мать? Твоей матери нет уже много лет.

Чейз сделал гримасу, как бы говоря, что знает это не хуже Ричарда.

— Вот видишь, ты уже заинтересовался.

— Ну, — сказал Ричард, пытаясь ухватить, что происходит, — несомненно, это была не твоя мать. А ты не подумал спросить, кто она?

Чейз, все еще со сложенными руками, пожал плечами.

— Нет. — Он посмотрел в темноту. — Это был скорее эмоциональный опыт. Чтобы понять, нужно было присутствовать там.

— Могу допустить, что ты прав, — сказал Ричард. — Она сказала, почему пришла навестить тебя?

— Она сказала, что я должен как можно скорее прийти сюда. Она сказала, что здесь будет Рэчел и что тебе потребуется помощь.

Ричард был просто ошеломлен.

— И она сказала, что за помощь потребуется мне?

Чейз кивнул.

— Лошади. Быстрые лошади.

— И ко мне приходила моя мать, — сказала Рэчел.

Ричард перевел взгляд с девочки на Чейза. Чейз пожал плечами, будто показывая, что у него нет ответа.

— Твоя мать? — спросил Ричард у Рэчел. — Ты имеешь в виду Эмму?

— Нет, не новая моя мать. Старая мать. Которая родила меня.

Ричард просто не знал, что на это сказать.

— И чего же она от тебя хотела?

— Она сказала мне, что я должна помочь тебе и для этого отправиться сюда. Она сказала, что мне нужно сказать этим людям, что ты был в мире духов и что они должны собраться здесь, чтобы у тебя была возможность вернуться назад.

— В самом деле, — только и смог сказать Ричард.

Рэчел кивнула.

— Она сказала, что я должна поспешить, что у меня очень мало времени, но зато у нее есть гар, чтобы доставить меня сюда. Его зовут Гратч. Он был действительно забав-

ный. Гратч сказал мне, что любит тебя. Но он уже отправился домой — как только мы прилетели сюда.

Ричард мог только вытаращить глаза.

— Это было несколько дней назад, — сказал Чейз. — Вот мы и ждали тебя здесь. Люди Племени Тины подготовились для встречи. Я привел сюда трех быстрых лошадей. И у нас есть еда. Лошади готовы в дорогу.

— Готовы в дорогу?

Чейз кивнул.

— Как мне хочется побыть тут еще какое-то время, и к тому же, думаю, у нас нашлось бы много тем для обсуждения, но моя... мать сказала, что тебе потребуется как можно скорее попасть в Тамаранг.

— Тамаранг, — повторил Ричард. — Зедд отправился в Тамаранг.

Но в этом месте не только Первый волшебник. Книга, которую Барах написал для Ричарда и которую затем укрыв для него же на три тысячи лет, теперь находится в Тамаранге. Ричард нашел эту книгу, имеющую название «Тайна могущества боевого чародея», но затем оказался в плену у Сикс и спрятал ее в каменном подвале в Тамаранге.

И сейчас эта книга нужна ему как никогда. Барах уже не раз оказывал ему бесценную помощь. Ричарду предстоит открыть шкатулки Одена, и эта книга может предоставить ему многое из того, что необходимо.

— Тамаранг, — произнес Ричард, снова задумавшись. — Там было заклинание, которое лишило меня дара.

Рэчел кивнула.

— Я разделалась с ним.

Ричард уставился на нее.

— Разделалась с ним?

Теперь Чейз обратил взгляд к Ричарду.

— Как я уже сказал, у нас есть много тем для обсуждения. но нет времени. Как я слышал из разговоров, ты

очень спешишь. И у тебя осталось время только до новолуния.

Страх резко нахлынул на него, и Ричард взглянул на осколок луны.

— Я не смогу вернуться в Народный Дворец к новолунию. Он слишком далеко.

— Ты не едешь в Народный Дворец, — напомнил ему Чейз. — Ты отправляешься в Тамаранг.

Ричард схватил Чейза за руку.

— Отведи меня к лошадям. Я теряю время.

Чейз кивнул.

— В точности как сказала моя мать.

Глава 55

Зедд вздрогнул от боли. Он услышал, что кто-то произнес его имя. Голос доносился так, будто медленно приплывал из какого-то далекого мира. Ему не хотелось отвечать на этот зов, не хотелось открывать глаза, не хотелось обретать сознание и вновь ощущать тяжесть бытия.

— Зедд, — снова окликнул его голос.

Сильная рука встряхнула его, осторожно покачивая тело вперед и назад. Зедд с усилием открыл глаза, совсем чуть-чуть, и бросил быстрый и испуганный, полный страха взгляд. Рикка и Том, склонившись над ним, смотрели с крайним беспокойством. Зедд заметил на светлых волосах Тома пятно запекшейся крови.

— Зедд, с тобой все в порядке?

Это был голос Рикки, как он догадался. Он зажмурил глаза, пытаясь понять, действительно ли у него сломана каждая кость, или это ему так кажется. Страх, ушедший в

тень его сознания, продолжал шептать, что, возможно, это конец всего.

Внутри у него все болело — результат настигшего его заклинания Сикс.

Он чувствовал себя полным дураком. Зная заранее о ее возможностях, он подготовился. Он был уверен, что может противостоять способностям этой женщины... Да и смог бы, если бы она не застала его врасплох с помощью созданного ею самой заклинания, что уже удивительно, заранее нарисованного в пещере, терпеливо поджидая, когда он появится в ее владениях. Хотя это и было такое действие, которого он никак не ожидал от ведьмы, ему следовало принимать во внимание подобную возможность. Он должен был быть готов к такому трюку.

Она была ведьма, а не волшебница и не волшебник, и знала, что хотя и имеет весьма значительные собственные таланты, но уязвима для определенных вещей, которые может сделать Зедд. Он продемонстрировал ряд таких возможностей еще в Цитадели Волшебника, не позволив ей убить его и остальных, когда она пыталась это сделать. Она научилась на этом опыте и отыскала способ создать противодействие — совершила нечто такое, что попросту несвойственно ведьмам. Фактически это было блестяще сделано, но, впрочем, ему было не до того, чтобы восторгаться ее достижениями.

— Зедд, — спросила Рикка, — с тобой все в порядке?

— Похоже, что так, — удалось сообщить ему. — А с тобой?

Рикка хмыкнула с ноткой недовольства.

— Нас определенно ждали. Во всяком случае, ей удалось удержать меня от того, чтобы помешать ей.

— Ну, не огорчайся, со мной ей удалось то же самое.

— Когда ты оглушил всех этих солдат — это было больше, чем мог бы сделать я, — добавил Том. — Извини

Зедд, но я не уберег тебя, когда моя помощь оказалась не-обходимой. Мне следовало стоять за тебя как сталь против стали.

Зедд искоса посмотрел на него.

— Не глупи. У стали есть свои пределы. Но именно я не должен был допустить, чтобы мы оказались в таком положении. Мне следовало лучше подумать и лучше подготовиться.

— Думаю, мы все потерпели неудачу, — сказала Рикка.

— Что еще хуже, мы подвели Ричарда. Мы ничего не сделали в пещере, чтобы помочь ему. Нам нужно попасть туда и разрушить то заклинание, которое перекрывает его связь с даром.

— Теперь на это очень мало надежды, — сказала Рикка.

— Ну, это мы еще посмотрим, — проворчал Зедд. — По крайней мере, похоже, пока мы в безопасности.

— Пока Сикс не вернется, чтобы прикончить нас.

Зедд уставился на человека.

— Спасибо, утешил.

С помощью Рикки и Тома, подтянувших его за руки. Зедд сел.

— Так все же где мы? — спросил он, оглядываясь в тусклом свете.

— Похоже на тюремную камеру, — сказал Том. — Стены полностью из камня, за исключением двери. В коридоре снаружи полно стражи.

Комната была не особенно большая. На маленьком столе горел фонарь. И еще здесь был один стул. За исключением этого, комната была пустой.

— На потолке видны балки и доски, — заметил Зедд, оглядываясь. — Интересно, если я смогу разрушить их своей силой, будет ли нам этого достаточно, чтобы сбежать?

С их помощью он неуверенно поднялся на ноги. Рикка поддерживала его, пока он поднимал руку, чтобы воспользоваться своим даром и опробовать потолок.

— О черт, — пробормотал он. — Применив сложное заклинание, она еще и устроила нечто типа барьера вокруг этой комнаты. Он удерживает меня и не дает проломить потолок с помощью моего дара. Нас запечатали здесь.

— Еще вот что, — сказал Том. — Стража состоит в основном из солдат Имперского Ордена. Похоже, Сикс действует на той же стороне, что и Джегань.

Зедд почесал голову.

— Замечательно, именно этого нам и не хватало.

— По крайней мере она не убьет нас, — высказал предположение Том.

— Да, — добавила Рикка.

Зедд прищурил глаза, продолжая смотреть на потолок. Затем указал рукой.

— Что это такое?

— Что? — спросил Том, взглянув вверх.

— Вон там. У самого края потолка, со стороны стены. Кажется, там что-то заклинено, между этой последней балкой и верхним краем стены.

Том воспользовался стулом, чтобы дотянуться до темного свертка, укрытого в тени балки. Он потянул его, пока тот вдруг не упал на пол. Часть его содержимого вывалилась.

— Добрые духи, — только и сказал Зедд. — Ведь это же мешок Ричарда.

Некоторые выпавшие вещи были ему знакомы. Он наклонился к мешку и быстро осмотрел выпавшее снаряжение, прежде чем затолкал все это обратно. Подняв черную рубашку, прошитую золотом, и уложив ее в мешок, Зедд заметил лежавшую на полу книгу. Он поднял ее и, прищурившись, некоторое время разглядывал в тусклом свете.

— Что за книга? — спросила Рикка.

Том наклонился ближе, чтобы посмотреть.

— О чем она?

Зедд едва мог поверить в то, что увидел.

— На переплете указано, что эта книга называется «Тайна могущества боевого чародея».

Рикка слегка присвистнула.

— Мои чувства примерно такие же, — пробормотал Зедд, разглядывая переплет. — Где же Ричард мог раздобыть такое? Это может оказаться бесценным.

— И что в ней сказано насчет его могущества? — спросила Рикка, будто настраиваясь продолжить разговор.

Зедд открыл обложку и перевернул страницу, затем другую. И удивленно заморгал.

— Добрые духи... — пробормотал он в изумлении.

Заметив тень, заполнившую дверной проем, Никки подняла глаза. Это была Кара.

— Как дела? — спросила морд-сит тихим голосом, который, казалось, терялся в мрачной и унылой комнате.

Взгляд Никки блуждал, направленный в никуда. Она была не в состоянии оценить значимость вопроса. Она предполагала, что Кара просто пыталась найти какие-то слова, отражающие ее искреннее беспокойство. При этом Никки пришло в голову, что морд-ситы наконец-то обрели простые добрые качества, но теперь, как ни печально, это уже не имеет никакого значения.

— У меня ничего нового.

— А ты выяснила, что именно пошло не так?

Никки взглянула на нее, продолжая сидеть на мягком, обтянутом кожей стуле.

— Что пошло не так? Разве это не очевидно?

Кара подошла ближе и праздно провела пальцем по другой половине стола красного дерева. В тусклом свете

библиотеки красная кожа ее костюма выглядела как пятно крови.

— Но Лорд Рал обязательно найдет путь назад.

Для Никки это прозвучало скорее как мольба, нежели как утверждение.

— Кара, если бы Ричард мог найти путь назад, он вернулся бы десять дней назад, — сказала Никки подавленным голосом, не имея возможности лгать. Кара заслуживала большего, чем замена правды обманом фальшивой надежды.

— Ну, может быть, это заняло больше времени, чем вы оба надеялись.

Никки очень хотелось бы, чтобы все было вот так просто. Она покачала головой. Он должен был вернуться на следующее утро. А поскольку он так и не вернулся, это значит, что он не выжил...

— Но он должен вернуться назад! — выкрикнула Кара, наклоняясь над столом, не желая позволить Никки закончить подобную мысль.

Никки с минуту наблюдала беспокойство, написанное на лице Кары. Что тут сказать? Как могла она объяснить такую вещь человеку, который практически не понимает смысл и значение того, что происходило?

— Поверь мне, Кара, — сказала наконец Никки, — я так же хочу его возвращения, как и ты, но будь он способен перенести путешествие в преисподнюю и выжить, он давно бы уже вернулся. Он не может оставаться там так долго.

— Почему нет?

— Можно сказать, что это отчасти примерно как нырнуть на дно озера. Ты можешь задержать дыхание на какое-то время, но все равно необходимо вернуться на поверхность воды в течение определенного времени. Если твоя нога застрянет под корягой на самом дне, ты утонешь. Он не мог выдержать там так долго. И раз он не вернулся, когда был должен...

— Ну, может быть, он выбрался где-то еще. Может, вынырнул в другом месте.

Никки лишь покачала головой.

— Вообрази, что озеро покрыто льдом. Прорубь, через которую он опустился — то есть те заклинания на магическом песке, — единственный путь вернуться обратно. Шкатулки Одена — это врата. Эти заклинания частично использует элементы Одена, то есть элементы этих самых врат. Преисподняя — это всего лишь пустота.

Она понимала, что в попытке сделать все более понятным для Кары лишь запутывает. Никки и сама не совсем уяснила природу преисподней.

— Давай просто скажем так, что если он пытается выбраться где-то еще из-под льда на этом замерзшем озере, то не сможет там пробиться. Ему необходимо вернуться назад через то самое отверстие, которое он уже прорезал, через отверстие в преисподнюю, которое сам создал, через те же врата. Ну, так понятнее?

— В некотором смысле, но все равно это должно было получиться. — Она указала рукой на разложенные на столе книги. — Вы вдвоем все это вычислили и просчитали. Даркен Рал тоже делал это. Нет никаких причин, чтобы это не получилось точно таким же образом. Нет никаких причин, чтобы это не получилось у Ричарда Рала.

Никки отвернулась от пытливого взгляда голубых глаз Кары.

— Причина есть

Кара выпрямилась.

— Что ты имеешь в виду? Что за причина?

— Зверь.

Кара смотрела на нее долгую минуту.

— Зверь? Ты думаешь, зверь сможет найти его там, в преисподней?

Никки покачала головой.

— Нет. Зверь нашел его еще здесь, в этом мире, когда он чертил заклинания. Когда Ричард наконец прошел через созданные им самим врата, зверь был наготове и поджидал его. Зверь последовал за ним в преисподнюю.

Судя по лицу Кары, она была в ужасе и ярости одновременно.

— Но он мог там с ним сразиться.

Никки посмотрела на нее насупившись.

— Как?

— Не знаю. Я не эксперт в таких вещах.

— Так и Ричард тоже. В преисподней все не так, как здесь. В прошлом он применял свой меч или защитные поля, чтобы остановить зверя. Когда зверь появился в последний раз, он избавился от него, попав одной из тех особых стрел. А что ему делать, оказавшись в преисподней? Ведь ему следовало отправиться туда голым. У него нет оружия — и сражаться нечем.

Лицо Кары не скрывало ее ярости.

— Тогда почему ты позволила ему отправиться туда?

— Он уже отправлялся в преисподнюю, когда я увидела зверя. Тот последовал прямо за ним. Не было никакой возможности ни остановить зверя, ни предупредить Ричарда.

— Но ведь должен же быть какой-то способ остановить его.

Никки встала.

— Путешествие в преисподнюю — это нечто такое, что он обязан сделать, если хочет получить шанс воспользоваться силой Одена. А без нее он не может противостоять Огненной Цепи. А если он не сможет противостоять Огненной Цепи — мы все погибнем. Кроме того, я не смогла бы остановить его, даже если бы очень этого хотела.

Кара принялась вышагивать перед столом.

— Через несколько дней наступит новолуние. У нас не остается времени. Ведь должно же быть хоть что-то, что ты можешь попробовать сделать. Должен быть шанс, что он все еще заперт там, сдерживая дыхание. Лорд Рал никогда не бросит нас. Лорд Рал будет сражаться за нас до последнего дыхания.

Никки кивнула, выходя из-за стола.

— Ты права. Я пойду в Сад Жизни и попробую сделать несколько заклинаний для вызова.

Она знала, что это глупая идея. Подобная вещь не только невозможна, но будет просто потерей времени. Тем не менее она чувствовала, что должна что-то сделать, чтобы не сойти с ума, и, по крайней мере, это могло успокоить Кару. А что еще оставалось делать?

— Хорошая мысль, — сказала Кара. — Сделай заклинания для вызова и вытащи Лорда Рала назад.

Выйдя в коридор, Никки увидела, что он перегорожен с обеих сторон солдатами Первой когорты. У каждого из них был арбалет, снаряженный стрелой с красным оперением. Все выглядело так, будто эти люди специально блокировали район библиотеки.

Никки увидела макушку головы Натана, пробирающегося сквозь плотную стену людей. Наконец пророк прошел через солдат и, заметив Никки, тут же направился к ней.

Его лицо выглядело более чем мрачным. От одного только взгляда на его лицо у Никки пересохло во рту.

— Натан, что это значит? — спросила она, когда он резко остановился перед ней.

Его небесно-голубые глаза казались очень уставшими.

— Мне очень жаль, Никки, но мне остался лишь единственный путь.

Никки в замешательстве прищурилась. Она бросила быстрый взгляд на солдат, стоявших плечом к плечу, перегородивая коридор. Они тоже выглядели мрачными, находясь здесь.

— Что это за единственный путь? — спросила она.

Он отвел от нее взгляд и устало провел по лицу рукой.

— Между мной и Ричардом состоялся очень важный и серьезный разговор перед тем, как он отправился в это опасное путешествие. Он сказал мне, что если не сумеет вернуться, я должен буду сделать все, что необходимо, для того чтобы спасти находящихся здесь людей от того ужаса, который готов спустить на них Джегань. Без Ричарда, как говорит пророчество, мы проиграем эту последнюю битву.

— Мы всегда знали это.

— Я знаю кое-что относительно преисподней, Никки. И знаком с теми формами заклинаний, которые он использовал. Я поднимался в Сад Жизни. Изучал то, что он там делал. Ричард все сделал правильно. Все должно было получиться.

— Следом за ним в преисподнюю отправился зверь, — сказала Кара.

Натан тяжело вздохнул, но не выглядел удивленным.

— Я предполагал, что что-то подобное обязательно произойдет. Поскольку изучал те методы, которыми пользуется Ричард.

Кара, казалось, была полна надежды, что пророк может дать ответ, которого не смогла дать Никки.

— Хорошо, а не можешь ли ты предложить способ вызвать его назад из преисподней? Никки собирается бросить призывающую сеть. Возможно, ты мог бы помочь ей. Вы оба...

Голос ее стих. Натан был явно не в настроении выслушивать подобную чушь.

— Ничего подобного не возможно, Кара. Мы не можем вызвать его из преисподней после такого промежутка времени. Ричард потерян для нас.

Кара постаралась сдержать слезы, неспособная вынести такого заявления.

— Император намерен быть здесь, — сказал Натан. — Это всего лишь вопрос времени. Великая пустота моментально опустится на нас. Все, что мы теперь можем сделать, это постараться сохранить как можно больше людей в этом дворце.

Никки вскинула подбородок.

— Понимаю.

— Единственный путь к этому состоит в том, чтобы сдать дворец, как только наступит новолуние... и сделать это так, как того требовал Джегань.

Никки сдержала свои эмоции.

— Не могу сказать, что знаю какой-то другой путь, Натан.

— Извини, Никки. — Голос лишь подчеркнул, насколько искренними были его слова. — Но я должен позаботиться очень о многом, и потому собираюсь арестовать тебя и надежно запереть до того времени, когда в новолуние явится Джегань, чтобы забрать тебя.

Никки ощутила, как слеза скатилась по ее щеке, не из-за страха за себя, а из-за потери Ричарда для всех тех людей, которые рассчитывали на него, что он повернет течение, победит в финальной битве, доведет до конца то, что только он мог довести.

— Тебе не нужна была вся эта охрана, со всеми этими стрелами. — Она совладала со своим голосом, не давая ему сорваться. — Я отправлюсь туда добровольно.

Натан кивнул.

— Спасибо, что не стала создавать дополнительных трудностей к тем, что у нас уже есть.

Глава 56

Кэлен проснулась от ледящей вспышки испуга.

Она расслабленно лежала на правом боку, голова повернута полностью вправо, подбородок на подушке из седельной сумки. Она очень внимательно осмотрелась сквозь едва прикрытые веки. Облака только-только начали подкрашиваться близящимся рассветом.

Она не знала, почему так резко проснулась, но вскоре открыла причину.

Угловым зрением она смогла увидеть, что Самюэль замер прямо над ней — буквально нависает. Он был тихий и молчаливый, всего лишь в нескольких дюймах от нее, застывший, как кугуар над добычей.

Он был абсолютно голый.

У Кэлен это вызвало такое смятение, что мгновение она лежала неподвижно, в полном замешательстве, раздумывая, действительно ли проснулась или это причудливый ночной кошмар. Но как только начали работать инстинкты, ее растерянность тут же переросла в крайнюю тревогу.

Стараясь не показывать, что проснулась, она медленно передвинула руку к поясу, чтобы добраться до ножа. Поскольку она лежала на правом боку, чехол с ножом был где-то под ней. Ей нужно просунуть под себя пальцы в попытке достать нож и постараться не выдать того факта, что она не спит. Она рассчитывала, что одеяло поможет скрыть движения ее руки.

Ножа там не оказалось.

Кэлен чуть скосила глаза вниз, в надежде, что он каким-то образом выпал и находится поблизости, на земле. Но и там его не было. Все еще пытаясь под одеялом отыскать нож, она заметила неподалеку сваленную одежду Самюэля. Затем увидела и нож. Он лежал рядом с его

одеждой, но был слишком далеко, чтобы до него дотянуться.

Ей стало гадко, когда она представила, как он украдкой сбрасывает свою одежду и разглядывает ее, пока она спит. Она была потрясена от одной мысли, что он был так близко к ней, наблюдал за ней, забрал ее нож и готовился к тому бесстыдству, которое намеревался сотворить с ней, — а она даже не осознавала этого. Но помимо того, что Кэлен была потрясена, она еще и злилась на себя за то, что позволила ему зайти так далеко.

Хотя Самюэль все время казался неуверенным и пугливым, а иногда стремился сделать ей что-то приятное, происходящее сейчас совершенно не удивляло ее. Она хорошо помнила все те случаи, когда ей удавалось перехватить его пристальный взгляд, обращенный к ней. Казалось, эти взгляды всегда содержали трусливое стремление, которого он в других отношениях никогда не выдавал. Она же сдерживала свой гнев и сосредотачивалась только на выживании.

Будучи нерешительным, Самюэль действовал слишком медленно, занимая свою позицию, казалось, осторожничал, вместо того чтобы смело набрасываться, упав на нее. Он, очевидно, хотел, чтобы она оказалась полностью под ним, а затем, когда он будет близко и достаточно уверен, что она не сбежит, то силой подчинит ее себе, а уж затем даст выход темным устремлениям, которые все это время скрывались в глубине золотисто-желтых глаз.

Самюэль не был крупным мужчиной, но довольно мускулистым. Он явно сильнее, чем она. И нет никакой надежды, что ей удастся сбежать без борьбы, и к тому же она находилась в невыгодной позиции, чтобы сцепиться с ним. В такой близости она не могла нанести эффективный удар даже кулаком. На подобной дистанции, без ножа и без чьей-либо помощи, у нее было очень мало надежды отбиться от него.

Несмотря на то, что он значительно сильнее, а она спала, он был очень осторожен и осмотрителен. Его ошибка была в том, что он не стал действовать быстро, лишая ее возможности сопротивляться. Но это не ввиду недостатка возможностей или преимущества, а скорее из-за нехватки смелости. Единственным ее преимуществом в эту минуту было то, что он не действовал быстро, и то, что он не знал, что она проснулась. Она же не хотела лишиться хоть такого преимущества. Когда она начнет действовать, неожиданность отчасти выровняет шансы и даст возможность, которой потом не будет.

Ее мысли неслись по имевшимся вариантам выбора. У нее была возможность ударить первой. И следовало использовать это наилучшим образом.

Первой мыслью было выбросить вверх колено, как раз туда, где это наиболее опасно для него. Но поскольку она лежит на правом боку, а ее ноги укрыты одеялом, и его позиция такова, что он может ее этим одеялом придавить, она считала, что возможностей для первого удара у нее очень мало.

Однако ее левая рука была свободна и находилась как раз поверх одеяла. Этот вариант показался ей наилучшим выбором. Поэтому без дальнейшей задержки, пока не оказалось слишком поздно, она нанесла быстрый удар, с проворством гадюки, пытаясь большим пальцем выдавить ему глаз. Палец с силой вдавился в мягкую ткань его глаза.

Он закричал от испуга и немедленно отдернул лицо назад и в сторону. Быстро собравшись, он рукой отшвырнул ее в сторону, как только она вцепилась в его лицо, и в то же самое время обрушил весь свой вес вниз, выдавливая воздух из ее легких.

И прежде чем она смогла сделать вдох, он надавил предплечьем поперек ее горла, прижимая ее голову к земле и затрудняя дыхание. Кэлен сопротивлялась из всех сил,

пытаясь вырваться от него. Это отчасти напоминало схватку с медведем. Она явно уступала ему и по весу, и по силе, а особенно проигрывала из-за уязвимости позиции, в которой находилась. У нее не было никаких средств, чтоб сбросить его, и не было эффективного способа нанести удар.

Кэлен еще сильнее повернула голову вправо, чтобы высвободить дыхательное горло из-под нажима его руки, лежащей поперек ее горла. Напрягая мышцы шеи, она смогла все же вдохнуть.

Когда Кэлен сделала этот затрудненный вдох, ее взгляд сфокусировался, оказавшись нацеленным на его одежду, лежащую неподалеку. Кэлен заметила торчавшую из-под штанов серебряную рукоять меча и даже разглядела на ней в раннем утреннем свете поблескивавшее золотом слово «Истина».

Кэлен отчаянно тянулась, чтобы схватить меч, но тот находился далеко от ее пальцев. Она понимала, что, лежа на земле, не может свободно пользоваться другой рукой, и даже если и овладеет мечом, у нее не будет возможности вытащить его из ножен, чтобы проткнуть Самюэля или хотя бы серьезно ранить. Ее цель заключалась в том, чтобы ухватиться за рукоять, а затем концом эфеса ударить противника по лицу или по голове. Меч был достаточно тяжелым, чтобы оказаться эффективным при использовании его таким образом. Если нанести хороший удар в уязвимое место, например, в висок, можно даже убить.

Но рукоять оставалась вне досягаемости.

В то время как Кэлен стремилась добраться до меча, у Самюэля обнаружились кое-какие трудности в попытках добраться до нее. Одежда оказалась препятствием для его похоти. Присев на нее, чтобы удерживать ее внизу, он лишь осложнил свою задачу, не учтя некоторых практических аспектов этой процедуры. Он вполне удачно удерживал ее внизу, но одежда и было частью тех средств, с помощью ко-

торых он продолжал контролировать ее руки и ноги. В то же самое время оно не позволяло ему добиться своей конечной цели.

Она понимала, что так будет лишь до того момента, пока его не осенит, что проще ударить ее до бесчувствия.

Будто читая ее мысли, он занес правую руку над головой. Она заметила, как сжался кулак. Как только кулак двинулся вниз, к ее лицу, она использовала всю свою силу, чтобы резко вывернуть тело и уклониться от удара.

Кулак врезался в землю точно позади ее головы.

Ее пальцы нащупали золотистую вязь слова «истина» на рукояти меча.

Само это слово, казалось, привело к резкой остановке всего.

В одно мгновение она оказалась пронизана пониманием.

Разные понятия внутри нее, которые казались полностью утраченными, вдруг оказались на своих местах.

Она не помнила, кем была, но мгновенно осознала, что собой представляла.

Исповедница.

Это не было полным соединением с ее прошлым, но давало ей знание, что означает быть Исповедницей. Ранее это было для нее сплошной загадкой, но теперь, поняв, что все это означает, она ощутила эту неотъемлемую часть собственной сущности, свою связь с ней.

Она по-прежнему так и не знала, кем она была, кто такая Кэлен Амнелл, и не помнила ничего из своего прошлого, но вспомнила, что значит быть Исповедницей.

Самюэль занес руку, чтобы снова ударить ее.

Кэлен приложила свою руку к его груди.

И больше не было ощущения, что над ней нависает сильный мужчина, пытающийся подчинить ее себе. Она больше не чувствовала ни паники, ни ярости. Она больше не боролась. Она ощущала себя так, будто стала легкой, как

дуновение ветерка, и что он больше не имеет никакой силы над ней.

Больше не было никакой неистовой борьбы, никакого чувства отчаяния.

Время принадлежало ей.

Ей больше не нужно было лихорадочно соображать, оценивать или решать. Она знала, с отчетливой ясностью, что делать. Ей даже не требовалось это обдумывать.

У Кэлен не было необходимости взывать к присущей ей по природе силе, а требовалось всего лишь позволить своему новому ощущению проявить некоторую свободу.

Теперь она могла видеть застывшую на его лице разъяренность и сосредоточенность. Кулак неподвижно завис в воздухе, как будто до тех времен, пока это все не закончится.

Ей не требовалось на что-то надеяться, чего-то ждать или действовать. Она знала, что время теперь ее. Она знала, что сейчас произойдет, почти как если бы это уже случилось.

Самюэль пришел в лагерь Имперского Ордена совсем не для того, чтобы ее освободить, а — по причинам, которые она довольно скоро узнает, — чтобы захватить ее.

Он не был ее спасителем.

Это был враг.

Внутренняя ярость ее мощной, бездействующей и плотно свернутой силы, покидающей свои границы, была поразительной. Она поднялась из глубин темного внутреннего естества, наводняя каждую клеточку ее существа.

Время принадлежало ей.

Она могла бы сосчитать каждый волосок на его застывшем лице, если бы хотела, и он бы так и не продвинулся ни на дюйм в своем безрассудном стремлении ударить ее.

Ее страх исчез; спокойная целеустремленность и самообладание пришли на замену ему. Больше не было ярости; холодная оценка ситуации заняла ее место.

В состоянии глубокого спокойствия, порождаемого властью над своими возможностями и, следовательно, над собственной судьбой, ей больше не требовалось сохранять ни ненависти, ни ярости, ни ужаса... ни малейшего сожаления. Она видела истину того, что происходило. Этот человек обрек себя сам. Он сделал свой выбор; теперь он должен столкнуться с неизбежными последствиями этого выбора. В этот бесконечно малый промежуток жизни ее разум пребывал в пустоте, где всепоглощающий бег времени, казалось, приостановился.

У него не было шанса. Он был в полном ее распоряжении.

И хотя времени у нее теперь было вполне достаточно для всего, сомнений не оставалось.

Кэлен высвободила свою силу.

Вывавшись из самых отдаленных глубин ее естества, эта сила захватила все.

Беззвучный гром сотряс воздух — мощный, неистовый и в самом начале величественный и надменный.

Воспоминание об этом было для нее островком здравого мышления в этой темной реке незнания самой себя.

Лицо Самюэля застыло, искаженное ненавистью к той, кем он только что собирался обладать.

Кэлен пристально смотрела в его золотисто-желтые глаза, осознавая, что он видит только ее безжалостный и жестокий взгляд.

В этот поворотный момент исчезло все, включая его разум и то, кем он был сейчас или кем был когда-то.

Деревья вокруг вздрогнули в холодном утреннем воздухе от сотрясшего их яростного удара. Мелкие ветки и сухая кора осыпались. Мощная волна расширялась по кругу унося вдалека пыль и частицы земли.

Удивительные глаза Самюэля округлились.

— Госпожа, — прошептал он, — приказывайте.

— Слезь с меня.

Он немедленно откатился в сторону и встал на колени, сложив руки в мольбе, тогда как взгляд оставался прикованным к ней.

Сев, Кэлен осознала, что все еще сжимает меч в правой руке. Она выпустила его. Ей не требовался меч, чтобы иметь дело с Самюэлем.

Глубоко страдающий оттого, что приходится ожидать приказаний, тот, казалось, был готов вот-вот удариться в слезы.

— Пожалуйста... чем я могу услужить тебе?

Кэлен откинула в сторону одеяло.

— Кто я?

— Кэлен Амнелл, Мать-Исповедница, — немедленно ответил он.

Это она и без того уже знала. Несколько секунд она размышляла.

— Где ты взял этот меч?

— Украл.

— А кто его законный обладатель?

— Раньше или сейчас?

Это ее несколько озадачило.

— Раньше.

Самюэль впал в смятение от этого вопроса. Он заплакал, практически всерьез, заламывая руки.

— Я не знаю его имени, госпожа. Клянусь, не знаю его имени. Я никогда не знал его имя. — Он разрыдался. — Мне очень жаль, госпожа, я не знаю, не знаю, я клянусь, что не знаю...

— И как же ты заполучил этот меч у хозяина?

— Я ударил его, перерезал ему горло, пока он спал... но клянусь, я не знаю его имени.

Те, к кому прикоснулась Исповедница, признавались без малейших колебаний во всем, что они сделали, — абсолютно во всем. Их беспокоил только постоянный мучительный страх, что они могут не угодить женщине, которая кос-

нулась их своей силой. В их разуме оставалось лишь стремление быть послушными ее приказаниям.

— Тебе приходилось убивать и других людей?

Самюэль резко поднял глаза, сияющие неожиданной радостью от того, что услышал вопрос, на который может дать полноценный ответ. Лицо его озарилось улыбкой.

— О да, госпожа. Многих. Хотите, я убью кого-нибудь и для вас? Любого. Только назовите. Только скажите мне, кого я должен убить. Я сделаю это так быстро, как только смогу. Пожалуйста, госпожа, только скажите мне, кого, и я исполню вашу просьбу и разделаюсь с ними ради вас.

— Кто сейчас владеец этого меча?

Он помолчал при смене темы.

— Он принадлежит Ричарду Ралу.

Кэлен нисколько не удивилась этому.

— Откуда Ричард Рал знает меня?

— Он твой муж.

Кэлен встала в шоке от того, что только что услышала. Она прищурилась, ее мысли вдруг разбежались в разные стороны.

— Что?

— Ричард Рал твой муж.

Она замерла, долгую минуту пристально глядя в никуда, не в состоянии уложить это все в своей голове. С одной стороны, это был оглушающий шок. И в то же самое время это имело определенный смысл, понять который ей все никак не удавалось.

Кэлен замерла, утратив дар речи.

Узнать, что она была замужем за Ричардом Ралом, оказалось ужасающим открытием. С другой стороны — это наполняло ее сердце огромной радостью. Она думала о его серых глазах, думала о том, как он смотрел на нее, и пугающий аспект этого открытия, казалось, начинал испаряться. Это выглядело так, будто все мечты, которые она не решалась даже высказать, становились правдой.

Она почувствовала, как слеза скатилась по ее щеке. Она смахнула ее пальцами, но за ней тут же последовала другая. От радости она едва не рассмеялась.

— Мой муж?

Самюэль с ожесточением кивнул.

— Да, госпожа. Ты Мать-Исповедница. Он Лорд Рал. Он женат на тебе. Он твой муж.

Ощущая дрожь, Кэлен попыталась собраться с мыслями, но ее разум сопротивлялся этому, будто в нем оказалось сразу так много мыслей, что они все запутались между собой.

Она внезапно вспомнила Ричарда, лежавшего в лагере Ордена на земле и кричавшего ей, чтобы она уходила.

Ричард, в лучшем случае, сейчас пленник Ордена, но более вероятно, что он уже мертв.

Наконец ей удалось узнать о своей связи с ним, но теперь он был потерян для нее навсегда.

Она почувствовала, что слеза снова сбежала по ее щеке, но на сей раз не от радости, а только от страха.

Наконец она взяла себя в руки и обратила все внимание на человека, стоявшего перед ней на коленях.

— Так куда ты собирался доставить меня?

— В Тамаранг. К моей... К моей другой госпоже.

— К другой госпоже?

Он торопливо кивнул.

— Сикс.

Кэлен припомнила, как Джегань упоминал ее в разговорах, и нахмурилась.

— Эта ведьма?

Было видно, что Самюэль боялся отвечать, но он все-таки сказал:

— Да, госпожа. Мне было приказано доставить тебя туда и передать ей.

Кэлен указала рукой вдоль себя.

— Она приказала тебе сделать и это?

Сопrotивляясь внутреннему нежеланию, Самюэль облизал губы. Признаться в убийстве было одно, но это — совсем иное.

— Я спросил у нее, могу ли получить тебя, — жалобно скуля, признался он. — Она сказала, что если я хочу, то могу воспользоваться тобой в качестве награды за мою службу, но все равно должен доставить тебя к ней живой.

— И чего же она хочет от меня?

— Думаю, собирается использовать тебя в качестве средства обмена.

— С кем?

— С императором Джеганем

— Но ведь я и была у Джеганя!

— Джеганю ты очень нужна. А она знает, какую ценность ты для него представляешь. Сикс хотела завладеть тобой, а затем вернуть тебя к Джеганю в обмен на привилегии для себя.

— Как далеко мы сейчас от Тамаранга и от этой ведьмы?

— Не слишком далеко. — Самюэль указал в сторону юго-запада. — Если не будем задерживаться в пути, госпожа, то можем оказаться там к исходу завтрашнего дня.

Внезапно она ощутила себя очень уязвимой, ввиду того что оказалась так близко от женщины, обладавшей такой силой. Кэлен была совершенно уверена, что ей следует убираться из этого района, иначе она может оказаться пойманной, и для этого вовсе не обязательно, чтобы Самюэль притащил ее прямо к ногам Сикс.

— И поскольку собирался завтра передать меня в другие руки, ты понимал, что твое время рядом со мной заканчивалось. И тогда решил изнасиловать меня.

Это был не вопрос, а просто констатация факта.

Самюэль снова стал заламывать руки, слезы ручьем текли по его красному лицу.

— Да, госпожа. — В ужасающей тишине он стал еще более безумным, пока она стояла, пристально глядя на него. Кэлен знала, что человек, испытывший ее прикосновение, больше не был теми, кем был до того, и не имеет прежнего разума. Использованный таким вот образом один раз, он становится безраздельным слугой Исповедницы.

Ей пришло в голову, что нечто подобное оказалось проделано и с ней самой. Она задумывалась над тем, что ее память была точно так же потеряна для нее, как и прошлое Самюэля потеряно для него. И это была ужасающая мысль.

— Пожалуйста, госпожа... ты прощаешь меня?

В затянувшейся тишине он не смог вынести вины своих намерений. Он заплакал, впадая в истерику, не способный выдержать осуждения, которое видел в ее глазах.

— Пожалуйста, госпожа, отыщи милосердие для меня в своем сердце.

— Милосердие изобретено виновными на случай непредвиденных обстоятельств — если они будут пойманы Правосудие же относится к справедливости. Меня интересует лишь правосудие.

— Но тогда, пожалуйста, госпожа... ты простишь меня?

Кэлен пристально посмотрела в его глаза, чтобы увериться, что он не ошибается ни в смысле ее слова, ни в ее намерениях.

— Нет. Это будет искажением концепции справедливости. Я не прошу тебя, ни сейчас и никогда, и не из-за ненависти, а потому что ты виновен во многих преступлениях, не только в тех, которые совершил против меня.

— Я знаю, но ты могла бы простить меня за преступления против тебя. Пожалуйста, госпожа, только за это. Ты простишь меня только за то, что я сделал тебе, и за то что собирался сделать?

— Нет.

Реальная окончательность этого приговора застыла в его глазах. Он в ужасе начал задыхаться, осознавая, что его поступки и тот выбор, что он сделал, были непоправимы. Он не чувствовал ничего относительно своих других преступлений, но ощущал полную тяжесть ответственности за преступления против нее.

Возможно, он впервые видел себя таким, каким на самом деле и был, — видел себя так, как видела его она.

Самюэль еще раз сделал тяжелый вдох, хватаясь за грудь, а затем замертво свалился на бок.

Не задерживаясь, Кэлен начала собирать вещи. Оказавшись так близко от ведьмы, ей следует бежать как можно быстрее и как можно дальше. Она еще не знала, куда может пойти, но знала, куда идти не может.

Внезапно она осознала, что ей следовало бы хорошенько подумать и задать Самюэлю гораздо больше вопросов. Как же она позволила, чтобы так много ответов проскользнули у нее между пальцев?

Эти новые сведения о Ричарде — что Ричард был ее мужем, — внесли такое смятение в ее мысли, что она просто не сообразила спросить Самюэля о чем-то еще. Она вдруг почувствовала себя поразительно глупой за то, что упустила такую бесценную возможность.

Ну, что сделано, то сделано. Ей следует сосредоточиться на том, что делать сейчас. В тусклом свете она бросилась седлать лошадь.

Лошадь лежала на земле, мертвая. Горло оказалось перерезано. Вероятно, Самюэль, опасаясь, что она может воспользоваться лошадью и сбежать прежде, чем он сможет завладеть ею, перерезал бедному животному горло.

Она без промедления собрала все, что могла унести, в свое одеяло и затолкала его в седельные сумки. Затем перекинула сумки через плечо и подхватила Меч Истины,

по-прежнему вложенный в ножны. Так, с мечом в руке, Кэлен отправилась в путь в противоположную от Тама-ранга сторону.

Глава 57

В сокрушительном одиночестве Кэлен брела на северо-восток. Она размышляла над тем, почему испытывает беспокойство? В чем состоит смысл борьбы за ее жизнь, если у нее не могло быть будущего? Что это будет за жизнь без ее собственного разума, да еще в мире, где господствуют фанатичные верования Имперского Ордена, насаждаемые людьми, чье существование определяется ненавистью к тем, кто хотел жить сам и улучшать собственную жизнь? Они не хотели ничего создавать; они просто убивали любого, кто этим занимался, как будто, разрушая рукотворные совершенства, могли изменить реальность и вести жизнь, основанную на одних лишь своих желаниях.

Все те, кто строил свое существование на жгучей ненависти к другим, подавляли саму радость жизни и в процессе борьбы вычеркивали из существования и саму жизнь. Было очень просто отказаться от нее. Никто бы не беспокоился по поводу сделанного выбора. Никто бы даже и не знал.

Но она беспокоилась. И она знала: реальность такова, какова она есть. Это единственная жизнь, которая у нее есть. В конце концов, эта драгоценная жизнь — все, что она имеет, и точно так же с любым другим человеком.

Это зависело от Самюэля — решать, как ему следует прожить свою жизнь, и он сделал свой выбор. Но точно так же это относилось к ней самой. Ей следует сделать как можно больше в своей жизни, хотя ее выбор и ограничен, и даже если сама эта жизнь окажется очень короткой.

Так она прошла менее часа, когда до нее начал доноситься отдаленный топот копыт скачущих галопом лошадей. Когда лошади появились из-за полосы растущих впереди деревьев, она остановилась. Они направлялись прямо к ней.

Она огляделась кругом, посмотрела назад на пойму, которую только что пересекла. В мрачном свете, падавшем со свинцового неба, она смогла разглядеть, что деревья, покрывающие подножья холмов по каждому склону, слишком далеко от нее, чтобы ей удалось вовремя добраться и укрыться среди них. Трава, давно уже ставшая бурой, с тех пор как зима накрыла ее, повалена ветром и непогодой. Спрятаться было практически негде.

Так что ее вполне могут заметить. И если пока не заметили, то при скорости приближавшихся лошадей они будут здесь очень скоро, и у нее нет никакой надежды укрыться и остаться незамеченной.

Она сбросила седельные сумки на землю. Ветер мягко отбросил ее волосы с плеч, поднимая их, в то время как она взяла в левую руку ножны с мечом. Единственный выбор, оставшийся ей, это встать и сражаться.

Кэлен осознала, с некоторым запозданием, что невидима почти для всех. И тогда едва не рассмеялась во весь голос от облегчения. Это был один из тех редких моментов, когда она была рада такому обстоятельству. Она замерла на месте, тихо и спокойно, в надежде, что всадники не увидят ее, а просто проскачут мимо.

Но где-то в глубине сознания она припомнила, как Самюэль говорил ей, что Джегань может отправить за ними погоню. А у Джеганя еще остались люди, способные видеть ее. И если они окажутся среди тех, кто приближается к ней сейчас, то в этом случае ей придется принять бой.

Она не собиралась обнажать меч, если всадники на лошадях, случайно заметив ее, не поведут себя враждебно. Ей не хотелось начинать сражение до тех пор, пока не останет-

ся другого выхода. И она была уверена, что обнажить клинок ей удастся в одно мгновение. Кроме этого, у нее было два ножа, но она полагала, что меча будет вполне достаточно. Она не знала, где именно научилась этому, но знала лишь, что может прекрасно владеть им.

Она вспомнила свои наблюдения за тем, как действовал мечом во время сражения Ричард. Кэлен думала в тот момент, что это было похоже на то, как она сама обращалась бы с оружием. Она пришла к выводу, что именно Ричард — ее муж — и научил ее пользоваться мечом так, как она это умела.

Она разглядела, что хотя впереди скачут три лошади, но только одна из них несет всадника. Это была хорошая новость. И это уравнивало ставки.

Когда несущиеся галопом лошади приблизились, она оказалась ошеломлена тем, что всадник ей знаком.

— Ричард!

Он соскочил с лошади прежде, чем та успела остановиться. Она зафыркала и вскинула голову. Все три лошади были взмыленные и разгоряченные.

— С тобой все в порядке? — спросила он, едва оказался рядом.

— Да.

— Ты применила свою силу?

Она кивнула, не в состоянии оторвать взгляд от его серых глаз.

— Откуда ты знаешь?

— Думаю, почувствовал это. — Он выглядел так, будто у него кружится голова от восторга. — Ты не можешь представить, как я рад видеть тебя.

Пока она смотрела на него, ей ужасно хотелось, чтобы она смогла вспомнить их прошлое, вспомнить все, что они значили друг для друга.

— Я боялась, что ты погиб. Я не хотела оставлять тебя там. Я так боялась, что ты умер.

Он стоял, не отрывая от нее глаз, казалось, потеряв дар речи. Она чувствовала по его виду, будто в нем теснилось множество разных вещей, рвущихся наружу, и каждая хотела вырваться первой.

Кэлен вспомнила, как он дрался, когда начал то самое сражение, о котором ее предупредила Никки. Она вспомнила, как плавно он двигался среди игроков в джа-ла, а затем среди тех неуклюжих тварей, размахивающих мечами и топорами в отчаянных попытках убить его.

Она вспомнила и то, как клинок почти превратился в его неотъемлемую часть, в продолжение тела, составную часть его разума. Как зачаровывало ее наблюдение за тем, как он пробивал себе дорогу к ней. Это было похоже на созерцание танца со смертью, в котором смерти не удавалось коснуться его.

Она протянула ему меч.

— У каждого оружия есть его хозяин.

Теплая улыбка Ричарда прорвалась, словно солнечный свет сквозь холодный пасмурный день. И согрела ее сердце. Он довольно долго пристально смотрел на нее, не способный отвести взгляд, затем осторожно взял оружие из ее рук.

Он сунул голову под перевязь, перебрасывая ее через правое плечо, чтобы ножны оказались у его левого бедра. Этот меч смотрелся на нем совершенно естественно, в отличие от того, как он выглядел на Самюэле.

— Самюэль мертв.

— Почувствовав, что ты использовала свою силу, я так и подумал. — Он опустил левую руку на рукоять меча. — Слава силам небесным, он не причинил тебе вреда.

— Он пытался. Именно потому и мертв.

Ричард кивнул.

— Кэлен, я не могу объяснить всего прямо сейчас, но есть нечто очень важное...

— Ты уже упустил возможность произвести эффект.

— Эффект?

— Да. Самюэль исповедался. Он сказал мне, что мы соединены браком.

Ричард окаменел. Выражение, родственное ужасу, застыло на его лице.

Она надеялась, что, может быть, он подхватит ее на руки и расскажет о том, как счастлив, что она вернулась, но он просто стоял и выглядел так, словно боится даже вдохнуть.

— Так что, мы любили друг друга? — спросила она, пытаясь напомнить ему.

Его лицо побледнело.

— Кэлен, сейчас не время говорить об этом. Мы находимся в еще большей опасности, чем ты можешь представить. У меня нет времени объяснять это, но...

— Итак, ты хочешь сказать, что мы не любили друг друга?

Она не ожидала такого. Даже не предполагала. Ей внезапно стало трудно говорить.

Она не могла понять, почему он просто стоит и ничего не говорит. Оставалось предположить, что ему нечего сказать.

— Так это просто-напросто условная вещь? — Она проглотила застрявший в горле комок. — Мать-Исповедница выходит замуж за Лорда Рала, ради счастья их людей? Брак по расчету. Что-то в этом роде?

Сейчас Ричард выглядел даже более испуганным, чем Самюэль, когда она допрашивала его. Он закусил нижнюю губу, будто пытаясь придумать ответ.

— Не беспокойся, — сказала Кэлен. — Ты не ранишь мои чувства. Я не помню ровным счетом ничего из этого. Стало быть, так это и было? Брак потому, что это было удобно и выгодно?

— Кэлен...

— Так мы что, не любили друг друга? Пожалуйста, ответь мне, Ричард.

— Послушай, Кэлен, это все гораздо сложнее. У меня есть определенные обязательства.

Точно так сказала и Никки, когда Кэлен спросила, любит ли она Ричарда. Это все гораздо сложнее. У нее была ответственность.

Кэлен недоумевала, как она могла быть настолько слепой? Никки — вот кого он любит.

— Ты должна верить мне, — сказал он, после того как она смогла лишь пристально посмотреть на него. — На карту поставлены очень важные вещи.

Она кивнула, сдерживая слезы, стараясь изобразить отрешенное лицо, прячась за эту маску. Но боялась попытаться проверить свой голос.

Она не понимала, почему позволила на минуту своему сердцу опередить рассудок. Она не знала, удержат ли ее ноги.

Ричард сжал виски большим и указательным пальцем. Несколько секунд его взгляд был обращен к земле.

— Кэлен... выслушай меня. Я объясню тебе все... все... я обещаю... Но не могу этого сделать прямо сейчас. Пожалуйста, просто поверь мне.

Она хотела спросить, почему должна верить человеку, который женился на ней без любви, но как раз в этот момент не была уверена, что сможет справиться со своим голосом.

— Пожалуйста, — повторил он. — Обещаю, что объясню все, когда смогу, но именно сейчас нам нужно отправиться в Тамаранг.

Она откашлялась и наконец совладала со своим голосом.

— Мы не можем идти туда. Самюэль сказал, что там находится Сикс.

— Я знаю. Но мне необходимо попасть туда.

— Мне — нет.

Он помолчал, пристально глядя на нее.

— Я не хочу, чтобы с тобой случилось что-то еще, — наконец сказал он. — Пожалуйста. Тебе лучше отправить-ся со мной. Все остальное я объясню позже. Обещаю.

— Почему позже лучше, чем сейчас?

— Потому что мы будем мертвы, если не поспешим. Джегань собирается открыть шкатулки Одена. И я должен попытаться остановить его.

Ее не устраивало это оправдание. Если бы хотел, он тут же ответил бы ей.

— Я отправлюсь с тобой, если ты ответишь мне на один вопрос. Ты любил меня, когда женился на мне?

Его серые глаза с минуту изучали ее лицо, прежде чем он наконец-то ответил тихим голосом.

— Ты вполне подходила, чтобы я женился на тебе.

Кэлен сдержала боль и крик, рвущиеся наружу. Она отвернулась, не желая, чтобы он видел ее слезы, и двинулась в ту сторону, куда вел ее Самюэль.

Ночь уже давно опустилась, когда они все же остановились. Ричард был готов продолжать путь, но местность, плотно заросшая лесом, каменная и к тому же ставшая еще и неровной, когда склоны холмов стали круче, была слишком коварной, чтобы пробираться через нее в темноте. Умирающая луна появилась практически на закате, но ее узкий серп давал слишком слабый свет, чтобы он пробил чернильное одеяло облаков. Даже скудный свет звезд оказался закрыт плотными облаками. Тьма стала настолько полной, что идти сквозь нее было совершенно невозможно.

Кэлен была сильно уставшей, но, когда Ричард начал разводить огонь из собранного им дерева, она смогла заметить, что он в худшем состоянии, чем она. «Доводилось ли ему спать в последние дни?» — подумалось ей. Разведя огонь, он забросил рыболовные лески, а затем начал вновь

собирать дерево, чтобы его хватило на всю холодную ночь. Укрывшись среди скал, они имели хоть небольшую, но защиту от пронизывающего ветра.

Кэлен постаралась как можно лучше позаботиться о лошадях и даже принесла им воды в парусиновом ведре, которое нашлось среди вещей Ричарда. Закончив собирать хворост для костра, он обнаружил, что на его лесках уже есть несколько форелей. Понаблюдав за тем, как он чистил рыбу, выбрасывая внутренности в костер, чтобы они не привлекли животных, она решила больше не задавать ему вопросов касательно их обоих. Она может не вынести боль от возможных ответов. А между тем он уже ответил на самый важный вопрос: она вполне подходила в качестве супруги.

Интересно, подумалось ей, встречал ли он ее прежде, чем согласился жениться? Она осознавала, что это должно было вызывать глубокую печаль у Никки, когда та увидела, что человек, которого она любит, женился на ком-то еще по причинам совершенно неромантичным, исходя из целесообразности.

Кэлен заставила себя думать о чем-нибудь другом.

— Почему мы направляемся в Тамаранг? — спросила она.

Ричард оторвался от чистки рыбы.

— Ну, в очень давние времена, еще во время великой войны, более трех тысяч лет назад, люди сражались точно так же, как сейчас сражаемся мы, это была такая же война, в которой они хотели защитить себя против тех, кто хотел уничтожить магию и все остальные формы свободы.

Люди, защищаясь против агрессии, создали множество чрезвычайно ценных магических предметов — за многие века, — и собрали все это в одном месте, которое называлось Храм Ветров. Затем, чтобы защитить все это от рук врагов, они отправили этот храм в преисподнюю.

— Они отправили его в царство мертвых?

Ричард кивнул, тем временем раскладывая на земле большие листья.

— На протяжении войны волшебники с обеих сторон изобретали ужасающее оружие — конструировали заклинания и делали другие подобные вещи. Но некоторые виды такого оружия создавались из самих людей. Вот каким образом и появились сноходцы. Они были созданы из людей, захваченных в городе Касска... из предков Джиллиан.

— И это именно тогда они создали Огненную Цепь? — спросила она. — Во время той великой войны?

— Да, именно так, — сказал он, накладывая на листья слой тины. — Другие волшебники были постоянно заняты работой по противодействию самым разным штукам, сотворенным при помощи магии. Например, шкатулки Одена были созданы во время великой войны именно для того, чтобы противодействовать заклинанию Огненной Цепи.

— Я помню, как сестры говорили об этом Джеганю.

— Ну, в целом все довольно запутано, но, по сути, вышло так, что предатель, которого звали Лотейн, отправился в Храм Ветров, укрытый в преисподней, и тайне сделал там нечто, что должно было помочь главному делу Ордена, когда тот в конечном счете возродится.

— Они думали, что война разгорится вновь?

— Всегда были и всегда будут те, кто движим ненавистью и предпочитает в своих бедах винить тех, кто счастлив, созидателен и борется против собственной нищеты.

— И что же сделал этот Лотейн?

Ричард поднял глаза.

— Среди прочего, он сделал так, чтобы сноходец вновь оказался рожден в мире живого. И этот сноходец — Джегань.

Ричард закончил укутывать рыбу листьями и тиной и уложил эти небольшие свертки на раскаленные угли у края костра.

— После этого люди, уже с нашей стороны, отправили в Храм Ветров своего Первого волшебника. Его звали Барах. Он был боевым чародеем. И он сделал так, что другой боевой чародей родится в этом мире, чтобы остановить силы, пытающиеся загнать человечество в темные века.

Кэлен, слушая это, подтянула колени и поправила на себе одеяло, чтобы сохранять тепло.

— Ты хочешь сказать, что с того времени больше не было боевых чародеев?

Ричард покачал головой.

— Я первый почти за три тысячи лет. Именно в том храме Барах и сделал кое-что, чтобы позволяющее надеяться, что когда-нибудь родится тот, кто продолжит борьбу. Я и есть тот, кто родился боевым чародеем по давнему замыслу Первого волшебника.

Понимая, что этот человек не будет ничего знать о своих способностях, Барах, вернувшись назад, написал книгу, которую назвал «Тайна могущества боевого чародея». У него была любимая жена, Магда Сирус, которая унесла эту книгу и спрятала ее для меня. Он был очень осторожен и сделал все так, чтобы эту книгу не получил никто, кроме меня.

Но пока Магда Сирус совершала то путешествие, чтобы спрятать эту книгу, Барах покончил с собой.

Кэлен выслушала это с изумлением.

— Но зачем он сделал это? Если он любил Магду Сирус, зачем поступил так и оставил ее в одиночестве?

Ричард глядел на мерцающий свет костра.

— Думаю, он видел столько боли и страданий на войне, а также предательства и измены, не говоря уже о путешествии по преисподней, что больше не мог выносить все это. — Его глаза казались почти безумными. — Я прошел через эту пустоту. Я могу понять, как он себя чувствовал.

Кэлен опустила под подбородок на колени.

— Побывав в лагере Ордена, думаю, я могу понять, каким сломленным может оказаться человек после всего этого. — Она взглянула на него. — Стало быть, эта книга нужна тебе, чтобы постараться остановить Имперский Орден?

— Да. Я нашел ее, но пришлось снова спрятать, когда я оказался захвачен и отправлен затем в лагерь Ордена.

Чтобы освободить ее.

— Только не говори мне, что эта книга находится в Тамаранге.

Он улыбнулся.

— А иначе с чего бы мы отправились туда?

Кэлен вздохнула. Теперь она понимала, почему это так важно. Она уставилась в огонь, раздумывая про Бараха.

— И что же случилось потом с Магдой Сирус?

Ричард воспользовался суковатой веткой, чтобы вытащить обернутую в листья рыбу из огня. Он развернул ее и попробовал с помощью ножа. Убедившись, что рыба готова и расслаивается, он положил ее рядом с ней.

— Осторожнее, она горячая. — Затем вытащил еще один такой же сверток. — Ну, Магда Сирус была очень опечалена. После войны потребовалась правда о Лотейне, о том предателе, который обманул их. В то время был волшебник Мерит, который придумал способ, как это сделать.

Ричард с минуту разглядывал пламя, прежде чем продолжил.

— Он создал Исповедницу, чтобы добыть правду.

Кэлен отвлеклась на то, чтобы откусить рыбу.

— В самом деле? Отсюда и пошли Исповедницы? — Когда он кивнул, она спросила: — И ты знаешь, кто она была?

— Магда Сирус. Она была так расстроена смертью мужа, что добровольно согласилась на эксперимент. Он был чрезвычайно опасным, но все получилось. Исповедни-

цы были созданы. И она стала первой. В конечном счете она полюбила Мернта, и они поженились.

Быть Исповедницей — это была лишь часть прошлого, с которой Кэлен чувствовала свою связь. Теперь она знала, откуда появились Исповедницы. Они произошли от женщины, которая потеряла мужа, которого любила.

Ричард поднял толстый кусок дерева и собрался бросить его в костер, но вместо этого задержал в руке, поворачивая во все стороны и разглядывая. Наконец он отложил его, затем взял другой и бросил в огонь.

— Тебе лучше немного поспать, — сказал он, когда они закончили есть рыбу. — Я собираюсь продолжить путь, как только рассветет достаточно, чтобы видеть дорогу.

Кэлен могла бы сказать, что он более утомлен, чем она, но видела, что что-то очень глубоко беспокоит его, так что не стала спорить. Она завернулась в одеяло и так близко к огню, чтобы оставаться в тепле.

Бросив взгляд на Ричарда, она увидела, что он все еще сидит перед огнем, разглядывая кусок дерева, который отложил перед этим. Она подумала, что с большим интересом ему следовало бы разглядывать свой меч, который наконец-то удалось получить назад.

Кэлен проснулась очень спокойно. Ей было приятно уже от того, что она просыпается не так, как днем раньше, когда обнаружила над собой Самюэля. Она протерла глаза и увидела, что Ричард по-прежнему сидит перед костром. Выглядел он ужасно. Она не могла представить, что творится в его голове, при той ответственности, что лежала на его плечах, за всех тех людей, что рассчитывали на него.

— У меня есть нечто, что я хочу вручить тебе, — тихо сказал он, и так успокаивающе было слышать это при пробуждении.

Кэлен села и с минуту потягивалась. Она заметила, что на небе появились первые признаки рассвета. Скоро им предстоит снова отправиться в дорогу.

— Что это? — спросила она, когда свернула одеяло и положила рядом с собой.

— Ты вовсе не обязана это брать, но для меня будет очень важно, если возьмешь.

Наконец он отвернулся от огня и посмотрел ей в глаза.

— Я понимаю, что ты не знаешь, что происходит, и даже не знаешь, кто ты есть, и еще меньше понимаешь, что делаешь здесь вместе со мной. Больше всего мне хотелось бы, чтобы я мог объяснить тебе все это. Ты многое пережила и заслуживаешь знать все, но я как раз и не могу сказать тебе этого прямо сейчас. Но прошу тебя верить мне.

Она отвернулась от его взгляда. Ей было очень тяжело смотреть в его глаза.

— А тем временем я бы хотел, чтобы ты взяла кое-что. Кэлен сглотнула.

— Что же?

Ричард потянулся куда-то вбок и отыскивал что-то рядом с собой. Затем в тусклом свете костра протянул ей.

Это была резная фигурка, точно такая, как та, что была у нее прежде, которую она оставила в Саду Жизни, когда забирала оттуда шкатулки для сестер Тьмы.

Вырезанная из дерева фигурка женщины, с изящно изогнутой спиной, с гордо поднятой головой и сжатыми в кулаки опущенными по сторонам руками. Воплощение духа, бросающего вызов силам, которые стараются покорить ее. Резное изображение благородства и силы.

Такая фигурка уже была у нее раньше. Это была самая драгоценная вещь, которой Кэлен обладала, но ей пришлось расстаться с нею. Эта же была не той же самой, однако точно такая. Она помнила каждый изгиб, каждую деталь на ней. У этой было все так же, только... она была чуть меньше.

Затем она увидела деревянные стружки, разбросанные по земле. Он потратил целую ночь, вырезая это для нее.

— Это называется *Дух*, — сказал он голосом, срывающимся от эмоций. — Примешь ли ты ее от меня?

Кэлен почтительно приняла фигурку из его рук и прижала к сердцу, заливаясь слезами.

Глава 58

— Прежде чем мы начнем сражение, — почти шепотом произнес Ричард, — мне необходимо попасть в то место, где я спрятал ту книгу. Нужно скорее снова заполучить ее, прежде чем что-то пойдет не так.

Кэлен тяжело вздохнула, оценивая решимость в его глазах.

— Хорошо, но мне все это не нравится. Это выглядит как ловушка. Войдя туда, мы наверняка попадем в западню. Возможно, придется устроить целое сражение, чтобы вырваться оттуда.

— Если придется, то устроим.

Кэлен вспомнила, как Ричард сражался мечом... да и мячом тоже неплохо. Но сейчас — совсем другое дело.

— А если нас поймают здесь, как ты думаешь, этот твой меч — будет ли он хорош против ведьмы, которая где-то там затаилась?

Он отвернулся от нее, чтобы еще раз проверить коридор.

— Мир прекратит существование для очень многих добрых людей, которые любят жизнь и хотят просто жить. Включая и тебя, и меня. У меня нет другого выбора. Я должен получить эту книгу.

Он наклонился, чтобы проверить другое направление тускло освещенного коридора. Теперь Кэлен смогла слышать и эхо приближающихся шагов солдатского патруля. До сих пор они ни с кем не столкнулись. Ричарду отлично удавалось передвигаться по темным коридорам и прятаться прямо на виду у всех.

Они прислонились к затененному дверному проему, стараясь вжаться насколько возможно. Четыре стража, ведущие разговор о городских женщинах, завернули за ближайший угол и двинулись дальше, хвастая своими победами, они не заметили Ричарда и Кэлен, прячущихся в темноте дверного проема. Кэлен, затаив дыхание, едва могла поверить, что их не заметили. Ее рука с силой сжимала рукоятку ножа. Едва стражи скрылись за следующим углом, Ричард схватил Кэлен за руку и увлек за собой по коридору.

Пройдя по следующему темному проходу, он вдруг остановился перед тяжелой дверью. На запоре висел замок.

Ричард, державший в руке меч, просунул лезвие клинка под дужку замка. Крепко сжав губы, он напрягся и повернул меч. Стальные обломки разлетелись по каменному полу. Кэлен вздрогнула от этого звука, уверенная, что он наверняка привлечет сюда стражу. Но, похоже, те ничего не слышали.

Она услышала, как Ричард громким шепотом воскликнул:

— Зедд!

Кэлен просунула голову в комнату. Внутри каменной камеры было три человека: старик с растрепанными седыми волосами, крупный мужчина-блондин и женщина со светлыми волосами, заплетенными в косу.

— Ричард! — воскликнул старик. — Добрые духи... ты жив!

Ричард приложил к губам палец, увлекая Кэлен за собой внутрь. Затем осторожно прикрыл дверь. Эти трое вы-

глядели уставшими и потрепанными. Похоже их захватили грубо и неожиданно.

— Говорите тише, — прошептал Ричард. — Здесь кругом сторожа.

— Как ты только узнал, что мы здесь? — спросил старик.

— А я и не знал, — ответил Ричард.

— Ну, я могу сказать тебе, мой мальчик, что нам есть о чем поговорить...

— Зедд, помолчи и выслушай меня.

Старик захлопнул рот. Затем указал рукой:

— Тебе удалось вернуть свой меч?

— Его вернула мне Кэлен.

Густые брови Зедда поползли вверх.

— Тебе удалось найти ее?

Ричард кивнул. И протянул старику меч.

— Положи руку на рукоять.

Зедд нахмурился еще больше.

— Зачем? Ричард, сейчас есть множество более важных дел...

— Сделай так! — приказал Ричард.

Зедд прищурился, услышав это. Он выпрямился и сделал то, что велел ему Ричард.

Теперь пристальный взгляд Зедда переместился на Кэлен. Казалось, свет снизошел на его подернутые пеленой глаза, и они округлились.

— Добрые души... Кэлен.

Зедд застыл в шоке, а Ричард протянул меч женщине. Она коснулась рукояти. Признаки узнавания появились в ее глазах, когда она уставилась на Кэлен, которая возникла перед ней словно бы по волшебству. И крупный мужчина, когда коснулся рукояти меча, был изумлен не менее.

— Я знаю тебя, — сказал ей Зедд. — Я могу видеть тебя.

— Ты помнишь меня? — спросила Кэлен.

Зедд покачал головой.

— Нет. Этот меч, должно быть, лишь прерывает постоянную природу действия Огненной Цепи. Он не может восстановить мою утраченную память — которая исчезла, — но останавливает текущий эффект. Я могу видеть тебя. Я знаю, кто ты. Но я не могу вспомнить тебя. Это как видеть лицо, которое ты знаешь, но не можешь вспомнить, откуда.

— То же самое и со мной, — сказал крупный мужчина.

Женщина кивнула в знак согласия.

Зедд ухватил Ричарда за рукав.

— Нам нужно уходить отсюда. Сикс должна вернуться. Не следует допускать, чтобы она поймала нас здесь. Она — это более чем серьезная проблема.

Ричард внимательно осматривал пространство комнаты.

— Сначала мне нужно кое-что забрать отсюда.

— Книгу? — спросил Зедд.

Ричард замер и обернулся.

— Ты знаешь о ней?

— Должен признаться, да. И ты пришел сюда специально за этой книгой?

Ричард влез на стул и вытащил мешок, скрытый за потолочной балкой.

— Первый волшебник Барах...

— Из времен великой войны? Тот Барах?

— Верно, тот самый. — Ричард спрыгнул со стула. —

Он написал эту книгу, а затем спрятал ее, чтобы я впоследствии ее нашел. Это он обеспечил, чтобы я родился с двумя сторонами дара, и потому хотел помочь мне разобраться в моих способностях. У него была жена, Магда Сирус, которая и спрятала эту книгу, вскоре после того, как он вернулся из Храма Ветров. Это долгая история, но книга ждала меня более трех тысяч лет.

Казалось, что Зедд был просто ошеломлен. Они собрались вокруг стола, пока Ричард рылся в мешке, отыскивая книгу, и наконец извлек ее. Он протянул книгу Зедду, чтобы тот посмотрел ее.

— Проблема была в том, что как раз тогда я и оказался отрезан от своего дара и потому не смог прочитать ее. Я в ней видел лишь пустые страницы. Так что я до сих пор не знаю, что Барах собирался сказать мне по поводу моего дара.

Зедд обменялся взглядами с двумя остальными пленниками.

— Ричард, я хотел бы поговорить с тобой относительно того, что оставил тебе Барах.

— Да, через минуту.

По мере того как Ричард листал книгу, недовольство на его лице росло.

— Она по-прежнему пустая. — Он выглядел смущенным. — Зедд, она по-прежнему пуста. Ведь то, что блокировало мой дар, теперь перестало действовать... Это совершенно точно. Тогда почему же эта книга для меня по-прежнему оказалась пустой?

Зедд опустил руку Ричарду на плечо.

— Потому что она действительно пустая.

— Для меня. Но ты-то можешь прочесть ее. — Он протянул открытую книгу старику. — Про что здесь говорится?

— Она пустая, — повторил Зедд. — В этой книге вообще ничего не написано. Только название на обложке.

Ричард в замешательстве смотрел на старика.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что она пустая? Она не может быть пустой. Это, судя по всему, должна быть книга «Тайна могущества боевого чародея».

— Да, это она и есть, — сказал Зедд печально.

Ричард выглядел огорченным, раздраженным и озадаченным одновременно.

— Ничего не понимаю.

— Волшебник Барах оставил тебе правило волшебника.

— Что еще за правило волшебника?

— Правило из правил. Неписаное правило. Правило, которое никогда не выражали словами.

Ричард провел пальцами по волосам.

— У нас нет времени для загадок. О чем он хотел сообщить мне? Что это за правило?

Зедд пожал плечами.

— Не знаю. Его никогда не произносили, и оно никем не было записано.

Но Барах хотел, чтобы ты знал, что есть секрет в использовании могущества боевого чародея. Единственный способ выразить это — и убедиться, что ты ухватишь то, что он хотел сказать тебе, — было дать тебе ненаписанную книгу, выражающую то самое ненаписанное правило.

— И как же, предполагается, я воспользуюсь этим, если я не знаю, что это такое?

— А это вопрос к тебе самому, Ричард. Если ты такой, как надеялся Барах, тогда ты знаешь, как воспользоваться тем, что он оставил тебе. Возможно, он задумывал все так, что очень важными и ценными были сами те трудности, через которые ты прошел, так что я мог бы предположить, что они и были тем, что тебе нужно.

Ричард сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Кэлен было так жалко его. Он выглядел совершенно растерянным. Казалось, вот-вот готов заплакать.

— Так, так, так, — донесся до них сзади чей-то голос.

Они все повернулись.

Худая, как трость, женщина в черном коварно улыбалась, глядя на них. В ее волосах угнездилась сплошная чернота. Бледная кожа и выцветшие глаза придавали ей вид мертвеца.

— Сикс... — произнес Зедд.

— Никогда бы не подумала... Уж не сама ли Мать-Исповедница здесь? И разве не будет император рад, когда я приведу к нему еще и Лорда Рала, перевязанного ленточкой.

Кэлен увидела, как Зедд схватился за голову, несомненно испытывая боль. Он, спотыкаясь, сделал несколько шагов назад и свалился на пол. Ричард с коротким звоном извлек меч. Он попытался двинуться к женщине, но был тут же остановлен и возвращен назад силой, которую Кэлен не могла ни видеть, ни распознать. Его меч с грохотом упал на каменный пол.

Женщина вытянула тонкий палец, указывая на Кэлен.

— Не очень хорошая мысль, Мать-Исповедница. Не то чтобы я сильно беспокоюсь, если ты поджаришь собственные мозги, пытаясь разжигать мои, но все-таки ты более ценна для меня живой.

Кэлен ощутила, как боль от невидимой силы заставит ее отойти назад, так же, как и Ричарда. Истоющая силы агония напоминала чем-то боль от кольца на шее, но была острее и глубже проникала в ее уши. От этого основание челюсти заболело так, что она была вынуждена открыть рот. И теперь все пятеро, съезжившись, оказались отброшены назад и зажимали свои уши от неимоверной боли.

— Это значительно все упрощает, — сказала Сикс в своей самодовольной манере, заскользив к ним, как сама смерть.

— Сикс! — раздался из дверного проема жесткий и твердый оклик.

Сикс повернулась на голос, который, несомненно, узнала. Боль в голове Кэлен исчезла. Она увидела, что остальные тоже пришли в себя.

— Мама?.. — произнесла Сикс в замешательстве.

— Ты разочаровала меня, Сикс, — сказала старуха, входя в комнату. — И надо сказать, весьма разочаровала.

Она была такой же худой, как и Сикс, но более сутулой от возраста. Ее черные волосы так же спадали, обрамляя лицо, но среди них попадались седые. И глаза ее были такие же блекло-голубые.

Сикс попятилась на несколько шагов.

— Но я... я...

— Что ты? — потребовала старуха ядовитым неприязненным тоном. Эта женщина вела себя повелительно и не боялась ничего, и меньше всего Сикс.

Сикс отступила еще на шаг.

— Я не понимаю...

Кэлен с изумлением наблюдала, как натянутая бледная кожа на лице и на руках Сикс зашевелилась, как будто закипающая изнутри.

Сикс закричала от страха, ее костлявые пальцы ощупывали сползавшую с лица плоть.

— Мама, чего ты хочешь?

— Это вполне очевидно, — сказала старуха, подходя ближе к ведьме, в то время как та продолжала съеживаться. — Я хочу, чтобы ты умерла.

При этом все тело Сикс резко дернулось, в то время как ее кожа судорожно двигалась и вспенивалась, словно отделялась от бушующих мышц и сухожилий, находящихся под ней. Она выглядела так, будто кипела изнутри.

Старая женщина вдруг ухватила ослабевшую кожу на шее Сикс. И когда та начала валиться, с силой дернула.

Кожа, большей частью одним куском, сползла с падающей ведьмы. Она свалилась кровоточащей, неузнаваемой массой, удерживаемой только платьем, на каменный пол. Это был самый отвратительный вид, какой Кэлен могла вообразить.

Старая женщина, держа в руке обвисшие остатки куда-то принадлежавшей Сикс кожи, улыбнулась им.

Все остальные стояли, застыв в шоке, а старуха, казалось, начала мерцать, ее облик расплылся. Кэлен устави-

лась на нее с изумлением. Теперь эта женщина больше не была старой, а стала молодой и красивой, с длинными вьющимися золотисто-каштановыми волосами. Пестрое серое платье было слишком узким, чтобы скрывать выразительную фигуру. Кружева воздушной ткани колыхались, будто от легкого ветерка.

— Шота... — сказал Ричард, и усмешка тронула его лицо.

Она бросила окровавленную кожу как мокрую тряпку, затем улыбнулась скромной, дразнящей улыбкой, тогда как сама сделала шаг вперед и осторожно коснулась его щеки другой рукой. Кэлен почувствовала, как ее собственное лицо залилось краской.

— Шота, что ты делаешь здесь? — спросил Ричард.

— Конечно же, спасаю твою шкуру. — Она улыбнулась еще шире, бросив взгляд вниз, на останки внутри черного платья. — Думаю, за это Сикс заплатила своей.

— Но... я ничего не понимаю.

— Ничего не поняла и Сикс, — сказала Шота. — Она предполагала, что я убегу, поджав хвост, чтобы навечно скрыться, дрожа от страха, боясь, что она может найти меня, так что уж никак не ожидала визита собственной матери. Подобная прозорливость не входила в число ее великих талантов, это превышало возможности ее ограниченного воображения, поскольку она не обладала пониманием ценности матери и не имела никакого сочувствия к тем, у кого это было и кто это понимал. Она не могла вообразить силу и значение такой связи, в результате все это ослепило ее. С собственной матерью ее связывала ненависть, сдерживаемая страхом.

Кэлен почувствовала, как ее лицо краснеет еще больше, когда Шота провела длинным лакированным ногтем по рубашке на груди Ричарда.

— Не люблю, когда кто-то забирает то, что задумала и создала я, — сказала Шота Ричарду интимным тоном. —

Она не имела права на то, что было моим. У меня заняло массу времени и сил, чтобы обратить все, что она сделала, запуская свои щупальца в мои владения, но я сделала это.

— Думаю, ты сделала больше, Шота. Думаю, ты хотела помочь нам всем.

Шота отступила на шаг, повернулась к Ричарду спиной и помахала рукой, словно страшивая с нее что-то.

— Шкатулки приведены в действие. Если сестры Тьмы откроют их, погибнет очень много безвинных людей. Я тоже окажусь отправлена к Хранителю, как кусок мяса.

Ричард только кивнул, подтверждая правоту этого. Он наклонился и поднял свой меч, затем протянул в ее сторону рукоять.

— Возьмись рукой.

— Дорогой мой мальчик, я не нуждаюсь в мече.

Кэлен не представляла, чтобы у кого-то мог быть такой прекрасный шелковистый голос. По поведению Шоты нельзя было сказать, что она осведомлена о присутствии в комнате кого-то еще. За исключением быстрого предупреждающего взгляда, брошенного на Зедда, ее миндалевидные глаза почти не оставляли Ричарда.

— Сделай мне одолжение — просто коснись его.

Ее лицо смягчилось кокетливой улыбкой.

— Если тебе так хочется.

Изящные пальцы обхватили рукоять. И тут же ее глаза оказались способными видеть Кэлен, стоявшую как раз рядом с ним.

— Этот меч прерывает воздействие Огненной Цепи, — сказал Ричард. — Он не отменяет его, но позволяет видеть то, что находится перед тобой.

Ее взгляд на несколько секунд задержался на Кэлен, затем вернулся к Ричарду.

— Итак, оно действительно было сделано. — Ее голос стал серьезен. — В любой момент все мы, находящиеся в

этой комнате, можем быть захвачены силой Одена и отправлены на целую вечность к Хранителю мертвых в преисподнюю. — Ее пальцы коснулись Ричарда. — Как я уже говорила раньше, ты должен остановить случившееся.

— И как же мне это сделать?

Шота укоризненно посмотрела на него.

— Мы уже обсуждали этот вопрос раньше, Ричард. Ты участник. Это тебе придумывать, как справиться с этими шкатулками.

Ричард тяжело вздохнул.

— Мы находимся очень далеко от этих шкатулок. Джегань приведет их в действие гораздо раньше, чем мы сможем вернуться во дворец.

Шота улыбнулась в ответ.

— У меня есть способ доставить тебя туда.

— Как?

Шота указала пальцем вверх и помахала ладонью.

— Ты можешь полететь.

Ричард вскинул голову.

— Полететь?

— На драконе, которого Сикс заколдовала и, благодаря этому, использовала. Он сейчас находится на бастиионе.

— На драконе! — воскликнул Зедд. — Ты ожидаешь, что Ричард полетит на драконе? И что это за дракон?

— Очень сердитый.

— Сердитый? — спросил Ричард.

— Боюсь, моего мастерства недостаточно, чтобы являться к нему в облике его матери, но я смягчила его нрав. — Шота пожала плечами. — Во всяком случае, отчасти.

Ричард попросил их всех подождать в коридоре, пока сам очень быстро переоделся в те вещи, которые были в его мешке. Когда он вышел к ним, у Кэлен от увиденного перехватило дыхание.

Поверх черной рубашки он был одет в черную, открытую с боков накидку, отделанную странными символами, извивающимися по широкой золотой ленте, бегущей вдоль ее разбитой на квадраты каймы. Широкий многослойный кожаный пояс, несущий еще большее число символов, подтягивал эту великолепную накидку на его талии. Старинная, тисненной кожи, перевязь, несущая серебряные с золотом ножны Меча Истины, висела наискосок через его левое плечо. На каждом запястье была широкая серебряная лента с кожаной подкладкой, на ней — образующие цепочку кольца, внутри которых был еще ряд странных символов. Черные сапоги поверх черных штанов украшали круглые заклепки, на которых тоже были знаки. На широкие плечи наброшен плащ, вытканый, казалось, из золотой нити.

Он выглядел так, как, по представлению Кэлен, и должен выглядеть боевой чародей. Он выглядел как отдающий приказы королям. Он выглядел, как Лорд Рал.

Кэлен моментально поняла, почему Никки влюбилась в него. Никки была самой счастливой женщиной на свете, и к тому же женщиной, достойной его.

— А теперь поспешим, — сказал он, обращаясь к Шоте.

Шота неторопливо направилась туда, где сходились все коридоры, а затем повела их через второстепенные, ничем не украшенные переходы, казалось, будто вымершего дворца. Просвечивающее серое платье струилось за ней. Время от времени она делала взмахи рукой в сторону двери или коридора, будто отражая чье-то присутствие, которое могло обеспокоить их. Должно быть, как раз именно это она и делала, потому что никто так и не повстречался на пути этой небольшой компании, торопливо идущей через дворец.

Затем все замерли позади ведьмы, когда та наконец остановилась около тяжелой дубовой двери. Она осмотрела их

всех, будто спрашивая, готовы ли они, после чего широко распахнула эту дверь. Когда они вышли через дверной проем в объятия хмурого облачного дня, плащ Ричарда начал волнами вздыматься за ним. Выйдя на бастион, они лицом к лицу столкнулись с огромным зверем с гладкой красной чешуей и целым лесом из зубцов с черными наконечниками, протянувшимся по его спине.

Над бастионом ревели пламя, во все стороны летела земля и мелкие камни. Все съежились и попятились назад.

— Это не Скарлет, — сказал Ричард. — Я просто думал, что это могла быть Скарлет.

— Ты знаком с драконами? — спросила Кэлен.

— Да, так же, как и ты, но только не с этим. Этот гораздо крупнее и в целом более неприятный на вид.

Жар от клубящегося пламени заставил их немного отступить. Шота, совершенно беззаботно, напевая какую-то мелодию, прошла вперед. Пламя утихло. Дракон плавно повернул голову вниз, в ее сторону, и наклонился к ней, будто из любопытства. Когда Шота прошептала какие-то слова, которые Кэлен не смогла расслышать, дракон негромко фыркнул, явно выражая удовлетворение.

Шота, поглаживая пальцами подбородок дракона, повернулась к ним.

— Ричард, подойди, побеседуй с этим красавчиком.

Дракон издавал такие звуки, будто мурлыкал от ее слов.

Ричард торопливо прошел вперед.

— У меня был приятель-дракон, — сказал он, обращаясь к зверю. — Может быть, и ты с ней знаком. Ее зовут Скарлет.

Огромное существо запрокинуло голову и выпустило к небу столб пламени. Зазубренный хвост дракона прошелся по краю бастиона, выбивая из стен большие куски камня.

Красная голова повернулась вниз, рот оскалился в рычании, обнажая опасные клыки.

— Скарлет — моя мать, — проревел дракон.

Ричард выглядел приятно удивленным.

— Скарлет — твоя мать? Так значит, ты Грегори?

Дракон склонился еще ближе, обнюхивая Ричарда и хмурясь. Плащ на Ричарде вздымался волнами при каждом очередном дуновении ветра.

— Так кто ты, маленький человек?

— Я Ричард Рал. Последний раз, когда я видел тебя, ты был еще в яйце. — Ричард, разговаривая будто со старым другом, очертил руками полукруг. — Ты был вот такой большой.

— Ричард Рал. — Грегори усмехнулся, его враждебность испарилась. — Моя мать рассказывала о тебе.

Ричард опустил руку на морду Грегори. Его голос стал мягким и участливым.

— И как ее дела? Все ли у нее в порядке? Сейчас магия слабеет. Я очень беспокоился, что Скарлет может пострадать от этого.

Грегори фыркнул, выпуская короткую струю дыма.

— Она очень слаба. И слабеет день ото дня. Я сильнее ее и все еще способен летать. Я доставляю ей еду, но эта ведьма держит меня здесь и не позволяет этого делать. Я даже не знаю, как помочь ей. Боюсь, что в конце концов потеряю ее.

Ричард печально кивнул.

— Это результат порчи, занесенной в этот мир гармониями. И она разрушает всю магию.

Грегори кивнул огромной головой.

— В таком случае, красные драконы обречены.

— Как и все мы. Если мне не удастся остановить эту порчу.

Огромная голова повернулась боком, и Грегори уставился на Ричарда одним желтым глазом.

— Ты можешь сделать это?

— Возможно, но пока не понимаю, как. Но главное — мне нужно добраться до Народного Дворца, там я смогу попытаться.

— Народный Дворец? Это в том месте, где собралась та темная армия?

Ричард кивнул.

— Именно так. Возможно, я единственный, кто способен остановить эту порчу. Доставишь нас туда?

— Сейчас я свободен. А свободный дракон не служит человеку.

— Так я и не прошу тебя быть моим слугой, а только доставить нас в земли Д'Хара, ради того чтобы я мог попытаться спасти всех, кто хочет жить свободно, включая и тебя, и твою мать.

Голова Грегори плавно двинулась в сторону Зедда, Тома и Рикки. Он быстро обдумал что-то и оглянулся на Ричарда.

— Всех вас?

— Всех нас, — сказал Ричард. — Ведь мне необходима помощь моих друзей. Для нас это единственная возможность остановить весь тот ужас, который должен вот-вот произойти.

Голова Грегори опустилась и оказалась достаточно близко, чтобы его морда слегка толкнула Ричарда в грудь, отодвигая его на полшага назад.

— Моя мать рассказывала историю о том, как ты спас меня, когда я находился еще в яйце. Если я сделаю это, мы будем квиты.

— Квиты, — согласился Ричард.

Грегори прижал свое тело к земле.

— Тогда прошу вас.

Ричард рассказал остальным, как забраться и как держаться за выступы и шипы на спине дракона. Он поднялся первым и устроился верхом у основания длинной шеи, а затем помог Зедду, Тому и Рикке устроиться позади. Зедд

непрерывно что-то бормотал. Ричард велел ему прекратить сыпать проклятиями.

Кэлен оставалась последней. Ричард наклонился, взял ее за руку и подтянул, помогая занять место возле себя. Пристроившись на спине дракона прямо за Ричардом, она заметила, что он достал из кармана кусок белой ткани и разглядывает его.

Кэлен, обхватив его сзади руками, прошептала ему в ухо:

— Я боюсь.

Он улыбнулся через плечо.

— От полетов на драконах бывает головокружение, но никогда не бывает ни боли, ни тошноты. Просто держись крепче, а если хочешь, закрой глаза.

На нее произвело впечатление, как это было легко — быть рядом с ним, — и как мягко и непринужденно он относился к ней. Казалось, он оживал, когда она была рядом с ним.

— Что это у тебя? — спросила она, кивнув головой на белую ткань. На одной стороне куска было чернильное пятно, и еще одно, точно такое же, на противоположной.

— Кое-что из прошлого, — сказал он слегка встревоженно и смущенно. Скорее всего, он сосредоточился не на ее вопросе. Ричард думал только о белой ткани с двумя чернильными пятнами.

Он убрал ее в карман и глянул вниз, на бастион.

— Шота, ты с нами?

— Нет. Я возвращаюсь в Предел Агаден, в свой дом. Буду дожидаться там или конца, или того, когда ты предотвратишь этот конец.

Ричард кивнул. Кэлен не показалось, что он выглядит вполне уверенным.

— Спасибо тебе за все, что ты сделала, Шота.

— Я хочу гордиться тобой, Ричард.

Он коротко улыбнулся ей.

— Я приложу все старания.

— Это именно то, что должен сделать каждый из нас, — сказала она.

Ричард похлопал дракона по гладкой красной чешуе.

— Грегори, давай отправляться. У нас не так много времени.

Грегори выпустил короткую вспышку пламени. Как только она унеслась с клубами черного дыма, гигантские крылья дракона поднялись, а затем резко опустились с мощной, но грациозной силой. Кэлен почувствовала, как их подняло в воздух. Ощущение было такое, будто ее желудок вывернуло наизнанку.

Глава 59

Они шли по великолепным, но совершенно пустым мраморным коридорам Народного Дворца, и Ричард понял, куда делась все, когда услышал мягкое монотонное пение, разносимое эхом по многочисленным переходам.

«Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь принадлежит тебе».

Это была молитва Лорду Ралу. Даже в такое время, как сейчас, даже когда их мир мог вот-вот закатиться, каждый находящийся в Народном Дворце шел на эту молитву, едва заслышав звук колокола. Ричард предположил, что именно сейчас все эти люди нуждаются в нем больше всего. А эта молитва была их способом подтвердить эту связь. Или, может, это было напоминанием ему о наличии этой связи и его обязанности защищать их.

«Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоём — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь принадлежит тебе».

Ричард выбросил из головы все мысли об этой молитве. Он чувствовал себя так, будто пытается размышлять о тысяче разных вещей одновременно. Он не знал, что ему делать. Было так много вопросов, требовавших решения прямо сейчас, и он никак не мог выстроить все проблемы соответственно их важности. Он не знал, с чего начать, как за все это взяться.

Он чувствовал себя никак не соответствующим званию «Магистра Рала».

Тем не менее он верил, что эти бесчисленные проблемы взаимосвязаны, что они части одной и той же головоломки, и если он сможет понять, что составляет суть его собственного постоянного беспокойства, все начнет складываться вместе, в одну цельную картину.

Разобраться во всем этом — задача на несколько лет, а он будет счастлив, если у него есть хоть несколько часов.

Он снова заставил свой разум вернуться ко всему тому, что связано с этим делом. Барах оставил ему, как своего рода неписаное правило, послание в виде книги, возраст которой составляет около трех тысяч лет, и Ричард не знает, что это могло означать. Теперь, вновь обретя связь со своим даром, он по крайней мере вспомнил текст «Книги сочтенных теней», которая, скорее всего, была всего лишь фальшивой копией. Оригинал же находится у Джеганя. И у Джеганя же все три шкатулки.

Почему в центре всего этого именно Исповедница? Была ли Исповедница центральной фигурой всего, что связано со шкатулками Одена, лишь из-за того, что при этом используется копия «Книги сочтенных теней»? Или он сам

просто вообразил все это? Не кажется ли ему это так потому, что Исповедницей была Кэлен, и она же была центром его жизни?

Сама по себе мысль о Кэлен отвлекла его разум от этих проблем и погрузила его в боль и страдания. Необходимость утаивать от нее столько всякого, о чем он так хотел рассказать, разбивала его сердце. Невозможность обнять ее и поцеловать убивали его. Он просто вынужден держать ее изолированной от всего.

Но он также знал и то, что если загрязнит стерильное поле ее разума, то не будет никаких шансов, что силы Одена восстановят ее такой, какой она была. Он должен оставаться отстраненным и таинственным.

Что ужасало его больше всего, так это мысль, что уже слишком поздно, что Самюэль уже загрязнил это поле, испортил его стерильность.

Он ощущал Кэлен, которая шла рядом с ним. Узнавал звуки ее шагов, ее запах, ее присутствие. В какой-то момент его переполняла радость, что он вернул ее назад, а в другой — паника от того, что вот-вот потеряет ее.

Ему требовалось остановить блуждание разума по бесконечному числу проблем и вместо этого сфокусировать его на поиске решения. Ему нужно было найти ответ.

Если таковой ответ действительно существует.

«Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоём — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь принадлежит тебе».

Все эти люди обречены на смерть, если он не спасет их, отыскав этот самый ответ. Но как же ему сделать это?

Он вернулся к рассуждениям о том, что должно быть сердцевинной решения. Ему необходимо открыть шкатулки Одена, если он намерен обратить вспять все уже случившиеся несчастья — это все, что от него сейчас требова-

лось. Если он не сделает этого, то мир живого, переродившись под действием Огненной Цепи и внесенных в нее, выйдет из-под контроля. Если он не откроет правильную шкатулку — ее откроют сестры. Но он не знал, как открыть шкатулки, и, кроме того, владел ими сейчас Джегань.

Ричард напомнил себе, что он все же проделал все необходимые шаги, которые должен был предпринять, чтобы получить шанс открыть правильную шкатулку. По крайней мере он с успехом совершил путешествие через завесу и так же успешно вернулся назад. Это само по себе оказалось головоломкой, но он нашел решение. Теперь ему оставалось только применить силу Одена, чтобы практически вернуть все на место.

Кэлен приняла от него копию Духа, вырезанную им статуэтку.

Он напомнил себе, что теперь у него есть необходимая для соблюдения ритуала Исповедница.

Исповедница. Что-то с этим было не так, но никак не удавалось уловить, что именно.

Но он знал лишь единственный способ оказаться как можно ближе к шкатулкам Одена. И это был его единственный шанс — если только он успеет найти решение прежде, чем сестра Улисия откроет одну из них.

Услышав шорох торопливых шагов, он поднял глаза и увидел Верну и Натана, спешащих им навстречу. Кара и генерал Мейфферт шли за ними по пятам. Зедд, Том и Рикка держались рядом с Ричардом.

Ричард остановился у мостика из удивительно красивого, с зелеными прожилками, мрамора, ведущего к месту для молитв и к соединению широких коридоров, как только Натан и Верна стремительно бросились к нему. Люди внизу все стояли на коленях, склонив головы к изразцам пола, и продолжали молиться. Они были в неведении относительно того, что он собирался сделать.

— Ричард! — Верна едва переводила дыхание.

— Рад видеть тебя снова здесь, — сказал Натан и отдаленно кивнул еще и Зедду.

— Сикс больше не представляет для нас проблемы, — уведомил пророка Зедд.

Натан облегченно вздохнул.

— Одной осой меньше. Но, боюсь, недостатка в них не будет.

Верна, не обращая внимания на высокого волшебника, стоявшего рядом с ней, помахала перед Ричардом своим пухлым журналом.

— Джегань пишет, что уже наступило новолуние. Он требует от тебя ответа. Угрожает, что если не получит его, то последствия тебе известны.

Ричард взглянул на Натана. Пророк выглядел более чем мрачным. Кара и генерал Мейфферт также выглядели напряженными. Они были беспомощными защитниками этого места, где находились десятки тысяч людей, которые вот-вот могут оказаться жертвами кровавой резни.

А снизу доносилось негромкое пение.

«Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей — наша сила. В милосердии твоем — наше спасение. В мудрости твоей — наше смирение. Вся наша жизнь принадлежит тебе».

Ричард потер лоб кончиками пальцев и проглотил застрявший в горле комок. У него не было выбора — и по многим причинам.

Он с грозной решимостью поднял глаза на Верну.

— Сообщи Джеганю, что я согласен на его условия.

Лицо Верны побагровело.

— Ты согласен?

— О чем ты говоришь? — спросила стоявшая справа от него Кэлен. Ричард сдержанно порадовался, заметив в ее голосе отдаленные нотки пробуждающейся силы. Но он

проигнорировал ее и обратился только к Верне. Ему стоило огромных усилий совладать со своим голосом.

— Скажи ему, что я решил дать им то, чего они хотят. Я согласен на его условия.

— Ты говоришь это всерьез? — Верна кипела гневом. — Ты хочешь, чтобы я сообщила ему, что мы сдаем дворец?

— Да.

— Что?! — проговорила Кэлен, хватая его за рукав и поворачивая к себе. — Ты не можешь сдать ему.

— Я должен. Это единственный способ сохранить этих людей, внизу, чтобы они не были убиты и замучены. Если я сдам дворец, он позволит им жить.

— И ты собираешься поверить Джеганю на слово? — требовательно спросила Кэлен.

— У меня нет выбора. Это единственный путь.

— Ты освободил меня лишь для того, чтобы вернуть назад этому чудовищу? — Зеленые глаза Кэлен переполнились слезами, рожденными яростью и болью. — Ради этого ты хотел отыскать меня?

Ричард отвернулся. Он бы все отдал за то, чтобы сказать ей, как на самом деле любит ее. И если ему суждено умереть, он, по крайней мере, хотел, чтобы она знала о его истинных чувствах к ней и не думала, что он женился по расчету и теперь использует ее как сокровище для обмена при капитуляции. То, что она думала так, разбивало ее сердце.

Но у него не было выбора. Если он испортит стерильное поле, тогда Кэлен, которую знал, навсегда будет потеряна для него... Если только оно не испорчено уже Самюэлем — тогда она уже давно потеряна для него.

Ричард обратил свое внимание к другим делам.

— А где Никки? — спросил он Натана.

— Под замком, как ты и приказал, до тех пор пока Джегань не заберет ее.

Кэлен вновь накинута на него.

— И к тому же отдаешь женщину, которую любишь..

Ричард поднял руку, требуя тишины.

Он разжал стиснутые челюсти, обращаясь к Верне.

— Сделай так, как я говорю. — Его тон ясно давал понять, что это приказ, который не обсуждается и не может быть не выполнен.

Пока все продолжали стоять в ошеломленном молчании, Ричард двинулся прочь.

— Я буду ждать в Саду Жизни.

Ему было необходимо поразмыслить.

Только Кэлен последовала за ним.

Уже затухающий дневной свет косо падал сквозь освинцованные стекла вверх. Предстояла ночь новолуния — самая темная из ночей. Ричард знал, что говорили о новолунии: в такую темную ночь мир живого ближе к преисподней.

Все эти часы ожидания, когда Джегань поднимется на плато и доберется до Сада Жизни, Ричард беспрестанно ходил, погруженный в глубокие раздумья, думая о двух мирах — о мире жизни и царстве смерти.

По-прежнему оставалось нечто, касающееся общей проблемы, смысл чего ускользал от Ричарда. Он вновь пролистал в памяти «Книгу сочтенных теней», которую помнил наизусть, осознавая, что где-то в ней, скорее всего, есть изъян, делающий ее неприемлемой в использовании для того, чтобы высвободить силу Одена, но при этом он прекрасно понимал и то, что все элементы в этой книге истинные, даже если расположение их искажено. Чтобы сделать копию фальшивой, достаточно изменить одну мелкую деталь. Она знал, что в копии, которую запомнил он, был изъян, но не знал, как выявить в таком случае отклонение от оригинала.

Оригинал находился в руках Джеганя. И тот не опасался, что в этой книге могут быть неточности и ошибки. Сестра Улисия, при постоянном присутствии Джеганя в ее разуме, наверняка прочитала непосредственно оригинал, так что они будут пользоваться настоящей, истинной версией книги. Следовательно, им и не нужна Исповедница.

Наконец он остановился перед Кэлен.

— Копия «Книги сочтенных теней» должна быть проверена посредством Исповедницы. Если ты услышишь текст «Книги сочтенных теней» — если я буду наизусть зачитывать его тебе, — как ты думаешь, способна ли ты выделить истинные части?

Кэлен, глубоко погруженная в собственные мысли, подняла глаза.

— Я сама бесчисленное количество раз задавала себе этот же вопрос. К сожалению, я просто не знаю, как это сделать.

Очень жаль, что первая Исповедница, Магда Сирус, не оставила мне книгу о том, как мне пользоваться моей силой, подобную той, какую ее первый муж оставил для тебя.

Много пользы принесла ему эта книга. Ричард издал унылый вздох и вновь принялся ходить.

Он снова обратился мыслями к той книге, которую Барах так отчаянно хотел передать ему — «Тайна могущества боевого чародея». Барах считал, что было жизненно важным, чтобы Ричард получил эту книгу вместе с неписанным правилом. Все это казалось столь странным и причудливым, что Ричард оставался ошеломленным и в недоумении, что же делать? Он приложил колоссальные усилия, чтобы раздобыть эту книгу. И потребовались не меньшие усилия со стороны Бараха — сделать так, чтобы только Ричард в конечном счете смог отыскать ее.

Зачем ему оставлена книга; не содержащая ничего?

Разве что для того, чтобы объяснить все.

Ричард взглянул на своего молчаливого деда, сидящего неподалеку на невысоком, увитом лозой барьере. Зедд встретился с ним взглядом, но его уныние не могло помочь Ричарду обрести ясность.

— Очень жаль, — сказала Кэлен.

Ричард оглядел ее.

— Что?

— Очень жаль. Это, должно быть, ужасное решение.

Я понимаю, что ты стараешься удержать этих грубых скотов Джегания от убийства множества находящихся здесь людей. Как бы мне хотелось прикоснуться к Джеганю своей силой!

Сила Исповедницы. Впервые была применена Магдой Сирус. Женщиной, которая была женой Бараха. Но она вышла замуж за Бараха во время великой войны, задолго до того, как стала Исповедницей...

— Добрые духи, — прошептал Ричард самому себе, когда холодное осознание пробрало его до костей.

Барах оставил Ричарду книгу «Тайна могущества боевого чародея», чтобы сообщить то, что ему следует знать.

Вот что на самом деле сделал Барах.

Он дал Ричарду не выражаемое словами правило, ни разу не записанное с начала времен.

И в то мгновение, когда Ричард постиг тайну могущества боевого чародея, он оказался способен сложить вместе все кусочки головоломки, чтобы осознать картину в целом.

Он постиг всю совокупность разом, как она работает и почему они делали то, что делали, и зачем они делали все это.

Дрожащими пальцами он достал кусок ткани с двумя чернильными пятнами, развернул его и уставился на две противоположные точки.

— Я понимаю, — сказал он. — Добрые духи, я понимаю, что мне следует делать.

Кэлен наклонилась ближе, глядя на кусок ткани.

— Понимаешь что?

Ричард понял все.

Он неистово рассмеялся. Он понял все целиком и полностью.

Зедд, наблюдая за ним, хмурился. Зедд знал, что Ричард обязательно расскажет, что он открыл. Пока Ричард смотрел на него, дед слабо улыбнулся ему и одобрительно кивнул, хотя и не знал точно, чего именно открыл Ричард.

Они все подняли глаза от внезапного шума, производимого людьми, входящими в сад. Несколько воинов из Первой когорты, присутствовавшие здесь, сделали, как и было им приказано, несколько шагов назад, отступая без всякого сопротивления. Ричард увидел Джеганя во главе этой людской волны, хлынувшей в открытые двери. Рядом с ним шла сестра Улисия. Другие сестры следовали за ней и несли три шкатулки Одена. Тяжело вооруженная стража, топая сапогами в унисон, прошла строем через двойные двери и темным потоком разлилась по саду.

Присутствие Джеганя и его вечно пылающая ненависть оскверняли не только сад, но и самого Ричарда.

Ричард внутренне улыбнулся.

Когда император прошел между деревьями, мимо клумб давно увядших цветов и мимо увитых лозой барьеров, взгляд его абсолютно черных глаз остановился на Ричарде. Императорская стража рассредоточилась позади Джеганя и пробиралась через кусты, выстраивая защитный периметр.

Джегань изображал на лице покровительственную улыбку, пока проходил мимо магического песка и пересекал пространство лужайки.

Лишь ненависть выдавала его.

Сестры поставили три чернильно-черных шкатулки на широкую гранитную плиту, установленную на двух низких

выпнутых пьедесталах. Сестра Улисия не обращала внимания на присутствовавших в саду людей. Сосредоточенная на конкретной работе, она лишь бросила быстрый взгляд на Ричарда, прежде чем положила книгу на гранитный алтарь перед самыми шкатулками. Затем без лишних промедлений выбросила руку вперед, зажигая огонь в углублении, который добавился к свету, отбрасываемому двумя горящими факелами.

Ночь приближалась. Поднималась новая луна. Подступала темнота — такая темнота, которую вряд ли видел кто-либо из живущих. Ричард знал, что это за темнота. Он бывал в ней.

Джегань направился прямо к возвышению, чтобы встать ближе к Ричарду, как будто бросая ему вызов. Ричард не двинулся с места.

— Рад, что ты поступил разумно. — Его взгляд скользнул в сторону Кэлен. Он оглядел ее распутным взглядом. — И рад, что ты привел ко мне свою женщину. Я займусь ею позже. — Он вновь посмотрел в глаза Ричарда. — Не сомневаюсь, что тебе очень не понравится то что, я задумал.

Ричард в ответ глянул на него, но промолчал. Потому что на самом деле говорить было нечего.

Джегань, хоть и повергал в страх присутствующих своими абсолютно черными глазами, бритой головой и тем, как он играл мускулами и усеивающими пальцы отобранными у других драгоценными камнями, выглядел более чем уставшим. Он выглядел измотанным. Ричард знал, что император испытывал ночные кошмары, и даже более того, его преследовали постоянные сны о Никки. Ричард это знал, потому что сам отправлял ему эти ночные кошмары через Джиллиан, жирицу костей, насылательницу снов, происшедшую из тех же людей, что и Джегань.

Император обратил весь свой гнев туда, где перед магическим песком в ожидании стояла сестра Улисия.

— Чего ты ждешь? Начинай. Чем скорее мы покончим с этим, тем скорее покончим со всяким сопротивлением власти Ордена.

— Теперь я понимаю, — прошептала сама себе стоявшая рядом с ним Кэлен, будто тоже сделала собственное открытие. — Теперь я вижу, кому он хотел причинить страдание через меня и почему это стало бы так ужасно.

Она заглянула в глаза Ричарда с выражением внезапного понимания.

Ричард сейчас не мог позволить себе отвлечься ни на минуту. Он вновь обратил все свое внимание к сестрам. Ему оставалось продумать еще несколько вещей. Он должен увериться, что его представления правильные, а иначе они все погибнут — да еще от его собственной руки.

Несколько сестер, опустившись на колени возле магического песка, разравнивали его, подготавливая. По тому, как слаженно они действовали, Ричард понял, что они все уже изучили оригинал «Книги сочтенных теней» — книги, которую он запомнил, будучи еще совсем молодым человеком. Он ожидал, что сестра Улисия, которая и привела шкатулки в действие, будет чертить все эти элементы, но вместо этого, по мере того как остальные сестры рисовали свою часть, сестра Улисия переходила от одного символа к другому и дорисовывала финальную часть, завершая этот элемент. Ричард понял, что в этом есть определенный смысл: видимо, не требовалось, чтобы символы и элементы были начерчены исключительно только ею, и это экономило значительную часть времени. Поскольку сестра Улисия лично заканчивала каждый элемент, Ричард предположил, что книга содержит ряд необходимых условий и требуется, чтобы участник был включен в этот процесс хотя бы так, что именно он заканчивает изображение каждой формы заклинания.

Она была тем лицом, которое призывало Оден. Она была претендентом. Однако Джегань присутствовал в ее разуме, и, таким образом, в конечном счете Оден будет контролировать он.

Ричард хорошо помнил, как много времени затратил Даркен Рал на все эти процедуры. А в исполнении сестер все происходило гораздо быстрее. Работая группой, они разделили все на простейшие операции.

Джегань снова подошел к Ричарду.

— Где Никки? — прорычал он, поблескивая своими черными глазами.

Ричарду было интересно, сколько времени пройдет, прежде чем он задаст этот вопрос. Все произошло даже скорее, чем он ожидал.

— Она содержится под стражей для тебя, как и было обещано.

Раздражение на лице Джеганя сменилось ухмылкой.

— Очень плохо, что ты так и не научился играть в Джа-Ла Д'Йин.

— Я разбил тебя.

Ухмылка Джеганя стала довольной.

— В конечном итоге — нет.

Когда император вновь принялся нетерпеливо мерить шагами пространство, сестра Улисия проверяла по книге составные части заклинаний, зачитывая относящиеся к делу тексты, когда это было необходимо. Ричард прекрасно понимал те элементы, которые они изобразили на песке. Часть из них отражали танец со смертью. Когда Даркен Рал впервые начертил их, они казались Ричарду таинственными и непостижимыми, но теперь их язык давно уже стал для него полностью осмысленным.

С каждой минутой Джегань выглядел все более и более раздраженным. И Ричард знал, почему.

— Улисия, — сказал наконец император. — я отправляюсь за Никки. Мне нет никакого смысла стоять здесь и

смотреть, как ты работаешь. С таким же успехом я могу наблюдать за этим через твои глаза.

Сестра Улисия склонила голову.

— Да, ваше превосходительство.

Джегань вновь обратил взгляд к Ричарду.

— Где она?

Ричард сделал жест рукой одному из офицеров Первой когорты, стоявшему неподалеку, — человеку, которого Ричард держал наготове для этой цели. Здесь присутствовало всего несколько человек из Первой когорты, которые вместе с Ричардом ожидали появления людей Имперского Ордена. Они должны были охранять его до самого мучительного конца.

— Проводите императора в камеру Никки, — приказал офицеру Ричард.

Тот отсалютовал, приложив сжатый кулак к сердцу. Прежде чем уйти с сопровождающим, император с довольным видом повернулся к Ричарду.

— Похоже, ты проиграл этот финальный раунд в Джа-Ла Д'Йин.

Ричард хотел сказать, что время еще не вышло и игра не закончена, но вместо этого просто наблюдал, как император уходил, будто ожидая, что всерьез кошмар еще только начнется.

Кэлен молча стояла рядом с ним. И то, как она смотрела на него, вызывало у него беспокойство.

Зедд и Натан, похоже, затерялись в собственных мыслях. Верна казалась сердитой и огорченной тем, что дело дошло до этого. Ричард не мог упрекнуть ее. Кара стояла рядом с Бенджаминном, и он держал ее за руку. Вместе со всей прочей своей свитой Джегань привел в Сад Жизни и Дженнсен. Императорская стража удерживала ее на противоположной стороне зала. Том не сводил с нее глаз. И она, в свою очередь, смотрела на него, не имея возможности сказать все то, что, несомненно, хотела.

Кара медленно подошла чуть ближе.

— Что бы ни случилось, Лорд Рал, я с вами до последнего вдоха.

Ричард ответил ей улыбкой признательности.

Зедд, находившийся неподалеку, кивнул, присоединяясь к словам Кары. Бенджамин слегка стукнул кулаком о грудь, поднося руку к сердцу. И даже Верна наконец-то улыбнулась и коротко кивнула ему. Они все были с ним.

Кэлен, стоявшая совсем рядом с ним, прошептала:

— Может, будет лучше, если ты просто возьмешь меня за руку?

Ричард не мог даже вообразить, как, должно быть, одиноко она чувствовала себя в этот момент. С тяжелым сердцем, от того, что так ничего ей и не рассказал, он взял ее за руку.

Глава 60

Никки сидела почти в полной темноте, на скамье, высеченной из того же куска камня, что и окружающие стены. Тамбур камеры имел второй уровень защиты и был запечатан щитами. Попастъ в камеру или выйти из нее можно было только через систему двойных железных дверей. В этом месте содержались самые опасные заключенные — заключенные, способные управлять магией.

Трудно сказать, как много людей перебивало в этой камере, ожидая свидания со смертью или с чем-то похуже.

Никки расслышала шаги со стороны прихожей, между двумя железными дверями. Кто-то шел сюда.

Она прекрасно понимала, что это лишь вопрос времени, когда к ней явится посетитель.

Никки пребывала в состоянии абсолютного спокойствия. Она прекрасно знала, почему Ричард приказал Натану запереть ее в этой камере.

Она услышала, как щелкнул, открываясь, замок внешней двери, и металлический звук разнесся эхом по лабиринту низких коридоров. Она могла слышать, как кто-то ворчит, напрягая мускулы, чтобы открыть плотно сидевшую на заржавленных петлях дверь достаточно широко, чтобы можно было пройти. И когда затем через небольшое окошко во второй двери, ведущей в ее камеру, Никки увидела тени, она задула огонь лампы, стоявшей рядом с ней на каменной скамье, служившей здесь и кроватью, и единственным предметом мебелировки.

Повернулся ключ, а затем щелкнул, открываясь, замок в ее камере. После долгого пребывания в полной тишине этот резкий звук показался необычайно громким. Как только дверь распахнулась, в проем хлынул свет фонаря. Пыль от ржавой двери поднималась вверх в его желтом свете.

Император Джегань пригнулся, перешагивая через высокий порог, и втиснулся внутрь через дверной проем. Никки встала.

Он был одет в безрукавный жилет, чтобы демонстрировать свои мускулы. Бритая голова поблескивала в свете единственного фонаря, который он принес с собой. Черные глаза казались частью крошечной тьмы этой пещеры в скале. И они заблестели, как только он увидел ее. Никки позаботилась, чтобы верх ее платья был достаточно открыт и Джегань получил что-то, привлекающее его внимание. Это удалось.

— Я так мечтал о тебе, дорогая, — сказал он, посчитав, что эти слова должны произвести на нее впечатление.

Он был всегда убежден, что его похоть что-то значила для нее, а недостаток воспитанности или сдержанности просто демонстрировал, насколько привлекательна она для не-

го. Для Никки же это служило лишь доказательством того, что он был безнравственным дикарем.

Никки стояла гордо, молча, не пытаясь уклониться, когда Джегань приблизился к ней. Он обхватил ее мускулистыми руками за талию и крепко прижал к своему массивному телу, демонстрируя полное превосходство над ней. свою мужскую мощь и неоспоримую власть.

Никки не имела никакого желания затягивать эту встречу.

Она небрежно подняла руки, обхватывая его, и зацеловала Рада-Хань вокруг его бычьей шеи.

Он в замешательстве сделал шаг назад.

Никки знала, что он должен был ощутить силу кольца на шее, пронзающую каждую частицу его существа.

— Что ты сделала? — спросил он тоном, какого она никогда не слышала от него раньше, в котором ярость граничила с ужасом.

У нее не было желания обсуждать и этот факт, так что она посредством кольца просто заставила его прекратить разговоры. Если она знала Джеганя — а она его знала, — то сестра Улисия сейчас находится в Саду Жизни и готовится открыть правильную шкатулку Одена. И ей не хотелось, чтобы Улисия что-то пронюхала.

Джегань сгорал от нетерпения, стремясь добраться до Никки. Те ночные кошмары, которые Ричард слал на армию, беспокоили и мучили его, но те сны о Никки, которыми Ричард наполнял его ночи, превращали навязчивые мысли о ней в страсть, в манию, которая медленно разрасталась до такого размера, что стала почти невыносимой. Джегань и так постоянно желал ее, но после тех снов, которые приготовил Ричард, император не мог думать больше ни о чем другом, как только о том, чтобы овладеть ею.

Он был готов даже покинуть сестру Улисию во время ее работы, чтобы спуститься в эту подземную темницу и лично возвратить ее себе.

Это был небольшой подарок, который Ричард оставил ей. Заперев ее в этой камере, Натан объяснил, под прикрытием всякого рода защитных полей, которые охраняли его слова от ушей любых шпионов, что Ричард придумал некий план, как свой последний подарок для Никки. Он знал, что им придется сдать дворец. Он знал, что им всем предстоит умереть. Единственное, что он мог дать Никки — это Джегань.

Рада-Хань уже давно лежал в этой камере. Это кольцо еще Энн оставила здесь, когда некоторое время провела здесь, арестованная Натаном. Вот что было то самое важное, о чем она пыталась рассказать Никки как раз перед тем, как оказалась убита.

Натан знал, что Рада-Хань в этой камере, за защитными полями. И Ричард хотел, чтобы Никки получила его и нашла способ применить окончательную справедливость к Джеганю Справедливому.

Ричард не питал никаких иллюзий на тот счет, что это хоть как-то существенно уязвит Имперский Орден. Расшатавшие идеи верований Ордена заразили умы миллионов. Джегань не был их творцом. Эта групповая ненависть будет пылать и без этого человека.

Никки тоже очень хорошо понимала это. Она выросла на учениях Ордена. Она знала их алхимию превращения страданий в достоинство, прегрешений в добродетель, а смерти в спасение.

Такие верования распространялись в условиях, когда человек отказывался пользоваться своим умом, в условиях жажды незаслуженного успеха без затраты каких-либо усилий. Такие верования были воплощением ненависти ко всякому добру, ненависти к добродетели, ненависти к ценностям. Это было в конечном счете отвращение к самим себе, отвращение к жизни и к самому существованию. Это была ненависть, восхваляющая смерть. Это было истинное проявление зла.

Убийство Джегана не излечит человечество от такого иррационального изуверства. Верования Ордена продвигаются не одним человеком. Орден будет продолжать свои свершения и без Джегана.

Не остановит убийство Джегана ни тех, кто приводит в действие шкатулки Одена, ни действие заклинания Огненной Цепи, ни распространение заражения от гармоний, ни тех, кто собрал эту огромную армию, окружающую дворец и жаждущую крови и грабежа. Оно не изменит ровным счетом ничего.

Но Ричард давал ей вот этот последний подарок, чтобы она увидела маленький осколок справедливости, перед тем как ее собственная жизнь угаснет, вместе с жизнями остальных, когда сестры призовут силу Одена на службу армии, посвятившей себя верованиям Братства Ордена.

Для Ричарда это был единственный способ отблагодарить ее за все, что она сделала, предоставить возможность избавить мир от человека, который так жестоко обходился с ней.

Никки переступила через высокий порог. Ее пленник, не способный протестовать, следовал за ней. Хотя ее дар и ослаблялся внутри Народного Дворца, он был вполне достаточной силы, чтобы легко пользоваться уникальной природой Рада-Хань. Она могла бы свалить Джегана на пол в ошеломляющей агонии, но использовала силу строго в меру, лишь необходимую для того, чтобы побороть его нежелание следовать ее молчаливым приказам.

За второй дверью стояли несколько офицеров Первой когорты — они сопровождали Джегана вниз, к его заточенному в клетке призу, и теперь ожидали его возвращения. Проход был до того низким и тесным, что им приходилось буквально сгибаться под невысоким потолком и стоять в одну шеренгу, потому что рядом друг с другом уже не помещались.

Они были шокированы, увидев Никки повелевающей императором.

Высокий человек, одетый по полной форме, капитан тюремной стражи, находился тут же, рядом с ними. Он был очень добр к ней и предлагал доставить сюда все, что только она захочет. И вот теперь она получила это.

— Капитан Лернер, — сказала она, — не будете ли вы добры показать выход их этого лабиринта?

Он пристально посмотрел на мускулистого человека с кольцом на шее, стоящего за ней, затем улыбнулся.

— Буду только счастлив сделать это.

Когда они поднялись до просторных коридоров дворца, Никки заставила Джегана возглавить их процессию. Теперь она следовала за ним, как можно ближе, чтобы быть уверенной, что он продолжает идти, ни с кем не говорит и не подает никаких знаков. Он изо всех сил пытался пересилить воздействие кольца на шее. Но для Никки было до смешного легко сломить все его сопротивление, все его могущество и всю ярость. Император был беспомощным, как кукла.

В коридорах дворца его солдаты кланялись ему, когда он проходил мимо. Никки не позволяла Джегану общаться с ними. Люди Ордена давно привыкли к его властному высокомерию, к равнодушию по отношению к ним, так что они нисколько не удивлялись, видя его проходящим мимо без единого знака внимания, даже без такого, как простой взгляд.

Чтобы добраться в Сад Жизни, нужно было преодолеть непростой путь. Весь дворец был спланирован по форме мощного заклинания и выстроен так, чтобы усиливать природный дар Лорда Рала и ослаблять проявления дара всех остальных. Чтобы попасть куда-либо, каждый должен проходить по особым коридорам, которые на самом деле

были составными частями форм заклинаний. Главные линии этих форм были наиболее широкими коридорами. Второстепенные элементы выражались коридорами более мелкими.

Весь дворец представлял собой настоящий лабиринт из коридоров, колонн и залов, огражденных по периметру рядами статуй. Большая часть интерьера дворца была выполнена в камне, обработанном с большим мастерством и красиво разрисованном. В целом весь дворец, хотя и строился в форме заклинания, кроме того, был еще и городом, с улицами, образованными такими же составляющими заклинание коридорами и залами.

Чтобы попасть куда-то, требовалось долгое маневрирование по сложным линиям этого лабиринта-заклинания. И это делало путешествия по дворцу занимающими слишком много времени. Переход из подземной темницы в Сад Жизни был одним из длинных и долгих. Когда они проходили через залы с застекленной крышей, Никки увидела, что небо только начинает принимать едва заметный голубой оттенок.

В тот момент, когда они добрались до уровня, где располагался сад, начало восходить солнце. Первые его лучи прошли сквозь восточные окна и теперь касались белого мрамора на противоположных стенах.

У Никки было единственное стремление: войти в сад с Джеганем, чтобы напоследок посмотреть на Ричарда. Она выяснила, задав несколько простых вопросов, что Ричарду каким-то образом удалось вернуться. Джегань не знал, как именно. Никки посчитала, что сейчас это все равно не имеет существенного значения. Он вернулся, и она хотела увидеть его еще один раз, последний, перед концом. Она хотела, чтобы и он увидел Джеганя, с тем чтобы знал, что по крайней мере императору не придется насладиться ужаснейшим плодом этой долгой войны, которую он принес в Новый мир. После всего, что он сделал, Ричард заслуживал того, чтобы узнать об этой небольшой победе.

Когда они вошли через двойные двери в Сад Жизни, Никки разглядела между деревьями, что солнце ровно в этот момент только что коснулось алтаря. С полдюжины сестер Тьмы собрались вокруг сестры Улисии. Она стояла перед шкатулками.

Сами шкатулки купались в солнечном свете, но казалось, что они черные пустоты, области отсутствия всего в этом мире. Солнечный свет оказывался бессилем в попытках осветить шкатулки. Они же, напротив, выглядели так, будто втягивали солнечный свет, приглушая вокруг, забирая его туда, где он никогда не будет светить вновь.

Джегань изо всех стремился подойти ближе и избавиться от власти кольца на шее, но Никки удерживала его на месте, в задних рядах, откуда, как думали его стражи, он просто наблюдал за происходящим, не желая, чтобы его беспокоили.

Никки знала, что может в одно мгновение лишить Джеганя жизни. Когда время настанет, она сделает это. Ни у кого из стражи не было ни единого шанса преуспеть в попытке освободить своего императора, даже если бы они и знали, что тот находится в смертельной опасности. Сейчас он принадлежал ей.

Затем Никки увидела и Ричарда, в одеждах боевого чародея. И сердце ее ощутимо заныло.

Рядом с ним тихо стояла Кэлен. Если Ричард сумел сохранить стерильное поле, чтобы попытка противодействия Огненной Цепи имела шанс оказаться успешной, она даже не подозревает о его подлинных чувствах к ней. Пока что все шло к тому, что Ричард даже и не получит такого шанса, а она умрет, так и не узнав правды.

Ричард заметил Никки. Заметил он и Джеганя рядом с ней и потому понял, что она преуспела в использовании того подарка, который он оставил ей. Он коротко и незаметно улыбнулся ей.

Сестра Улисия постучала по шкатулке, стоявшей справа

— Вот эта.

Остальные сестры сияли, радуясь своему успеху. Сейчас они были готовы вызвать сюда силу Одена и передать ее императору. Они не подозревали, что он уже не сможет отпраздновать эту победу.

Сестра Улисия подняла крышку шкатулки справа. Золотой свет хлынул изнутри нее, почти так, будто это была жидкость, и со всех сторон окутал сестер, стоявших перед каменным алтарем.

Они все улыбались от приятного возбуждения, довольные тем, что совершили великое дело, пусть даже оно и будет обращено на службу Имперскому Ордену, а не им самим. Разумеется, они готовы были выполнять это, даже не подозревая, что Джегань больше не контролирует их разум.

Хотя если Никки даст им повод убедиться в этом, они наверняка воспользуются этими вратами, чтобы освободить Хранителя преисподней. И у Никки был выбор: позволить им передать мир Ордену — или Хранителю.

Она знала, что на самом деле у нее нет выбора. Жизнь под Имперским Орденом будет какой-никакой, но жизнью. Если сестрам Тьмы позволить сделать то, что они хотят — нигде не останется вообще никакой реальной жизни.

Никки не хотелось жить, чтобы увидеть, каким станет новый мир, ввергнутый в пучину ненависти.

Но она думала, что ей не придется беспокоиться об этом. Она предполагала, что ей оставались последние минуты жизни.

Но Джегань умрет раньше, чем она — в этом она не сомневалась.

Справедливость наконец посетит Джеганя Справедливого.

Одного только не могла понять Никки: почему Ричард улыбается?

Глава 61

Ричард наблюдал, как золотистый свет, исходящий из шкатулки Одена, поднимает семерых сестер.

Рука Кэлен сильнее сжала его руку. Остальные, находившиеся здесь, наблюдали за всем со смесью трепета и страха. Это не было похоже ни на что из того, что любой из них когда-либо видел или сможет увидеть вновь.

Ричард взглянул на Никки. Даже она была зачарована этим искрящимся светом, завертевшимся водоворотом вокруг сестер. Джегань, стоявший рядом с ней, улыбался. Ричард различил на шее металл кольца, проглядывающего через жилет. Император знал, что теперь его дело будет поддерживаться силой Одена, даже если он сам не доживет, чтобы увидеть это. Он верил, что этого уже самого по себе достаточно. Он искренне верил в дело Ордена.

Сестры, оказавшиеся внутри золотистого свечения, похоже, были в восторге от пьянящей силы Одена.

Но радость их оказалась недолгой.

Свет померк, едва их помчало по воздуху, вознося к потемневшему пространству над магическим песком.

Парящие в воздухе сестры скользили все вместе, собираясь в плотную группу. Они беспомощно закрутились хороводом в искрящемся желтом свете. Как только над их головами несколько раз полыхнуло, в зале потемнело. Некоторые из сестер вскрикнули. А вокруг нарастал низкий гул, постепенно наполняющий весь зал.

Земля задрожала, когда группа из семи сестер опустилась к магическому песку.

А сам песок под ними тоже завращался, вместе со светом. Искрение света внутри этой группы сливалось со вспышками молний, плясавших по всему залу, из-за чего сестры казались мерцающими.

— Что происходит?! — выкрикнула сестра Улисия.

Ричард отпустил руку Кэлен и прошел по траве к краю пространства, занятого магическим песком, который медленно темнел, переходя от цвета меда к янтарному и далее к жженой меди. Ричард мог даже ощущать запах гари.

— Что происходит?! — вновь закричала сестра Улисия, когда ее перепуганный взгляд уперся в него.

— Ты же ведь читала «Книгу Жизни»? — спокойно спросил он ее.

— Разумеется, читала! Эта книга необходима, чтобы привести в действие шкатулки Одена. Мы все читали ее! Мы действовали, точно воспроизводя каждую формулу и точно следуя каждому указанию!

— Можно следовать указаниям, содержащимся в книге, но не выполнить их назначения. Вы видели только то, что хотели увидеть, — формулы и формулировки заклинаний.

Некоторые из сестер вскрикивали, когда молния рассекала воздух прямо перед их лицами.

Сестра Улисия впала в ярость.

— О чем ты говоришь?!

Ричард сцепил руки за спиной.

— В самом начале там сказано единственная вещь, специально выделенная на отдельной странице, чтобы подчеркнуть, насколько важной — как главная часть этой книги, — она была. И это не формула или форма заклинания, а самое первое, о чем говорит «Книга Жизни». Первое и самое важное условие. В своей заносчивости и высокомерии, в алчном стремлении получить то, что хотите, вы просто не обратили на нее внимания.

Вводное высказывание, помещенное в «Книге Жизни», — предупреждение каждому, кто станет пользоваться этой книгой. И говорится в нем: «Тем же, кто пришел сюда, чтобы посеять ненависть, — лучше уйти, ибо их ненависть обратится против них самих».

— О чем ты там болтаешь? — спросила одна из сестер, совершенно не интересовавшаяся тем, что они считали всего лишь напыщенным афоризмом.

— Я говорю о книге инструкций по использованию силы Одена. «Книга Жизни» — первейшая вещь, необходимая для того, чтобы воспользоваться этой силой. Опасность этой силы превышает все воображимые пределы. Те, кто создал ее, имели намерение и защитить ее. Самые мощные и опасные средства магии обязательно имеют средства защиты, противодействующие поля и предохранительные средства.

Оден был создан для противодействия Огненной Цепи, но поскольку для этой цели его потребовалось сделать чрезвычайно мощным, он оказался и чрезвычайно опасным. Те, кто создал его, разработали еще и предохранительное средство, которое и удивительно простое, и невероятно надежное.

Указанная ими мера предосторожности гласит: «Тем же, кто пришел сюда, чтобы посеять ненависть, — лучше уйти, ибо их ненависть обратится против них самих».

— Ну так что же?! — воскликнула сестра Улисия.

— А то, — сказал Ричард, пожимая плечами. — Это предупреждение — самое серьезное, какое только может быть. В нем сказано, что ненависть запустит смертельное противодействие со стороны силы Одена. И если вы хотите использовать Оден, чтобы причинять вред, тогда это будет означать, что вы и окажетесь теми самими, кто пришел, чтобы посеять ненависть. Только тот, кто носит ненависть в своем сердце, мог додуматься до того, чтобы использовать подобную силу с целью причинения вреда другим.

— Но это лишено всякого смысла! Как можно создать что-то, вредящее тем, кто несет зло? — спросила она. — Как тогда, например, ты смог бы использовать Оден, чтобы остановить нас? Ты ненавидишь нас, и, следовательно, использовал бы Оден из ненависти.

Ричард покачал головой.

— Ты путаешь ненависть и справедливость. Уничтожить таких, как вы, кто причиняет зло невинным людям, — не значит проявить ненависть. Это будет проявлением любви к тем, кто не сделал ничего плохого, но тем не менее пострадал или был убит. Это любовь и уважение к невинной жизни.

Уничтожение подобных людей не означает проявление ненависти. Это всего лишь результат утверждения справедливости.

— Но мы не проявляем ненависти! — выкрикнула другая сестра. — Мы лишь хотим уничтожить язычников грешников и тех, кто заботится только о себе.

— Нет, — сказал Ричард, — вы ненавидите тех, кому завидуете. Вы завидуете тому, что они счастливы.

— Но мы пользовались правильной «Книгой сочтенных теней»! — в отчаянии выкрикнула сестра Улисия. — Мы в точности следовали оригиналу. Все должно получиться.

— Ну, — заметил Ричард, подходя ближе к почерневшему магическому песку, — раз вы не приняли во внимание даже меры предосторожности, указанные в «Книге Жизни», то, боюсь, вы сделали очень большую ошибку, полагая, что «Книга сочтенных теней» принесет хоть какую-то пользу.

— Но это правильная книга! Это оригинал!

Ричард улыбался, продолжая кивать.

— Этот оригинал представляет собой просто еще одну меру предосторожности. Разве вы не обратили внимания на первое, что говорится в этой книге? Оно и является первым важным предупреждением.

— Каким еще предупреждением?

— Предостережение о том, что следует использовать Исповедницу.

— Но у нас был оригинал! Нам не требовалась Исповедница!

— Предупреждение было вовсе не в том, что вам нужна Исповедница. Предупреждение — само упоминание об Исповеднице.

Зедд, не в силах сдержаться, поднял руку.

— Ричард, опомнись, о чем ты говоришь?

Ричард лишь улыбнулся своему деду.

— Кто был первой Исповедницей?

— Магда Сирус.

Ричард кивнул.

— Женщина, которая была женой Бараха во время великой войны. После того, как сотворили великий барьер и война закончилась, волшебники обнаружили, что обвинитель в деле о Храме Ветров, этот самый Лотейн, оказался изменником. Чтобы выяснить, как именно он предал их, волшебник Мерит использовал Магду Сирус в качестве Исповедницы.

— Да, да, — соглашался Зедд, кивая. — Так и что?

— Шкатулки Одена были созданы во время великой войны. А первая Исповедница появилась только после ее окончания. Как же «Книга сочтенных теней» может быть ключом для открывания шкатулок, если Исповедниц еще не существовало в то время, когда изобрели Оден?

Зедд с удивленным видом прищурился.

— «Книга сочтенных теней», похоже, не может быть ключом для открывания шкатулок Одена.

— Именно так, — сказал Ричард. — Эта книга — всего лишь уловка, чтобы предотвратить неправильное использование силы Одена. Используя эту книгу, даже оригинал, можно добиться только того, что будешь убит. Потому что «Книга сочтенных теней» — не ключ к силе Одена.

Ричард повернулся к свистопляске, производившей страшный шум. Испарения, дым, тени и свет — все кружилось и сливалось с нарастающим ревом. Земля неистово содрогалась. Магический песок, теперь черный как смоль.

начинал втягиваться в растущую вихревую воронку. С раздражающим звуком все это продолжало крутиться над расширяющейся бездной. Звуки мира живого и преисподней смешивались, сливаясь в ужасающий вой.

Сестры вращались в этом водовороте, руки и ноги мелькали в разных направлениях, а их крики заглушались нарастающим громоподобным ревом.

В середине этой вращающейся массы возник яркий свет. Слепящие лучи устремились вверх, через окна в крыше, и вниз, в черноту раскрывшейся бездны. Воздух был наполнен жаром, сиянием и пронзительным криком.

С оглушительным завыванием почерневший песок под сестрами провалился. Фиолетовое свечение вырвалось наружу, поглощая перепуганных женщин. Кружащийся свет, черный песок и молния слились, образуя единый вихрь.

Без сопровождения духа-проводника сестры Тьмы по дуге спирали ринулись в царство мертвых. Они отправились туда, будучи еще живыми. Они отправились туда, не переставая кричать.

Вспышка залила все слепящей белизной, а затем установилась тишина, когда все вокруг стало темным, как смерть.

Когда свет постепенно вернулся, в Саду Жизни стояла полная тишина. Дыра в полу исчезла. Магический песок исчез. Сестры исчезли тоже.

Личная стража Джеганя, находившаяся в Саду Жизни, тоже исчезла. Пребывание в том зале, где была применена сила Одена, для них оказалось столь же смертельным, как и для сестер.

Джегань, имевший на шее металлическое кольцо, находился под властью Никки, и поэтому все еще оставался здесь и выглядел еще более раздраженным, если такое вообще возможно.

Через двойные двери в Сад Жизни устремились воины Первой когорты, чтобы защитить Ричарда.

— Закройте и закройте двери, — распорядился Ричард.

Его люди тут же занялись исполнением этого приказа.

Ричард подошел к алтарю и слегка стукнул по открытой шкатулке Одена, закрывая ее.

— Вы обрели здесь небольшой успех, — с презрительной усмешкой заявил Джегань, — но это мало что значит. И ничего не меняет.

Когда он замолчал, издавая удушливые звуки, Ричард поднял руку.

— Позволь ему говорить, Никки.

Она вывела императора вперед.

— Имперский Орден никуда не денется отсюда и растерзает всех вас, ничтожных и жалких людишек, — сказал Джегань. — Они не нуждаются во мне, чтобы продвигать то дело, за которое мы боремся. Орден очистит человечество от бедствия в виде вас, себялюбивых людей. Наше дело не только нравственное, но еще и божественное. Ведь Создатель целиком на нашей стороне. Сама наша вера доказывает это.

— У истины есть защитники, которые добиваются понимания, — сказал Ричард. — У извращенных идей есть лишь кучка фанатиков, пытающихся силой навязать свои верования, через устрашение и насилие — или через веру. Грубая сила — послушная слуга веры. Неизмеримых масштабов насилие порождается именно верой, поскольку здравый рассудок, в силу собственной природы, укрощает бессмысленную жесткость, но только вера заботится о том, чтобы оправдать подобное.

Лицо Джеганя покраснело.

— Мы трудимся во имя Создателя! Посвятить все свои усилия Создателю — единственный истинный и нравственный путь в этой жизни. Строгое соблюдение нашего религиозного долга принесет нам спасение и вечную жизнь! Кровь неверующих, таких, как твои люди, —

вот что возвышает нас и утверждает на стороне самого Создателя.

Ричард сделал гримасу.

— Это полнейшая чушь.

— Вы глупцы! Даже одной нашей веры достаточно для подтверждения того, что мы правы. Лишь мы получим награду в другой жизни, за наше почитание Его. Только мы, Его истинные дети, и будем вечно жить в животворящем Свете Его.

Ричард вздохнул, покачивая головой.

— Мне всегда было трудно поверить, что взрослый человек может по-настоящему верить в подобный вздор.

Джегань в ярости скрипнул зубами.

— Отправь же меня на пытки! Я приму твою ненависть, потому что честно исполнил свой долг, добиваясь великого счастья для человечества.

— Ты не заслужишь сколько-нибудь серьезного места в жизни, — сказала Никки, — и не будешь гордо шествовать в цепях. Ты не станешь мучеником или объектом почтения за величественную смерть.

Ты просто лишний и никому не интересен. И ты просто умрешь и будешь похоронен, и в этом качестве уже никогда не будешь угрожать порядочным и невинным людям. Ты лишний, если говорить о будущем человечества.

— Вы должны излить на меня свою месть, чтобы это видели все!

Ричард наклонился к нему чуть ближе.

— У нас появятся другие проблемы, как это всегда бывает в жизни, но ты больше не будешь одной из них. Ты будешь вчерашним мусором, гниющим и превращающимся в пыль, потому что твоя жизнь ровным счетом ничего не значит.

Джегань попытался броситься на Ричарда, но Никки, управляющая им через кольцо на шее, удержала его на месте, как животное на цепи.

— Ты высокомерно считаешь, что ты лучше нас, но это не так. Ты всего лишь жалкое существо, которое Создатель поместил в этот ужасный и подлый мир. Ты ничем не отличаешься от нас, за исключением того, что отказываешься раскаяться и преклониться перед Ним. Вот какова твоя ненависть. Все это только из-за нее. Это все потому, что ты проявляешь свою ненависть к Ордену.

Ричард опустил левую руку на рукоять меча.

— Справедливость не бывает результатом проявления ненависти, но только торжеством культурного развития.

— Ты не можешь вот так, просто...

По сигналу Ричарда Никки направила поток энергии через кольцо на шее. Черные глаза Джеганя округлились, когда он ощутил, как смерть заполняет его пустую душу. Он свалился лицом на землю.

Никки указала на него людям из Первой когорты.

— Не сомневаюсь, что скоро произойдет довольно много смертей. Бросьте этот труп в общую могилу вместе с такими же, как он.

Вот так, без почестей, ушел из жизни глава Имперского Ордена. Как Ричард и распорядился, не было никаких торжеств по этому поводу. Не было избиений и надругательств над побежденными, не было пыток, не было принудительных признаний в преступлениях. Разумные люди вполне достаточно разобрались во всех преступлениях. Угрозы для разумных людей больше не существовало, и это единственное, что и имело значение. И смерть Джеганя по сравнению с этим была незначительным событием.

Глава 62

Ричард без промедления подошел к каменному алтарю, на котором установлены шкатулки Одена, и обнажил свой меч.

Отчетливый металлический звон наполнил Сад Жизни.

— Ричард, — произнес Зедд, повышая тон в знак предупреждения, — что, по-твоему, ты собираешься делать?

Ричард не обратил на его слова внимания. Вместо этого он посмотрел в глаза Кэлен.

— Ты со мной, Кэлен?

Она сделала несколько шагов к нему.

— Навсегда с тобой, Ричард. Я люблю тебя и знаю, что ты любишь меня.

На секунду Ричард прикрыл глаза.

Выбора у него не оставалось.

Он повернулся к шкатулкам Одена и закрыл глаза, поднимая меч и касаясь им лба.

— Ну, клинок, — прошептал он, — будь истинным в этот день.

Он опустил Меч Истины и провел им по внутренней части руки, сделав так, чтобы кровь стекала по нему, пока не закапала с конца лезвия.

Ричард положил клинок поверх шкатулки справа, той самой, что недавно открывала сестра Улисия.

Клинок сделался черным, как сама шкатулка.

Он убрал клинок со шкатулки, и тот вернул себе прежний блеск.

Тогда Ричард положил клинок на шкатулку слева. Тот снова стал черным, как сама преисподняя.

Он убрал клинок со шкатулки, и тот вернулся в свое обычное состояние.

Ричард глубоко вдохнул, а затем опустил лезвие на шкатулку, стоявшую в середине. Он думал обо всех невин-

ных людях, просто желавших жить собственной жизнью. Думал обо всех таких же, как Кара, морд-ситах, которые оказались доведены до безумия, пока служили тирану. Думал о Никки, наполнившей свою жизнь ненавистью и принесшей себя в жертву извращенной вере. Думал о Брюсе, своем левом ведомом, который, как только узрел однажды силу без ненависти, тут же примкнул к ней.

Думал он и о Денне.

Когда он открыл глаза, клинок оказался белым. И шкатулка под ним тоже побелела.

Удерживая рукоять меча двумя руками, Ричард поднял острие как можно выше над побелевшей шкатулкой — и вонзил его убийственным колющим ударом из арсенала танца со смертью, пригвоздившим шкатулку к алтарю.

Сад Жизни залила белизна. И белизна залила весь мир живого. Время остановилось.

В эту минуту Ричард стоял в центре затопленного белизной мира, и вокруг больше не было ничего. Он огляделся, но вокруг никого не было, и в то же самое время каждый был здесь, рядом с ним — каждое человеческое существо из мира жизни было здесь, напротив него.

Он все понял. Это было во многом прямой противоположностью его последнему путешествию, предпринятому из этого самого зала, когда он отправился в мир тьмы, и, в каком-то смысле, каждая душа там была рядом с ним.

В этом месте и в этой ситуации у него была осознанная осведомленность о каждом живом существе. В эту минуту в этом месте они все ждали, что им скажет человек, повелевающий силой Одена, и что он сделает. Ведь Оден — сила самой жизни.

— Каждый человек имеет право выбрать, как ему жить, — начал Ричард. — Зло не существует отдельно от людей. Люди творят зло по своей воле, на основе личного выбора. Воля же подразумевает необходимость думать, пусть даже и с плохими результатами. Самый главный выбор, ко-

торый вы можете сделать, это думать — или не думать, а позволить другим думать и говорить вам, что делать, даже когда они приказывают вам творить зло.

Разумный выбор требует большего, он требует думать рассудительно. Отказ от того, чтобы думать рассудительно, дает возможность сохранять иллюзию знания, мудрости и святости, даже совершая при этом зло. Если вы будете следовать за учениями других, тех, кто думает за вас и кто заставляет вас творить зло, то невинные жертвы будут страдать от полученного вреда ровно так же, как если бы вы сами по собственной воле причинили им этот вред.

Мертвые — мертвы. Их жизнь завершилась.

Учения, пренебрегающие здравым смыслом, пренебрегают и реальностью; а что отрицает реальность, то отрицает жизнь. Отрицая жизнь, принимаешь смерть.

Торжество веры над рассудком есть всего лишь метод отрицать реально существующее в пользу любой прихоти вашей фантазии.

Последователи Братства Ордена сами сделали выбор, как им прожить собственную жизнь. Если бы они остановились на этом, то никто из нас, кто ценит нашу личную свободу, не стал бы беспокоиться о том, какую именно они избрали жизнь. Но они сделали выбор — осознанный выбор, — заключающийся в том, что они не позволят всем остальным жить их собственной жизнью, такой, какой те хотят.

И это такой добровольно сделанный ими выбор, который мы не можем принять. Мы не позволим им навязывать нам их волю, навязывать нам выбранное ими зло. Их воля заканчивается здесь и сейчас.

Я оставляю им их желание видеть мир таким, в котором они могут жить согласно своему выбору. Я дарую им то, чего они хотели больше всего — ту жизнь, которую они брали.

Хотя мог бы осудить их и на худшую участь.

С этой минуты существует два мира, похожие друг на друга, как два близнеца. Вот этот мир останется таким, каков он есть.

Сила Одена дублирует во многих отношениях этот мир и вручает им мир, копию нашего мира, который будет теперь в их распоряжении. Их мир — будет принадлежать им.

Они могут даже и не прийти к осознанию самой нелепости своего выбора, но, вполне определенно, будут страдать из-за этого. Они будут вести жизнь в мучениях, к которым сами так долго и пламенно призывали. Они будут вести жизнь в страданиях, которые так ханжески считали правильными. Они будут вести жизнь в безысходном страхе и боязни, которые выбрали сами, отказываясь воспользоваться собственным разумом, чтобы думать и рассуждать.

Они сделали выбор, при котором бросили свою жизнь в котел истребляющей все ненависти. Я дарую им то, к чему они стремились. Это последний раз, когда желание сможет принести им хоть что-нибудь. Сами они проживут дольше, чем их желания и надежды, навеки затерянные во тьме, которую сами навязали своему разуму, — в отвращении к самим себе. Но они уже не смогут снова причинять вред нам.

Они верят, что те, кто свободны, — причина всех их затруднений и невзгод. Они обвиняют нас в их бедах. Они нападают на нас, объясняя это тем, что мы — корень зла, ввиду того что мы существуем, потому что мы процветаем, потому что мы счастливы. Они жаждут уничтожить нас, с тем чтобы получить в свое распоряжение мир таким, каким сами хотят видеть его.

Ричард обратил свое внимание к последователям Ордена и в том, другом мире, находящимся уже по ту сторону открытых врат. И находящиеся в том мире тоже могли слышать его.

— Я дарую вам то, чего вы желали.

Теперь вы получаете то, чего, по вашим заявлениям, всегда хотели, а именно, мир, в котором правят ваши верования. Мир без магии, без свободных людей и без свободного разума. Вы можете верить в то, во что желаете, и жить так, как хотите жить.

Но вы уже не получите нас в виде предложения или оправдания той нищеты и тех бедствий, которые создаете вокруг себя. У вас больше не будет нас в качестве оправдания и средства, питающего вашу ненависть.

Вы будете существовать без каких-либо врагов, кроме вашей собственной ничтожной сущности. Ваш мир будет вашим, где вы сможете править так, как вам удобней, и разрушать все вокруг, и сами будете наслаждаться плодами вашей ненависти.

Ваши дети, оказавшись свидетелями бессмысленной жестокости, порождаемой вашими своенравными и невежественными верованиями, со временем постараются изменить ваш мир в лучшую сторону, будут строить собственную взрослую жизнь, более достойную и счастливую. Но это будет целиком их дело. Им придется избрать для себя путь использования здравого смысла вместо силы, чтобы вести дела друг с другом. Как и всяким другим, им придется сделать выбор: как они проживут собственную жизнь.

А этот мир будет нашим.

Это будет мир без учений Имперского Ордена. Без тех, кто намерен силой навязывать нам эти верования. Без тех, кто будет убивать нас за желание сделать самостоятельный выбор, как прожить собственную жизнь.

Этот мир будет таким миром, где будут и все несовершенства жизни, и вся неуверенность в ней, вместе со всеми последствиями неверного выбора, со всеми неприятностями и ошибками, которые предоставляет жизнь. Но это будет мир, в котором у всех нас будет шанс сделать то, чего мы

хотим добиться в нашей жизни, мир, в котором наша жизнь будет принадлежать нам, как и наши достижения. Это будет мир, в котором человек может учиться, творить, совершенствоваться и пользоваться результатами своего мышления и труда. Это будет мир свободы, мир, в котором люди получают право жить своей жизнью, так, как хотят, верить, во что хотят, пока они следуют осмысленным законам и не используют силу, чтобы навязывать свою волю другим.

Не каждый в этом мире добьется успеха, или счастья, или даже понимания того, как самим устроить добродетельную жизнь. Но в настоящее время для всех нас, здесь живущих, это будет мир без последователей Ордена.

Это будет мир жизни. Жизнь — это то, во что мы сами превращаем его. Возможно, мы не преуспеем. Но пока мы живы, мы будем обладать свободой: добиться успеха или проиграть. Чего мы заслуживаем, такой эта свобода и будет.

Возможно, наши дети отвергнут все эти достижения и предпочтут снова окунуться в нищету и страдания веры, насилия и силы, но это, опять-таки, будет мир, который они создадут сами, для себя. Это будет их выбор, это будет их жизнь. Им тоже придется страдать от последствий, если они не сумеют осмыслить уроки, полученные в результате нашей борьбы. Но это будет уже их ответственность перед самими собой, перед их собственной жизнью.

Но пока что для всех нас, для тех, кто находится здесь и сейчас, это будет мир, где следствием здравого смысла является свобода, позволяющая нам жить без верований Имперского Ордена, которые разрушали нас.

Несмотря на тот вред, что причинили нам те, кто переместились в созданный только что мир, я не стал лишать их жизни. Не было необходимости делать это. Моя ответственность перед собой и перед теми, кого я люблю, состояла в том, чтобы устранить угрозу, с тем чтобы мы могли жить. И это я осуществил.

Наша месть будет заключаться в том, что мы будем вести жизнь, полную любви, веселого смеха и радости.

Мы обратим наше внимание и потратим наши драгоценные жизни на самые значительные дела, которые ожидают нас, на тех, кого мы любим, о ком заботимся и, в конце концов, к нашему будущему.

Те из вас, кто оказался в только что созданном отделенном мире, смогут в будущем увидеть то, что вы хотели принести нам: тысячелетия тьмы.

Я предполагаю, что вы будете вечно поклоняться тому, с чем у вас больше не будет никакой связи и даже возможности такой связи; вы будете вечно молиться о загробной жизни в мире духов вместе с Создателем, но будете навечно отрезаны от любого другого мира, оставаясь в своем собственном. В этом отделенном мире вы будете вести собственную жизнь, а когда умрете, то будете просто мертвы. Ваши души перестанут существовать. Ваши души угаснут вместе с вашими жизнями.

Ваша жизнь будет в вашем распоряжении, но если вы вновь потратите ее на то, чтобы продолжать поклоняться другим мирам, во имя видений вечного спасения, желая таким образом сбежать от реальности бытия, вы пожнете лишь пустоту смерти, после того как потратите жизнь, не прожив ее. У вас будет шанс иметь жизнь, и будет в вашей власти — или высоко ценить эту драгоценную жизнь, или выбросить ее, разменяв ни на что.

Вам хотелось нового рассвета для человечества. Вам хотелось обрести такой мир жизни, в котором захват другого царства, другой реальности воспринимался бы как благороднейшее дело человечества. Я оставляю вам в дар это ваше желание. Теперь вам предстоит жить с ним.

Мы же будем свободны от вас.

Ваш мир будет только вашим миром. Вы никогда не сможете вернуться в этот вот мир, потому что для вас не будет пути назад. Как только эти врата закроются, для вас

больше не будет преисподней, как черного хода, как не будет для вас и другого мира, кроме вашего собственного мира. И больше не будет средств попасть в этот, наш мир, и в другие миры, наслонившиеся на него.

Те из нас, кто остаются здесь, будут продолжать жить в нашем мире, как и прежде, вместе со всем тем, что существовало в нем, со всеми царствами, которые все время существовали рядом с этим миром, то есть миром живого.

Ваш же мир не будет окружен никакими царствами. Он будет островом жизни. Вечность будет отделять его от всего, что находится здесь. Это значит, что вы будете отрезаны в том числе и от преисподней, от царства мертвых.

Ваше существование в вашем мире будет ограниченным. У вас будет ваша собственная жизнь, но когда умрете, ваши души прекратят существование. У вас есть лишь один способ существования — в вашем мире жизни. Если вы продолжите попусту растрачивать ее, если не сумеете воспользоваться своим разумом для надлежащего осмысления реальности вашего мира, вашего единственного существования, вы утратите всю бесценную значимость вашей единственной жизни.

У вас есть жизнь. И теперь у вас есть свой собственный мир. Вы никогда не сможете вернуться вот в этот. Вы никогда больше не сможете причинить нам вред. Я даю вам то, к чему вы стремились: мир без драконов... и без всего того, что связано с магией. Вы будете обречены на вечную тоску о том, чего больше не сможете обрести.

Уверен, каждый новый день будет доставлять нам новые испытания, с которыми придется справляться, но среди них уже не будет верований Ордена. И, как сказала Никки, здесь вы просто лишние и никому не нужны.

Глава 63

В чистое белое пространство вступила его сестра Дженнсен. С ней был и Том, его рука обнимала ее плечи. Рядом с ними оказались Энсен, Оуэн и Мерили. За исключением Тома, они все были изначально лишенными дара — они были Столпы Творения.

— Ричард, — сказала Дженнсен, — мы хотим отправиться в другой, только что созданный, новый мир.

Слеза скатилась по щеке Ричарда. Он знал, что все такие же, как она, слышали их, и все они согласны с ней.

— Вы все, каждый из вас, имеете полное право оставаться здесь и жить совершенно свободно.

— Я знаю, — сказала она за всех. — Но ты учил меня ценить жизнь и уважать жизнь других. Этот мир — мир магии. Мы не хотим, чтобы наша жизнь происходила в ущерб этому миру и влияла на тех, кто живет здесь и чье бытие зависит от магии. Мы Столпы Творения. Нам необходимо существовать в другом мире, мире без магии. Этот мир — это твой мир. А тот дальний мир — это мир наш.

Ричард погладил ее по щеке.

— Как бы мне ни хотелось, чтобы ты осталась здесь, но я все понимаю.

Это было не просто понимание: он знал, что они захотят уйти в тот, другой мир.

Ричард улыбнулся, глядя на то, насколько она действительно красива и какой она добрый человек.

— Думаю, там ты найдешь безопасный дом для себя и для своих друзей.

— Вы считаете, что там мы будем в безопасности, Лорд Рал? — спросил Том. — Я имею в виду, если принять во внимание природу людей, которых вы отправляете населять и обживать этот новый отдельный мир?

Ричард кивнул.

— Такие движения, как Орден, которые лишь разлагают и разрушают жизнь своих сторонников и верующих, нуждаются во врагах, чтобы отвлекать внимание от той глубочайшей нищеты, которую они порождают. Великий демон дает им оправдание этой нищеты. Такой враг, которым были мы, — это клей, что связывает вместе все валяющиеся на них страдания. Без наличия отговорки в виде сильного злостного врага, которого можно обвинять во всем, их идеи, даже если они безгранично властвуют тысячу лет, в конечном счете обрушатся сами по себе. Самая обычная тирания вырастает, как правило, на подобных руинах, из нее слабо разгорается это же пламя, и история повторяется вновь, на каждом цикле бесконечного, но ограниченного развития людей, сваливающих вину на других.

Те, кто лишен дара, будут слишком незначительным врагом для Ордена, чтобы обращать на них внимание, замечать или обвинять. Вы окажетесь слишком мелким врагом, слишком незначительными по численности, чтобы стать для них полезным предлогом или оправданием.

— Нам ничто не будет угрожать, — сказала Дженнсен, отвечая на беспокойство, все еще отражающееся в глазах Ричарда. — При отсутствии такого врага, какой был у них здесь, с которым можно вести борьбу и захватывать его земли, люди Ордена обратят свою ненависть внутрь себя. Они станут жертвами друг друга. Мы постараемся не привлекать к себе заметного внимания, и с нами все будет в порядке.

Ричард кивнул.

— Если вы встанете на их пути, если попадетесь им на глаза, они всех вас растерзают, но я надеюсь, что ты и твои люди сможете найти место... возможно, в том районе, который в этом мире известен как Бандакар. Там вы наверняка сможете жить собственной жизнью. Хотелось бы, чтобы все было немного иначе, но я знаю, что по-другому невозможно

Я направил заклинание Огненной Цепи в этот новосозданный мир, — сказал он ей. — Оно будет работать там, воздействуя на всех людей, стирая память этого мира, память обо всем, что вы оставили здесь. Мне пришлось оставить в этом заклинании и те искажения, что внесены в него гармониями, с тем чтобы гарантировать, что в том новом мире окажется уничтожена любая занесенная туда магия.

И вместе с магией будет уничтожена любая память об этом месте.

Не представляю, как и чем будет заполнена пустота в памяти людей, — что именно в конечном счете заменит их настоящую историю и их настоящие воспоминания. Возникшие новые воспоминания будут казаться более верными и более точными, чем действительность, чем то, что было когда-то здесь. Те созданные воспоминания окажутся связаны друг с другом в разумах людей благодаря заклинанию Огненной Цепи, станут общей уверенностью и общим несомненным фактом. Это верование будет господствовать над будущими поколениями, несмотря ни на что. Каждое воспоминание о нас в том отделенном мире в конце концов будет потеряно.

Но я не могу быть уверенным, что заклинание Огненной Цепи и загрязнение, разрушающее магию, сработают до конца в соответствии с тем, как они действуют. Я не могу быть уверенным, что все, обладающие хоть какой-то магией, не найдут пути для ее сохранения.

Ричард опустил руку на плечо Дженнсен.

— Ты и подобные тебе будут гарантией будущего вашего мира, гарантией того, что магия окажется полностью изъята из существования в этом мире для будущих поколений. Когда ваши потомки будут иметь отношение к каждому родившемуся, то в том далеком мире больше не останется магии, даже если кто-то и попытается сохранить ее, чтобы использовать во имя амбиций и собственного честолюбия. Время и все те Столпы Творения, которые родятся

в будущем, распространят ваши свойства, приводящие к отсутствию даже искры природного дара, так что в будущем в том мире никто не сможет родиться даже с малой искрой дара, и потому никто не сможет вернуть магию туда. Но здесь она по-прежнему будет жить.

Я знаю, что ты будешь помнить меня, Дженнсен, но знаю также и то, что пройдет время, и эта память, вместе со всем остальным, что связано с нашим миром, со всем, что было в нем, ускользнет и станет не более чем легендой.

Ричард повернулся к Тому, рослому светловолосому д'харианину.

— Ты не относишься к тем, кто лишен по рождению дара.

Том кивнул.

— Но я люблю Дженнсен и больше всего на свете хочу быть с ней. Где бы мы ни оказались, это будет замечательно, как замечательной будет та жизнь, которая ждет нас вместе с ней. И я восхищен перспективой помогать в строительстве нового мира для нас, мира, где Дженнсен и все остальные, не отмеченные природным даром, не будут чем-то особым, а будут просто людьми.

Я прошу, Лорд Рал, чтобы вы освободили меня от обязанности служить вам, чтобы я мог посвятить свою жизнь любви и защите вашей сестры, а также всех остальных наших людей в нашем новом мире.

Ричард улыбнулся, и они пожали друг другу руки.

— Мне нет нужды освобождать тебя, Том. Ты всегда служил мне по собственной воле. Я буду всегда благодарен тебе за то, что ты сделал Дженнсен счастливой.

Том выразил признательность, приложив сжатый кулак к сердцу, а затем, улыбаясь, на мгновение обнял Ричарда. Оуэн, Энсен и Мерили, улыбаясь от восторга ввиду ожидающей их впереди жизни, пожали руку Ричарду и поблагодарили его за то, что научил их воспринимать и ценить жизнь.

— Я очень люблю тебя, — прошептала Дженнсен, крепко обнимая его. — Благодарю тебя, Ричард, за то, что ты помог мне полюбить жизнь. Даже если я забуду тебя, ты всегда будешь оставаться в моем сердце.

Едва она чуть отдалилась, она и другие начали поглощаться белой пустотой врат.

•
Оставшись совершенно один, окруженный все той же белой пустой, Ричард снова схватился рукой за Меч Истины, собираясь выдернуть его из шкатулки Одена, как вынимают ключ, заперев ворота. Но думать в этот момент он мог только о том, что даже если удалось так замечательно осуществить все, что он спланировал, то единственная вещь, на которую он надеялся больше всего, ему все же и не удалась.

Стерильное поле, необходимое, чтобы сила Одена добилась полного успеха, оказалось загрязнено. Кэлен заранее узнала, что он любил ее.

— Ты на редкость необычайный человек, Ричард Рал, — раздался самый чудесный из голосов в мире.

Ричард повернулся и увидел, что она стоит перед ним. Зеленые глаза искрились. Лицо украшала особая улыбка, которую она не являла больше никому.

Ричард стоял застывший, одной рукой все еще сжимая меч с такой силой, что и сам ощущал, как слово «истина» вдавилось в его ладонь.

Кэлен подошла ближе и плавно обняла его за шею.

— Ричард, я люблю тебя.

Ричард тоже обнял ее, и чувства переполнили его в эту минуту.

— Не понимаю. Это не должно было получиться, поскольку стерильное поле оказалось нарушено предварительным знанием.

— Но я была защищена, — сказала она с хитрой улыбкой.

Ричард нахмурился.

— Защищена? Но как?

— К тому времени я уже вновь влюбилась в тебя. Для меня не требовалось стерильного поля. Думаю, что с первого момента, как я увидела тебя в той клетке, с того момента, как только она въехала в лагерь Ордена, я полюбила тебя. Во всем, что делал, ты показывал, какой ты человек... именно такой человек, которого я полюбила так давно, человек, за которого я вышла замуж в той деревне людей Племени Тины.

Когда ты дал мне ту резную фигурку, Дух, это лишний раз подтвердило все, что я узнала.

Искусство раскрывает внутренний мир самого художника. Искусство выявляет идеалы человека, что представляется ему ценным. Только человек, обладающий таким почтением и таким страстным отношением к благородству человеческого духа, мог быть тем, кто разделяет мое собственное страстное отношение к жизни.

Ричард улыбнулся и почувствовал, как слеза скатилась по его щеке.

— Я отправился в преисподнюю, чтобы забрать воспоминания, отобранные Огненной Цепью посредством магии Ущербя. И там я узнал, что суть всех воспоминаний может быть восстановлена, если ты примешь их по собственной воле. И тогда я вложил их в то резное изображение.

Приняв его, ты приняла воспоминания всех и каждого. Ты разорвала заклинание Огненной Цепи, которое забрало так много у очень многих. Будучи настолько склонной воспринимать все доброе, оценивать красоту жизни и удерживать ее в своем сердце, ты вернула каждому его память.

Она пристально смотрела в его глаза очень долгую минуту.

А затем он поцеловал свою жену — женщину, которую любил, женщину, которая значила для него все. Женщину, которая любила его.

Женщину, ради которой отправился в преисподнюю и вернулся назад.

Но перед тем как забыться в этом поцелуе, когда ее руки еще крепче сомкнулись вокруг него, он выдернул Меч Истины из шкатулки Одена, запирая врата на все времена.

Когда Ричард наконец-то открыл глаза, окружающий мир вернулся на место. Зедд стоял неподалеку, наблюдая за ними и посмеиваясь.

— Зедд, — сказал Ричард, оглядывая и всех остальных, находившихся здесь.

— Не стоит извиняться, мой мальчик.

— А я и не извиняюсь.

Зедд жестом показал, чтобы они продолжали.

— Ну, в конце концов у тебя есть право целовать свою жену после долгой разлуки. Я всегда знал, что вы двое принадлежите друг другу навсегда. Я просто хотел, чтобы и сам ты скорее осознал это.

Ричард бросил сердитый взгляд в сторону деда.

— Извини, что тебе пришлось об этом беспокоиться. Возможно, тебе следовало бы с самого начала учить меня немного лучше, тогда результата не пришлось бы ждать так долго.

Зедд пожал плечами.

— Похоже, я был хорошим учителем — ты справился со всем, и вполне неплохо.

— Ричард, — сказал Натан, выходя вперед. — Ты понимаешь, что только что сделал?

Ричард огляделся.

— Ну, надеюсь, что да.

— Ты только что исполнил пророчество!

Ричард скептически вскинул голову.

— Что за пророчество?

— Пророчество о великой пустоте!

Ричард сделал гримасу.

— Я попросту спас всех нас от великой пустоты, которая, как ты предупреждал, в этом пророчестве была указана как угроза.

Натан в возбуждении вскинул руки.

— Нет, нет, разве ты не понимаешь? Ты только что создал мир, в котором не существует магии. Именно его пророчество воспринимает как пустоту — потому что неспособно показать мир, в котором отсутствует магия! Пророчество лишь предсказывало совершенное тобой. То, что ты расколол миры, — в пророчестве отразилось развилкой Великая пустота в понятиях пророчества — и есть тот самый другой мир.

Ричард вздохнул.

— Ну как скажешь, Натан.

— Я все-таки кое-чего не понимаю, — сказал Зедд. — Откуда ты узнал, что Меч Истины — ключ для использования шкатулок Одена? Ну да, ты понял, что «Книга сочтенных теней» не может быть настоящим ключом, потому что Оден появился раньше, чем Исповедницы. Но ведь Оден появился и раньше, чем Меч Истины. Как меч мог оказаться ключом?

— Меч защищал мой разум от заклинания Огненной Цепи, потому что шкатулки Одена противодействуют ему, а Меч Истины — или, точнее, магия, вложенная в него, — это ключ к шкатулкам, поскольку он часть Одена. Потребовалась искра озарения, чтобы я понял, что именно меч служит ключом — ведь я держал его в руках, когда сестры запускали заклинание, и он защитил мою память, не давая мне забыть Кэлен, и меч останавливал непрерывно действующий процесс потери памяти у всех, кто касался его.

Зедд упер руки в бока.

— Но меч был создан позже Одена.

— Это тоже всего лишь хитрость.

— Хитрость?

— Как лучше всего защитить что-то, обладающее такой огромной силой, если не хитростью? А вовсе не комплексом сложных экстравагантных магических построений «Книги сочтенных теней», как все думали.

В конце концов, хитрость, исполненная надлежащим образом, это тоже магия. — Ричард улыбнулся. — Ты сам учил меня этому, помнишь? Именно это и сделали тогда волшебники. Все, что связано с «Книгой сочтенных теней», было хитростью, чтобы замаскировать истинный ключ: Меч Истины. В меч была вложена магия, необходимая, чтобы применять Оден; книга же была уловкой, обманкой, чтобы каждый оказался сбит со следа.

Истинный ключ — меч — обладает элементами магии, которые дополняют и довершают построение магии Одена. Меч содержит все необходимое для этого — а именно, магию, вложенную в него сотнями волшебников. Меч, может, и был создан позже, но магия, которую вложили в него, была магией, созданной теми самыми волшебниками, которые сотворили Оден. И он все время находился у всех под носом.

Именно поэтому Меч Истины всегда был на ответственности Первого волшебника. Он был более чем бесценным.

И ты, Зедд, был достойным хранителем меча. Ты нашел подходящего человека для него, достаточно правильного, чтобы сделать его настоящим Искателем Истины.

Причина, по которой следовало найти правильного человека, заключалась в том, что только человек с любовью к жизни и симпатией ко всем живущим способен обратить лезвие меча в белый цвет. Только такой человек, когда он касается правильной шкатулки, может обратить это лезвие в белый цвет.

Только настоящий Искатель Истины способен воспользоваться Мечом Истины, а значит, и силой Одена.

Это следует из предупреждения в самом начале «Книги Жизни», гласящего: «Тем же, кто пришел сюда, чтобы посеять ненависть, — лучше уйти, ибо их ненависть обратится против них самих». Меч Истины требует сострадания в работе. Ненависть не обратит лезвие в белый цвет... Только сострадание сделает это. Это и есть последнее защитное средство для Одена. Одновременно оно служит и ключом к его шкатулкам.

Нельзя использовать ненависть, применяя силу Одена. Ненависть не может быть частью правильного ответа. «Книга Жизни» предупреждает именно об этом. Если принять эту концепцию, все оказывается очень просто.

— Да, теперь я вижу, насколько все просто, — пробормотал Зедд себе под нос, запуская палец в густую копну непокорных седых волос, чтобы почесать голову.

Натан прищелкнул пальцами, поворачиваясь к Зедду.

— Теперь я понял и другое пророчество.

Зедд поднял глаза.

— Какое же?

Натан наклонился ближе к нему.

— Помнишь: «Однажды придет не родившийся в этом мире, чтобы спасти его»? И вот теперь это обрело смысл.

Зедд нахмурился.

— Похоже, не для меня.

Натан махнул рукой.

— Ладно, разберемся со всем этим позже.

Зедд вновь обратил настойчивый взгляд к Ричарду.

— Остается еще множество вопросов, в которых следует разобраться. Как Первый волшебник, я хотел бы знать все, чтобы мог сказать, все ли детали ты правильно отработал. А что если ты допустил какой-то просчет в одном из аспектов такого сложного дела? Мы должны знать...

— У меня просто не было времени, — сказал Ричард, обрывая его. — Иногда выпадает лишь мгновение, чтобы сделать что-то, и при таких обстоятельствах не каждая слу-

чайность может быть учтена или выбрана. В такой момент благоприятной возможности невозможно учесть все обстоятельства, а тем более проанализировать и просчитать их.

Бывает неизмеримо лучше поймать шанс и сделать все, что ты можешь, даже зная, что это подойдет не для всех случаев, чем просто не сделать ничего.

И только позже можно попытаться пройти через все эти «а что, если» и «наверное, да».

Я обязан был действовать. Я сделал все, что мог, прежде чем стало просто поздно.

Зедд улыбнулся, а затем схватил Ричарда за плечо и встряхнул его.

— Ты все сделал хорошо, мой мальчик. Ты все сделал правильно.

— Да, он действительно справился, — сказала Никки.

Все повернулись, чтобы посмотреть на нее, приближающуюся по дорожке с широкой улыбкой на лице.

— Я сходила проверила. Армия Имперского Ордена исчезла с просторов равнин Азрита. Внизу осталось немного людей, подобных Брюсу, которые хотят обрести возможность жить свободно, чтобы пытаться самим управлять своей жизнью.

Одобрительные возгласы слышались со всех сторон зала от услышавших подтверждение того, что армии Имперского Ордена больше нет.

Когда Никки приблизилась к ним, Кэлен тут же обняла ее. Затем она отстранилась и понимающе улыбнулась.

— Только тот, кто действительно любит его, сделал бы столько, чтобы вернуть меня назад. Ты больше, чем просто наш друг.

— Ричард научил меня, что любить кого-то — означает иногда ставить его самые сокровенные желания выше своих собственных. Не буду отрицать, что люблю его, Кэлен, но я безмерно счастлива за вас обоих. Видеть вас двоих вместе мне очень радостно.

Никки вновь обратила свое внимание к Ричарду. Она выглядела очень серьезной, почти обеспокоенной.

— Мне хотелось бы знать, как это тебе удалось создать тот другой мир по другую сторону небытия и отправить туда всех этих людей?

— Ну, — начал он, — я прочитал в книгах по одической теории, что врата, которые создаются в процессе, способны разворачивать магические процессы, как при противодействии Огненной Цепи. Это подсказало мне идею.

Он достал из кармана кусок белой ткани.

— Видите это? Вот здесь упала капля чернил.

Зедд наклонился ближе.

— Ну и что?

Тогда Ричард развернул белую ткань.

— Смотрите, — сказал он, указывая на две точки на противоположных сторонах куска. — Когда ткань сложена, эти две точки касаются друг друга. Когда мы разворачиваем ее, они оказываются на противоположных сторонах куска ткани.

Сила Одена способна смещать бытие. В сущности, Оден — это кривизна в бытии, способная уничтожить Огненную Цепь и восстановить память. Так что, попросту говоря, я использовал силу Одена, чтобы создать слепок или новую копию этого мира. Оден направил тех людей через врата в тот самый другой мир, который фактически находился прямо здесь, на этом же самом месте. А затем, когда я выдернул меч из шкатулки и тем самым закрыл врата, этот другой мир оказался по другую сторону бытия — точно так же, как эта точка, которая в какой-то момент касалась оригинала, теперь находится на другом краю куска ткани.

— Ты хочешь сказать, — сказал Зедд, глубоко задумавшись и продолжая поглаживать подбородок, — что Оден создал врата, которые соединяли два разных места,

чтобы позволить тем, кто хотел иметь мир без магии, сделать шаг через них, а затем разделил эти два мира навсегда.

— А ты сообразительный ученик, — поддразнивая его, заметил Ричард.

Зедд с силой хлопнул Ричарда по плечу.

Ричард сделал несколько шагов и опустил руку на плечо Верны.

— Именно Уоррен заронил в меня искру этой идеи. Это он сказал мне, что шкатулки Одена — врата, своего рода потайной ход через преисподнюю. Я бы не догадался сделать все это без Уоррена. Своим знанием он помог всем нам.

Со слезами на глазах Верна ласково погладила Ричарда по спине, выражая тем самым глубокую признательность.

Ричард приподнял амулет, который носил на шее, тот самый, который когда-то носил волшебник Барах.

— Этот амулет изображает танец со смертью. Это нечто гораздо большее, чем сражение на мечах или борьба за жизнь. Этот символ, помимо прочего, содержит то, что заставило меня отправиться в преисподнюю, в царство мертвых. Это часть того, что Барах намеревался донести до моего понимания.

Но этот амулет показывает еще и то, что заключительное движение танца со смертью, убийственный выпад, — необходимо при использовании шкатулок Одена.

Кэлен обняла его рукой.

— Ричард, ты сделал все, чтобы волшебник Барах гордился тобой.

— Ты сделал так, что мы все гордимся тобой, Ричард, — заметил Зедд.

Голубые глаза Никки искрились от счастья.

— Он действительно сделал это.

Зедд светился такой улыбкой, какой Ричард не видел у него уже долгое время. Это был прежний Зедд, дед Ричар-

да, его наставник и друг. Зедд продолжал со сдержанной гордостью:

— То, что пытались сделать древние волшебники, создавая великий барьер на юге, и то, что пытался делать я, как Первый волшебник, создавая границы, ты, Ричард, осуществил на самом деле.

Ты устранил угрозу того, что мы могли бы снова подвергнуться нападению, но сохранил и жизнь, как гарантию будущего. Все дети тех людей будут иметь возможность выучиться на ошибках своих родителей, и, вероятно, они выучатся, вырастут и будут выше того, чтобы выбрать ненависть к другим в качестве способа существования. Ты даровал им целый мир, чтобы изжить их ненависть к жизни, мир, который они могут погрузить в тысячелетия тьмы, но при этом дал еще и шанс будущим поколениям на то, чтобы возродить там человечество, которое с надеждой примет жизнь и благородство человеческого духа.

Ты даровал обоим мирам право на жизнь, и сделал это с помощью силы, но без участия ненависти.

Глава 64

Успокаивающий ветерок слегка трепал рыжие волосы Дженнсен, в то время как она всматривалась в витиеватую букву «Р», выгравированную на серебряной рукоятке ее ножа.

— Думаешь о своем брате? — спросил Том, подходя к ней и выводя ее из плена воспоминаний.

Она улыбнулась мужу и обняла его одной рукой.

— Да, это радостные воспоминания.

— Ага, мне тоже не хватает Лорда Рала.

Он вытащил свой собственный нож, чтобы посмотреть на него. Это был близнец ножа Дженнсен. На нем тоже была витиеватая буква «Р», обозначавшая Дом Ралов. Том значительную часть своей еще недолгой, но уже осмысленной жизни был членом специального отряда, который нес тайную службу, охраняя Лорда Рала. Именно так он заслужил право носить этот нож.

Дженнсен прислонилась плечом к косяку дверного проема.

— Похоже, ты только тогда и проникся духом службы Лорду Ралу, когда отказался от всего, чтобы отправиться сюда, вместе со мной.

— Знаешь, — сказал он, улыбаясь и убирая нож обратно в чехол, — я все-таки предпочитаю новую жизнь с новой женой.

Она обняла его обеими руками.

— Ну да, именно так? — спросила она, поддразнивая его.

— И мне нравится моя новая фамилия, — добавил он. — Я уже наконец-то привык к ней. Знаешь, мне с ней даже удобнее.

Когда они поженились, Том принял ее родовое имя, Рал, с тем, чтобы они могли сохранить его в новом мире. Похоже, это было единственным способом сохранить память о человеке, даровавшем им эту новую жизнь. Иначе это имя просто исчезнет из их памяти.

Для Дженнсен было довольно странно, что множество людей уже не помнили то место, из которого они пришли, не помнили свой прежний мир. Это было именно так, как предупреждал Ричард. Заклинание Огненной Цепи отобрало их воспоминания, а пустые места в их памяти оказались замещены новыми воспоминаниями, новыми верованиями о том, кто они такие. Поскольку заклинание Огненной Цепи и загрязнение в нем относились к магии Ущерб, то оно воздействовало и на изначально лишенных дара лю-

дей, так что даже они непрерывно теряли остатки памяти о том, кем и чем они были.

По большей части магия стала всего лишь суеверием. Волшебники и волшебницы утратили всякую значимость. Они перекочевали в сказки, которые обычно рассказывают у костров, чтобы пугать окружающих, вызывая лишь добродушный смех. Драконы стали обитателями только фольклора. В этом мире не было никаких драконов.

Все магические способности постепенно увядали, затихая. Они гасились загрязнением от гармоний. День ото дня обладавшие даром становились все менее и менее сильными. В конечном счете они превратились в старых колдуний и колдунов, живущих вдали от людей в болотистых лесах, и большинство считали их попросту сумасшедшими.

Любой след природного дара, если таковой еще сохранялся, не уничтоженный загрязнением гармоний, которое переместилось вместе со всеми в этот мир, постепенно будет ликвидирован потомками изначально лишенных дара. Через считанное число поколений от него не останется и следа — именно этого и добивался Орден.

Теперь все были озабочены более важными делами. Жизнь людей превратилась в тяжелый труд по выживанию, поскольку больше не было никого, кто усовершенствует и доведет до ума что-либо, дающее нужный результат. Люди забыли, как делать вещи. Даже то, что всегда казалось привычным и вполне обыденным — например, способы строительства, — оказалось утрачено. Люди, живущие здесь, не знали, как созидать, — они зависели от других во всем, что касалось строительства и создания нового. А это ставило грядущие поколения перед необходимостью открывать для себя все заново.

Те, кто в их прежней жизни занимался созданием и изобретением чего-то, делал для других жизнь проще и легче, а значит, был объектом ненависти, отсутствовали в этом мире, и некому было делать жизнь легче. Оставшиеся

большей частью сами восполняли эти недостатки бытия, насколько могли.

Для большинства живущих в наступившие темные века болезнь и смерть были постоянными спутниками. Как и в том мире, из которого были изгнаны, они обратились к суевериям и мрачно, с присущим им фатализмом, приняли нищету жизни и сопровождающую ее глубокую приверженность вере.

Казалось, куда ни приезжали Том и Дженнсен в попытках обмена и торговли продовольствием, они видели церкви, выраставшие как символы надежды человечества на спасение от нищеты. Духовенство странствовало по миру и требовало поклонения Ему.

Дженнсен и ее люди держались главным образом друг друга, наслаждаясь плодами собственного труда и радостью жизни вдалеке от тиранов и жестоких людей. Хотя некоторые из них приняли догматы навязываемой религиозной веры. Им казалось легче соглашаться с этой верой, чем подвергать сомнению, и принимать готовые мысли, чем думать самостоятельно.

Дженнсен знала, что их мир погрузится в очень суровые и темные века, но знала и то, что среди этого мрака она и те, кто с ней, могут создать небольшой, но их собственный мирок, наполненного счастьем, радостью и весельем. Остальные, оказавшись погружены в страдания, часть этого мира будет слишком заняты, чтобы доставлять беспокойство удаленному месту, где проживает небольшая группа таких тихих людей. Хотя некоторые из изначально лишенных дара, когда их воспоминания о старом мире полностью исчезли, ушли, чтобы раствориться в городах и других отдаленных поселках.

Непреднамеренно они распространяли основное свойство людей, лишенных дара, которое в итоге окажется и в самых дальних уголках этого мира.

— Ну, как там наш огород? — спросила Дженнсен Тома, когда он сбивал землю со своих сапог.

Он почесал шапку светлых волос и рассмеялся.

— Все просто отлично, Дженн. Можешь ли ты поверить? Я выращиваю овощи — я, Том Рал. И нахожу это более чем приятным. И еще мне кажется, свинья вот-вот должна принести потомство. А Бетти возле нее так и крутится. Судя по тому, как она виляет при этом хвостом, могу предположить, что она будет считать этих маленьких поросят своими.

Бетти, коричневая коза Дженнсен, любила свой новый дом. Почти все время она проводила около хозяев, а еще любила наводить порядок в курятнике, или, вернее, попросту править в нем. Под ее присмотром была пара лошадей, которых она очень любила, мул, которого она терпеливо переносила, и цыплята, которых она терпела, посматривая свысока. И сама она тоже собиралась иметь приплод.

Том прислонился к стене, расправив плечи, и сложил руки, наслаждаясь весенней красотой вокруг.

— Думаю, наши дела пойдут хорошо, Дженн.

Она поднялась на носки и поцеловала его в щеку.

— Это замечательно, потому что я собираюсь завести ребенка.

Несколько секунд он смотрел, как пораженный громом; а затем с диким выкриком подпрыгнул на месте.

— Ты! Дженнсен, как это чудесно! Мы принесем в этот новый мир нового маленького Рала? В самом деле?

Дженнсен рассмеялась, кивками отвечая на его восклицания.

Как хотелось бы ей, чтобы Ричард и Кэлен знали об этом, чтобы они могли прийти и навестить их, когда у нее действительно будет ребенок.

Но Ричард и Кэлен теперь находились в другом мире.

Она любила эти широкие солнечные поля, деревья, поднимавшиеся за ними прекрасные горы и уютный дом, который они сами построили. И это был их родной дом. Дом, полный любви и жизни. Ей было грустно, что ее мать

не может увидеть, как она живет в этом мире. Ей очень хотелось, чтобы Кэлен и Ричард смогли бы увидеть ее новый дом и все вокруг, что она и Том создали на пустом месте. И она знала, как гордился бы за это ею Ричард.

Дженнсен знала, что Ричард существует на самом деле, но для остальных ее друзей в этом новом мире Ричард и то, что связано с ним, то, к чему он имел отношение, то, что они когда-то знали о нем, — все ушло в туманное царство легенд и мифов.

Глава 65

Кэлен останавливалась после каждого шага, казалось, лишь для того, чтобы поприветствовать людей вокруг. Она поднималась на носки, чтобы бросить взгляд через толпу, в попытках увидеть тех, кого разыскивала, кого была рада увидеть вновь. Было такое впечатление, что весь мир собрался здесь, в просторных коридорах и залах Народного Дворца. Она не припоминала, чтобы видела когда-нибудь так много собравшихся по какому-либо поводу.

Но ведь, с другой стороны, это было особое событие, такое, подобного которому никогда не случалось раньше. И никто не хотел пропустить его.

Мир стал другим. Когда такое количество людей, посвятивших себя ненависти, исчезло из этого мира, отправившись в свой собственный, то, похоже, наступило духовное перерождение. При меньшем числе людей потребность в создаваемой в результате труда пище и других товарах удовлетворялась за счет сберегающих труд новшеств и открытий. Каждый день она слышала о достижениях, о создании чего-то нового, небывалого. Возможности для от

дельных людей созидать и благоденствовать теперь не имели никаких ограничений. Казалось, мир расцветал.

Кэлен остановилась, когда кто-то ухватил ее за руку. Она обернулась и увидела Джиллиан вместе с ее дедом. Кэлен крепко обняла девушку и тут же поведала деду, какой смелой та была и как помогала всем, насылая сны. И дед ее сиял от гордости.

Со всех сторон к Кэлен пробивались люди, желавшие коснуться ее руки, сказать ей, какая она красивая, и расспросить про их с Ричардом дела. Казалось, толпа катилась вместе с ней. Это вызывало настоящий восторг — видеть, как этот праздник с такой радостью и благорасположением объединяет всех вокруг.

Вскоре ее остановили несколько служителей подземелья, чтобы выразить свое восхищение приглашением сюда. Она обняла одну из женщин, чтобы остановить безудержный поток слов. С того момента, как Ричард применил силу Одена, у них вновь отрасли языки, и Кэлен казалось, что все они только и делают, что говорят.

Кэлен заметила и Натана, шествующего через зал. Прямые седые волосы спадали на его широкие плечи, прикрытые голубой бархатной накидкой, из-под которой видна белая оборчатая рубашка. На бедре у него висел изящный меч — по его словам, это придает ему эффектный и даже лихой вид. С обеих сторон его сопровождали очень привлекательной женщине, так что, как предположила Кэлен, это приносит свои плоды. Кэлен надеялась, что и Ричард будет так же сурово красив, нося меч в тысячелетнем возрасте.

Через окружающее ее море людей она помахала Натану. Тот жестом показал, что увидится с ней при встрече с Ричардом. И она направилась в ту же сторону, что и он. Но как только заметила Верну, тут же ухватила ее за руку.

— Верна, и ты здесь!

Улыбка Верны сияла как солнце.

— Я и не подумала бы пропустить такое событие.

— А как дела в Цитадели Волшебника? Счастливы ли там твои сестры?

Улыбка Верны стала шире.

— Не знаю, с чего и начать, Кэлен. Мы отыскиали еще несколько новых мальчиков, обладающих даром. Теперь они живут у нас, и мы заняты их обучением. Это отличается от того, что было раньше, все идет намного лучше. А тем более так ново и восхитительно стало с участием и помощью Первого волшебника! Просто удивительно следить, как эти молодые мальчики приходят к пониманию того, насколько дивная штука их дар.

— А как вообще жизнь с Зеддом в этой Цитадели?

— Похоже, Зедд еще никогда не был так счастлив. Можно было подумать, что, когда в Цитадели стало так много людей, он сделается невыносимо брюзгливым, но я скажу тебе, Кэлен, Зедд просто ожил! Он в восторге, как ребенок, оттого что Чейз и Эмма переселились туда со всеми своими детьми, а новые мальчики совершенствуют свой дар. Это место вновь полно жизни.

Кэлен радовалась, слыша обо всем этом.

— Это просто чудесно, Верна.

— А когда вы заглянете? Каждый из нас хочет снова увидеть и тебя, и Ричарда. Зедд позаботился о том, чтобы занялись восстановлением Дворца Исповедниц. И тот теперь вновь обретает величественный вид. Все готово к тому, чтобы ты навестила свой дом, как только захочешь. Ты не поверишь — все служители уже вернулись туда, и все надеются, что и ты, и Ричард проведете там хоть какое-то время.

Для Кэлен было большой радостью узнать, что так много людей искренне желают встретиться с ней. Она выросла как Исповедница, как женщина, почитаемая всеми. Теперь, благодаря Ричарду и всем этим событиям, ее лю-

били просто такой, какая она есть, а не только как Мать-Исповедницу.

— Очень скоро, Верна, очень скоро. Ричард и сам говорил, что собирается побывать там. Этот дворец сводит его с ума. Здесь его окружает один только мрамор, а он хочет отправиться куда-то, чтобы посмотреть на деревья.

Верна поцеловала ее в щеку, и Кэлен продолжила свой путь. Она сделала всего лишь несколько шагов, когда ее заметил обладатель квадратной челюсти, капитан Циммер, и приветствовал, приложив кулак к груди.

— Хотите показать мне несколько ушей, капитан?

Он понимающе улыбнулся.

— К сожалению, Мать-Исповедница, в последнее время больше нет нужды в их коллекционировании... благодаря вам и Лорду Ралу.

Она лишь слегка потрепала его по плечу, а затем продолжила свой путь.

Наконец сквозь толпу она заметила и Ричарда. Он в тот же момент повернулся, чтобы взглянуть на нее, словно ощутил ее присутствие. Она и не сомневалась, что так оно и было.

При виде его, как это и всегда бывало, она терялась от радости. Он выглядел просто великолепно в костюме боевого чародея, надетом по случаю такого важного события.

Когда она добралась до мужа, а он мягко обхватил ее рукой, приближая к себе, чтобы поцеловать ее, весь остальной мир, тысячи людей, большинство которых, несомненно, наблюдали за ними, исчезли из ее сознания.

— Я люблю тебя, — прошептал он ей на ухо. — Ты здесь самая красивая женщина.

— Ну не знаю, Лорд Рал, — заметила она с веселой улыбкой, — могут найтись и другие. Лучше не судить поспешно.

Ричард заметил Виктора Касселлу, со свирепой улыбкой приложившего в приветствии сжатый кулак к сердцу.

Улыбнувшись кузнецу, он ответил на его приветствие подобающим образом.

А затем Кэлен заметила Зедда — и обняла старика обеими руками.

— Зедд!

— Смотри не вытряси из меня остатки жизни.

Она выпустила его, продолжая удерживать за руки.

— Как я рада, что ты пришел!

Ее улыбка была заразной.

— Разве я мог пропустить такое, моя дорогая.

— Ты доволен? Успел что-нибудь перекусить?

— Я буду доволен еще больше, если Ричард оставит меня, а я смогу насладиться такими привлекательными на вид угощениями.

Ричард изобразил гримасу.

— Зедд, при виде тебя весь персонал кухни разбегается.

— Ну, если кто не любит готовить, он не должен становиться поваром.

Кэлен почувствовала, как кто-то ухватил ее за руку.

— Рэчел! — Она наклонилась и крепко обняла девочку. — Как ты поживаешь?

— Замечательно. Зедд учит меня рисовать. Тогда, когда не занят едой.

Кэлен рассмеялась.

— Тебе нравится жить в Цитадели?

Рэчел просияла.

— Это просто превосходно. У меня теперь есть и братья, и сестры, и друзья. И, разумеется, Чейз и Эмма. Думаю, Чейзу и на самом деле нравится быть хранителем Цитадели.

— Уверен, что это так и есть, — сказал Ричард.

— А когда-нибудь, — добавила Рэчел, — мы сможем переехать в Тамаранг и снова жить в замке. Но Зедд говорит, что я еще не вполне готова к этому.

В Рэчел текла королевская кровь, что давало ей возможность чертить заклинания в священных пещерах. Формально она теперь была королевой Тамаранга. И в один прекрасный день она собиралась стать великой королевой и рисовать замечательные вещи.

— Зедд, — сказала Кэлен, — а ты видел Эди?

— Да. — Зедд улыбался себе под нос. — С Фридрихом Гильдером она стала счастливой. Если и была какая женщина, что заслуживала счастья, то, думаю, именно Эди. Ей повезло, что во время ее путешествия в Цитадель, когда этот дворец был осажден, она повстречалась с Фридрихом. Теперь эти двое, похоже, не могут расстаться друг с другом. Сейчас, когда Айдиндрил снова полон жизни, у Фридриха стало работы по золочению больше, чем он способен справиться. Мне с трудом удастся заставить его делать хоть что-нибудь для нас, в Цитадели.

— А у тебя как, все в порядке? — спросила Кэлен.

Его брови поползли вверх.

— Все в порядке будет, когда вы с Ричардом приедете туда и поживете некоторое время. — Он погрозил Ричарду пальцем. — Хочу сказать тебе, Ричард, что временами у меня бывает чувство, что ты уходишь в преисподнюю, чтобы проводить время в Храме Ветров.

Ричард устремил на своего деда спокойный взгляд.

— Храм Ветров находится не в преисподней.

— Разумеется, он находится там. Он был выдворен туда во время...

— Я вернул его.

Зедд окаменел.

— Что?

Ричард кивнул с легкой улыбкой.

— Когда я отправился в преисподнюю, перед тем как применить силу Одена, я сделал там несколько мелких вещей. Пока врата Одена были открыты, я сумел перенести храм назад, туда, где он и должен находиться — в наш мир.

Он был задуман, создан и построен разумом человека. Все, что находится в нем, все те вещи тоже были созданы человеческим разумом. И он принадлежит людям. Я перенес его назад, туда, где способны оценить подобные достижения разума.

Зедд все стоял, уставившись на него во все глаза.

— Но это же очень опасно.

— Знаю. Но я убедился, что пока что никто, кроме меня, не может попасть туда. Я подумал, что, когда ты не будешь занят, мы могли бы вместе посетить его. Это на самом деле просто замечательное место. В Небесном зале каменный потолок кажется прозрачным стеклом, сквозь которое виден весь небосвод. Это прекрасное зрелище. Я буду рад показать тебе место, где никто не бывал на протяжении трех тысяч лет.

У Зедда отвисла челюсть. Он поднял палец.

— Ричард, а что еще ты сделал, пока были открыты врата Одена?

Ричард пожал плечами.

— Ну, много всякого разного.

— Например?

— Ну, например, такое: я сделал так, что красные плоды в Срединных землях больше не будут ядовитыми, как и обещал тебе когда-то.

— А еще что?

— Ну, я... о, послушай, сейчас все начнется. Мне нужно идти. Потом как-нибудь это обсудим.

Зедд нахмурился.

— Уж поверь, обсудим.

Взяв Кэлен за руку, Ричард поднялся на возвышение на площади для молитвы. Иган и Улик уже стояли здесь, небрежно сложив руки, ожидая Лорда Рала. Ричард занял свое место, Кэлен — рядом с ним.

Толпа, вливавшаяся через широкий коридор, затихала.

Когда Кэлен наконец увидела, что она приближается, то так широко улыбнулась, что едва не заломило щеки.

Толпа разделилась вдоль всего протянувшегося в бесконечность красного ковра, чтобы дать возможность этой паре приблизиться к возвышению. Сопровождающий их эскорт растянулся в длинный хвост.

Кара, казавшаяся просто сияющей, шла выравнивая шаг с Бенджаминном, который ступал рядом с ней, и держа его за руку. В военной форме он выглядел внушительно и величественно. Теперь Бенджамин сделался генералом Мейффертом, командующим Первой когортой Народного Дворца.

Кара, как и все морд-ситы, следовавшие сзади, была в костюме из белой кожи. С Бенджаминном в черной форме они составляли ошеломляюще выглядевшую пару. Это отчасти напомнило Кэлен ее саму в белом платье Исповедницы и Ричарда в черном костюме боевого чародея.

Никки, красивая как никогда, улыбалась, стоя среди морд-ситов, чтобы представлять Кару как ее официальный свидетель.

— Вы готовы? — спросил Ричард.

Кара и Бенджамин кивнули — как показалось Кэлен, они были слишком взволнованные, чтобы ответить словами.

Ричард слегка наклонился вперед, уставив на Бенджамина хищный взгляд.

— Бен, ты слышишь меня? Никогда не обижай ее!

— Лорд Рал, не думаю, что смогу обидеть ее, даже если и захочу.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Бенджамин широко улыбнулся.

— Знаю, что вы имеете в виду, Лорд Рал.

— Ну хорошо, — с улыбкой произнес Ричард, выпрямляясь.

— Ну а я могу обижать его, если захочу, правда? — спросила Кара.

Ричард выгнул бровь.

— Нет.

Кара широко улыбнулась.

Ричард оглядел примолкшую толпу.

— Дамы и господа, мы собрались здесь сегодня, чтобы присутствовать на удивительном событии: начале совместной жизни Кары и Бенджамина Мейфферта.

Они оба доказали, что служат прекраснейшими образцами таких людей, какими мы все надеемся стать. Сильные, мудрые, преданные тем, кто вверен их заботам, и готовые одолеть все, что препятствует сохранению высшей ценности, которая у нас есть: жизни. Они желают разделить эту жизнь друг с другом.

Голос Ричарда слегка дрогнул.

— Никто в этом зале не может гордиться этим — или ими — больше, чем я.

Кара, Бенджамин, вы связаны не словами, что сейчас звучат здесь, перед всеми нами, а через ваши собственные сердца. Это просто звучит, но в простых вещах кроется великая сила.

Кэлен узнала речь, произнесенную на их собственной свадьбе. Она подумала, что он не мог бы выказать им большего уважения, чем воспользовавшись некоторыми из тех слов для Кары и Бенджамина.

Ричард откашлялся, несколько секунд молчал, чтобы успокоиться.

— Кара, хочешь ли ты, чтобы Бенджамин стал твоим мужем, а ты всегда любила и уважала его?

— Да, хочу, — сказала Кара звонким голосом, который разнесся над толпой.

— Бенджамин, — сказала Кэлен, — хочешь ли ты, чтобы Кара была твоей женой, а ты всегда любил и уважал ее?

— Да, хочу, — сказал Бенджамин так же уверенно.

— Тогда, перед вашими друзьями и всеми, кто любит вас, перед всем народом, — сказал Ричард, — вы объявляетесь супругами на все времена.

Кара и Бенджамин обнялись и поцеловались, в то время как морд-ситы за их спинами что-то выкрикивали, а толпа радостно приветствовала молодоженов.

Когда шум и крики постепенно стихли, а поцелуи закончились, Ричард протянул руку, приглашая их подняться и встать рядом с ним и Кэлен. Бердина все еще вытирала слезы радости о плечо Найды. Кэлен заметила, что Рикка, чьи глаза тоже были полны слез, украсила свои волосы розовой лентой, подаренной ей Никки.

Ричард стоял прямо и гордо, оглядывая все лица, наблюдающие за ним. Если бы Кэлен не видела все тысячи собравшихся здесь, она бы подумала, что залы дворца пустые — такая стояла тишина.

И Ричард заговорил. И голос его мог слышать каждый.

— Возможность пребывать в этой обширной вселенной хотя бы мгновение — есть великий дар жизни. Предоставленный нам ничтожный отрезок времени — огромное счастье, потому что это наша единственная жизнь. Вселенная будет продолжать существовать, не обращая внимания на наше короткое присутствие, но пока мы находимся здесь, мы соприкасаемся не только с какой-то частью всех ее просторов, но и с теми жизнями, что окружают нас. Жизнь — это дар, который дается каждому из нас. Каждая жизнь — личная, не принадлежащая больше никому. Она более чем бесценна, это главнейшее сокровище, которым мы обладаем. Дорожить ею — вот, по правде говоря, то самое, чего она достойна.

Кара обхватила руками его шею.

— Благодарим тебя, Лорд Рал, за все.

— Это большая честь для меня, Кара, — сказал он, обнимая ее.

— О, между прочим, — прошептала Кара ему на ухо, — совсем недавно меня перехватила Шота. Она просила, чтобы я передала тебе ее послание.

— Да ну? И что же за послание?

— Она сказала, что если ты когда-нибудь вернешься в Предел Агаден, она убьет тебя.

Ричард удивленно отпрянул.

— В самом деле? Она так сказала?

Кара кивнула, не переставая улыбаться.

— Но она смеялась, когда говорила это.

А затем прозвенел колокол, приглашая людей к молитве.

Но прежде, чем кто-либо успел двинуться с места, снова заговорил Ричард.

— Больше не будет ни молитв, ни поклонений. Никто из вас больше не должен преклонять колени ни передо мной, ни перед кем-либо еще.

Ваша жизнь — это именно ваша жизнь. Она принадлежит только вам, устраивайте ее и живите счастливо.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава двадцать седьмая	5
Глава двадцать восьмая	13
Глава двадцать девятая	27
Глава тридцатая	36
Глава тридцать первая	45
Глава тридцать вторая	54
Глава тридцать третья	71
Глава тридцать четвертая	87
Глава тридцать пятая	93
Глава тридцать шестая	104
Глава тридцать седьмая	117
Глава тридцать восьмая	126
Глава тридцать девятая	136
Глава сороковая	151
Глава сорок первая	164
Глава сорок вторая	175
Глава сорок третья	185
Глава сорок четвертая	198
Глава сорок пятая	208
Глава сорок шестая	213
Глава сорок седьмая	223
Глава сорок восьмая	241
Глава сорок девятая	254
Глава пятидесятая	263
Глава пятьдесят первая	276
Глава пятьдесят вторая	283
Глава пятьдесят третья	295
Глава пятьдесят четвертая	302
Глава пятьдесят пятая	320
Глава пятьдесят шестая	331
Глава пятьдесят седьмая	344

Глава пятьдесят восьмая	357
Глава пятьдесят девятая	373
Глава шестидесятая	387
Глава шестьдесят первая	396
Глава шестьдесят вторая	405
Глава шестьдесят третья	413
Глава шестьдесят четвертая	426
Глава шестьдесят пятая	434

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РиО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский» т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пražский Пассаж» т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол. Черкизовская, д. 2, корп. т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул. Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д. 26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472) 293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **аст**

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

В Москве:

- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «ХЛ-2», т. (495) 641-22-89
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1 т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж. т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Лужанская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТРК «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ТРК «Парк Хаус», ул. Сулимова, д. 50, т. (343) 216-55-02
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ТЦ «Красная площадь», ул. Дзержинского, д. 100, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- г. Новосибирск, ТЦ «Мега», ул. Ватутина, д. 107, т. (383) 230-12-91
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ТЦ «7 пятниц», ул. Революции, д. 60/1, т. (342) 233-40-49
- г. Ростов-на-Дону, ТЦ «Мега», Новочеркасское ш., д. 33, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- г. Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- г. Самара, ТЦ «Космопорт», ул. Дыбенко, д. 30, т. 8(908) 374-19-60
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр. Октября, д. 26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: zakaz@ast.ru

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канитоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: zakaz@ast.ru

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

**Гудкайнд Терри
Последнее Правило Волшебника,
или Исповедница**

***В 2 книгах
Книга II***

Редактор А. Сеницын

**Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры**

**Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.**

**ООО «Издательство АСТ»
100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
ши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru**

**Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru**

**ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1**

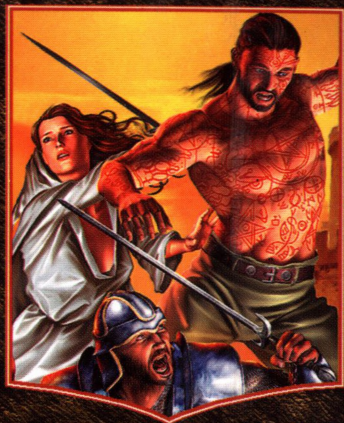
**ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7
Качество печати соответствует качеству
предоставленных диапозитивов**

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-062480-5

9 785170 624805

ПОСЛЕДНЕЕ ПРАВИЛО ВОЛШЕБНИКА

Люди во множестве предаются Тьме. Целые города и народы склоняются перед могуществом Зла. И даже те немногие, чьи души еще свободны от власти Мрака, беспомощны — и не в силах остановить приход новой эпохи — эпохи жестокости, предательства и горя. И легендарный Ричард Сайфер, лорд Рал, Искатель Истины, прекрасно понимает: черные времена настали по его вине. Ему и предстоит выйти на последнюю битву со Злом — и помощи ждать неоткуда, ибо на сей раз рядом с Ричардом не будет даже его супруги и соратницы Кэлен Амнелл. Когда солнце вновь взойдет над миром — судьба уже вынесет свой приговор. И поможет Ричарду в его битве лишь Последнее Правило Волшебника — величайшее из всех, не написанное ни в одной из многих магических книг, забытое еще в предначальные дни...

...яя книга легендарного цикла!

АСТ